

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1989

Составление,
вступительная статья
и примечания в тексте
А. Ф. Некрыловой
Оформление
Е. М. Белоусовой

К $\frac{4702000000-1855}{080(02)-89}$ 1855—89

РУССКИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Мы живем в интересное и сложное время, когда на многое начинаем смотреть по-иному, многое заново открываем или переоцениваем. Едва ли не в первую очередь это относится к нашему прошлому, которое оказывается, мы знаем очень поверхностно. Историю мыслим как сумму фактов, дат, имен, как линейную последовательность событий, интерпретируемых с сегодняшней точки зрения; культуру какой бы то ни было эпохи представляем по вершинам, шедеврам, высшим проявлениям умственной деятельности, техники, искусства. Знаем, в какие годы правил Владимир Мономах, до мельчайших подробностей восстанавливаем картину Бородинского сражения, восхищаемся Новгородской Софией и классическими архитектурными ансамблями Петербурга, читаем и пересчитываем «Слово о полку Игореве», Пушкина, Лескова и, как правило, не можем сказать, чем жил обычный крестьянин или горожанин в то время, когда Дмитрий Донской собирал полки для решающей битвы на поле Куликовом, когда Петр I готовился «прорубить окно в Европу», когда Достоевский писал «Братья Карамазовых». Кем был тот самый мужик, который трудом своим, потом и руками обеспечивал победы, достижения, возможность образованному кругу соотечественников создавать произведения искусства и заниматься наукой? Что представлял собой тот самый мужик, который дал нам Ломоносова, Кузьму Минина, Парашу Жемчугову, Кулибина, Коненкова, Тропинина, который вдруг проглядывал или властно заявлял о себе в Льве Толстом, Суворове, Пирогове, Мусоргском? Что заботило, радовало и тревожило крестьянина или ремесленника, чем они занимались, как трудились; о чем мечтали, рассказывали и пели; что передавали своим детям и внукам?

Все это не просто любопытство. Знание истоков отечественной культуры, нравов и обычаев своего народа поможет понять и объяснить многие моменты истории страны, судьбы разных социальных и этнических групп, поколений, отдельных людей; поможет избежать некоторых ошибок и найти способы борьбы с отрицательными явлениями, уходящими корнями в толщу народных верований.

Предлагая читателю книгу о русском земледельческом календаре, мы стремились вызвать интерес к бытовой истории, натолкнуть на размышления о нитях, связывающих прошлое с настоящим, посмотреть на себя как на прямых потомков и наследников крестьянской России. Это, так сказать, сверхзадача. Конкретная же цель — познакомить с частью традиционной культуры русского крестьянина, отраженной в народном календаре или тесно связанной с ним.

Слово «календарь» восходит к латинскому «calendae» (первый день месяца), а оно, в свою очередь, — к глаголу «calare», что означает «выкликать»: в Древнем Риме обязанностью главного жреца было громкое провозглашение первого дня каждого нового месяца.

Вообще же календари создавались независимо от Древнего Рима, задолго до и после него в разных уголках Земли, ибо потребность измерять время возникала у всех народов, как только осознавалась периодичность явлений природы (смена дня и ночи, времен года). Нет нужды доказывать, что упорядоченный счет времени, с одной стороны, — итог длительного развития человеческой мысли, наблюдений и опыта, с другой — необходимое условие для дальнейшего развития цивилизации.

Славяне не были исключением. Им тоже пришлось осваивать способы времяисчисления, вырабатывать свой календарь с очень крупными и достаточно мелкими единицами — от понятий «век», «эпоха» до обозначения частей суток (день, ночь, сумерки и пр.).

Истари основным занятием восточных славян, и русских в том числе, было земледелие, поэтому культура в целом и основная масса праздников, обрядов носила земледельческий характер. Календарь русского крестьянина прошлого века (а именно на материале

ХІХ — начала ХХ в., достоверном и собранном в большом количестве, построена эта книга) представлял собой сложное явление, включающее в себя знание природы, осмысление закономерностей человеческой жизни, сельскохозяйственный опыт, обряды, произведения устного народного творчества, установившиеся веками нормы общественной жизни и многое другое. Это своеобразный дневник и энциклопедия крестьянского быта с его праздниками и буднями.

Жизненный уклад земледельца изначально определялся в первую очередь сменой времен года, поворотными сроками солнечного календаря. Особо выделялись четыре момента: зимний и летний солнцевороты, весеннее и осеннее равноденствия. В русском аграрном календаре им соответствовали зимние святки (конец декабря — начало января), Иван Купала — 24 июня (7 июля)¹, март и сентябрь.

Важность указанных четырех сроков подтверждается тем, что каждый из них «у разных народов в разное время мог служить и действительно служил днем, с которого исчислялся Новый год»².

На Руси в течение некоторого времени существовало три календаря: гражданский, церковный и народный (аграрный), которые то совпадали, то расходились. Так, встреча Нового года приурочивалась в Древней Руси к началу марта, с XIV века церковь пыталась перенести начало года на сентябрь, но официально празднование церковного и гражданского года с 1 сентября было окончательно определено лишь в 1492 г. (7000 год от «сотворения мира»). Спустя два века Петр I обнародовал указ «лета счислять» с января, таким образом, в Российском государстве 1699 год продолжался всего 4 месяца (сентябрь — декабрь), и новое столетие началось 1 января 1700 года. Петр I принял юлианский календарь, из-за чего к XX столетию Россия на 13 суток отстала от Европы, давно перешедшей на более точный — григорианский календарь. Чтобы сократить этот разрыв, в 1918 г. декретом Совнаркома был осуществлен переход на григорианский календарь, так называемый «новый стиль».

Как бы ни менялись официальные сроки начала года, народное времяисчисление по-прежнему опиралось на смену времен года и за основные всели принимало период зимнего солнцеворота — Спиридонов день, позднее перенесенный на 25 декабря — рождество Христова; время от Аграфены Купальницы (23 июня/6 июля) до Петрова дня (29 июня/12 июля); середину марта (Сороки — Благовещение), а также Семен-день (1/14 сентября), который и в XIX в. сохранял черты, напоминавшие о бывшем когда-то сентябрьском «Новом годе»³. Приводимый в книге материал показывает, насколько важными представлялись крестьянину эти сроки. Большое количество примет, пословиц, всякого рода запреты и наставления, особые правила поведения, пронизанность обрядами и обрядовым фольклором, игры, пляски, развлечения молодежи, обильная еда — такова насыщенность наиболее значимых моментов аграрного года.

В определении сроков и продолжительности времен года крестьянин целиком исходил из реальных климатических условий, которые регулировали его трудовую деятельность и хозяйственный быт. Поворотные точки солнечного движения по небесной сфере делили год на четыре примерно равные части, но в сознании земледельца эти отрезки не полностью совпадали с календарными временами года. Для большинства районов России самым длинным сезоном ока-

¹ В предисловии приводятся даты по старому и по новому (в скобках или через дробь) стилю.

² Пропп В. Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963. С. 13.

³ Определение этого дня — «Семен-летопроводец» понималось если не как завершение года, то как очень существенный отрезок в хозяйственной деятельности (проведение и завершение жатвы, пора сбора урожая). Напомним, что слово «лето» имело два значения — «время года» и «год» (ср.: столетие, летосчисление, летописец).

зывалась зима. «Народ, чутко следивший за изменениями в природе, остро реагировавший на происходящие перемены, практическими мероприятиями откликался на ощутимое наступление зимы. Ему не было дела до того, что по календарю осень длится три месяца. Холод в октябре говорил крестьянину среднерусской и северной полосы о наступлении зимы, об исчезновении солнечного тепла, об омертвлении природы»¹.

Осень в крестьянском понимании ограничивалась периодом уборки урожая — примерно от Ильина дня (20 июля/2 августа) до Покрова (1/14 октября). Собственно лето — это короткое время созревания хлебов: с Ивана Купалы (24 июня/7 июля) до Ильина дня или Успения св. Анны (25 июля/7 августа), редко до первого Спаса (1/14 августа). Весну призывали в марте, а началом ее считался Егорьев день (23 апреля/6 мая) — «Егорий весну открывает».

Помимо основных годовых сезонов, выделялись переходные, промежуточные периоды: пролетье (поздняя весна — раннее лето), молодое бабье лето (конец лета — начало осени), осенины (середина сентября), позимье (обычно октябрь) и др.

По народным представлениям, две половины года взаимно влияют и обуславливают друг друга, отчего в пословицах, приметах, загадках много сравнений зимы с летом, осени с весной. В земледельческом календаре все составные части увязаны: одно время года определяется по другому, а каждый месяц составляет пару с противоположным ему месяцем второго полугодия. По характеру погоды декабрь, январь, февраль соответствуют июню, июлю, августу; март, апрель и май — сентябрю, октябрю, ноябрю, и наоборот.

Принятие христианства повело за собой овладение церковным календарем и почитание святых, каждому из которых посвящался какой-либо день (или несколько дней) в году.

Давно уже стало общим местом утверждение, что восточнославянский земледельческий календарь сформировался на основе трудовой практики крестьян и «только формально, по отмечаемым именам, связан с церковными святыми. Имена святых подчинились труду и быту крестьянина; иконописные лики христианских житий исчезли, оставшись чуждыми трудовой жизни с ее борьбой за урожай, борьбой, дающей опыт и обеспечивающей существование человека»².

Безусловно так. Но это только одна сторона истины. Вторая заключается в том, что святые оказались нужны аграрному календарю, они помогли превратить свод знаний земледельца в стройную и удобную систему времяисчисления. Святцы послужили канвой, в которую легко укладывался практический опыт крестьянина и которая естественно вобрала в себя традиционные обряды и праздники. Народный календарь, каким он дошел до нас в записях XVIII—начала XX в., демонстрирует такое соединение языческого и христианского начал, которое правильнее было бы назвать слиянием, а не двосерийством. Народное православие не есть механическое соединение двух мировоззрений, когда без особого труда вычлениаются элементы языческие и христианские. Перед нами явление, скорее напоминающее необратимую химическую реакцию, где в результате соединения двух веществ получают третье, со своими, только ему присущими свойствами.

Нельзя забывать о том, что народные (языческие, неофициальные) праздники естественно вбирали в себя или подчинялись церковным, поскольку и те, и другие были проникнуты двойственным мироощущением. Тема жизни и смерти, постоянный переход из одного состояния в другое, возрождение и воскресение через смерть, гибель, сожжение, зарывание — главенствующие темы церковной и народной культуры³. Христианские праздники, в свою очередь, от-

¹ Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. Очерки из истории народных верований. М., 1957. С. 29.

² Чичеров В. И. Указ. соч. С. 13.

³ См. об этом: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и на-

носителем легко поддавались бытовому и трудовому осмыслению, ибо большинство из них имело «языческое происхождение». «Разница между обрядами и обычаями, с которыми церковь вела борьбу, и теми, которые она насаждала, есть разница не по существу их истинного значения», — утверждал В. Я. Пропп. И добавлял: «Русская церковь, запрещающая святки, масленицу, семик, Купалу и другие праздники, преследовала то мировоззрение, из которого она родилась сама»¹. Поэтому земледельцу не составляло особого труда и напряжения перетолковывать церковное учение в желательном для себя смысле. Кстати, подобным образом тот же земледелец поступал и с языческими верованиями, имевшими разное происхождение и разный первоначальный смысл². К этому следует добавить, что вплоть до нашего столетия в народ проникало не чистое богословие, не из подлинных и полных церковных книг грамотный крестьянин и даже сельский священник черпали сведения о христианском учении — деревенская Россия довольствовалась пересказами «для народа», адаптированными, упрощенными изданиями.

Крестьянину надо было в первую очередь заботиться об урожае, о здоровье своей семьи и скота, о передаче опыта подрастающему поколению, и все в его буднях и праздниках подчинялось этой главной цели, истолковывалось с точки зрения земледельца. О такой особенности крестьянского ума ярко и правдиво писал еще в прошлом веке Глеб Успенский — большой знаток народных обычаев, традиций, нравов. Цикл очерков под характерным названием «Власть земли» включал и рассказ о земледельческом календаре, где писатель рассматривал народные приметы — прекрасный образец «земледельческой мысли» народа. Сравнивая календари «для господ» и народный месяцеслов, Г. Успенский писал: «Без перерыва на целый год, вплоть до будущего крещения, — у господ идут: взятие, покорение, одоление и т. д., а у крестьян: „На Трифона звездно — весна поздняя“. „На Евдокеи снег — урожай“. <...> „На благовещение дождь — родится рожь, мороз — урожай на грузди, гроза — к теплему лету и орехам, мокро — к грибам“. <...> „Коли на Юрья березовый лист в полушку, на успенье клади хлеб в кадушку“. „Если на Николу заквакают лягушки — хорош будет овес“. „На Луку полуденный ветер — к урожаю яровых“. Святые и чудотворцы также переведены на крестьянское положение: св. апостол Онисим переименован в Онисима-овчарника, Иов многострадаальный — в Иова-горошника; св. Афанасий Великий, архиепископ александрийский, имя которого нераздельно соединено с историей христианской церкви в IV веке, так как он — один из самых ревностных защитников благочестия против лжеучения Ария, переименован просто в Афанасия-ломоноса, потому что около дня его имени, 18 января, бывают самые страшные морозы, от которых кожа слезает с носа»³.

Русская церковь, как известно, на протяжении веков боролась с язычеством, обрушиваясь прежде всего на обряды, праздники и игрища как наиболее красноречивые и массовые проявления языческого начала. Однако ни гонения, ни устрашающие проповеди, ни государевы указы, ни попытки приурочить к древним традиционным праздникам церковные и тем самым совершенно искоренить язычество не привели к ожидаемому результату. Язычество было необходимо земледельцу, оно соответствовало его практическим и духовным потребностям и потому не погибло под тяжестью и достоинством родная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понярко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984 (особенно последняя глава «Святочный и масленичный смех»).

¹ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 5, 100.

² Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 189—329.

³ Успенский Г. И. Власть земли. // Собр. сочинений: В 9 т. М., 1956. Т. 5. С. 127—128.

вами новой религии, а, растворившись в ней, одновременно поглотило ее, образовав нечто новое — бытовое крестьянское православие со своими святыми, праздниками, трудовым ритмом и собственной эстетикой.

От христианства в народном календаре — приурочение святых к дням годового цикла, от язычества — распределение между ними (святыми) забот о погоде, здоровье людей, сельскохозяйственных и домашних работах. Принципиально значимым оказалось совмещение народного, аграрного (солярного в основе своей) счета времени с церковным времяисчислением по Пасхе, что привело к сосуществованию дат и праздников «в числе», то есть закрепленных за определенными днями определенного месяца, и «скользящих», сроки которых зависели от времени празднования Пасхи¹. Например, масленица могла справляться в период с конца января до начала марта (за семь недель до Пасхи), сама Пасха — между 22 марта и 25 апреля (по старому стилю), вознесение — в течение всего мая, сроками Пасхи определялась длительность петровского поста и пр.

В небольшом предисловии невозможно в полном объеме раскрыть своеобразие народного календаря и исследовать все причины этого своеобразия, поэтому мы останавливаемся лишь на тех моментах, без учета которых при чтении данной книги что-то вызовет недоумение или не обратит на себя внимания, что-то может остаться вовсе не понятым.

Полная зависимость от природы заставляла земледельца тщательнейшим образом изучать окружающий его мир, примечать «мельчайшие подробности случайностей природы», улавливать закономерности и связи одних явлений с другими. Это вылилось в целый свод правил, примет, тонких и верных наблюдений, знать которые не грех и сегодняшнему сельскому жителю, да и не только ему.

«Если галки большой стаей летают — к ненастью, садятся высоко на деревьях — к морозу, низко — к оттепели».

«Пора пахать, когда гром гремит, лес в листву одевается, жаворонок запел, а водяные лягушки начинают квакать».

«Пока лист с вишневых деревьев не опал, сколько бы снега ни выпало, зима не наступит, оттепель его сгонит».

«Круг около солнца или месяца зимою предвещает продолжительные метели с морозами» и т. д. и т. п.

Зоркий крестьянский глаз подмечал все, детальность наблюдений и, соответственно, примет поражает современного человека. К примеру, такое наставление: «В конце сентября бывают иногда морозы, повреждающие картофель, свекловицу и другие огородные овощи. Признаки, по которым можно узнать наступление холода, — пролет диких гусей <...>, соби́рание в стаи мелких птичек, а также ясный блеск луны, рога которой принимают острую форму после новолуния, и притом малые и низкие облака стремятся к северу»². «Воронежские губернские ведомости» середины прошлого века, опираясь на опыт местных крестьян, советовали, как, когда и какую рожь следует сеять. Вот небольшой отрывок из этой подробнейшей инструкции: «Посев ржи следует соображать с посевом и урожаем гречи. Если греча раннего посева родится хорошо, то и рожь должно сеять рано, и наоборот. <...> Рожь сеять должно в первой, во второй или в четвертой четверти августа месяца, смотря по погоде: ежели жаркое и сухое лето, то сеять рожь под соху, в начале сентября или в исходе августа; в дождливое холодное лето сеять рожь ранее в августе. Степную землю нужно засеивать поздно, и тем позднее, чем обильнее на ней растет трава. Через сколько дней после рождества Христова случится иней, через столько же дней после успения св. Анны (25 июля/7 августа) можно сеять озимый хлеб... Недозрелая рожь вовсе на семена не годится. На тяжелой или мо-

¹ Православная Пасха отмечается в первое воскресенье после мартовского полнолуния, следующего за весенним равноденствием.

² Бурцев А. Е. Народный календарь примет, обычаев и поверий на Святой Руси. Спб., 1911.

крой почве сеять, если возможно, старую рожь, рано, за неделю до Лаврентия (10/23 августа), пока земля суха и дни долги...»

Знание природы и жизненный опыт выливались в пословичные выражения, которые зачастую приобретали второй, обобщенный смысл:

«Год на год не приходится»

«Что посесешь, то и пожнешь»

«Время дороже золотая».

«Спустя лето по малину в лес не ходят»

«Всякое семя знает свое время»

«Случается такой год, что в нем семь погод»

«Всяк Еремей про себя разумей: когда сеять, когда жать, когда в скирды метать»

Приметам, знаниям, передаваемым из поколения в поколение, установившимся правилам народ доверял больше, чем застывшим данным календаря:

«Кто по календарю сеет, тот редко всет».

«Не примечать — и хлебушка не сдать»

«Без примет ходу нет»

«Обычай старше закона»

Знакомясь с народным устным календарем, не перестаешь удивляться поразительному соседству в нем самых тонких наблюдений, точных знаний и самых нелепых (с нашей, материалистической точки зрения) суеверий, основанных на случайном сходстве явлений или на простом созвучии слов. Невероятно переплелись в нем трезвый практицизм и высокая поэзия, явь и фантазия, привычка к тяжелому труду и бесшабашная удаль; скромность, целомудрие и праздничный разгул. Один характерный пример: 16/29 июня церковь отмечает день св. Тихона Амафунтского, в народе про этот день говорят: «С Тихона солнце идет тише». Наблюдение абсолютно верное. По свидетельству астрономов, солнце в эту пору «и взаправду „идет тише“: к концу июня Земля сбавляет скорость движения вокруг Солнца по сравнению со скоростью на 1 января на 3600 километров в час. Эту особенность небесной механики пытливый народный ум подметил как «заставление солнца»¹. Не менее интересно другое. Тот же «пытливый народный ум» из всех дней второй половины июня для фиксации данного явления выбрал именно Тихонов день. Поводом послужила звуковая ассоциация имени святого со словами «стихать», «тихо». На том же основании к 16 июня приурочена еще одна верная примета: «На Тихона певчие птицы затихают» (кроме соловья и кукушки). И уже без всякой реальной причины, исключительно на созвучии возникла вера в способность чудотворца снимать боль, что отражено в одной из молитв: «Святой Тихон, утиши, господи, болезни и вся недуги зубные...»².

Вообще русский аграрный материал очень архаичен и консервативен. Крестьяне в подавляющей массе даже в прошлом столетии плохо понимали истинные причины смены времен года и многих явлений природы, для них причинно-следственные связи были иными, чем это представляется нам сейчас. Крестьянин видел, что приход весны связан с прилетом птиц, поэтому, желая обеспечить своевременное начало весны, обращался к жаворонкам, ласточкам, куликам с просьбой поскорее вернуться в родные края, выпекал из теста фигурки птиц, подражал птичьему щебетанью и пр. То, что позднее стало восприниматься как поэтическое сравнение, метафора, когда-то было реальной верой, отражало понимание природы: жаворонки, по мнению земледельца, действительно нес весну на своих крыльях, Земля в самом деле засыпала зимой, а в начале лета была беременна будущим урожаем и, страдая (ср.: «страда», «страдная пора»), в муках рожала хлеб, лен, овощи, ягоды (отсюда и слово «урожай»).

Воронежские губернские ведомости, 1854, №№ 37—42.

Стрижев А. Н. Календарь русской природы. М., 1973. С. 126.

¹ Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983. С. 72.

Народный земледельческий календарь сохранял такой взгляд на природу, взгляд, по сути, языческий, когда все, что окружает человека, одухотворено, наделено жизненной силой, способно помогать или препятствовать, причинять зло или доставлять радость.

Крестьянин поклонялся грому, солнцу и месяцу, почитал камни, водоемы, деревья. Священным деревом у славян считался дуб, много поверий связано также с вербой, рябиной. Но самое почитаемое, любимое дерево — береза. Исключительность, «которая принадлежит березке, объясняется, по-видимому, тем, что березка — первое, наиболее раннее дерево, одевающееся в яркую, нарядную зелень, тогда как другие деревья еще едва начинают распускать почки. Отсюда возникает представление, будто именно березки обладают особенной силой роста. Средоточием этой силы считаются верхушки и ветки: от них идет рост и, следовательно, здесь находится их сила. Эту силу надо использовать. Такова простейшая мыслительная основа, приводящая к различным обрядам, связанным с березками»¹.

Живыми, одушевленными были в глазах древнего человека не только земля, растения, водоемы, явления природы (град, мороз и т. д.), но и сам годовой круг с составляющими его единицами времени. Показательно, что в рассказах крестьян времена года представляли ближайшими родственниками, напоминали обычных людей: «Жили у брата три сестрицы: весна-молодица, зима-белолица и осень-водяница». Не случайно и календарь в народе назывался «месяцесловом» — все его части (сезоны, месяцы, недели, дни, посты, праздники и др.) были поименованы.

Собственное имя было у большинства недель: «пестрая», «всесядная», «сырная», Фомина, «зеленая», «сборная» и т. д. Названия имели посты (холодный, голодный, великий, лакомка и пр.) и морозы (введенские, никольские, крещенские, афанасьевские, власьевские и пр.).

В народном календаре существовала иерархия дней, то есть выделялись дни более и менее значимые, но практически не существовало дней безымянных, неотмеченных. Каждый день здесь — особый, со своим богатым или скромным содержанием, своим смыслом и предназначением, он не сам по себе, а в цепи других, подготовлен предшествующими и готовит следующие. К примеру, «какой день в Миколу зимнего, такой и в Миколу летнего»; зимний Никола, в глазах крестьянина, завершает ту работу по установлению зимы, которую начинали Платон и Роман (18 ноября/1 декабря), продолжал Прокоп (22 ноября/5 декабря), «заваривала» Варвара с Саввой (4 и 5 (17 и 18) декабря).

Кроме обычного числового обозначения внутри месяца и наименования внутри недели (3 мая, среда), некоторые дни имели и «личное» определение: великий четверг, чистый понедельник, Красная горка, радунница, семик, духов день и др., что указывало на их особое место и роль в народном месяцеслове.

Наделение дня именем какого-либо святого еще более «оживляло» его, переводя в область реального и чувственного. Отношение к святым и их дням устанавливалось как к живым разумным существам, оно предполагало обмен услуг (за почитание — помощь), наличие определенных обязанностей (святые должны были заботиться о насущных делах, присматривать за погодой, помогать в работе), ответственность за порученное дело (можно было благодарить, попенять, пристыдить и т. п.). Крестьяне, как правило, мало считались с официальными биографиями (каноническими житиями) мучеников, героев, праведников. Создавая свои легенды, характеристики, образы календарных святых, ориентировались на время празднования дня данного святого, на его имя, которое интерпретировали в нужном для себя смысле. Часть подобных примеров приведена в цитате из очерка Г. Успенского. Добавим к ним: «Тимофей — весновей», «Марья — пустые щи», «Василий Парийский землю парит», «Половодье Антипа в овражке топит», «Прокоп дорогу прокопает».

¹ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 59.

Исходя из собственных забот и нужд, народ сочинял и собственные объяснения, порой очень красочные и остроумные. В книге приводятся фольклорные толкования таких праздников, как Сретенье, Покров, Преполовление, Воздвижение и др. В связи с подобным сочинительством И. П. Калининский, изучавший церковно-народный месяцеслов, писал: «Простым нашим людям не понятно самое значение церковного праздника обновления Царяграда¹, и неудивительно потому, если по звуковому сходству в представлении народном Царьград или город смешался с Царь-градом или просто градом, физическим явлением, и таким образом праздник обновления Царяграда сделался праздником умилоствления царя (повелителя) града»². Еще один пример из той же книги: 20 марта (2 апреля) отмечался день святой мученицы Фотинии Самарянки, которая «у простого народа считается целительницей от трясавичной болезни», и ей молятся, желая избавиться от лихорадки. «На каком основании у нас мученице Фотинии усвоится дар исцеления от трясавичной болезни, на это не находим определенного и ясного свидетельства в церковных описаниях ее жизни», но поскольку «весна, особенно март месяц способствуют развитию лихорадки», крестьянин и передал власть над ней мартовской святой³.

Сравнивая праздники и обряды земледельческого года между собой, читатель легко убедится в том, что отдельные компоненты в них совпадают, что повторяются некоторые действия, что употребляются одни и те же ритуальные кушанья, что существуют устойчивые поэтические формулы. Этой проблеме посвящено исследование В. Я. Проппа, на которое мы уже не раз ссылались. Ученый объясняет использование одних и тех же элементов в разных обрядах замкнутостью годового цикла, единой мировоззренческой основой и объединяющей все действия и помыслы земледельца задачей вырастить и сохранить урожай.

Единым является и понимание места человека в мире, взгляд на взаимоотношения его с природой. Давно замечено, что «в бытовой практике крестьянина земледельческие и семейные интересы были неразрывно связаны. Этому единству соответствует и общность аграрной и свадебной обрядности, выполняющей функцию достижения хозяйственного и семейного благополучия, довольства, плодородия и т. п.

На основании имеющихся материалов с большой долей уверенности можно предполагать, что свадебный обряд был некогда органической составной частью календарного цикла. Совершение брака „считалось нужным в целях воздействовать на плодородие земли“. Стремление использовать влияние человеческой плодovitости на плодородие земли наблюдается во всем цикле аграрных празднеств. Не случайно такое большое место занимают в нем эротические, брачные мотивы, свадебное действие как таковое»⁴. Напомним, что большинство свадеб игралось в период интенсивной подготовки к предстоящим сельскохозяйственным работам (зимний мясоед), итог этим неделям подводила масленица — праздник проводов зимы и величания молодоженов. Вторым свадебным периодом было время после окончания полевых и огородных работ, когда свадебный пир воспринимался как естественное и счастливое завершение страдной поры.

От урожая зависело благополучие, да и сама жизнь хлебороба, поэтому он старался в точности выполнять предписанные традицией

¹ Отмечался 12 (25) мая.

² Калининский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Спб., 1877. Т. 7. С. 404.

³ Калининский И. П. Указ. соч. С. 376, 377.

⁴ Ивашева Л. Л. О взаимосвязи календарной и свадебной поэзии. // Русский фольклор. Л., 1976. Т. XVI. С. 191—192.

правила крестьянской агрономии (проведение сева, подготовка семян, пахота, удобрение навозом, уход за всходами, соблюдение севооборота и пр.). Насущный хлеб и другие средства к существованию доставались тяжким трудом и нуждались, по мнению крестьянина, в защите от злых сил и в активном провоцировании на воспроизведение и увеличение достатка. Для этого в течение веков выработалась целая система обрядовых действий, включая песни, пляски, звучание музыкальных инструментов, особые ритуальные тексты (заговоры, заклички, обращения, издевки, плачи и др.).

Земледелец пытался также заглянуть в будущее, с помощью различных действий, разными способами узнать характер предстоящего весенне-летнего сезона; предугадать, для каких культур год будет благоприятным, сколько времени продержатся морозы, хватит ли корма скоту до первой весенней травки и т. п. Особое место занимали и гадания о собственной судьбе, в первую очередь — гадания девушек-невест.

Земледельческая традиционная культура не была пассивной, созерцательной. Человек не только молился, приносил жертвы, пытался разгадать смысл разных явлений и связь вещей, он требовал, указывал, вызывал природу на определенные действия, заявлял о себе как о властелине, хозяине во вверенном ему природном участке. Большинство обрядов, имеющих ярко выраженную магическую функцию, прочно удерживалось в быту и производственной деятельности крестьянина.

«Украшаясь цветами и листьями, земледелец надеялся тем самым помочь обнаженной земле покрыться зеленью; катаясь зимой на санках, а весной раскачиваясь на качелях, он предполагал, что, чем дальше прокатится и чем выше раскачается, тем длиннее и выше поднимется летом лен и лучше взойдут хлеба, и т. п.»¹. Пекли специальное печенье в виде домашних животных, т. к. верили, что изобразжаемое (по магии подобия) должно стать действительным, т. е. выпеченные и съеденные фигурки обеспечат приплод скота; в определенные дни устраивали обильные торжественные трапезы, чтобы гарантировать столь же обильное воспроизводство съестного; в период бурного роста хлебов и трав молодежь устраивала игрища с громким смехом, обрядовой эротикой, песнями о любви и молодости.

С той же целью спровоцировать силы природы на нужные земледельцу действия широко использовались в обрядах всего года яйца, зерна злаков, чучела. «Зерно обладает свойством надолго сохранять и вновь воссоздавать жизнь, умножая ее. Семя — растение — семя составляют извечный крутооборот, который свидетельствует о нескончаемости жизни. Путем еды к этому процессу приобщаются люди. В животном мире зерну или семени, с точки зрения крестьянина, соответствует яйцо, обладающее тем же удивительным свойством, что и семя, оно сохраняет, содержит жизнь и воссоздает ее»². Только приняв во внимание это объяснение, можно понять, зачем при севе в зерна клали вареные яйца, почему в поле, на лугу, под березкой ели яичницу; с какой целью на любом ритуальном столе присутствовала кутья.

Чучела — это символические изображения божеств или олицетворенные силы природы. Чаще всего изготавливали чучела на масленицу, семик, в обряде похорон кукушки. Им устраивали торжественную встречу, а затем убивали, уничтожали, сжигали в поле, за околицей или у реки. Разыгрывались настоящие похороны, которые обставлялись, однако, не трагически, а комически и завершались нередко бурным весельем. В основе и этих действий лежит та же «философия зерна»: чучело убивали, чтобы заставить божество воскреснуть или передать свою силу земле и возродиться из нее в виде нового урожая. Чрезвычайно важно, что подобные убийства, растерзания, сжигание всегда сопровождалось притворным плачем и неспритвор-

¹ Поэзия крестьянских праздников. Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания И. И. Земцовского. Л., 1970. С. 8.

² Пр о п п. В. Я. Русские аграрные праздники. С. 16.

ным смехом. Смех здесь оказывал живительное действие, потому что смех есть признак жизни: более того, по народным воззрениям, смех способен вызывать и возрождать жизнь¹.

Земледелец был уверен, что особой силой воздействия на природу и человека обладает слово. «Чем далее в старину, — читаем в исследовании крупнейшего ученого конца прошедшего столетия, А. А. Потебни, — тем обычнее и крепче вера в способность слова одним своим появлением производить то, что им означено»². Неудивительно, что в обрядовых текстах так много повелительной интонации и обращений: «Родись, капуста, бела и кругла!», «Покров-батюшка, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком!», «Жаворонки, прилетите! Весну красную принесите!» и т. п.

Люди были убеждены в том, что, даже просто назвав явление, предмет, они тем самым приобретали над ним власть. Слово, соединенное с музыкой и движением, обладало еще большей силой. Поэтому огромную роль в обряде играли песня, музыкальный инструмент, ритмические пляски, притоптывания.

Обрядовые песни заклинали и описывали благополучие, довольство, изобилие, а сопровождавшие их действия изображали желаемое, чтобы обеспечить его в реальной жизни. Лучший пример тому — обходы дворов на святках, во время масленицы, в день первого выгона скота и в некоторые другие дни. Специальные группы колядовщиков, воловобойников ходили от дома к дому и исполняли песни-пожелания, величания, воспевая в них неправдоподобное, сказочное благополучие, идеальные семейные отношения; они же разыгрывали сценки, наполненные эротикой, изображающие победу молодости над старостью, жизни над смертью. Обходы дворов считались делом серьезным, чрезвычайно важным. Выполняющие такой обход выступали «не скромными просителями-нищими, а коллективом людей, совершающих магический обряд, который должен был вызвать желаемое в будущем. Активная роль колядующих исключала мотив смиренности и покорности перед восхваляемыми хозяевами дома»³.

Ватага колядующих требовала вознаграждения и получала его в виде обрядового печенья (фигурки овец, коров, плуга и пр.), ритуальной еды и питья.

Народный месяцеслов дает прекрасную возможность увидеть, услышать, прочувствовать всю красоту и емкость фольклорного слова. Очевидно и другое: с каким вниманием, благоговением и одновременно свободой, даже лихостью обращается крестьянин с языком, творимым и хранимым им. Наши неграмотные предки умели находить особую прелесть и смысл в звучании слова. И вновь в качестве доказательства обратимся к тому, как обыгрывались имена святых.

Имя Лука по звуковым ассоциациям сделало христианского святого покровителем охоты, обеспечивающим удачный лов зверя: это Лука-залутчик в заговоре «на удачную охоту»⁴. Чаще, однако, имя святого Луки соединялось с луком: «На Луку пекли пироги с луком» (вроде бы и святой при деле, и хозяйке памятка). «На Малахия хлев метелками обмахивай». «Пришел Федул — тепляк подул». «Дожди на Акулину — хорошая калина». На звуковом сходстве основана и оценка мая как несчастливого месяца: «Май смахит, обманет; а мае родиться — всю жизнь маяться».

¹ См. работы В. Я. Проппа: Русские аграрные праздники (глава «Смерть и смех»); Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне). // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 174—204; Проблемы комизма и смеха. М., 1976.

² Потебня А. А. Объяснение малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1887. Т. 2. Колядки и щедровки. С. 59.

³ Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. С. 126.

⁴ Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера. С. 72.

Звукопись, игра слов, внутренние рифмы, которыми так богаты приметы, пословицы, загадки, приговорки, сделали бы честь большому поэту: «Увидел грача — весну встречай», «Грач зиму расклевал», «В марте курица из лужицы напьется», «На Прокла поле от росы промокло», «Большая роса — к урожаю огурцов», «Красное лето — зеленый покос», «Пришел Пахом — запахло теплом», «Сеют лен у семи Ален», «На Прохора зима заохает», «Рында роет, Скинда скачет, Турман едет — съест тебя» (загадка о свинье, зайце и волке).

Поразительно то, что все эти красочные, яркие, смелые в языковом отношении суждения еще и точны в самом прямом — погодном, временном, хозяйственном смысле. Например, зиме самое время «заохать» с Прохора, ведь это 10(23) февраля, приближается весеннее равноденствие, а там и весна не за горами. Примета «Мокро на Мокое» — жди лета еще мокрее относится к 11(24) мая, когда действительно часто выпадают дожди и, начавшись, могут надолго затянуться. Утверждение «Сей пшеницу на Симона Зилота — родится аки золото» тоже не лишено основания. Память святого отмечалась 10(23) мая, за два дня до него числится Иван-пшеничник, то есть это на самом деле лучшая пора для сева пшеницы, но надо же было найти слово, рифму, вспомнить об устойчивом образе «золото пшеницы», использовать скопление свистящих согласных, чтобы получился зримый, точный и красивый афоризм.

В обращении крестьянина со словом чувствуется талант творца и удовольствия от работы со знакомым и хорошо поддающимся материалом. От слова «роса» легко и просто получились нужные производные, которых не знает литературный язык: сухоросо, росяно, Иов-росенник. Антипа называют то «водополом», то «половодом». От названий зимних дней, когда устраивали пиры и братчины, образовались глаголы «прониколиться», «проварвариться», что означало прогулять нажитое долгим трудом, расстроить хозяйство от глупости на зимнего Николу, на декабрьскую Варвару.

В предлагаемой книге подобных примеров встретится немало.

Если от поэзии вновь вернуться к прозе, то следует упомянуть о достаточно полно представленных в Народном календаре сведениях о сроках наймов и расчетов, времени ухода на промыслы и заработки, о том, когда набирали рекрутов и когда действовали различные ярмарки и торги. И эта сторона быта русской деревни так или иначе увязывалась с хозяйственно-производственной деятельностью крестьянина, а все важные сделки, договоры, начинания, крутые перемены в жизни (типа отходничества или рекрутчины) приурочивались к основным датам, большим праздникам земледельческого календаря. В поговорках, присловьях, порожденных условиями и ситуациями наймов и расчетов, звучат и горькие интонации, вроде знаменитого «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» или частушек о сезонном батрачестве; звучит и юмор: в глаголах «подкузьмить» и «объегорить» (если при сделках в Егорьев день или в ноябрьские Кузьминки удавалось кого-то обмануть, провести либо самому оказаться обманутым), в шуточной отговорке «Должен — не спору, отдам не скоро. Первый срок — Илья-пророк, второй срок — Георгий на коне, а третий — не ходи ко мне».

Есть еще одна сторона годового аграрного цикла, подробно говорить о которой в рамках предисловия невозможно, но на которую стоит обратить внимание. Это ритмичность народного календаря. В нем с прочно установившейся, оправданной для труженика-земледельца последовательностью и оптимальным темпоритмом чередуются праздники и будни, работа и отдых, посты и дни неумеренной, сытной еды; периоды воздержаний, созерцательности и главенства духа с периодами полного разгула и раскрепощения плоти. Этот аспект народной культуры требует специальных размышлений, отдельного изучения¹. Но уже сейчас можно утверждать, что в традицион-

¹ См.: Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX — начало XX в.). // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 120—153.

ной народной культуре отдых от физического труда, веселье никогда не понимались как безделье, как полностью свободное, ничем не занятое время. Праздник всегда выполнял важные общественные функции, имел глубокий смысл, в нем человек наиболее остро ощущал себя одновременно личностью и членом коллектива, внутри праздника осуществлялся контакт и свободное общение, без которого невозможна нормальная жизнедеятельность человека. Наконец, праздник — это проявление всех форм и видов культуры данного коллектива, начиная от принятых форм поведения, кончая демонстрацией нарядов и исполнением традиционных песен. Земледельческий праздник давал к тому же ощущение полного слияния с природой и вместе с тем утверждал власть человека над ней.

И последнее. Необходимо помнить, что календарь при всей своей стройности, законченности, при том, что в нем, казалось бы, учтены все потребности земледельца, никогда не был застывшей и неизменной формой. Только реагируя на социальные, экономические и прочие изменения в жизни крестьянина и шире — страны, эпохи, календарь продолжал быть активно функционирующей системой. Так, материалы XIX века показывают, насколько неодинаково в разных местностях и в разные периоды даже внутри одного столетия выглядел традиционный календарь. Переосмыслились, трансформировались, исчезали или развивались отдельные элементы и целые комплексы, на смену одним жанрам и текстам приходили другие. Но до тех пор, пока сохранялось старое землепользование и способы производства сельскохозяйственной продукции, народный календарь оставался необходимым компонентом быта и культуры сельского населения.

Несколько слов о принципах расположения в книге материала и способах его подачи.

Исходя из особенностей традиционного земледельческого календаря с его ориентиром не столько на числа, сколько на времена года, на сроки подготовки и выполнения основных сельскохозяйственных работ, мы взяли за основу деление года на четыре сезона, начав изложение с зимы, то есть с декабря, нарушив тем самым сегодняшние правила отсчета дней и месяцев, но зато приблизившись к логике крестьянина, к народному пониманию года как круга, у которого нет четко выраженного начала и конца, но есть предпочтительная точка отсчета — начало зимы.

Наличие в русском календаре системы стабильных дней и скользящих праздников вынудило разделить книгу на две части, первая из которых и есть собственно месяцеслов, а вторая — подвижные праздники, сроки которых определяются Пасхой.

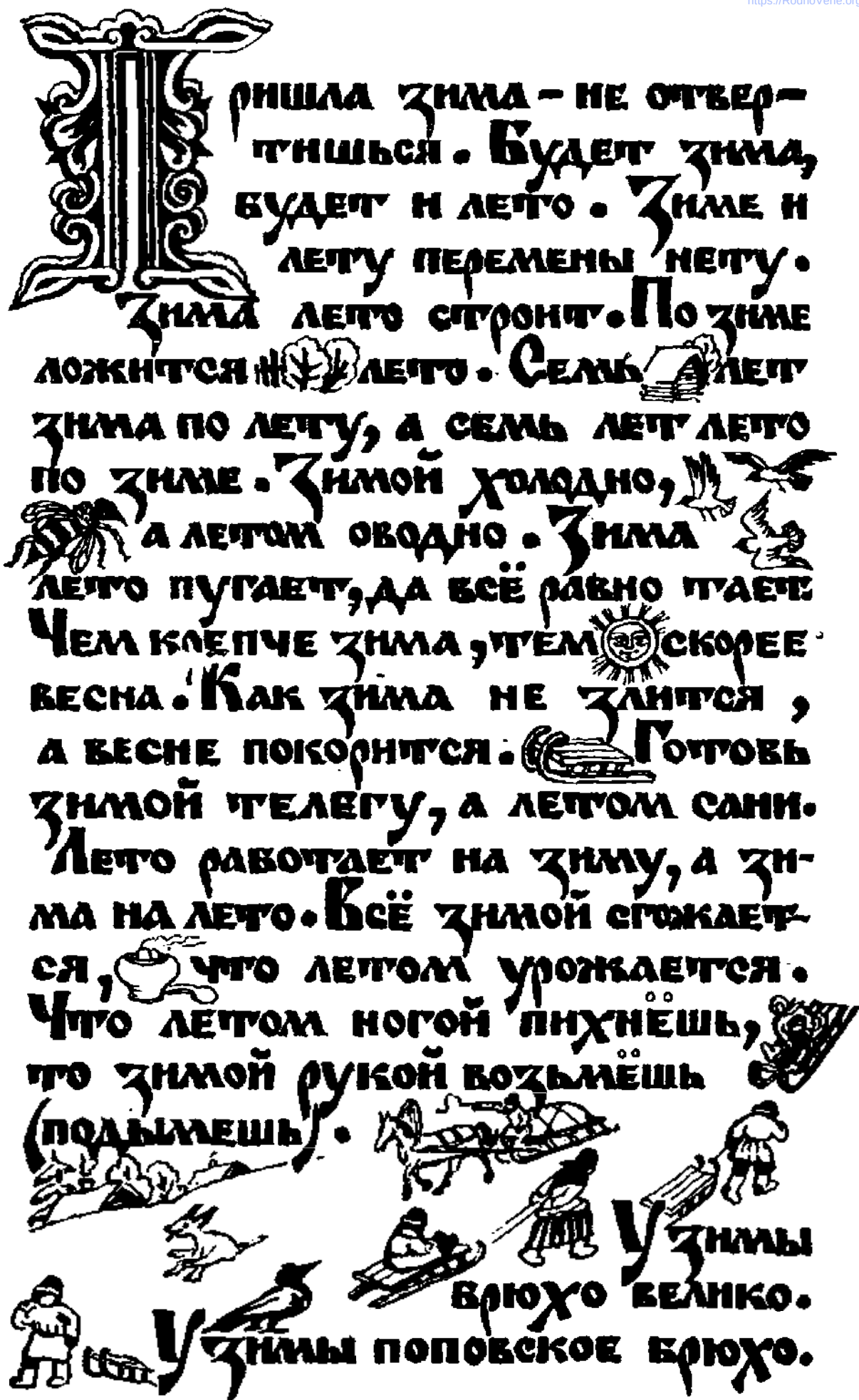
Для удобства чтения все даты приводятся по новому стилю, что, естественно, в некоторых случаях создает свои трудности; например, когда речь заходит о времени посева, сбора урожая, созревания плодов, ягод, следует учесть, что передвинулся сам день с его названием и ранее приписанными ему свойствами, определениями, но сроки выполнения работ или поспевания хлебов и пр. по существу остались прежними. Скажем, гречу, как в прошлом веке, так и теперь сеют 13 июня, но Акулину-гречишницу нынче отмечают не 13, а 26 июня.

В заключение хочу выразить огромную благодарность моему отцу — Некрылову Федору Петровичу, помогавшему мне собирать материал для этой книги и проштудировавшему множество изданий XIX века.

После этих замечаний остается поставить точку и дать возможность читателю начать знакомство с самим народным календарем.

А. Ф. Некрылова

Зима — Хранительница полей.
Не светит зимой солнце
почти летнего. Зимой солнце
сквозь слёзы улыбается.
Солнце летом греет,
зимой морозит.

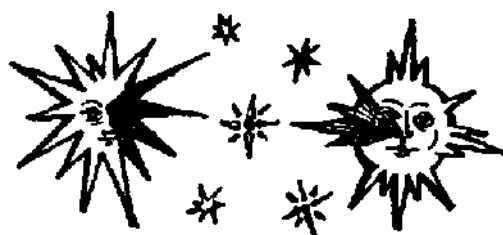
Зимнее
солнце, что
вдовье седаце.
Зима без трёх
подзимков не живёт.

Зима без снега да лето
без дождя не бывает. Зима
без мороза не бывает. Осенний
мороз не выдабит слёз, а зимние
морозы — из глаз слёзы. Зима — не
лето, в шубу одета. Шубка зимой
не шутка. В зимний холод всякий
молод. **Зима лодыря морозит.**
Зимой льдом не дорожат. Зим-
ний денёк — воробынний **скок.**
В чужине идая зиму не поплёшь.
Смнлым мужем и зимой не стужа.

Зима снежная — лето дождливое.
Если зимой сухо и холодно, летом сухо и жарко.
Если зимою тепло — летом холодно.
Зима морозная — лето жаркое.
Если зимою вьюги — летом ненастье.
Если зимою иней — летом роса.
Большой иней во всю зиму — тяжелое лето для здоровья.
Если зима гнилая, то ячмень уродится.
Снежная зима предвещает хороший рост трав.
Кольцо вокруг солнца — к ненастью.
Зимою в мороз, когда солнце на южной стороне в рукавицах,
так это к переменной погоде (Пинежье).
Солнце-то в рукавицах, как радуга,
как столбы по обеим сторонам — к стуже (Пинежье).
Круг около солнца или месяца зимою предвещает
продолжительные метели с морозами (Орловская губ.).
Зимой месяц кверху рожками — к морозу (Пинежье).
Сильно блещут зимою звезды — к морозу.
Если звезды блещут ярко — летом предвещает зной,
зимою — стужу (Воронежская губ.).
Если окна начинают потеть при двойных рамах —
к усилению мороза.
Если зимою шумит лес — ожидай оттепели.
Если самовар гудит — к морозу.
Зимой катается лошадь,
спит на назьму — говорят: к теплу.
Из ушата собака сено ест — к теплу (Пинежье).
Зимой собаки валяются — то быть метели (Тамбовская губ.).
Кошка на печи — ко стуже; а кошка на полу — к теплу.
Кошка на печь заползет, значит, мороз будет.
И птица чует, что холод будет.
Птица хохлится — к непогоде.
Снегирь под окном зимой чирикает — к оттепели.
Снегирь зимою поет на снег, вьюгу и слякоть.
Воробьи дружно чирикают — к теплу.
Вороны и галки садятся на полдень носами — к теплу.
Ворона кричит на полдень — к теплу,
на север — к холоду (Пермская губ.).
Если на ночлеге зимою ворона сидит на верхушке дерева,
в сторону ветра, то на другой день будет тихая погода;
когда же она сидит в нижних частях дерева
и прячется между ветвей, то следует ожидать ночью
или на другой день ненастья (Воронежская губ.).

Волки воют под жильем — к морозу (или к войне).

**Если в зимнее время пауки очень деятельно
свою паутину ткут, взад и вперед бегают,
друг с другом дерутся, вешаются на новых нитях,
то это означает, что через 9—10 дней наступит холод;
если пауки спрячутся — будет оттепель.**

ДЕКАБРЬ

СТУДЕНЬ, СТУДНЫЙ, СТУЖАЙЛО.

*Декабрь год кончает, зиму начинает.
Декабрь и замостит, и загвоздит, и саням ход даст.
Декабрь-стужайло на всю зиму землю студит.
Декабрь глаз снегами тешит, да ухо морозом рвет.
Если в декабре большой иней, бугры снега,
глубоко промерзшая земля — то это к урожаю.
Коли в декабре снег привалит вплотную к заборам —
плохое будет лето;
коли же останется промежуток — урожайное.*

Платон и Роман.

*Платон да Роман кажут зиму нам.
Каков Платон и Роман, такова и зима.
Гляди зиму с Платона и Романа,
чтобы похвалить ее на масленицу.
Коли на мучеников Платона и Романа день теплый,
то и зима будет теплая.
Если случится в течение дня перемена,
то сколько раз последует она,
стольким же переменам подвергнется и зима.
Месяц в круту — это к погоде:
падь (снег) больша будет (Пинежье).*

Месяц в рукавицах — к морозу (Пинежъ).
 Если комар летает по комнате — к оттепели.
 Ворона ходит по дороге — к теплу.

ЗАГАДКИ О ЗИМЕ

Не болела, а белый саван одела.
 Белая лебедь на яйцах сидит.
 Сердита матка, да прикрыла деток
 до красного дня пуховым одеяльцем.

Прокл.

Коли 3 декабря снег шел, то 3 июня пойдет дождь.
 Проклы — проклинали нечисть под землей,
 чтоб не выходила.

ВВЕДЕНИЕ.

Церковь праздновала в этот день Введение во храм Богородицы, народ же сохранял в названии дня только первое слово — *введение*, соотнося его не столько с богородицей, сколько с понятием начала, ввода, что совпадало с вступлением зимы в свои права.

Введенье пришло — зиму привело.
 Введенские морозы зиму не ставят (Московская губ.).
 До Введения если снег выпадет, то растает.
 После Введения если снег пойдет, то ляжет зима.

С начала зимы жила ожиданием праздников, которыми богат декабрь и поэтому стремились узнать, какая погода выпадет на праздничное время.

В Введенье мороз — все праздники морозны,
 тепло — все праздники теплы.
 На Введение — толстое ледение (Рязанская, Тамбовская губ.).
 Введенье ломает леденье (Тульская губ.).

Зимы нет, коли санный путь не установился.

*На Введение делались пробные выезды на санях. Право на-
чать зимние гулянья отводилось молодоженам, которые тор-
жественно обставляли свой первый выезд: сани подбирались рас-
писные, легкие, украшались разноцветными дорожками; моло-
дая наряжалась в лучшие одежды, молодой муж, подпоясанный
ярким кушаком, лихо правил лошадьми. Обряд так и назы-
вался — «казать молодую».*

Открывались Введенские ярмарки, торги.

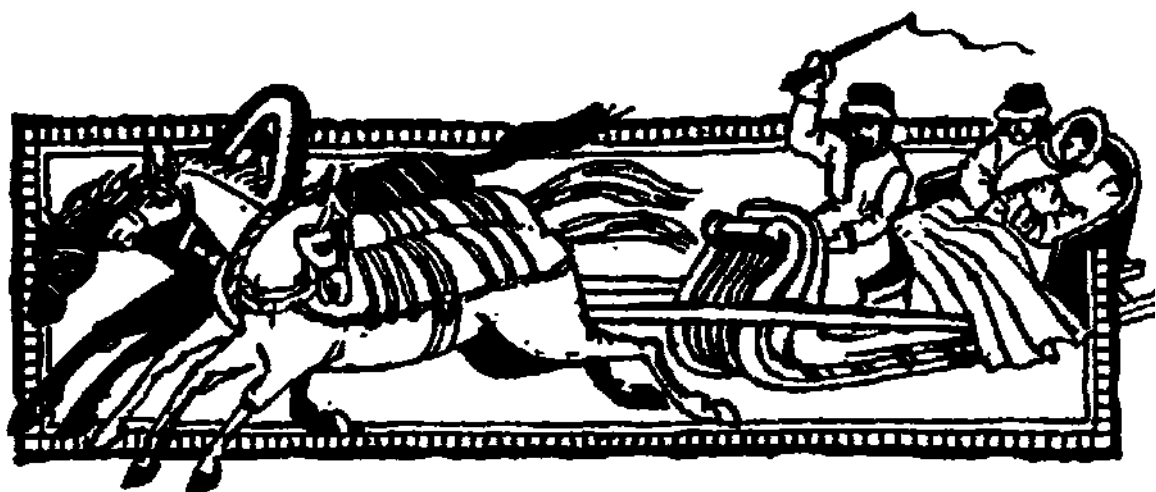
*В Москве, например, на Введенской ярмарке традиционно
устраивали продажу саней. Лубянка заполнялась огромным
количеством всевозможных саней — одиночных, парных, тро-
ечных; обыкновенных будничных и праздничных — расписных,
украшенных затейливой резьбой; последние, как правило, изго-
товлялись галицкими мастерами. Продавец-санник, расхвали-
вая свой товар, выкрикивал:*

*— Вот сани-самокаты, разукрашены — богаты,
разукрашены, раззолочены,
сафьяном оторочены!*

*— Пошло, поехало,
Ходом, бродом.
В труски, в скачки,
Вдогонку, вперегонку!
А кто успел,
Первый сорт поддел!*

*На Поморском берегу Введенская ярмарка называлась
«рыбной», так как здесь возами продавались сельдь, навага,
камбала и другая промысловая рыба.*

*Давай, давай!
Да любую выбирай!
Сам ловил, сам солил,
И сам продавать принес!*

Прокоп.

Пришел Прокоп — разрыл сугроб.
по снегу ступает — дорогу копает.

В этот день обычно всей деревней выходили расставлять веши вдоль дорог, чтобы путникам легче было отыскать в метель и снегопад дорогу.

Считалось, что именно с Прокопа устанавливается хороший санный путь.

ЗАГАДКИ

Под гору коняшка,
а в гору деревяшка. *(Катание с гор на санках.)*

Две Палашки бегут в лески, загнувши носки. *(Полозья.)*

Два волка бежат, оба в небо глядят. *(Полозья.)*

Побегушки бегут, поползушки ползут. *(Лошадь и сани.)*

Жили три брата: один любит зиму, другой — лето, а третьему все равно. *(Телега, сани, мужик.)*

Одной — зимой отдых, другой — летом, третьей — ни зимой, ни летом. *(Телега, сани, лошадь.)*

На Прокопия — мужские братчины.

Варят общественное пиво.

«Убравши хлеб, после Рождества богородицы,
уже собирается крестьянин в лес.

С наступлением санного пути
он с лошадью рядится вывозить
срубленный лес и до оттепелей весенних занимается этим. ...

Часто в зимовке целыми ночами рассказываются сказки
одна другой фантастичней» *(Тихвинский у. Новгород. губ.).*

«В зимнее время мужики и парни днями
ездили по сено да по дрова.

а вечером санничали — изготовляли сани, полозья.

За работой или в зимние сумерки.

когда вся семья забирается на печи да на палатки отдыхать,
звучали сказки и загадки» *(Тюменская губ.).*

КУЗНЕЦ И ПЕТР I

«Петр I однажды заехал в кузницу на своей лошади к кузнецу подковать лошадь. Кузнец сковал подкову. Петр I взял подкову и сломал ее пополам в руках. И говорит:

— Что ж ты куешь, когда они ломаются?

Кузнец сковал вторую подкову. И Петр I ее переломить не мог.

Подковав лошадь, Петр I дает кузнецу серебряный рубль. Кузнец взял в руки и сломал его пополам. И говорит:

— А что же ты мне за рубль даешь?

Ну, тогда Петр I поблагодарил кузнеца и дал ему за это двадцать пять рублей. Вышло то, что сила на силу попала...

Петр I вторую подкову не переломал, а кузнец рублей без счету наломал бы».

ЗАБЫТОЙ

В одной глухой деревушке жил старик со старушкой. Детей у них не было, а кур было много.

Весной старик и говорит: «Я положу яиц на печку и буду парить — детей себе выпарю». Так и сделал. Старуха его ругает, а он знай сидит — вот он и высидел сыновей. Они по квартире забежали, как цыплята. Пошел к священнику, всех сынов окрестил, всем имя дали, а один под печку забился, его и забыли. Догнал старик священника: «Так и так, батюшка, одного сына забыли». — «Пусть он, — говорит, — и будет Забытой».

Ну растут они не по дням, а по часам, а Забытой лучше всех. Братья его невзлюбили, отделили его от хозяйства. Стали сено косить. Сколько сто человек в день накосят — столько Забытой один. Стало братьям завидно. Стали звать к себе обратно: «Иди к нам».

Осенью стало у них целыми зародами сено пропадать. Никто вора укараулить не может. Послали Забытого. Ночью пришла кобылица сено есть. Он вскочил на кобылицу. Таскала она его выше облака ходячего, ниже лесу стоячего, скинуть не могла. «Чего, — спрашивает, — тебе нужно?» — «Коня», — говорит. «Нет у меня коня по твоей силе. Есть, — говорит, — богатырь убитый, и там конь его. Возьми живой воды да мертвой».

Взял живой воды да мертвой, коня sprysнул — стал конь живой. Домой коня привел, а братья рассердились да вон выгнали. Поехал он в чисто поле. Сделал уздечку хорошую — перескочил на кобылицу. Таскала она его, таскала и спрашивает: «Что нать?» — «Коней для братьев». — «Хорошо», — говорит. Он поехал, сто коней-жеребцов вслед побежали.

Жили они, поживали. «Поедем, — говорят, — к царю в услужение с конями». Поехали. Царь их принял ласково, дал им места, а Забытой стал старшим конюхом. Царь его залюбил, а братья его извести хотят. Сказали царю, что он им коней достал и может всему войску коней достать. Царь ему и говорит: «Достань всей ратной силе моей коней, иначе голова твоя на плаху — три дня сроку даю». Пришел он к коню печальный. «Так и так», — говорит. Конь ему: «Это, — говорит, — службишка. Пойди возьми денег, купи кожи воловьей, купи пуд шелку, сделай уздечку, поедем во чисто поле».

Пошел он к царю, взял денег, купил девять шкур воловьих да пуд шелку, сделал уздечку и поехал в чисто поле. Кобылица побежала, три шкуры у него выдрала, он и сделать ничего не успел. И второй раз набежала, три шкуры выдрала, а третий раз набежала — он и перескочил на нее, а она уже устала. Носила она его, носила и спрашивает: «Что нать?» — «Так и так», — говорит. «Ну, ладно». Поехал он домой, а за ним жеребцы для всей силы ратной вослед. Ну, царь его еще больше залюбил. А царь холостой. В одном королевстве его любушка затерялась. Братья и говорят царю: «Забытой ее достать сможет».

Царь и приказал ему достать его любушку. Дал три дня сроку. Пошел он к коню на конюшню — плачет. «Так и так, — говорит, — приказал мне царь его любушку в три дня достать». — «Это, — конь говорит, — службишка, не служба. Возьми ты денег. Купи разных сластей, материй, духов, помад в аптеках и крепких вин да сорок сажен смоленой веревки».

Купил он сластей разных, материй, духов, вина да веревку, и поехали. Едут они день, едут два, едут три. Приехали на край моря. Никакого житья нет тут. Конь говорит: «Отруби ты мне голову, сделай шатер, разложи съестные да питные, помады да новости». Он все так и сделал — коню голову отрубил, шатер раздернул, забавы разложил. Да думает: «Кто придет покупать?»

В двенадцать часов на море корабль показался. Шлюпку спустили и тринадцать девушек на берег повезли. Одну девушку спустили, а двенадцать на корабль уехали. Увидела она шатер, зашла, а он вежливо с ней обходится, все предлагает ей посмотреть. Она всего набрала, он ей вина попробовать предлагает. Сделалась она пьяная и свалилась. Он, как конь приказал, все сорок сажен веревки обкрутил вокруг ней. Ну, а как ехать, когда коня нет? Ходит он, тоскует. Идет старичок. «Что тоскуешь?» — спрашивает. «Так и так», — говорит. «Если бы не отрубил ты у него голову, у него силы не хватило двух везти и от погони убежать. Тут два родничка есть. Спрысни его живой и мертвой водой».

Забытой так и сделал. Поехали они, а все оставили. Едут далеко ль, близко, высоко ль, низко, красавица все спит. А проснулась-потянулась — все веревки и лопнули. «А что,

вывез меня на свою границу?» — спрашивает. «Вывез». — «А то бы, — говорит, — сейчас тебя убила. Да на свою беду и везешь меня».

Царь им обрадовался. Он ее подговаривает замуж идти, а она ему говорит задачу: «Кислое молоко вскипяти, вскочи в него. Если ты справедливый, то не сгоришь, а если несправедливо царствовал, то сгоришь».

А его братья подговорили Забытого послать: если сгорит, тогда царь от невесты откажется. Приготовили молоко, Забытого позвали. Плачет Забытой: «Туда мне, — говорит, — и дорога. А уж буду я верой-правдой до смерти служить».

Приходит он к коню, невеселый такой. «Так и так», — говорит. «Пойди проси на три дня сроку. Помогу, если смогу».

Дали ему три дня сроку. К коню пришел, конь его взял, несет так, что с ветром вдруг. Пришла избушка на курьих ножках, на тынной пятке. «Избушка-избушка, повернись туда тынцом, сюда лицом, мне не век вековать, одну ночь ночевать». Вошли в избушку, сидит старушка, шелк мотает. «Фу-фу-фу! — говорит. — Что это русским духом пахнет. Это ты, Забытой? Ну, спать некогда. Поешь и дальше езжай». Открыла дверь в конюшню, а там Кобылица-Золотица дверь ломает. «Поезжай к моей старшей сестре».

Приехал он ко второй сестре. «Фу-фу-фу, — говорит, — что это русский дух в очи лезет, глаза копает. Ты что, молодец?» — «Ты бы, бабушка, накормила-напоила, а потом бы спрашивала». Накормила она его, напоила и дала ему Кобылицу-Золотицу. «Поезжай, — говорит, — к огненной реке. На платочек — маши, тебя жгать не будет. Будут там цветы расти, не горят, не вянут. Сорви цветочек на ходу».

Прискакал он к огненной реке. На берегу реки растут лазоревы цветы — не горят, не вянут. Он платочком машет, его не жжет. Конь скокнул, он нагнулся, цветок на ходу сорвал, назад коня погнал. И обратно к старшей сестре приехал. Кобылицу-Золотицу на коня поменял и домой поехал. Приехали на третьи сутки. Молоко уж приготовлено. Кипит. Вот он пришел, цветочек уронил в молоко да сам бултых, да окунулся и выстал, так еще красивей стал. «Вот, — говорит девица, — Забытой верой-правдой служил, вот и ты в молоко можешь лезть». Но в это молоко не дала ему вскочить. На другой день

царь в молоко вскочил, да кочерыжкой оттуда вытащили. Потом королева за Забытого замуж вышла. Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. Ел капусту, стало в брюхе пусто, а теперь поем погуще, станет лучше».

Митрофан.

Если 6 декабря моросил снег и ветер с севера, то 6 июня будет ветер с севера и дождь побрызгает.

На Митрофания в Енисейской губернии в ряде сел устраивали кануны. Собирают со всех муку, варят пиво. Канун сопровождается обычным гульбищем. Девуцы яйца варят, разные игрища устраиваютъ.

Екатерина Катерина-санница.

Екатериининское гулянье. Первое катание на санях.

В этот день устраивались гонки на санях. Всей деревней стар и мал, собирались на каком-либо возвышении, пригорке, чтобы посмотреть на парней и молодых мужиков, поболеть за своих, оценить лошадей. Девушки отдавали должное женихам за их удалъ, сноровку, силу.

*Вечер под Екатерину — время ворожбы.
 Девушки перед сном кладут под подушку кусок хлеба
 и загадывают: какой будет суженый.
 Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить.
 Не спится, не лежится, все про милого грустится.
 У невесты женихов сто один, а достанется один.*

Что миленку не кататься —
 Лошадь вороная,
 Сбруя все под серебро,
 Тальянка именная.

Милый сватался, катался,
 Трое санок изломал,
 Всех богатых пересватал,
 А меня не миновал.

Ванька сватался — катался,
 Он к милашке наровлялся,
 Новы сани изломал,
 А милашки не видал.

Неужели это сбудется
 Во нонешнем году?
 Золотой венец наденут
 На головушку мою?

Я коровушку доила,
 Черную, рогатую.
 Меня милый не сменяет
 Бедну на богатую.

Я на лавочке сижу,
 С крыши капает.
 Меня замуж не берут,
 Только сватают.

Меня сватали сваты,
 Просили телушку,
 А папаня посулил
 С копаня лягушку.

Ах кофта моя,
 Неутюженная!
 Я расту — не понимаю,
 Кому суженая!

Купи, тятенька, конька,
 Золотые ножки,
 Буду девочек катать
 По большой дорожке.

Девочки, беляночки,
 Садитесь ко мне в саночки.
 Я мальчишка в чучеке
 Прохачу вдоль улочки.

В коня сивые копыта
 Золотые стремяна,
 Полуженая седёлка —
 Едет душенька моя.

Сани новы загремели,
 Конь вороненький заржал,
 Выше леса поднимался,
 Хвостом речку застилал.

Люблю сани с подрезами,
 А коня — за быстроту.
 Люблю милого за ласку,
 А еще за простоту.

Милый мой, а я твоя,
 Закрой полонь, замерзну я,
 Замерзла, не согреюся,
 Люблю я, не надеюсь!

«Расфрантовенький Андрейка,
 Притулупь меня маленько!»
 «Расфрантовая моя, —
 Без тулупа вышел я!»

По деревенке катался —
 Воронко не бегаёт.
 Сто разочков прокатился —
 Милка все обедает.

Ой, ты зимушка-зима,
 Холодна очень была.
 Ой люли, ой люли,
 Холодна очень была.

Холодна очень была —
 Все дорожки замела.
 Ой люли, ой люли,
 Все дорожки замела.
 Негде молодцу пройти,
 Своёго коня провести.
 Ой люли, ой люли,
 Своёго коня вести.
 Я дорожку размету, ой, размету,
 Сама к молодцу пройду, да ой, пройду.
 Ой люли, ой люли,
 Сама к молодцу пройду.
 Меня милый подхватил,
 Вдоль деревни прокатил.
 Ой люли, ой люли,
 Вдоль деревни прокатил.
 Ой ты, зимушка-зима,
 Холодна очень была!
 Ой люли, ой люли,
 Холодна очень была!

(Новгородская обл.)

Не велика птичка-пташечка
 Много знала, много видела,
 На синем море лётывала.
 Что садилась птичка-пташечка
 Среди моря на камушек.
 Она слушала, выслушивала
 Соловьишка голосу,
 Красных девушек песенок.
 Говорила птичка-пташечка
 Человеческим голосом:
 Говорила любезному своему:
 «Не женись, мой любезный друг!
 Когда женишься — спокаешься,
 С молодой женой намаешься».
 «Полю, глулая, не дело говорить!
 Люди женятся — не каются,
 С молодым жонам не маются,
 Только в саночках катаются».

(Вологодская губ.)

С Екатерины мужики нередко уходили в извоз.

То не извоз, коли в путину на кнут не заработаешь.

Не всегда кормит обоз, а иногда кормит и воз.

Мороз — сорок пудов на воз. (Хорошая санная дорога легка.)

Едешь на день, а хлеба бери на неделю.
 В объезд — так к обеду, а прямо — так дай бог к ночи.
 Не бойся дороги, были б кони здоровы.
 Обратная дорога всегда короче.
 У доброго коня версты недлинные.
 Зимой с бороной, а летом в извозе.
 Либо добыть, либо домой не быть.
 По ремеслу и промысел.
 Умный товарищ — половина дороги.
 Где дорога, там и путь.

КЛИМЕНТ.

Климентьев день: зима клин клином вышибает.

В ригах продолжали молотить хлеб. Молотили натоцк, чтоб легче двигаться. И чем тяжелее работа, тем озорнее загадки, отгадка которых кроется в самом ритме их сказывания, как будто сочиняются они под стук цепов:

ЗАГАДКИ

Чекотунчики летят,
 меж собою говорят:
 «Чи-ки-чок, чи-ки-чок!» (Цепы.)

Над головой вертятся,
 в руках крутятся,
 стучат, гремят
 и все говорят:
 «То-то мы, то-то мы». (Цепы.)

На стукови, на юкови так стукали, так юкали:
 Лежат до смерти побитые, головушки покрытые. *Молотьба.*

Маленький Миколка бился в дупелке.
 Плешь да рубеж да петелька. (Цеп.)

Тороча, тороча, одна нога короче,
 Полез под овин — остальну переломил. (Цеп.)

Братцы — хватцы, сестры — подлизушки. (Цепы и метлы.)

То-то по то-то:
 на пототовом дворе все люди прибиты, приколоты,
 брюха распороты. *(Молотьба.)*

Вверх турлы, вниз турлы,
по тем турлам пройти нельзя. (Молотья.)

От снега становится светлее в горницах, и женщины садятся поближе к окошкам с веретеном и прялкой, с пальцами или коклюшками. Звучат долгие грустные протяжные песни или веселые коротушки.

Снежки белые, пушисты
Покрывали все поля,
Одного лишь не покрыли —
Горя лютого мово!
Есть кусточек среди поля,
Одинешенек стоит, —
Он не сохнет, он не вянет,

И листочков на нем нет.
А я горькая, несчастна,
Всегда плачу по милом.
День тоскую, ночь горюю,
Потихоньку слезы лью.
Слезка канет, снег растает,
Травка вырастет на нем!

Лучина, лучинушка березовая!
Что ж ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была?
Я была в печи вчерашней ночи,
Лютая свекровушка сердита была,
Водой залила, не высушила!
Подружки, голубушки, ложитесь спать,
Ложитесь спать — вам некого ждать,
А мне, молодешеньке, целу ночь не спать.
Целу ночь не спать — мила дружка ждать!
Первый сон заснула — мила дружка нет;
Второй сон заснула — день бела заря.
Выгляну в окошечко — миленький идет.
На ножках сапожки поскрипывают,
Енотовая шубонька пошумливает,
Перчаточки лосиные пощелкивают!

Калинку с малиною вода поняла,
На ту пору матушка меня родила.
Не собравшись с разумом, замуж отдала.
Замуж отдала за неровнюшку,

За неровнюшку, в чужу сторону,
В чужу сторонушку — во лиху семью.
Чужая сторонушка — без ветру сушит,
Чужой отец с матерью — без дела бранят:
Посылают меня, молодую, во полночь по воду.
Зябнут-зябнут ноженьки, у ключа стоя,
Прищипало рученьки к коромыслицу,
Текут, текут слезоньки по белу лицу,
Утираю слезоньки белым платком.
Не буду я к матушке ровно три года:
На четвертом годике — пташкой полечу,
Горькою я пташечкой-кукушечкою;
Сяду я у матушки в зеленом саду,
На любиму яблоньку — на матушкину.
Горькими слезами я весь сад потоплю,
Тяжелыми вздохами весь сад посушу,
Закукую в садике жалобнехонько,
Горькими причетами я мать разбужу.
Матушка по горенке похаживает,
Любезных невестушек побуживает:
«Вставайте, невестушки, голубки мои!
Что это за чудо у нас случилось?
Что у нас зеленый сад без ветру посох?
Без дождя без сильного садик потонул?
Что у нас во садике за пташка поет,
Жалобною песенкой сердечушко рвет,
Ретиву сердечушку назолу дает?
Большая невестушка возговорила:
«Что за пташечка, пойдем поглядим!»
Средняя невестушка: «Пойдем изловим!»
А малый-то братец: «Пойдем застрелим!»
Жена ему молвила: «Пташечки не бей,
Пташечка-кукушечка — сестрица твоя,
Прилетела, горькая, с чужой стороны,
Со чужой сторонушки из лихой семьи!» —
«Али ты безумная? Сестрица моя
Белая, румяная, всегда весела,
А эта хозяйюшка худа и бледна!» —
«Оттого худа-бледна — в чужой стороне,
На чужой сторонушке — плохое житье!»

Я в амбаре, в амбаре была,
Я в амбар за мукой ходила!
Я в амбаре призамешкалася —
Аржаной муки натрескалася!
А пшеничной напоролася —
С ребятишкам поборолася!
Красной булочки накушалася —
Соловеюшки наслушалася!

Зима, зимушка-зима,
Зима лютая была:
Завияло, замело
Все дорожки, все пути,
Нельзя к миленькой пройти.
Я дорожку промету —
Сам ко миленькой пройду.
Стелю, стелю постелюшку,
Стелю пуховую!
Я кого верно люблю,
Того поцелую!

Георгий-Поведоносец, Егорий (Юрий) осенний, холодный, Юрьев день.

Егорий с мостом, Никола с гвоздем.
На Руси два Егорья: холодный да голодный (6 мая).
К Егорьеву дню обивают двери войлоком или рогожами,
конопатят окна и погреба. (Тамбовская губ.)
Если до Егорьева дня бывает иней,
то сев овсов в будущем году окончится до Егорьева дня.
В Юрьев день ходили слушать воду в колодцах:
коли тихо, не волнуется, зима будет теплая,
послышатся звуки — ожидай сильных выюг и морозов.
Егорий зимний — охранитель скота, повелитель волков.
Волки начинают ходить за добычей.
С Егория медведь в берлоге крепко засыпает,
а волки жмутся к деревенским задворкам.
Что у волка в зубах, то Егорий дал.

В одном из стихов поется:

... Въехал Егорий в леса дремучи,
Встрелись Егорью волки прискучи,
Где волк, где два:
«Собирайтесь вы, волки!
Будьте вы мои собаки,
Готовьтесь для страшных драки».
Наехал Егорий на стадо птиц:
«Птицы-синицы!
Летите вы на море,
На пир кровавой».

Наехал Егорий на змия-горюна,
 Но Егорий не ужахался,
 Егорий не страхался,
 Острым копьём змия заколол.
 Стаи птиц прилетали,
 Змия-горюна клевали;
 Синё море волной натекло,
 Змия-горюна с собой унесло.

(Рязанская губ.).

Легенда приписала Георгию победу над страшным Змеем, Драконом, сделав его популярнейшим героем. Подвиг его запечатлен на множестве икон, а уже с XIV века изображение Георгия на коне становится эмблемой Москвы, затем входит в герб нашей столицы и позже — в состав государственного герба Российской империи.

В народных представлениях Егорий-змееборец наделен способностью отращивать змей от человека и домашних животных.

На Егория осеннего змей именинники.

«Змеи в Егорьев день ни грешных, ни святых не оставляют. Параскева Пятница раз в Егорьев день лесом шла, очень торопилась по нужному делу, а змеи ее увидели, так стаей за ней. Еле ушла от них, а то хотели ее зажалить. В Егорьев день в лес никак нельзя ходить!»

С Юрьевым днем в России связано печальной памяти историческое событие, а с ним и соответствующие пословицы и поговорки.

Юрий работы начинает, Юрий и кончает.

Так было до XVI века, когда безземельные крестьяне могли свободно переходить от одного землевладельца к другому за неделю до Юрьева дня и спустя неделю после него:

Наряжалась баба на Юрьев день погулять с барского двора.

На чью долю потянет поле, то скажет Юрьев день.

Мужик не тумах: знает, когда живет Юрьев день.

*Позвал дяк мужика судиться на Юрьев день,
 а мужик был таков.*

Борис Годунов отменил право перехода крестьян, закрепив их навечно за боярами, вотчинниками.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Дожидайся Юрьева дня, когда рак свистнет.

Зарекался мужик на Юрьев день радеть о боярском добре.

Однако память о прежнем обычае сохранялась и в XIX веке, с Юрьева дня заключались сделки, занимались на работу или производились расчеты:

С Юрия осеннего до Юрия весеннего.

Крепки ряды Юрьевым днем.

Мужик болят и сохнет во Юрьев день.

Уговор — делу родной брат.

Уговор дороже денег.

До слова крепись, а давши слово — держись.

Рядись — не торопись, а работать — не ленись.

Рядись да оглядись, верши — не спеши,

делай — не греши.

Без уговору работать — что на пустом поле
хлеб собирать.

Роман.

Ко дню Романа рыбы должны схорониться
в зимовальных ямах и омутах, приготовиться к зимовке,
зато идут на нерест налим, сига и ряпушка.

На Белом озере рыбаки выезжают артелями для ловли снетка. «По прибытии на место ловли вырубают большую прорубь, от которой вырубают по обе стороны маленькие прорубки, чрез которые гонят подо льдом две жерди с привязанными к ним концами ужиц. Для выловленной рыбы приготавливают расчищенное на льду место — гумно, где и раскладывают рыбу для замораживания. Рыбу посыпают снегом и, когда она замерзнет, просеивают в особо приготовленных для того решетках. Невод на ночь не уносят, а оставляют его в проруби на шестах или закрывают снегом толщиной до 1 аршина, чтобы невод не смерзся». Ловля снетка продолжается примерно до середины марта, пока держится лед.

У лосей отпадают рога старые.

Святому Роману русский народ молится о разрешении бесплодия и бесчадия.

Парамон.

Утро красное — быть декабрю ясным.

На Парамона снег — быть метелям вплоть до Николина дня.

*Зима без снегу — не быть хлебу.
Снег глубок — год хорош.
Много снегу — много хлебу,
вода разольется — сена наберется.
Не то снег, что метет, а то, что сверху идет.
Коли поле зимой гладко, и в сусеке будет гладко.
Снег земледельцам серебра краше.
Снегу надует — хлеба прибудет.
Снег земле-кормилице — теплый кожух.
Снежные хлопья стали крупными, значит, жди оттепель.*

Андрей Первозванный.

*Вторично слушают воду: тихая вода — хорошая зима,
шумная — предстоят морозы, бури, метели.
Результат сверяют с тем, что дал Юрьев день.*

Вечером девушки гадают о своих суженых. Гадания на Екатерину и Андрея — своего рода репетиция перед настоящим, большим, разнообразным гаданием на святки.

Накануне святого Андрея девушки соблюдают пост, но так, чтобы никто из родных этого не заметил. Садясь за стол ужинать, отламывают кусочек хлеба от своего ломтя, чтоб никто не видел, кладут его под скатерть, а выходя из-за стола, берут с собой. Когда ложатся спать, кладут кусочек под подушку, приговаривая:

— Суженое-ряженое, приходи ко мне кушать.

Уверяют, что загадавшие видят во сне своих суженых.

Андрею Первозванному молятся девушки о даровании хороших женихов.

В Пинежских деревнях для этой же цели существует несколько «присух».

Когда печь топится, надо проговорить в трубу:

«Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня, грешную. Дымы вы дымы, пойдите вы, дымы, по высоким горам и по синим морям, разыщите вы, дымы, раба божия Алексея и разожгите вы, дымы, у раба божия Алексея печень и легкие, чтобы раб божий Алексей не мог без рабы божьей Лидии ни жить и ни есть, чтобы не было ему покою, чтобы думал всё, скорбел о рабы божьей Лидии. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь».

Или наедине проговорить трижды:

«Стану благословясь, выйду перекрестясь, из избы дверями, из двора воротами, стану на восточную сторону. На восточной стороне течёт огненная мать-река. Помолюсь тебе, поко-

рюсь тебе. Не ходи сквозь болота зыбучи, не ходи сквозь леса дремучи, пойди в ход, в плоть раба божия (имя). Разожги его, распали его, чтобы не мог ни на мягкой постели спать, ни работы работать днем по солнышку, ночью по месяцу, и лучше свету белого казалась раба божия (имя), лучше солнца красного, лучше матери родной и отца. Аминь».

Наум-грамотник.

По давно заведенному обычаю с Наума детей начинали учить грамоте. Более удобного времени для овладения азами чтения и счета крестьянину не найти, к тому же сам покровитель этого дня народными «языковедами» напрямую связан с учением (Наум — от слова «ум»).

Наум поставит на ум.
Пророк Наум наставит на ум.
Батюшка Наум, наведи меня на ум!

Голова без ума, что фонарь без свечи.
Умная голова сто голов кормит,
а худая и себя не прокормит.
Кто грамоте горазд, тому не пропасть.
Идти в науку, терпеть муку.
Без муки нет и науки.
Корень учения горек, да плод его сладок.
Красна птица перьем, а человек ученьем.
Ученье свет, а неученье тьма.
Ученье в счастье украшает, а в несчастье утешает.
Учиться всегда пригодится.
Не учась, и лаптя не сплетишь.
Учи сына, пока поперек лавки лежит,
а как вдоль ляжет — тогда поздно учить.
К мягкому воску печать, а к юну ученье.
Чему смолоду не научился,
того и под старость не будешь знать.
Учиться — никогда не поздно.
Век живи — век учись.
Недоученый и переученый хуже неученого.
Азбука — наука, а ребятам мука.
Аз, буки и веда страшат, что медведи.
Аз — били мене раз; буки — набрался муки.

Аз, буки — бери указку в руки;
фита, ижица — плетка близится.

Аз, буки, верендеи — мухи в квас залетели;
ер, еры — упал дедушка с горы; ер, юсь — сам подымусь;
ижица — плетка к тузну движется.

Раз, два — голова; три, четыре — прицепили;
пять, шесть — в ряд снести; семь, восемь — сено косим;
девять, десять — сено весить;
одиннадцать, двенадцать — на улице бранятся.

Полно азбуке учиться,
Букварем башку ломать!
Не пора ли нам жениться,
В печку книги побросать? *(Бурсацкая.)*

Во время ученья нельзя есть, а то заешь выученное.
Если учишь по книге, то, окончив, должен ее закрывать,
в противном случае всё позабудешь.

ЗАГАДКИ

Голову срезали, сердце вынули, дают пить, велят говорить.
(Перо.)

Мал малыш, а мудрые пути кажет. *(Перо.)*

Семя плоско, поле гладко, кто умеет, тот и сеет; семя не
всходит, а плод приносит. *(Письмо.)*

Ни небо, ни земля, видением бела; трое по ней ходят, одного
водят, два согладают, один повелевает *(Бумага, пальцы, перо,
глаза, ум.)*

В деревянной рубашке черная душа. *(Карандаш.)*

Черный Ивашка, деревянная рубашка,
где ни пройдет, там след остается. *(Карандаш.)*

Какая водица только для грамотных годится? *(Чернила.)*

Хорошо видит, а слепой. *(Неграмотный.)*

Черные, кривые
от рожденья все немые.
Станут в ряд —
сейчас заговорят. *(Буквы.)*

Черные чернизины, как они нанизаны,
засмотрелся Фома — понабрался ума. *(Буквы.)*

Жалованья не получаю, а учу днем и ночью. *(Книга.)*

Не куст, а с листочками,
не рубашка, а сшита
не человек, а рассказывает. *(Книга.)*

Варвара.

С великомученицей Варварой в народном дневнике обошлись весьма фамильярно:

Трещит Варюха — береги нос и ухо!

На Варвару зима дорогу заварит (заварварит).

*К Варвариному дню зима дорогу заварит, мосты замостит.
Варвара мостит, Савва гвозди острит, Никола прибывает.*

Долгие зимние ночи уже наскучили, и в нетерпеливом ожидании прибавления дня, подгоняя солнцеворот, который должен наступить только через 8 дней, приписывали Варваре небольшое удлинение светлого времени.

*Святая Варвара ночи урвала.
Варвара ночи украла, дня притачала.*

Савва.

По народным представлениям, Савва продолжает Варварину работу.

Варвара мостит, Савва стелет.

Варвара заварит, Савва засалит, Микола загвоздит.

Савва путь засалит.

Савва гвозди вострит.

На день Саввы зима реки засалит.

Смотри, как дым вьется, взвивается, в небо устремляется.
 Дым столбом — к морозу, к вёдру.
 Дым волоком — к ненастью.
 Когда дым без ветра бьет к земле — жди снега.

На Савву нельзя ругаться тому хозяину, у которого есть лошадь.

Никола Чудотворец, Микола зимний, холодный.

Никола — второй после бога заступник. Покровитель земледелия и скотоводства, хозяин земных вод, милостивый святой, заступник от всех бед и несчастий.

«Раз в осеннюю пору увязил мужик воз на дороге. Знамо, какие у нас дороги; а тут еще случилось осенью — так и говорить нечего! Мимо идет Касьян-угодник. Мужик не узнал его и давай просить: «Помоги, родимой, воз вытащить!» — «Поди ты, — сказал ему Касьян-угодник, — есть мне когда с вами наладаться!» Да и пошел своею дорогою. Немного спустя идет тут же Никола-угодник. «Батюшка, — завопил опять мужик, — батюшка! Помоги мне воз вытащить!» Никола-угодник и помог ему.

Вот пришли Касьян-угодник и Никола-угодник к богу в рай. «Где ты был, Касьян-угодник?» — спросил бог. «Я был на земле, — отвечал тот, — прилучилось мне идти мимо мужика, у которого воз завяз; он попросил меня: помоги, говорит, воз вытащить; да я не стал марать райского платья». — «Ну а ты где так выпачкался?» — спросил бог у Николы-угодника. «Я был на земле; шел по той же дороге и помог мужику вытащить воз», — ответил Никола-угодник. «Слушай, Касьян, — сказал тогда бог, — не помог ты мужику. За то будут тебе через три года служить молебны. А тебе, Никола-угодник, за то, что помог мужику воз вытащить, будут служить молебны два раза в год». С тех пор так и сделалось: Касьяну в високосный год служат молебны, а Николе два раза в год».

Всем богам по сапогам, а Николе боле, что ходит боле.

Один Никола травный, другой морозный.
 Никола зимний лошадь на двор загонит,
 Никола вешний лошадь откормит.

Какой день в Николу зимнего, такой и в Николу летнего.

Никола загвоздит, что Егорий намостит.

Хвали зиму после Николина дня.

Первые серьезные морозы — Никольские.

Подошел бы Николин день, будет и зима.

Коли на Михайлов день зима закует, то на Николу раскует.

Провезли зиму на санках до Николы, вот тебе и оттепель.

Коли на Николин день след заметает, дороге не стоять.

Перед Николой иней — овсы хороши будут.

Иней на Николу — к урожаю.

Очень важной датой считался Николин день в Поморье: здесь он являлся границей зимней и осенней путины. К этому времени заканчивался лов семги, наваги, камбалы, мурманский тресковый лов — и промышленники возвращались домой. С Николы зимнего начинался морской зверобойный промысел и подледный лов наваги и сельди.

К Николе зимнему приурочивалась распродажа лишнего хлеба, от урожая зависели и цены:

Никольский торг всему указ.

Цены на хлеб строит Никольский торг.

Никольский обоз для боярской казны дороже золота.

Во многих местах России с Николина дня справляли так называемую «никольщину». Праздновали в течение нескольких дней, обязательно вскладчину, с большим количеством пива или браги из зерна нового урожая. «В отличие от прочих это праздник стариковский, большаков семей и представителей деревенских и сельских родов. Общее веселье и охота на пиво длятся не менее 3—4 дней, при съезде всех ближайших родственников», и непременно приглашались соседи. «Неладно бывает тому, кто отказывается от складчины и уклоняется от празднования: такого хозяина изводят насмешками в течение круглого года».

В Николин день во всяком доме пиво.

Хороша Никольщина пивом да пирогами.

Для кума Никольщина бражку варит,

для кумы пирожки печет.

Никольщина не ходит с поклоном на барский двор.

На Никольщину зови друга и недруга.

На Никольщину зови друга, зови врага — оба будут друзья.

Горевал мужик по Никольщине,

зачем она не целый год живет.

Никольскую брагу пьют, а за Никольское похмелье бьют.

(Случалось, что в праздничные дни спускали то, что трудом наживалось в течение месяцев.)

Что наковал, то и прониколит. Дониколится до суммы.

Знать мужика, что Никольщину справлял, коли на голове шапка не держится (Воронежская губ.).

Зимою начало сватовства — Николин день. Служат молебны те, кто думает женить или жениться.

Выбирай не невесту, а сваху.
У доброй свахи женихи с невестами все на перечете.
Без нашей свахи и девка не заневестится.
Сваха лукавая — змея семиглавая.
Никто против свахи не соврет.
Одна только сваха за чужую душу божится.
Чужую сторону никто против свахи не нахвалит.
Сваха чужие грехи на душу принимает.

На свашенькиных речах хоть садись да катись.

Люди хвастают — не перелезешь;
сват схвастает — на коне не перескочишь.
Свату первая чарка и первая палка.
Хорошую невесту и на печи найдут.
Худ жених сватается — хорошему путь кажет.
Не заламывая рябинку не вызревшу;
не сватай девку, не вызнавши.
Один женился — свет увидел,
другой женился — с головой пропал.
Не кайся, рано вставши; кайся, рано женившись.
Добрую женою и муж честен.

С Николы маводежь начинала подготовку к саяточным посиделкам, договаривались об откупе избы у какой-нибудь бедной одинокой старухи или у вдовы, заготавливали дрова, лучины, наряды, принимались за изготовление саяточных масок для ряженных и костюмов для разыгрывания пьес и сценок из репертуара традиционного народного театра.

На Николу на вечерке не работают, «совсем не берут прялиц да швеек или если и берут, так разве для славы. Придут молодцы и скажут:

— Ну-ко, девицы красны — песенку нам! — не отказывать станешь. В этих случаях поют уж не проголосные песни, а особые, которые поются скоро и неизбежно оканчиваются приглашением поцеловаться. Вот одна из таких песен:

Косят девки лебеду, лебеду
Телятишкам на еду, на еду.
Телятишки не едят травку,
Разженатый не целуй девку.
Хоть того хуже холостой, холостой,
Разженатой под палатами постой.
Поцелуй-ко меня, парень молодой.

Во время пения подобных песен молодцы ходят по комнате взад и вперед, взявшись за руки, и по окончании приглашают девиц целоваться» (Тюменский край).

Амвросий.

*Амвросий праздники отбросил.
День этот подводил черту под праздники уходящего года.*

Анна, Стефан.

Опока на деревьях — к урожаю.

Церковное название (Зачатие святой Анны) повлекло за собой то, что день этот отмечался беременными женщинами и пчеловодами.

Беременным запрещалось в течение суток приниматься за какую-либо существенную работу.

На зачатие святой Анны беременным бабам пост.

«В этот день пчеловоды по приходе от заутрени входят в омшаники, где стоят ульи, и, потолкав каждый из них, говорят: «Как вы, мушки благодущные, зачалися детьми от всемилостивого бога и спаса нашего Иисуса Христа <...> на дело; зачинайте же белые и желтые воски и густые меда господу богу и чудотворцам Зосиме и Савватию вдосталь, а мне, рабу божью, в пожиток».

На Анну волки сходятся, а разбегаются после выстрелов на Крещение.

Волки в стаях становятся особенно опасны.

Спиридон — поворот, Спиридон — солнцеворот.

От Спиридона солнце на лето, зима на мороз.

*После Спиридона, хоть на воробыиный скок,
да прибудет денек.*

Как день прибавляется, на земле воздух холодеет.

*Если на Спиридона светло,
лучисто — новогодье простоят морозным, ясным; если хмуро
и на деревьях повиснет иней — теплым и пасмурным.*

*В самый короткий день — Спиридоньевские морозы.
На Солоноворота медведь в берлоге поворачивается
на другой бок, а корова на солнышке бок погрееет.
Снова красное солнышко на Спиридона прирядится
и просветлеет, и коровка на нем бочок себе нагрееет.*

Говорят, солнце с этого дня будто бы наряжается в праздничный сарафан и кокошник, садится в телегу и едет в теплые страны. Зима же ходит с этого дня в медвежьей шкуре, стучится по крышам и будит баб ночью топить печи (Воронежская губ.).

*Если зима ходит по полю, то за ней вереницами
ходят метели и просят дела. Если ходит по лесу,
то сыплет из рукава иней. Если по реке идет,
то под следом своим куст воду на три аршина.
С какой стороны на Спиридона-поворота дует ветер,
с той стороны будет дуть и до весеннего равноденствия.*

*Повинуясь старинному обычаю, в период солнцеворота
жгли костры в честь солнца, а утром выходили за околицу
и выкрикивали как можно громче:*

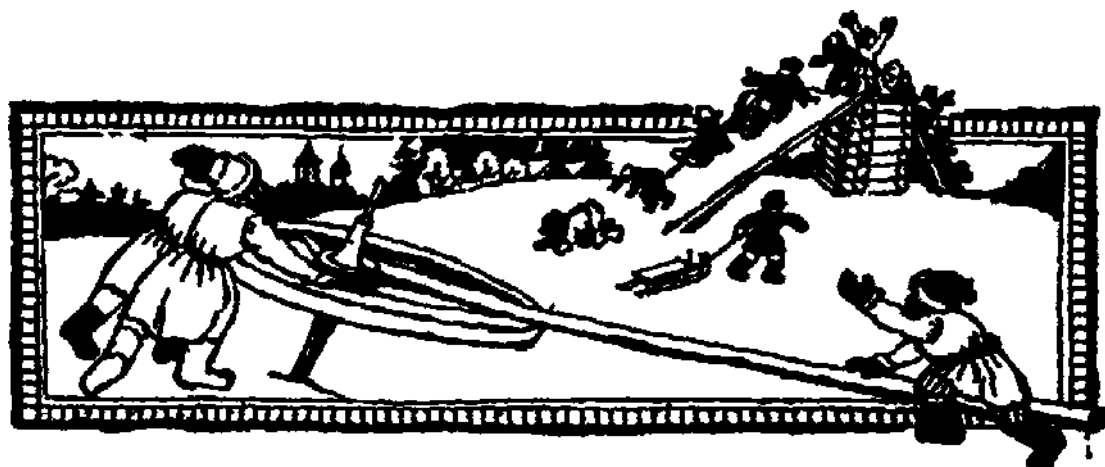
*Солнышко, повернись!
Красное, разожгись!
Красное солнышко, в дорогу выезжай!*

Скатывали с гор колесо, которое потом сжигали у проруби, приговаривая при этом:

*Колесо, гори, катись,
С весной красною вернись!*

Начиная со дня Спиридона дети с утра до вечера пропадали на горках — катались на салазках, ледышках, старых корытах и обледенелых рогожах.

<i>Леденье пришло,</i>	<i>Снег заледенило,</i>
<i>Зиму в дом привело,</i>	<i>Лед на речке вымело,</i>
<i>В сани коней запрягло,</i>	<i>Ребят в санки усадило,</i>
<i>В путь-дорожку вывело,</i>	<i>С горки покатило!</i>

В промежутках между катаниями лепили из снега бабу, взявшись за руки, ходили вокруг нее и пели:

Мороз, мороз, через тын перерос,
Бабу снежную принес.
Баба, нос крючком,
Получай снега хом!

После чего разрушали снежную бабу снежками.

Взрослым запрещалось на Спиридона работать, зато следовало совершить ряд действий, направленных на подготовку к урожаю следующего года и выяснение того, что уготовила природа в ближайшее время.

Нарезали вишневых веточек и ставили их в горшок на полу и каждый день поливали (можно ставить веточки в воду, без земли). Если они зацветут на Рождество, то в следующем году будет урожай на садовые плоды.

Садовники встряхивали яблони, приговаривая:

Спиридоньев день,
Подымайся вверх!

Закармливали кур гречихой из правого рукава, чтобы раньше неслись.

Евстрат, Евгений.

Мученик Евстрат солнышку рад.

С этого дня наблюдают за погодой в течение 12 суток, считая, что каждый день покажет погоду одного месяца следующего года: 26 декабря соответствует январю, 27 — февралю, 28 — марту и т. д. до рождества (7 января по новому стилю), которое укажет на погоду в декабре нового года.

Аггей.

Аггей иней сеет.

*Коли на Агтея сильный мороз,
то он простоит до крещения.
Если в этот день на деревьях иней,
то святки будут теплые.*

Ананий, Азарий, Мисаил.

Библейскую историю о трех отроках на Руси знали очень хорошо, в день их памяти старики в семье еще и еще раз рассказывали ее детям.

Вавилонский царь Навуходоносор был язычником и приказал как-то возвести золотого истукана высотой в шестьдесят локтей. После этого собрал всех своих вельмож, приближенных и подданных и повелел им поклониться новому золотому идолу. Как только раздались звуки труб, флейт, свирелей, арф — все пали ниц пред истуканом и воздали ему божеские почести. И только Ананий, Азарий и Мисаил — юноши-христиане не пожелали поклониться идолу и стояли прямо. Разгневанный Навуходоносор приказал бросить их в горящую печь, которую растопили в семь раз жарче, чем обычно. Отроков ввели в раскаленную пасть печи, но

огонь не коснулся их, ибо они находились под покровительством ангела. Юноши вышли из огня живые и невредимые. Восхищенный преданностью вере и мужеством этих молодых людей и пораженный свершившимся чудом, Навуходоносор приказал возвести их на высшие государственные должности и запретил отныне под страхом смерти кому бы то ни было хулить христианского бога.

Вероятно, история эта не оказалась бы столь популярной в нашей стране, если бы в течение нескольких веков она не разыгрывалась принарядно в Москве за неделю до Рождества. Вот что писал о «Пещном действе» английский путешественник Дж. Флетчер, видевший его в Москве в 1588 году:

«...каждый епископ в своей соборной церкви показывает трех отроков, горящих в пещи, куда ангел слетает с церковной крыши, к величайшему удивлению зрителей, при множестве пылающих огней, производимых посредством пороха так называемыми халдейцами, которые в продолжение всех двенадцати дней должны бегать по городу, переодетые в шутовское платье и делая разные смешные шутки, чтобы оживить обряд, совершаемый епископом. В Москве царь и царица всегда бывают при этом торжестве».

«Пещное действо» не только собирало огромные толпы зрителей, но и подключало к разыгрыванию обряда охотников из простых зрителей — на роль халдеев, которые вносили в чинное церковное действо сильный элемент народного ряжения, глумства, святочного «бесовского» веселья.

Модест

Модест считался покровителем скота.

По старому исчислению, день этот приходился на 18 декабря и отмечался мужскими братчинами с пивом и мясом посвященного святому животного.

ЯНВАРЬ

просинец, перелом зимы, перезимье.

Январь — году начало, зиме середка.
Январь-батюшка год начинаст, зиму величает.
Месяц январь — зимы государь.
Январь тулуп до пят надевает,
хитрые узоры на окнах расписывает.
В январе и горшок на печи замерзает.
Январь — весне дедушка.
Январю-батюшке морозы, февралю — метелицы.

Январь трещит — лед на реке впросинь красит.
Холодные январь подряд почти не повторяются.
Если январь в прошлом году был теплым,
то январь этого года будет холоднее.
Сух январь — крестьянин богат.
Серый январь — хлебу бед.
Если январь холодный, июль будет сухой и жаркий:
не жди грибов до осени.
Коли в январе март, бойся в марте января.
Если в январе частые снегопады и метели,
то в июле частые дожди.
В январе висит много частых и длинных сосулек —
урожай будет хороший.

Скоро рассвет занимается — непременно будет снег.

Если в январе эхо далеко уходит — морозы крепчают.

Солнце в кругу — к снегу, а в рукавицах солнце — к стуже.

У солнца «уши» выросли — к холодам.

Солнце выходит столбом — к бурану.

Около месяца столбы — к морозу (Воронежская губ.).

Месяц «на копытцах» — к холоду, на спинке — к теплу,
дождю или снегу.

Если у молодика рожки крутые — к непогоде;

если пологие — к године (Воронежская губ.).

Луна синей — зерна сильней.

Луна светит ночью ярко или небо без луны усыпано
яркими звездами — завтра будет ясный морозный день.

Если звезды блещут ярко зимой — к стуже.

Мало звезд на небе — к ненастью.

Лес трещит — мороз будет стоять долго (Урал).

Дрова горят с треском — к морозу.

Сильная тяга в печи — на мороз, слабая — на сырую погоду,
красный огонь — к морозу, белый — к оттепели.

В печи, вытопленной с вечера: если перед морозом —
зола наутро потухнет,

если перед оттепелью — в золе будет жар (Воронежская губ.).

Ветер гудит в трубе — к морозу.

Если кошка лезет в печку греться — к холоду.

Воробьи дружно собирают пух и перья около курятников,
утепляют свои укрытия — через несколько дней
наступят сильные морозы.

Вороны и галки вьются в воздухе — перед снегом,
салятся на снег — к оттепели, салятся на верхушки деревьев —
к морозу, а если на нижние ветки — к вёдру (Урал).

Вороны и галки садятся на полдень носами —
к теплу (Пермская губ.).

Ворона кричит на полдень — к теплу,
на север — к холоду (Пермская губ.).

Если на ночлеге зимою ворона сидит на верхушке дерева,
в сторону ветра, то на другой день будет тихая погода;
когда же она сидит в нижних частях дерева
и прячется между ветвей, то следует ожидать ночью
и на другой день ненастья (Воронежская губ.).

Дятел рано торчит (стучит),
в январе еще, — к ранней весне.
Зайцы держатся около жилья — к морозам.

Новый Год.

Новый год — к весне поворот.

Новый год — одно из самых главных событий в жизни земледельца. По первому дню года старались узнать о характере следующих дней и месяцев, об урожае, о судьбе своей и близких людей в предстоящем году.

Если на Новый год небо звездное — к урожаю.
На Новый год звезд густо — ягоды будут (Пинежье).
Сильный ветер в этот день обещает урожай орехов,
а месячная звездная ночь — урожай гороха и чечевицы.
Но если ночь будет безлунная и беззвездная,
горох и чечевица не родятся, тогда их сеют мало,
а то и вовсе не сеют (Тамбовская губ.).

Если на Новый год заряно ночью,
то горох уродится (Воронежская губ.).
На Новый год пасмурно — будет пшеница зановитая
(Воронежская губ.).

В Новый год сильный мороз и малый снежок —
к урожаю хлеба,
а если тепло и нет снега — к неурожаю.
Если в Новый год тепло — рожь будет хороша (Урал).

Крестьяне Тамбовской губернии замечали, что если пугать утру в Новый год «бывает на деревьях густой иней, то год будет хлебобородный, а если его не бывает — нехлебобородный». Воронежцы примечали: «1 января если до обеда будет пасмурно, а после обеда ясно — поздний сев лучше; если в оборот — то хуже».

Желая узнать, будет ли наступающий год урожайным или нет, крестьянин, пришедший от заутрени, идет на перекресток, чертит палкой или пальцем на земле крест, прилетит к тому месту ухом и слушает: если послышится, что едут сани с грузом, год будет урожайный, если пустые — неурожайный.

По приходе от утрени, в Новый год, домохозяева уходят на гумно и зубами выдергивают из кладушек былинки: если выдернется былинка с колосом, полным зерном — год должен быть урожайный, а если с тощим колосом, то неурожайный.

В тот же день выдергивают из кладушек по горсти колосов всякого хлеба и, связав их снопиками, ставят на ночь на открытом месте; поутру осматривают: тот из них, который покроется инеем, обещает урожай. <...> Накануне Нового года односельчане берут по пруту и ставят рядом во дворе: чей прут упадет, тот в будущий год умрет. Еще: ложатся на ток, где молотят хлеб, и слушают: если под гадающим застучит, то он в будущий год умрет; если зазвенит — будет женат (девушка выйдет замуж); если слышна будет молотьба — будет богат (*Тамбовская губ.*).

Очищают 12 луковиц от верхних чешуек, насыпают на каждую луковицу по кучке соли и кладут их на ночь на печь. Смотря по тому, на какой луковице за ночь соль смокреет, такой по счету месяц будет дождливый (*Харьковская губ.*).

Последнее гадание было чрезвычайно распространено и варьировалось лишь в мелких деталях. К примеру, в Воронежской губ. крестьяне поступали следующим образом: требовалось «взять луковицу и вынуть из нее 12 чашечек по числу месяцев. Насыпать в них соли и поставить на окно на ночь под Новый год. Как к заутрене зазвонят, пересмотреть эти чашечки. В какой чашечке и как (степень) отвлажила соль или нет, тот месяц будет влажный, дождливый или сухой».

В Новгородской, Воронежской, Вятской и других губерниях существовало гадание по ложкам: «наливают в ложки воды по числу членов семейства и выставляют на мороз. Если в чьей-либо ложке вода замерзнет ямой, тот умрет в этом году», или «в чьей ложке вода замерзнет бугром, тот проживет очень долго».

Метут под Новый год под столом, и если есть зерно хлебное — к замужеству.

После вечери ходят дивчины подслушивать под окна: если богу молятся, то замуж выйдет (подслушивающая. — А. Н.) в этом году.

Для того чтобы узнать, жених (или невеста) большого или малого роста, надо под Новый год идти в сарай с дровами и сразу взять полено. Если большое, то большого роста, и наоборот.

Если ясно на Новый год, то год прекрасный.

Магия первого дня, любого начала (как начинаешь, так и пойдет) послужили основой целого ряда примет, запретов, правил поведения, относящихся к Новому году.

Если на Новый год что-либо случилось с человеком,
то будет случаться с ним целый год.

Коли первый день в году веселый (счастливый),
то и год будет таков (и наоборот).

Если на Новый год кто чихает,
то к своему благополучию,
будет весь год счастливым.

Если в Новый год гости,
то весь год гости (Новгородская губ.).

Особый смысл придавали девушки обычаю одеваться в первый день Нового года во все новое и в продолжение дня несколько раз переодеваться, чтобы у всех всегда были обновы. (Псковская губ.)

В Новый год первому покупателю отдают товар за дешевую цену, придерживаясь пословицы «дорог почин».

Не следует в Новый год платить долгов — весь год будешь расплачиваться.

Повсеместно не разрешалось в первый день года выполнять тяжелую и грязную работу — иначе весь год пройдет в сплошном тяжелом труде без отдыха.

Если в Новый год постучать в дерево груши или яблони, то на этом дереве будет обильный урожай.

Женщины под Новый год ни под каким видом не играют в карты: будто бы курицы будут клевать огурцы (Новгородская губ.).

В каждом доме старались сделать новогодний стол богатым. *Сытная, разнообразная еда 1 января как бы вынуждала и все остальные дни сохранять достаток и изобилие кушаний:* главным угощением был молочный поросенок — «У людей зажиточных целую неделю от рождества до Нового года стоит на столе свиная голова», подается жареная свинина.

Чтобы обеспечить благополучие наступающего года, по традиции, ему следовало устроить радостную, приветливую встречу.

В некоторых деревнях Псковской губ., например, перед полночью собирались в избе стар и млад. Один из парней или молодых мужиков наряжался стариком, надевал старую, оборванную одежду, другой — обычно подросток или мальчик — надевал красную рубашку, специально приготовленную для этого случая белую шапку с кисточками и обшитую галунами. «Старик» — уходящий год — садился на стул посередине избы. Ровно в полночь в избу радостно вбегал мальчишка — Новый год, сталкивал со стула своего предшественника и садился на его место. Старый год при общих криках, насмешках, погоняемый голиком, выталкивался вон из избы. Все поздравляли друг друга с Новым годом и желали каждому здоровья и добра:

С Новым годом!
Со всем родом!
Чтоб здоровы были,
Много лет жили!

Дети, приплясывая, выкрикивали:

Новый год пришел,
Старый угнал,
Себя показал!
Ходи, народ,
Солнышко встречать,
Мороз прогонять!

Соседи, родственники, дети ходили из дома в дом под видом «сеятелей», бросали горсть зерна в красный угол и пели-выкрикивали:

Сею-вею, подсеваю,
С Новым годом поздравляю!
Со скотом, с животом,
С малым детушкам,
С малолетушкам!
Сколь на кусточке веточек,
Столь бы у вас было детушек!

С Новым годом, хозяин с хозяйшкой!

В Сибири (откуда взят последний пример) обряд посева сопровождался повсюду сходными приговорами:

Сею-вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю!
На Новый год, на ново счастье
Уродись, пшеничка,
Горох, чечевичка!
На поле — копнами,
На столе — пирогами!

С Новым годом, с новым счастьем, хозяин, хозяйшка!

В Брянской области еще совсем недавно в Новый год появлялся на пороге молодой парень с севней в руках и, рассыпая овес по избе, приговаривал нараспев:

Сею-вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю!
Чтоб здоровеньки были,
Много лет жили! —

а после поздравления и благопожеланий требовал угощения, как то предписывалось давним обычаем:

Открывайте сундучок,
Подавайте пятачок,
Хоть блин,
Хоть сала клин!

Каждый хозяин, заботясь об урожае и здоровье, считал обязательным хорошенько угостить засевальщиков, в Воронежской же губернии первых засевальщиков просили присесть у порога или на лавку — «чтоб раньше квочки садились».

Анастасия — узорешительница.

Покровительнице беременных молятся при родах.

Рождественский сочельник (кутейник), канун Рождества.

*Наступают морозы.
Сильные холода сулят надежный урожай.*

*Ясные дни — к хорошему урожаю.
Коли в кутю тропинки черны — урожай на гречу.
Снег на земле, что навоз для урожая.
Большой иней, бугры снега,
глубоко промерзшая земля — к хлебородию.
Звезды на рождественский кутейник — к урожаю черницы.
Если звезды редки, то и ягод мало будет.*

*В кутейник перед рождеством как по дороге звездочки
блестят, то грибы и ягоды будут (Пинежье).*
Если Млечный Путь на небе полон звезд и светел — к ведру.
Млечный Путь тусклый — к ненастью.
Какова в этот день опока на деревьях,
таков будет цвет на хлебе.
Если перед рождественским сочельником случится иней,
то хлеб сеют только до Петрова дня (12 июля),
а если иней случится после сочельника,
то сеют и после Петрова дня.
За сколько дней до Рождества случится иней,
за столько дней до Иванова дня (21 мая) погода будет
благоприятна для весенних посевов (Воронежская губ.).

В навечерие Рождества в ряде мест жгли костры, что связывалось с представлением о возрождении солнца, о начале нового солнечного года. Сами крестьяне объясняли этот обычай таким образом:

«Под Рождество и под Крещение жгут навоз среди двора, чтоб родители на том свете согревались» (Курская губ.).

«На дворах зажигают огни, полагая, что усопшие родители приходят обогреваться и что от этого огня пшеница народится ярая».

«Первый день Рождества среди дворов сваливается и зажигается воз соломы», так как «умершие в это время встают из могил и приходят греться. Все домашние при этом обряде стоят кругом в глубоком молчании» (Тамбовская, Орловская губ.).

«На первый день Рождества Христова, по отходе утрени «родителей греют». Село залито огненным морем, дым большими столбами подымался кверху, все старались быть безмолвны». Среди каждого двора кладется воз или более соломы, которая после службы в церкви и поджигается. «Делается это для того, чтобы умершим родственникам не было холодно лежать в мерзлой земле в рождественские морозы».

Накануне Рождества вновь гадают и проделывают целый ряд магических действий.

Под Рождество кладут в чашку кутю и мед, затем каждый кладет свою ложку углублением вниз, ставят поверх пирог и накрывают скатертью. Утром, придя из церкви, смотрят: чья ложка перевернулась, тот умрет (Воронежская губ.).

Семья собирается за столом, выставляют кутю с сытой, овсяный кисель. «Во время ужина кто-либо из членов семьи, чаще всего хозяин, открывает окно или выходит в сени и кличет мороз:

— Мороз, мороз! Иди в хату есть кутю (или кисель). Зимой ходи, а летом под колодиной лежи!

Таким призывом думают умиловить мороз, чтобы он весною не побил ярового хлеба, капусты и огурцов» (Псковская губ.).

В Смоленской губ. мороз не только просили, но и пугали:

Мороз, Мороз Васильич!
Ходи кутью есть!
Цепом голову проломлю,
Метлой очи высеку!
Мороз, Мороз Васильич!
Ходи кутью есть!
А летом не бывай:
Цепом голову проломлю,
Метлой очи высеку!

Мороз наделен здесь таким отчеством не случайно: на Смоленщине «кормление мороза» происходило в Васильев вечер, накануне Нового года (по-старому).

Ужину в рождественский сочельник придавалось большое значение. Избу обычно тщательно убирали, стол застилали чистой скатертью, ели в торжественном и строгом молчании, при этом крестьяне заставляли ребят «лазить под стол и «цыкать» там цыпленком, чтобы хорошо водились куры».

В эту же ночь обильный корм давали скоту.

Первый блин в сочельник — овцам.

В некоторых местах под Рождество не кормили кур, чтоб огоронов не копали.

От Рождества до Крещения охотиться на зверей и птиц нельзя — грех. С охотником несчастье случится.

Перед Рождеством все деревья в садах обвязывали соломой «перевязом», чтобы они хорошо родили.

На Кутью ткать грешно.

На свят вечер тугие клубки пряжи мотать, чтобы кочны капусты тугие были.

Воры стараются аккуратнее стащить какую-либо вещь в ночь под Рождество: после этого успех воровства считается обеспеченным, несмотря на самые рискованные предприятия, во весь круглый год (Тамбовская губ.).

Рождество.

На Рождество погода,
 снег — к урожайному году (Пензенская губ.).
 Если о Рождестве пригревина будет — к зеленому году.
 Снеги глубоки — дак травы хороши и хлеб.
 Суметы высоки набило — к хорошему году (Пинежье).
 Зима без снегу — не быть хлебу.
 Снег глубок — год хорош.
 Много снегу — много хлеба;
 вода разольется, сена наберется.
 Снегу надует, хлеба прибудет.
 Снег вьется до крыши — рожь будет выше.
 Снежный год хлеб принесет.
 В Рождество день теплый — хлеб будет темный, густой.
 На Рождество метель — пчелы хорошо роиться будут.
 Если Рождество на новом месяце,
 то год будет неурожайный.
 На Рождество иней — урожай на хлеб,
 небо звездисто — урожай на горох.
 Хороший санный путь — урожай на гречу.
 Темные святки — молочные коровы, светлые — ноские куры.
 Частые куржаки на деревьях, узоры на окнах,
 похожие на ржаные колосья, вниз завитками,
 а не торчмя — к урожаю.
 Какая погода после Рождества,
 такая же будет и после Петрова дня (12 июля).

На Рождество нехорошо,
 если первой войдет в хату (из чужих) женщина, —
 «весь год будут хворать бабы в той хате и в том году».
 В розговена,
 в первый день Рождества, за завтраком нельзя пить воду:
 будешь пить часто на сенокосе (Новгородская губ.).
 Во время обеда на Рождество нельзя пить;
 кто не пьет, тому не захочется воды, когда ее негде взять:
 в дороге или в поле во время работы (Воронежская губ.).

На Рождество надевают новую рубаху,
чистую (но не новую) нельзя, а то жди неурожая.
Гнутой работы не работают (обручей, полозьев и пр.),
а то приплода скота не будет.

В Рождество лапти плести — родится кривой,
шить — уродится слепой.

Ради большого приплода ягнят некоторые сажают на шубу
первого гостя, пришедшего «славить»
в день Рождества Христова.

В день Рождества хозяину не годится со двора идти —
овцы заблудятся.

На Рождество спутывают ноги столу,
чтобы скот не бегал.

Во многих селениях есть обыкновение,
когда священник ходит по домам славить Христа,
просить его присесть на несколько времени,
для чего постилают на то место, где ему надо сесть,
кусок холста; или при выходе священника из избы
хозяин дома берет его за рясу незаметным образом.

Это делается для умножения наседок и роев,
которых покрывают куском холста в свое время.

Если на Рождество разговеться воробьями,
то на весь год будешь легок и скор (Тамбовская губ.).

В период от Рождества до масленицы заключается наибольшее количество зимних договоров, словесных и письменных. Например, в Архангельской губ. в это время шла усиленная подготовка крестьян к уходу в «бурлаки». Земля поручалась «казаку» (работнику) или сдавалась в аренду, а вещи — на хранение; брались займы для покрытия дорожных расходов, продавались для той же цели различные вещи; «десятники» (подрядчики) набирали артели рабочих.

Закатилось солнышко, закатилось,
Да несчастная девушка уродилась,
Да куда не пойду, млада,
Все журят, бранят девушку,
Журят, бранят, плакать велят.

— Заплачь, заплачь, девушка,
По своему горюшку по великому,
По своему Ванюшке чернобровому.
Шелковая травушка расстилается,
Ванюша в дороженьку собирается,
Со своею любезною прощается:

— Прощай, прощай ты, любезная,
Прощай, прощай, не забудь меня,
Приеду с дороженьку, заберу тебя

(Екатеринославская губ.).

Болят больно головушка,
Чует, ноет сердечушко,
Что немножко мне жить
С милым дружкой.
Что и скорому быть
Провожаньцу,
Да и дальнему
Расставаньцу.
Провожала я дружка,
Я далёко, далёко, я до города,
А с города до самой Москвы.
Среди Москве становились,
Все московские купцы сдивовались.
— Да и кто это, с кем прощается?
То не муж ли с женой?
Или братец с сестрой?
Или мил друг с любезной?

(Орловская губ.)

Путру-то было раным-рано,
На заре-то было на утренней,
На восходе красного солнышка:
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озер подымались —
Подымались добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Всё бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску.
На работу государеву.
Провожают их, добрых молодцев,
Отцы, матери, молоды жены
И со малыми со детками!
Экой, Ваня, экой Ваня,
Экая разудалая Ванина голова.
Да ты далеко ль, Ваня, уезжаешь,
Милой, от меня?
Уезжаешь, Ванюшка, от меня,
Да на кого же ты покидаешь,
Миленькой, меня?
На кого же ты, Ванюшка, покидаешь,
Миленькой, меня?
С кем же, миленькой, мне-ково прикажешь
Ой зиму-зимушку зимовать,
Зимовать,
Да лето красное,
Миленькой мой, гулять?
Летцо красное, миленькой, гулять?
«Да ты гуляй-ко, ой гуляй-ко, миленькая,
Ой гуляй одна,

Гуляй, миленькая, гуляй-ко, гуляй одна,
Красной красоты ты не потеряй,
Красной красоты да не потеряй
Оя со белого со румяного лица*.

(Ленинградская обл.)

Последний час разлуки
С тобой, мой дорогой.
Не вижу, кроме скуки,
Утехи никакой.
Ничто меня не тешит,
Ничто не веселит.
Одно есть утешенье:
Мил плакать не велит.
Гуляла я в садочке,
Гуляла в зеленом,
Искала те следочки,
Где мил гулял со мной.
Следов не находила,
Садилась под кустом,
Садилась под кусточком

На зелену траву.
Летели две голубки
Одна перед одной,
Летели они, сели
На яблоньке в саду.
Одна из них спорхнула
Ко мне на белу грудь,
А я, млада, вздохнула:
О, где же милый мой,
О, где моя отрада
Сережа-пастушок?
Ходил ко мне от стада
На крутой бережок,
Носил он мне забаву —
Серебряный рожок.

(Ленинградская обл.)

На Мурманской дороге
Стояли три сосны.
Прощался со мной милый
До будущей весны.

Он клялся и божился
Одну меня любить,
На дальней на чужбине
Одною мною жить.

Сел на коня, умчался
В широкую он даль,
Оставил мне на сердце
Тоску лишь да печаль.

И вот мне сон приснился,
Такой престрашный сон:
Мой миленький женился
На девице другой.

И я над сном смеялась
При свете ярком дня —
Не может это сбыться,
Что мог забыть меня.

И вот мой сон и сбы:
Раннею весной
Мой милый возвратил
С красавицей женой.

Я у ворот стояла,
Когда он проезжал.
Меня в толпе народа
Он взглядом отыскал.
Увидел мои слезы,
Глаза вниз опустил —
Наверно, догадался,
Что юность погубил.

Пойду я в чисто поле,
Там реченька течет.
В холодные объятья
Она меня возьмет.

Когда меня достанут
С того речного дна,
Тогда злодей узнает,
Что клятве я верна.

ЧАСТУШКИ

Из деревни утром рано
В понедельник мил уйдет.
Ни во плен, ни во солдаты,
А на Сормовский завод.

Задумшеванная подружка,
У нас горюшко одно:
У тебя на Мурман едет,
У меня уж там давно.

Мой-от миленький — старатель,
На покосе шахты бьет.
А как золото намочет,
Меня замуж он возьмет.

Скоро, скоро я уеду,
Скоро я смочаюсь,
Заберу свои лохмотки,
На Алтай отправлюсь.

Собрана котомочка,
На лавочке лежит.
Собирайся, добрый молодец
В курень дрова рубить.

Распроклятая машина
Мово милку утащила.
Распроклятый паровоз
Мово милого увез.

Сударушка баска,
Не ходи на прииска:
Тяжкая работушка
Состарит там тебя.

Мы с товарищем работали
На северных путях.
Ничего не заработали,
Приехали в лаптях.

Ой вы, зимние работы,
Истрадался я на вас,
Понабил везде мозоли,
Всю силенку порастряс.

Скоро в Питер все уедут,
С кем же я остануся?
Дорога моя приятка,
Как с тобой расстануся?

Ты, гребенка — часты зубья,
Не дери головушку.
Не ходи, мил, на работу
На чужу сторонушку.

Порассыпалась поленница,
Не колоты дрова.
Поразъехались девочки,
Которая куда.

Много ласточек летает
В поднебесной высоте.
Много девушек страдает
На чужой на стороне.

«Что вас, девки, только две,
А третья-то у вас где?» —
«У нас третья-то пропала,
Во Саратов жить попала».

Милый в городе живет,
Я в деревне маюсь:
Письмецо долго не шлет,
А я сомневаюсь.

Поедешь, миленький, во путь
Меня, девчонку, не забудь.
Сядешь в городе за чай,
За каждой чашкой вспоминай.

В людях-то неродненьких
Хлебаешь щей холодненьких,
Еще до солнышка встанешь
Да на работушку идешь.

Чужедальная сторонушка
Не медом полита.
Она не сахаром посыпана —
Слезамы залита.

Достается тебе, братик,
Соха и борона,
А мне горькому, несчастному,
Чужая сторона.

Прощай, дом наш и село,
Стало жить нам тяжело:
Голодаем что ни год,
Знать, пора нам на завод.

«Бабьи каши».

*Если этот день ясный будет, то будет хороший урожай
проса, а если пасмурный, то недород его.*

«Бабьи каши» — праздник повивальных бабок и роженниц. Во многих местах, по старому обычаю, русские женщины ходят к родильницам с пирогами; в Курской губ. «крестьяне, имеющие детей, с женами вечером ходят к повивальной бабке и приносят ей водку, харч, блюда пирогов или блинов и всякой всячины». Подобное посещение и совместная еда с повивальными бабками, иногда с вечера «до бела света», наблюдалась практически повсеместно.

В этот же день обращаются за помощью к пророку Давиду — музыканту и укротителю гнева. «Наш простолюдник, собираясь в дорогу, спрашивает у этого угодника защиты от лютых зверей, от разбойников в уверенности, что святой псалмопевец своим пением и игрою на гуслях может невидимо утишить этих врагов».

Какой чудодейственной силой обладали гусли в руках истинного музыканта, рассказали высоким языком эпической поэзии наши сказители, сделав гуслярами двух былинных героев — Добрыню и Садко:

Добрыня, неузнанный, в скоморошьем платье, является на пир к князю Владимиру:

*«...Он натягивал тетивочки шелковые,
Тыи струночки да золоченые,
Он учал по стрункам похаживать,
Да он учал голосом поваживать.
Играет-то он ведь во Киеве,
А на выигрыш берет во Цари-граде,
Он повыиграл во граде во Киеве,
Он во Киеве да всех поймянно,
Он от старого да всех до малого.
Тут на пиру игры заслушались,
И все на пиру призамолкнулись,
Самы говорят да таково слово:
«Солнышко Владимир стольно-киевский!
Не быть этой удалой скоморошине,
А какому ни быть надо русскому,
Быть удалому да добру молодцу».
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ах ты эй, удала скоморошина!
За твою игру да за веселую,*

«Пущайся-ко из печи из-запечка,
А садись-ко с нами да за дубов стол,
А за дубов стол да хлеба кушати.
Теперь дам я ти три места три любимых:
Перво место сядь подли меня,
Друго место сопротив меня,
Третье место куда сам захошь,
Куда сам захошь, еще пожалуешь...»

В другом варианте этой же былины поется:

«...Говорил тогда Добрыня таковы слова:
«Мне позвольте-ка, пожалуйста,
Хоть и раз сыграть в яровчаты гусёлышки».
Да й позволили Добрыне свет Никитичу,
Стал за печенькой Добрынюшка постаивать,
Стал частёшенько с-за печеньки посматривать,
Стал веселёшенько в гусёлышки выигрывать.
На пиру тогда игра да всим понравилась.
Стоят естушки сахарные не ежены,
Стоят питьюшки не питые,
Стоят чарушки да не выпиты...»

Садко, которого третий день не зовут на почестен пир, закручинился...

«...А й пошел Садке ко Ильмень да ко озеру,
А й как он сядился на синь горюч камень да об озеро,
А й как начал играть во гусли во яровчаты,
А й как ведь опять играл он с утра до вечера,
А волна уж как в озере сходилася,
А вода ли с песком да смутилася.
А тут осмелился как Садке да Новгородский
А сидеть играть как он об озеро.
А й как тут вышел царь водяной топерь со озера,
А й как сам говорит царь водяной да таковы слова:
«Благодарим-ка, Садке да Новгородский!
А спотешил нас топерь да ты во озере,
А у меня было да как во озере,
А й как у меня столованье да почестен пир,
А й как всех развеселил у меня да на честном пиру
А й любезных да гостей моих.
А й как я не знаю топерь, Садка тебя да чем пожаловать.
...А закиньте три тоні во Ильмень да во озере,
А я в кажную тоню дам топерь по рыбины
Уж как перья золотые ведь.
А й получишь лавки во ряду да во гостином
С дорогима ведь товарами,
А й потом будешь ты купец Садке как Новгородский,
А купец будешь богатыи...»

Стефанов день.

В Стефанов день поят лошадей через серебро.

Этот день считается одним из основных годовых сроков найма батраков. «На святой Степан каждый себе пан» — работник «припомнит все обиды от хозяина, выскажет свое неудовольствие, сведет расчеты и волен или заключить договор или нарушить прежний».

На севере России в это время обычно происходили выборы пастуха и заключение с ним ряды, что закреплялось общей трапезой с хмельными напитками за счет пастуха (еду приносили наниматели).

Наем пастуха был делом очень важным, поэтому участвовал он на общем собрании всего общества. При выборе считывался опыт пастуха, его репутация, а также особые профессиональные знания. Наибольшим уважением пользовались пастухи-колдуны, обладающие тайными знаниями, благодаря которым, по уверению крестьян, пастух мог договориться с лучшим — хозяином леса или с его детьми.

В Тихвинском уезде Новгородской губернии на рубеже XIX века рассказывали без тени сомнения, что «лесовой в оссиной дружбе живет с пастухами, которые знают заговоры — нанимают лесовых на службу пасти стадо и охранять его от всяких случайностей и нападений зверей. Обыкновенно весь колдун отправляется в лес, садится на осиновый пенек и, прочитав заговор, договаривается с лесовым, который немедленно является на зов; его можно узнать, во-первых, по огромному росту, а кроме того, он всегда без бровей, никогда не подпоясывается и левую ногу закидывает на правую».

Выбрав пастуха, крестьяне старались не ссориться с ним, опасаясь, что пастух отдаст корову обидчика в жертву — иному.

Во многих лесных районах ценилось не столько умение пастухом заговоров, сколько наличие у него рукописного «отпуска» — тетрадки, листа бумаги с записанными текстами пастушеских заговоров:

«И емлю я, раб божий (имярек), тридесять булатных цымыки, замыкаю ворота тридевятью булатными замками: от черного зверя широколапа, и от насыльного, и от опракида, и перехожего, и от пакосника, волка рысучага, и от водяницы, и от всякия змии скорбии, и от всякаго злаго и лихаго человека, чтобы не ходил бы в мою поскотину черной».

широколапой, насыльной и опрокидены, и перехожей пакосник волк рысучей, и волчица, и всякая змия и скорбия, и всякой злой и лихо человек в день и в нош и по всякой час, в утре рано и ввечере в поздно, отныне и во веки веков. Аминь. <...> И сколь жарко и ярко горят огни горящие, тол бы жарко и ярко горело у скота сердце и печень, у всякой скотины по поскотине, о дружка по дружке и по мне, рабу божии (имярек). Где меня, раба божия (имярек), увидят, и голос и трубу трубами в рог играючи, в поля или за полем, в лугах и за лугами, в горах и за горами, или в ручиях и верьтепах, или в мелких проточинах, или в темных лесах, и шли бы ко мне, рабу божью (имяреку), со всех четырех сторон безотворотно и безотпятно, на мой голос и на мою трубу, и в рог играючи, по всякой день, по всякой час, по утру рано, вечеру поздно, отныне и во веки веков. Аминь...»¹

В приведенном фрагменте из северного рукописного «отпуска» не случайно несколько раз упоминается рог, труба. Каждый уважающий себя пастух должен был сам изготавливать себе музыкальный инструмент. Делалось это обычно ранней весной, как только начиналось движение сока в деревьях. Рожка хватало на один сезон, так что всякую весну приходилось делать инструменты заново. Пастушья труба, рожок были прежде всего сигнальными инструментами, на которых исполнялось несколько «выигрышей» — выгон стада, сбор, перекличка пастухов между собой и т. д., однако помимо такой чисто утилитарной функции им приписывалась и магическая сила, с чем были связаны некоторые запреты, например, никому не разрешалось трогать пастуший инструмент.

Считалось, что звуки рожка, трубы, рога способны «заигрывать» пасть зверя, а «отпуск», положенный в раструб инструмента, усиливает его магические свойства, способствует передаче скоту текста заговора и тем самым достижению нужного результата.

Огромной магической силой обладал, по мнению пастухов, и батожок, особенно если он был заговорен колдуном. «Батожок изготавливали из рябины, на нем делали зарубки по количеству ног скота в стаде», от него зависел удай. В день первого выгона скота «пастух всегда держал батожок под мышкой, затем им же прогонял стадо на пастбище и втайне от всех закапывал его в сыром месте. По окончании пастьбы пастух откапывал батожок и сжигал, после чего сам считался свободным от запретов».

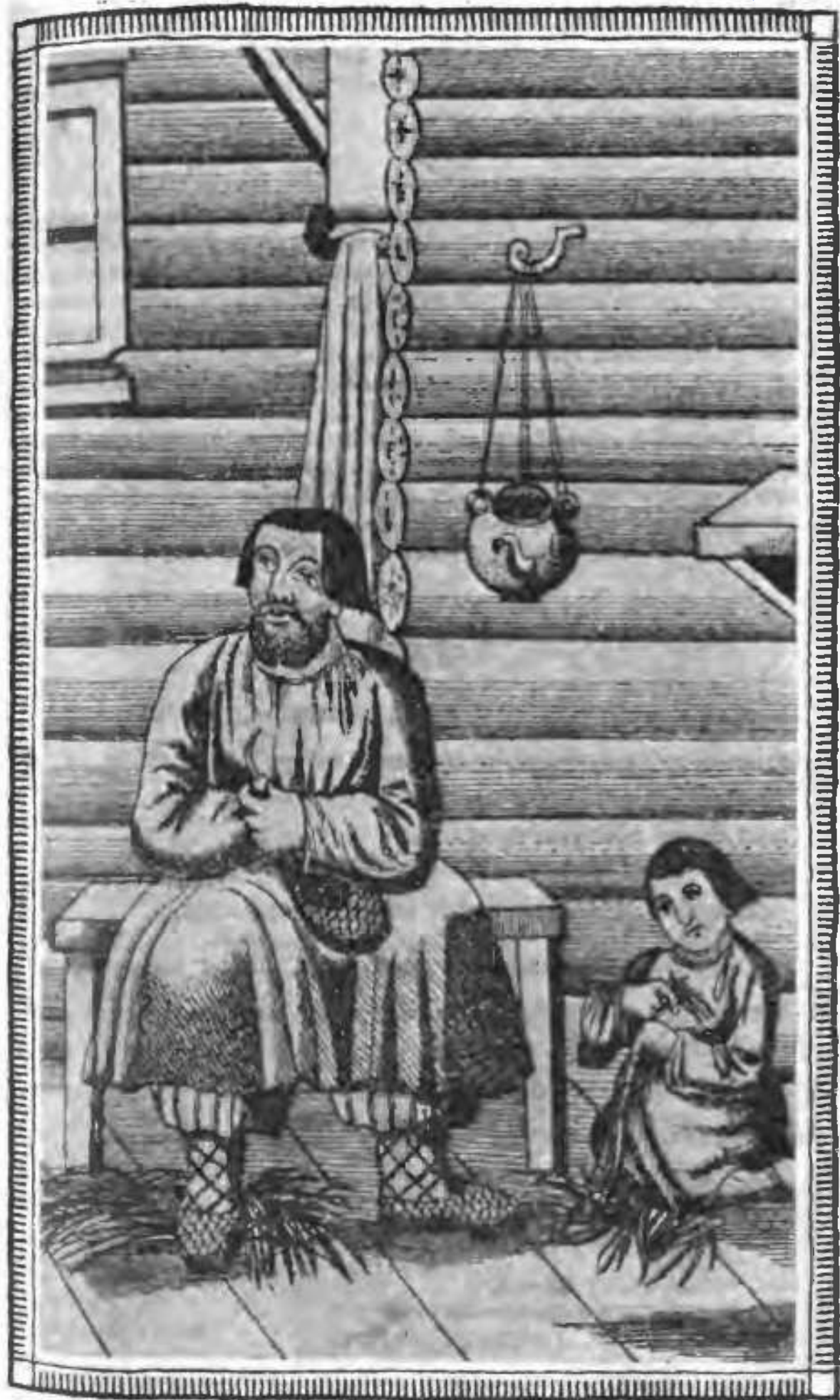
Пастух рад лету, а сир привету.

Разживемся — в пастухи наймемся, все село — в долгу.

В пастухи наймешься — вся деревня в долгу.

¹ Текст заговора дается по народной записи без изменений. — Сост.

В церковном календаре этот день был посвящен памяти младенцев, «в Вифлееме Иродом избитых». В народном быту ничем особенным он не выделялся, целиком подчиняясь святочному, рождественскому периоду, отличаясь разве только тем, что в сумерки, когда вся семья (за исключением молодежи, проводившей время на посиделках) забиралась на печи да на полаты отдыхать, детям рассказывали сказки и загадывали загадки.

Начинали с «серьезных» загадок об окружающем мире и природе, о труде земледельца, увлекаясь, переходили на предметы домашнего обихода, которые в загадке вдруг представлялись совершенно в ином виде, освещались иным светом, парадоксально сближались с разными вещами или явлениями и т. п.

ЗАГАДКИ

По синему пологу золотое просо рассыпано. *(Звезды на небе.)*

Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат. *(Небо, звезды, месяц.)*

Сито свито, золотом покрыто,
Кто взглянет, всяк заплачет. *(Солнце.)*

У батюшки жеребец — всему миру не сдержать,
У матушки коровья — всему миру не поднять,
У братца кушак — всему миру не скатать. *(Ветер, земля, дорога.)*

Сильнее солнца, слабее ветра, ног нет, а идет, глаз нет, а плачет. *(Туча.)*

Сани бегут, а оглобли стоят. *(Река и берега.)*

С хвостом, а не зверь, с перьями, а не птица. *(Рыба.)*

В лес дорога,
На пупке тревога,
Внутри ярмарка. *(Улей.)*

Нос долог, голос тонок,
Летит — кричит, сядет — молчит.
Цари его боятся, короли страшатся,
Кто его убьет, тот свою кровь прольет. *(Комар.)*

Избушка нова, жильца нет. Жилец появится — изба развалится. *(Яйцо.)*

Среди двора стоит копна,
Спереди вилы, сзади метла. (Корова.)

Утром — на четырех ногах,
В полдень — на двух,
Вечером — на трех. (Детство, зрелость, старость человека.)

Горшочек умен, семь дырочек в нем. (Голова человека.)

Одного отца-матери дитя, а некоторому не сын. (Дочь.)

По черному пишу,
По зеленому смотрю,
А по золотому режу. (Посев и уборка хлеба.)
На одном поводе двенадцать коней поведу. (Грабли.)

Стоит дуб,
Полон круп,
Шалочкой накрыт,
Гвоздиком прибит. (Головка мака.)

Кину — крошка, а вырастет — с лукошко. (Тыква.)

Двое стоят, двое лежат,
Пятый ходит, шестой водит. (Дверь.)

Рогат, да не бык,
Пищу берет, а не сыт. (Ухаат.)

Четыре уха, а перьев не сосчитать. Без рук, без ног, а рубашку просит. (Подушка.)

Был на топтале, был на кружале, был на пожаре, был на базаре. Домой пришел, всю семью кормил. (Горшок.)

Сверху дыра, снизу дыра,
Посередине огонь да вода. (Самовар.)

Упрятались голышки во мохнатые мешки,
Четверо вместе, один на шесте. (Рука в рукавике.)

Летом спят, а зимой бегут. В гору деревяшка, под гору — ко-
няшка. (Сани.)

Обязательно находился кто-то из взрослых — любитель задавать шуточные вопросы. Ребята постарше уже знали ответы и редко попадали впросак, а младшие то и дело отвечали неправильно или вовсе запутывались, что вызывало веселый смех.

Что у Бориса впереди, а у Глеба позади? (Буква «б».)

Что среди Волги стоит? (Буква «л».)

Без чего человеку жить нельзя? (Без имени.)

В каком году люди едят более обыкновенного? *(В высокосном.)*

Где свету конец? *(В темной горнице.)*

Отчего собака лает? *(Не умеет сна баять.)*

По чему девушки в церковь ходят? *(По дороге.)*

На какой вопрос нельзя ответить «Да»? *(Ты спишь?)*

Что на свете три дуги? *(У лошади, у ведра и на небе.)*

Чем корова сначала ходит? *(Теленком.)*

Царская монета грош. Чем ее назовешь? *(Языком.)*

Какая разница между попом и Волгой? *(Тот — батюшка, а Волга — матушка.)*

Сидело семь галиц. Я стрелил, трех убил. Много ли осталось? *(Три, остальные улетели.)*

У семерых братьев по одной сестрице, много ли всех? *(Восемь.)*

Несла бабка на базар сто яиц, одно (а дно) упало. Сколько осталось в корзине яиц? *(Ни одного, т. к. упало дно.)*

Анисья — желудочница.

*Варят свиные желудки и режут гусей.
По внутренностям (печени и селезенке) гадают о зиме.*

Маланья.

День Святой Меланин (Маланьи) в народе назывался Васильевой колядой, щедрым вечером, так как раньше приходился на 31 декабря и был кануном Нового года, Васильева дня. Поэтому с Маланьей связано понятие изобилия, больших приготовлений.

День прибывает на куриный шаг.

Если в ночь ветер дует с юга — год будет жаркий и благополучный, с запада — к изобилию молока и рыбы, с востока — жди урожая фруктов.

Под Василья ведьмы крадут месяц.
Маланьины сборы.

Наряжается, что Маланья на свадьбу.
Наварила, ровно на Маланьину свадьбу.
Деловая Маланья и к обедне с прялкой пришла.
Знай попа, Маланья, носи чаще подаюня.
Охала Маланья, что уехал Ананья. Охнет и дед,
что денег нет.

Василий Великий, Васильев день.

Если будет туман — к урожаю.
От ясного звездного неба в Васильев вечер
ожидают хорошего урожая гороху, но при этом замечают,
что если звезды к утру померкнут,
то горох не дозреет благополучно. (Тамбовская губ.)
Васильева ночь звездиста — лето ягодисто.
Вьюга в Васильев вечер обещает большой урожай орехов.

Поскольку Васильев день приходился по старому стилю на
1 января, то говорили, имея в виду весь начинающийся год:
«Уроди, боже, всякого жита по закрому, на весь крещеный
мир».

Василий — покровитель свиней, свинятник.
Свинку да боровка для Васильева вечера.
На Василия великого свиную голову на стол.
(Вологодская губ.)

Кишка свиная — еда не худая.
Лакомый кусочек скорее в роточек.

ЗАГАДКИ ПРО СВИНЬЮ

Ничего не болит, а все стонет.
По земле ходит, неба не видит
Хвост крючком, рыло пятачком, в два ряда пуговицы.
Рой гору повалил. (Свинья и поросята.)

Семейство кушает, а стол говорит. (Свинья и поросята.)

Рында роет, Скинда скачет, Турман едет — съест тебя. (Свинья,
заяц, волк.)

Пришла темнота под наши ворота, пытается лепоту, чи дома
понура. (Волк, собака, свинья.)

Не гляди свинье в рожу, а корми ее рожью.
Не было у бабы заботы, купила баба порося.
Была бы свинка, будет и щетинка.
Была бы свинка, будут и поросятки.
Знает свинья свое порося.
Свинья не родит сокола.

Свинья рылом в землю, и порося не в небо.
Гусь свинье не товарищ.

На то свинье дано рыло, чтоб она рыла.
Свинья грязи найдет.

Зарекалась свинья навоз есть,
а как свежий — дай попробую.

Одна честь свинье — помой.

Наряди свинью в серьги, а она в навоз.

Из тех же свиней, только посивей.

Свинье не до поросят, как на огонь тащат.

Сыта свинья — все жрет, богат мужик, а все копит.

Свинья белорыла, тупорыла, полдвора рылом изрыла.

Променяла Парасковья караса
На три пары чернобурых поросят.
Побежали поросята по росе,
Простудились поросята, да не все.

Окорок капусты, кочан ветчины.

НЕБЫВАЛЬЩИНЫ

Вы послушайте, ребята,
Моей сказки небогатой
От конька горбунка
И медведя плясунка:
Облоухая свинья
На дубу гнездо свила,
Поросила поросят
Ровным счетом шестьдесят.
Распустила поросят
Все по маленьким сучкам.
Поросята визжат,
Полететь они хотят.
Полетели, полетели
И на воздухе присели.
Колосапы медведь
С мухи шкуры содрал,
Полсапожки себе сшил,
В полсапожках щеголял,
Оскользнулся и упал,
В сине море он попал.

Сине море все повыгорело,
Бела рыба вся повылетела.
А на печке мужик
Осетра-рыбу поймал,
А в пламени другой
Быстру щуку схватил.
Как пошло на чудеса,
И где море — там леса,
Водой палют леса.

По поднебесью, братцы, медведь летит:
Медведь летит, хвостом вертит.
Свинья на ели гнездо свила,
Гнездо свила, деток вывела,
Милых деточек, поросяточек.
Поросяточки по сучкам висят,
По сучкам висят, полететь хотят.

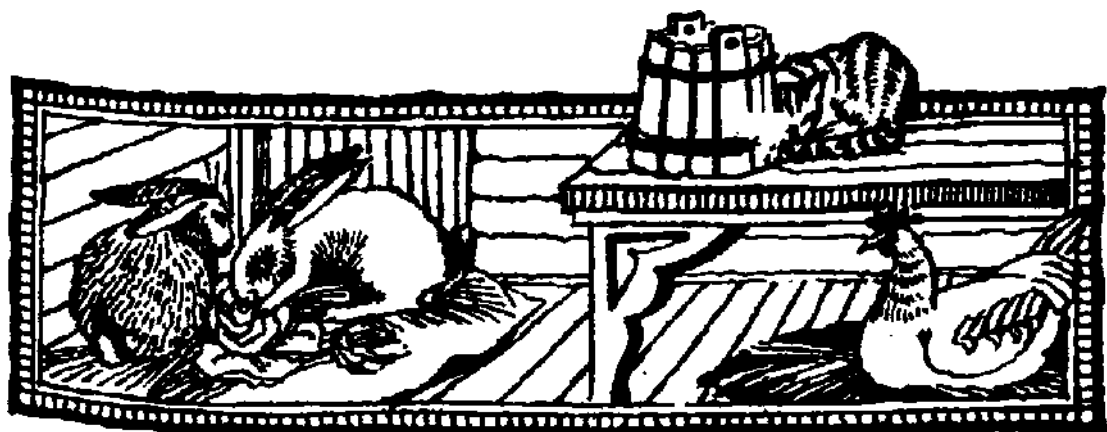
Садоводы в полночь встряхивают яблони для урожая.
(Пензенская губ.)

СИЛЬВЕСТР, СЕЛНВЕРСТОВ ДЕНЬ.

На Сильвестра — куриный праздник. Чистят курятники, ладают насесты, окуривают стены.

В ряде мест заботились о том, чтобы в курятнике висел «куриный бог». Сведений о нем, о его свойствах и действиях с ним сохранилось очень мало, и те довольно смутные. Известно, что в черноземных областях «куриным богом» считался

«черный камень, просверленный посредине, величиною с гусиное яйцо, который в таком виде отыскивается где-либо в земле. Куриный бог вешается за нитку на стене в курятнике с тою целью, чтобы больше плодились и сохранялись у хозяина куры». Во Владимирской губернии наряду с продырявленным камнем (отверстие должно быть естественным, а не сделанным рукой человека) в роли куриного бога мог выступать обыкновенный истоптанный лапоть. Его обычно «перевесывают через нащест, на коем сидят куры», для устранения «неприятных отношений к курам домового».

В Сильвестра день заговаривают лихоманку.

Селиверстов день гонит лихоманок-сестер за 77 верст.

Для изгнания лихоманок, лихорадок прибегали к помощи заговоров, главной особенностью которых и, естественно, в глазах крестьян, силой был перечень всех имен демонов-лихорадок:

«Тресея, огня, глдея, авкаркуша, храпуша, пухлея, желтея, авея, немая, глухей, каркуша» (из заговора XVIII века);

«Хрипуша, ломея, пухлея, дрехлея, дремлея, ветрея, смутница, зябуха» и т. д. (из заговора XIX века).

Названные поименно, «окаянные дьяволицы»-трясовицы — «дщери царя Ирода», предназначенные для того, чтобы «мучить весь род человеческий», — должны были отступить от больного.

В одном из заговоров двенадцать трясовиц, каждая от своего имени, перечисляют все недуги, которые они насылают на человека: «Яко печь распяляет дровами, тако я распяляю у человека все члены и кости... Зноблю бо у человека все члены, и тот человек не может согреться в печи... Ложуся у человека во главе и закладываю уши, и тот человек бывает глух... Ложуся у человека под ребрами, и тому человеку тяжело дыхати... Ложуся у человека под воздухами, и, аще что вкусит из пищи, то из души скинет... Яко в поле цвет цветет и желтеет, тако и у того человека тело тает и увядает... Ломит бо у того человека все кости... Секу жилы в одно место... Пускаю в народ опухоль... Я ножные жилы свожу... Ночью сна не даю, но к себе никого не допускаю, и с ума человека свожу... Старейшая и проклятая трясовица — не может человек от меня излечиться...»

Картина страшная, но с врачебной точки зрения верная, полно и выразительно рисующая состояние больного лихорадкой.

О том же и пословицы:

Лихорадка — не matka: треплет, не жалест.

Лихорадка пуще мачехи оттреплет.

Уходила, умучила, согнула да скрючила.

Заговор заговором, но и от помощи лекарственных трав не отказывались:

*На всякую болезнь зелье вырастает.
И собака знает, что травой лечатся.*

От лихорадки, малярии в народе употребляют полынь горькую, спорыш, чертополох, хрен (в виде спиртовой настойки), траву «живунок», которая в некоторых местах так и называется — «лихорадочная трава».

Пророка Малахию.

*На Малахию хлев метелками обмахивай.
В этот день лечили (отчитывали) припадочных, скаженных.
Только на Малахию можно образумить каженика.*

Считалось, что если на Малахию можно из человека выгнать нечистую силу, то с особой силой она нападает на скотину. В южных областях говорили: «На пророка Малахию голодные ведьмы задаивают коров до смерти».

Чтобы с коровой не случилось беды, хозяйка, во-первых, обращается к домовому: «Дедушко-доможирушко, пой мою скотинушку. Пой да корми, да гладко води». Во-вторых, когда садится доить, приговаривает: «Бежи, молочко, по жилочкам, да и в вымячко, из вымячка да в титечки, из титечек да в подойничек, из подойничка да по крыночкам, на толсту сметанушку. Да тридевять аминь».

Если все-таки «у коровы уведено молоко», прибегают к помощи заговора: «Стану помолясь, пойду перекрестясь, выйду на широку улицу, пойду на восточну сторону. На восточной стороне ходят Власий и Федосий, в руках у них золоты ключи, они отмыкали у пар божьей коровушки большо́ молоко, толсту сметану!» (Пинежье.)

Крещенский вечер, Канун Богоявления, Голодная кутья, Второй сочельник •

Начало поста.

Главный день святочных гаданий.

*Если в крещенскую ночь звезды очень блещут,
хлеб будет хороший.*

*Яркие крещенские звезды породят белых ярок.
Богоявление под полный месяц — к большому разливу.
(Пермская губ.)*

*Если на голодную кутью метель, ясно,
что пчелы будут хорошо роиться. (Воронежская губ.)
Если в этот день будет метель — то же самое будет
и на масленице; если в этот день будут сильные ветры
от Киева (с юга) — то будет лето грозное.*

*В крещенский сочельник ясный день —
должно ожидать хорошего урожая гороху.
Если в крещенскую ночь небо чистое, будет много гороху.
На Голодную кутью был снег — будет гречка.*

По традиции, накануне большого зимнего праздника крестяне выполняли целый ряд действий, которые призваны были способствовать будущему урожаю, здоровью, благополучию.

На Тамбовщине в крещенский сочельник ели блины, «чтоб в этот год был хороший урожай хлеба».

В Острогожском уезде Воронежской губ. ставили на покути на сено кутью. «Когда садятся за стол, то старший садится на пороге в разодранном полушубке и шапке и квохчет, чтобы квочки садились хорошо и цыплята были хохлатые и чубатые».

Под Крещение же кормят скот хлебом, на верху которого означен крест.

В крещенский сочельник «старухи убирают снег со стогов с полной уверенностью, что только он может выбелить всю холстину, бросают его в колодезь в том глубоком убеждении, что только от него может быть спорина и подспорье, хотя бы во все лето не было ни одной капли дождя. Этим же снегом исцеляют разные немощи».

Крещенский снег собирают для беления холстов; также от разных недугов.

Крещенский снег хорош для умывания, поэтому воду из него стараются долго сохранить.

Собирали снег для бани: баня все исправит, снеговая баня красоты прибавит.

Накануне крещения хозяин или хозяйка мелом рисуют кресты на стенах, дверях, притолоках всех строений (дом, хлев, сарай и пр.).

Известно, что совершалось два освящения воды: одно накануне Крещения — внутри храмов, другое — в самый день Крещения — на ближайшей реке или озере.

По свидетельству корреспондента «Тамбовских губернских ведомостей» за 1864 год, канун Богоявления назывался также «Свечками». «Во время вечерни женщины ставят к сосуду, в котором освящается вода, перевязанные нитками или лентами свечи, а по освящении воды берут их домой и хранят. Эти свечи зажигаются перед иконами во время родов. Пчеловоды ставят одну свечу к кресту и три к сосуду с водой, причем, когда зажигают сии последние, стараются как можно больше накапать воску в воду и поставить свечи так, чтоб они отекали и капали воску упали в воду. По освящении воды они стараются прежде всех зачерпнуть ее в сосуд, чтобы поймать поболее воску, плавающего на поверхности. Пришедши домой, тотчас отправляются в омшаник, кропят святой водой летки ульев и оставляют ее там в сосуде до выставки пчел на пасеку».

Существовало обыкновение ходить в полночь на Крещение за водой на реку. Уверяли, что в эту пору вода в реках колышется. Почерпнув воды, приносили ее домой и сохраняли: считалось, что вода эта может стоять несколько лет в закрытом сосуде, не портясь, только бы никто нечистый к ней не прикасался.

Крещение, Богоявление, Водокреши, Морданы.

*В богоявленную ночь, перед утреней, небо открывается.
О чем открытому небу помолишься, то сбудется.*

Наступают знаменитые крещенские морозы.

*Трещи, мороз, не трещи, а минули Водокреши.
Дуй, не дуй, не к рождеству пошло, а к великодню (Пасхе).*

В окна иньевый овес — знобит мороз.
 Коли силен мороз на Водокреши — на хлеба не ропщи.
 Снегу под Крещение надует, хлеба прибудет.
 На Богоявление снег хлопьями — к урожаю,
 ясный день — к неурожаю.

В Крещение метель, и на Святой метель.
 Если на Крещение поднимаются сильные вихри,
 то к хорошему росению пчел. (Воронежская губ.)
 На Богоявление день теплый — хлеб будет темный
 (т. е. густой).

В Крещение в полдень синие облака — к урожаю.
 (Вятская губ.)

Звездистая ночь на Богоявление — урожай на горох и ягоды.
 На Крещение много звезд, так красных ягод много будет,
 звезды на Рождество — черницы будет много.
 (Пинежск.)

Коли в Крещение собаки много лают,
 будет много зверя и дичи. (Пермская губ.)
 Пасмурное небо, идущий снег и большой иней
 в этот день предвещают плодородный год.
 Если небо повсюду будет пасмурно,
 то всякому хлебу будет род;
 если же на одной только восточной стороне,
 то хорошо уродится рожь, на западной — овес,
 на южной — просо, на северной — греча. (Тамбовская губ.)

Главное событие Крещения — большого христианского праздника — водосвятие, для чего в одном из водоемов на издавна установленном месте делается прорубь — Иордань. Участие в торжественном крестном ходе, молебствие, получение святой воды — этим не исчерпывалось для крестьянина значение водосвятия. Важным оказывалось все, что так или иначе связывалось с Иорданью, например, погодные явления:

Если во время литургии, особенно во время хождения на воду идет снег, то будущий год ожидается хлеботородный,
 а от пчел получатся много роев.

Коли идут на воду в туман, должно быть много хлеба.
 Если стояло облачное небо, то хлеб на весну родится,
 а ясное — ждать неурожайного года. (Тюменская губ.)

В Крещение смотрели за рекой: если вода в межень выпадет,
 то это к доброму году — и летом в межень выпадет.

А не выпадет в межень, то и летом не выпадет —
 все сено потопит, как летом большая вода выпадет. (Пинежск.)

Коли прорубь в Иордани полна воды, разлив будет большой.

Верили и в то, что сама прорубь и места вокруг нее обладают чудесной силой:

После водосвятия втыкали в прорубь палку,
 чтобы голуби или пчелы плодились.

В прорубь втыкают кнут,
чтобы лошади шли ко двору. (Воронежская губ.)
В день Крещения господня, после молебна на реке,
купаются в ней раздетые: больные — излечиться от болезни,
а наряжавшиеся в маски под Новый год —
очиститься от греха.

На Крещение в Вологодской, Казанской и других губерниях в прошлом веке устраивались смотрины. Наряженные девушки выстраивались около Иордани или на берегу, а парни выглядывали себе невест. «В Кадниковском уезде Вологодской губ. на Крещение девушки из окрестных деревень съезжались в с. Никольское. Наряд каждой состоял из нескольких рубашек. Нижняя была с двумя красными полосами, на нее надевали еще четыре или пять разукрашенных рубах, затем — сарафан и три или четыре передника, вышитых как рубашки. Сверху надевалась овчинная шубка, опушенная мехом. После Иордани девушки выстраивались возле церковной ограды, а одна из женщин (выбранная несколькими женихами) раздвигала им полы шубок, показывала передники, рубашки (до нижней с красными полосами), а женихи судили об умении невесты ткать, шить, вышивать, а также, вероятно, об ее материальном обеспечении».

Последне времечко гуляю,
Молодой мальчишка, я:
После Крещенья повенчают,
Кончится гульба моя.

(Тверская губ.)

Перезимье о весне весть подает.

Начало зимнего мясоеда. До масленицы засылаются сваты
и играют свадьбы.

Скоро, скоро мясоед,
Пойду к забаве на совет.
«Женись, Володенька,
Пока я молоденька!»

Никогда так не скудаешь,
Как на мясоед зимой.
Дума думу подгоняет —
Не женился б милый мой.

Скоро, скоро мясоед,
Пойду к милашке на совет:
«Ты, советница моя,
Пойдешь ли замуж за меня?»

Накурило, намело
Снегу голубого.
Ноне женят мясоеда
Самого любого.

Емельяны-перезимники, накрути вуран.

Метель зиме за обычай.

*Зимний ветер морозу помощник — пуще холодит.
Старики в Тульской губ. следят за ветром: коли на Амеля
подует с Киева, то быть лету грозному.*

В степных местах принято в Емельянов день угощать кума с кумой. Поселяне думают, что такое угощение приносит здоровье детям. Кум и кума, приходя в позванный дом, приносят в подарок брусок мыла и полотенце и, вручая этот подарок, говорят: «Вот тебе, кума, мыльцо да белое белишь для крестника».

При первом же купании ребенка надо использовать это мыло, а обкатывая водой, сказать: «Царь морской да царица двинской, да царь пинежской, дай воды на живот, на здравие раба божья Михаила (имя ребенка), на чистоту его, на красоту его»; «С гуся вода, с Иванушки худоба!»

В долгие зимние вечера — самое время рассказывать истории да сказки. Вот и говорили: «Мели, Емеля, твоя неделя! Вспоминали сказку про Емелю и щуку. В одной из деревень Вологодчины существовала эта известная сказка в таком варианте:

«У старика да у старухи было три сына. Эти два сына поехали торговать на базар, а Омелю оставляют дома. «Слушай, баб эгта, дак привезем тебе красный кафтан, красные сапоги и красную шапку».

Омеля лежит на печи. Бабы и говорят: «Омеля, поди по воду». Он и говорит: «А мне и здесь тепло». — «Смотри, ведь не купят красного кафтана, красных сапогов и красной шапки, как не станешь слушать». Омеля схватил ведра и побежал по воду. Пришел, ведра зачерпнул, в ведро зачерпнул щуку. «Ой, Омеля, опусти меня в реку, я много добра тебе сделаю». — «А что ты мне сделаешь?» — «А когда что надо, дай меня попроси: то тебе и будет». Он и отпустил, и говорит: «Ну, по моему прошенью, по щучьему веленью, идите, ведра».

сами домой». Ведра сами и идут. Народ видит. «Гляди-ко, ребята, что Омеля такое курит». Ведра пришли и на лавку сами поставились.

Потом эти женки и посылают: «Поди, Омеля, дров наски да принеси на истопель». Омеля лежит на печи да и говорит: «А мне и здесь тепло». — «Смотри, Омеля, ведь не купят красного кафтана, красных сапогов и красную шапку». — «По моему прошенью, по щучьему веленью, иди-ко, топор, руби дров, а дрова идите сами в избу». Топор нарубил, а дрова в избу пришли.

Ночку ночевали, дрова все, надо в лес ехать. «Омеля, поезжай по дрова». — «А мне и здесь тепло». А сам на печи лежит. «Смотри, не купят тебе красного кафтана, красных сапогов и красной шапки». Вышел на улицу, опрокинул сани, сам сел в сани и сказал: «По моему прошенью, по щучьему веленью, идите, сани, в лес по дрова». Поехал. Ехал городом, сколько народу примял! Приехал в лес и говорит: «По моему прошенью, по щучьему веленью, топор, руби дрова! Дрова, кладитесь в сани да вяжитесь сами!» Воз дров нарубил. «Дай-ко, топор, еще вырубь дубинку!» Сам сел на дрова и едет домой. В городе народу, людно направлено: надо Омеля поймать, надо его ладом выбить да под суд отдать. Омеля и говорит: «По моему прошенью, по щучьему веленью, выходи, дубинка, и обломай им руки и ноги». Дубинка выскочила, всех чисто прихлестала до единого. Он приехал домой и лег на печку. А королю жалобы поднесены на Омеля. От короля посланной пришел полицейской: «Ступай, Омеля, тебя король требует, зачем ты эх наделал: в городе народ примял!» Омеля и говорит: «Поди-ко, дубинка, обломай ему руки и ноги (посланному), зачем он требует». Дубинка всего его изломала. И приходит староста. Тот обманом: натащил ему карамели, закусочку всяких да изюму и говорит: «Поди-ко, Омеля, к королю-то, тот тебя еще не так угостит». Омеля и говорит: «По моему прошенью, по щучьему веленью, печь, иди-ко со мной к королю». Тут в фатере воронцы затрещали, простенок вылетел, и печь пошла с Омелей к королю. Король в окно глядит. «Это что такое за чудо?» — «А это Омеля едет к тебе на печи». Приехал. «Что ты, Омеля, наделал экое? В городе народу много замял?» — «Ваше высококоролевство, я не хочу тебе повиноваться!» Заворотился назад и поехал, а дочь в окно глядит у короля. «По моему прошенью, по щучьему веленью, катись, королевна, за мной». Королевна за ним покатила.

Король больно забедовать стал на него. Король добрался, взял обоих в бочку закупорил, дочь и Омеля, и обручем заковал железным. Опустил их на море. Королевна заплакала: «Что мы, Омеля, наделали! Куда мы поспели!» Омеля и говорит: «По моему прошенью, по щучьему веленью, дуйте ветры буйны, да выкатите бочку на сухой берег поблизости к королевскому дому!» Бочка вылетела на берег и разлете-

лась вся. «По моему прошенью, по шучьему веленью, становись этта хрустальный дом!» Поставился дом хрустальный. «Дальсе-ко мост чугунный вплоть до королевского дому и перила серебряные». Мост выстлался, и перила установились. Послал посланника. «Требуйте короля в гости». Король приехал в гости и сидит за столом. Омелья и спрашивает: «У кого ты сидишь в гостях? Сидишь ты в гостях у Омели-зятя, а дочь твоя потчевает». Вот и стали с той поры гоститься друг ко дружке».

В Пушкинских местах Нижегородского края рассказывали и такую сказку про Емелью:

«Емелья жил с матерью. Вот она послала его на базар. — Сходи, Емелья, купи соли.

Вот пошел он на базар, купил соли, идет, а голуби пьют воду в озере.

— Голуби, голуби, — говорит Емелья, — в озере вода несоленая, а вы пьете ее, давайте я вам посолю воду.

И высыпал Емелья всю соль в воду. Пришел домой, мать ругать его стала. Поругала, поругала и говорит:

— Иди тогда снова на базар и купи горшков.

Так Емелья и сделал. Купил горшков. А когда шел домой, то увидел колья в плетне высокие. Подошел он к ним и говорит:

— Что вы, братцы, без шапок в такой мороз стоите?

И надел горшки на эти колья. Пришел опять ни с чем домой. Снова мать ругать стала Емелью. Емелья и говорит:

— Пустя меня, мать, на базар, я опять куплю горшки.

Согласилась мать. Пришел он на базар, но там ни одного горшка не было. И думает Емелья: «Опять мать будет ругать, если ни с чем приду». И купил он стол. Нес, нес его, устал и рассердился. Увидел, что у стола четыре ноги, а у его — Емели — только две. Поставил он стол на дороге, а сам всё бежит без оглядки: боится, как бы стол вперед не угодил, ведь у него четыре ноги!

Изустал Емелья, когда пришел домой, а стола и не бывало.

Больше Емелью мать не посылала на базар. Она сказала ему:

— Эх, Емелья, кум-то хочет идти в лес дрова рубить, а тебя, дурака, и посылать нельзя. Самой придется идти, а ты, как знаешь, оставайся.

Просился Емелья, просился, но мать его непустила. Сама пошла. На дорогу она много напекла калачей и другой еды и всё уложила в мешок. И стала ждать кума.

А Емелья в это время все калачи из мешка выложил, а сам в него залез и сидит. Вот пришел кум, и они с матерью пошли в лес. Как взяли мешок — и чуть-чуть приподняли его с пола. Шли, шли, изустали. А Емелья сидит в мешке за спиной и кричит:

— Матушка, погодите, погодите...

А они услышали да еще побежали. Ноги не бегут у них. Они думали, Емеля за ними бежит, а он всё нет-нет да опять закричит. И до того добежались мать с кумом, что упали. А кум и говорит:

— Давай, кума, закусим.

Стала мать развязывать мешок, а там Емеля сидит. Так она и ахнула. А Емеля долго смеялся над ними».

Григорий — летоуказатель.

На Григория по инею примечают, какое лето будет: засушливое или дожливое. Иней на стогах — к мокрому лету.

Деревья в инее — небо будет синее.

Выходят в этот день смотреть на сенные стоги и хлебные скирды и если заметят, что на них есть иней, то предрекают, что лето наступит серое и мокрое.

День долгим инеем рясен — летний срок будет ненастен, молодая рожь начнет цвести под самый дождь.

Федосей — бесняк.

Федосеево тепло — на раннюю весну пошло.

Федосеевские морозы: если морозно — яровой посеешь поздно.

Бойся январской весны.

Хилая зима живуча.

Теплые дни января недобром отзываются.

Татьяна Крещенская.

На Татьяну проглянет солнышко — к раннему прилету птиц.

Раннее солнце — ранние птицы.

Снег на Татьяну — лето дождливое.

Если снегопад — летом дождик част.

Павел Фнбейский.

*Петр и Павел дня прибавил.
Звездная ночь — к урожаю льна.
Коли ветер, будет год сырой.*

Пётр-полукорма.

*Петра-полукорма, вышла половина зимнего корма.
Если корма осталось меньше половины,
надо сократить норму пользования им.
Половина корма, заготовленного для скота,
к этому дню выходит. На этот день повсюду существует
пословица: «Метла да костра — будет хлеб до Петра,
а синец да звонец — хлебу конец».*

Антон — перезимник.

*Перезимник обнадёжит, обтеплит,
а потом обманет — все морозом стянет.
Хитер Антон со всех сторон.*

Афанасий-домонос, береги нос. Кирилл.

*В Офонасьев день — самый крень,
самы морозы живут. (Север.)
Пришел Афанасий-домонос — береги щеки и нос.
Афанасий и Кирила забирают за рыло.*

На Офонасьев день пригревина на стенах,
так это к зеленому году. (Пинежье.)

В полдень солнце — весна ранняя.

Сережки у луны — к пурге и морозу.

Чистый закат солнца в морозную погоду говорит о том,
что морозы будут и дальше.

Самовар гудит сильно — к морозу.

Уголь на загнетке сам разгорается — к морозу.

Два друга — мороз да выюга.

Ну и мороз — гвозди вон!

Ну и мороз — птицу на лету бьет!

Береги нос в большой мороз.

Не страшен зимой мороз, когда тепло укрыт нос.

Старик у ворот тепло уволок,

Сам не бежит и стоять не велит. (Мороз.)

Старик-шутник на улице стоять не велит, за нос домой тянет.
Без рук рисует, без зубов кусает. (Мороз.)

Вырос лес, белый весь, пешком в него не войти, на коне не
въехать. (Морозный узор на окне.)

Дети в избе перед топящейся печкой пели-приговаривали:

Гори, гори, жарко,

Приедет Захарка

На сивой лошадке,

Жена на коровке,

Детки на телятках,

Слуги на собачках!

(Саратовская губ.)

На Афанасия знахари выгоняют ведьм.

Только на афанасьевские морозы можно угнать ведьм, по-
тому будто, что в эти дни ведьмы летают на шабаш и там те-
ряют память от излишнего веселья. (Воронежская губ.)

Продолжается свадебная пора. К кому не приехали сваты
или кто не выбрал невесту, начинают беспокоиться и теряют
надежду до масленицы сыграть свадьбу.

Только, только жить еще
Да до Христова рождества.
Афанасьев день прошел —
Никто сватать не пришел.

Меня ладили женить —
Такого малехонного!
Испугались того:
Задавит баба сонного!

Что мне зайчиков бояться,
Что за кустик прятаться!
Что, миленочек, смеяться —
Что до время свататься!

Приезжали ко мне сваты
На седой кобыле.
Все приданое забрали,
А меня забыли!

Ты, пальто, мое пальто,
Не берет замуж никто.
Пойду в поле, закричу:
«Караул, замуж хочу!»

ФЕВРАЛЬ

СНЕЖЕНЬ, БОКОГРЕЙ, ШИРОКНЕ (КРИВЫЕ) ДОРОГИ.

Февраль — месяц лютый: спрашивает, как обутый.

Январю-батюшке — морозы, февралю — метели.

Февраль силен метелью, а март капелью.

Февраль зиму выдувает, а март ломает.

Февраль строит мосты, а март их ломает.

Февраль богат снегом, апрель — водою.

Если февраль будет дождливый,
то такими же можно ожидать
весны и лета, а если погодливый,
то предвещает засуху.

Февраль холодный и сухой — август жаркий.
Как в феврале аукнется, так осенью откликнется.

Февраль переменчив: то январем потянет,
то мартом проглянет.

Февраль и теплом приласкает, и морозом отдубасит.

Февраль корове рог сломал.

Сильные морозы в феврале бывают только ночью.

У февраля два друга — метель и вьюга.

Вьюги-метели под февраль полетели.

Бокогреюшко-февраль, он теплом обычно враль.

Февральская ростепель ничего не стоит.

В феврале много инея на деревьях — будет много меда.

Дует ветер, а инея нет — быть бурану.

Снег прилипает к деревьям — тепло будет.

Копыта у лошадей потеют — к теплу.

Луна ночью будто покраснела — жди завтра ветра,
тепла и снега.

Если кошка встает на задние лапы и начинает
скрести когтями стены — будет вьюга.

Макарьев день.

Какова погода первого числа, таков и весь февраль.

Ясный, солнечный Макарьев день — ранняя весна.

Коли капель — в весну раннюю верь.

Если на Макарья метель, то на всю масленицу.

Нашему Макарке все огарки.

На бедного Макара везде беда напала.

На бедного Макара и шишки валятся.

Загонят, куда Макар телят не гонял.

Не Макару с боярами знаться.

Вчера Макар грады копал, а ныне Макар в воеводы попал.

Ефимий.

На Макария да на Ефимия метель — вся масляна метельная.

Помело метлой на масляну, придет государыня метельная.

Завизжит метелица — всю неделю прометелится.

На Ефимья в полдень солнце — ранняя весна.

Второй день февраля весну показывает: солнечно —
к красной весне, пасмурно — жди поздних метелей.

На улице то дождь, то снег, —

Вью-вью, то дождь, то снег!

То дождь, то снег, то вялица,

Вью-вью, то вялица!

То вялица-метелица —

Крутит-мутит, в глаза несет...

Меня, младу, свекор кличет.

Для свекрушка, для батюшки,

Сама с места не тронуся,

Не тронуся, не ворохнуся!

¹ Припев после каждого стиха повторяет его концовку в четыре слога.

На улице то дождь, то снег.
 То дождь, то снег, то вялица,
 То вялица-метелица —
 Крутит-мутит, в глаза несет...
 Меня, младу, свекровь кличет.
 Для свекрови, для матушки,
 Сама с места не тронуся,
 Не тронуся, не ворохнуся!

На улице то дождь, то снег,
 То дождь, то снег, то вялица,
 То вялица-метелица —
 Крутит-мутит, в глаза несет...
 Меня, младу, мил друг кличет.
 Для милого для дружочка
 Иду-иду скорешенько,
 Скорешенько, торопнешенько, —
 Вью-вью, торопнешенько!
 (Орлянская губ.)

Вдоль по улице метелица метет;
 За метелицей мой миленький идет.

Ты постой, постой, красавица моя,
 Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

На твою ли на приятну красоту,
 На твое ли да на белое лицо.

Ты постой, постой, красавица моя,
 Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

Красота твоя с ума меня свела,
 Исушила добра молодца меня.

Ты постой, постой, красавица моя,
 Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

Тимофей-полузимник.

Половина зимы уже прошла.
 Сильные морозы, бывающие в этот день,
 называются тимофеевскими.

Тимофеевские морозы — позимы.
 Не диво, что Афанасий-ломоноос морозит нос,
 подожди тимофеевских морозов.

Тимофеевский мороз ползими с собой унес (Новгородская губ.).

Если в этот день в полдень видно солнце,
то весна будет ранняя (Новгородская губ.).

Чем больше выпадет снега, тем выше урожай зерновых.
Если в мороз вспотели оконницы и рамы — жди потепления.
Вверх поднимаются по стеклу побеги «снежных растений» —
морозу продолжаться, наклонились — к оттепели.

Аксинья (Ксения) — полузимница, полухлебница •

Половина срока осталось до нового хлеба.
Озимое зерно пролежало в земле половину срока до всхода.
Полузимница пополам, да не ровно делит зиму:
к весне мужику тяжелее.

Какова Аксинья, такова и весна.

На полузимницу ведро — весна красна (Север.).

На полузимницу дорогу переметает, корм подметает.

Метель на полузимницу — сметет корм.

Со дня преподобной Ксении полагают, что до новых хлебов
нужно столько же хлеба, сколько уже съедено. Она и называ-
ется полухлебницей (Новгородская губ.).

Если на Аксинью-полухлебницу хлеб на рынке подешевеет —
будет урожай и новый хлеб будет дешевый.

Если на полухлебницу цена хлебу, низкая,
то до нового хлеба не подыметсЯ (и наоборот).

Едва ли не по всей России в этот день гадали о ценах на хлеб в ближайшее время и на новый урожай. Свой способ гадания был на Тамбовщине: «берут печеный хлеб, весят его на весах ввечеру, а поутру снова весят: если вес хлеба убавится за ночь, цена ему понизится; если прибавится — цена повысится; а если не убавится и не прибавится весу за ночь, то цена останется прежняя».

На Анисью в южнорусских областях гадали об урожае: «На ночь ставили четверик ржи и утром смотрели: если ржи казалось больше, думали, будет урожай; если меньше — урожая не ждали».

Григорий Богослов.

Наблюдают за состоянием погоды в течение дня: «Каков день с утра до полудня, такова, говорят, будет и первая половина следующей зимы, а с полудня до вечера — предвещает другую половину зимы».

Ефрем Сирин, запечник, прибаутник, сверчковый заступник.

На Ефрема ветер понесся — к сырому году.

В Ефремов день домовая глумится на дворах: для него ставят кашу на загнетке.

На Ефрема Сирина домового закармливают. Оставляя ему еду, говорят: «Хозяин-батюшка, побереги скотинку», «Хозяинушка, батюшка, хлеб-соль прими, скотинку води» (Смоленщина.), «Дедушка-соседушка, люби мою скотинку» (Вологодская губ.), «Домовишко-дедушка, всех пой, корми овечушек, ладь ладно, а гладь гладко и стели им мягко» (Пинежье).

Русский крестьянин был твердо уверен в существовании домового, правда, в одних местах считали, что в доме хозяйничает домовый, а на дворе — дворовый, в других же такого разделения обязанностей не проводили, отдавая и избу, и двор, и все дворовые строения во власть одного домового.

Жители Вологодской губернии, по словам собирателя прошлого века, убеждены, что в каждом доме есть домовый, живет он преимущественно в хлевах и поветях (сенниках), но разгуливает и по всему дому... Многие из крестьян рассказывают, что не раз слышали, как домовый ходит по хлеву, кормит лошадей и разговаривает с ними». «Домовый обязательно есть в каждом доме, без него и дом стоять не будет», — заверяли смоленские крестьяне. «Домовый в каждой избе есть. Без этого нельзя», — вторили им воронежцы.

Домовый обычно воспринимался как рачительный, заботливый хозяин, помогающий трудолюбивой, дружной семье; тех, кто плохо вел хозяйство, не заботился о чистоте и порядке, ленился, он пугал, по-своему вредничал, пытался проучить. В Симбирской губ. рассказывали, что домовый, который живет в ладу с хозяевами избы, обязательно предупредит о могущем случиться несчастье: он стонет, плачет «под печкой или в переднем углу подпола и непременно басом — ух, ух, к худу». В Казанской губ. при переходе в новый дом приглашали с собой своего домового: «Домовой, домовый, не оставайся тут, а иди с нашей семьей».

Любопытно, каким представлялся домовый в разных уголках России. Для жителей Смоленской губ. это «седой старик с непокрытой головой, одетый в длинную белую рубаху»; в Вологодском крае — «небольшой старик с длинными седыми волосами и бровями, с сердитым выражением лица, кривыми ногами, тело, кроме рук с длинными когтями и лица, покрыто шерстью белого цвета»; орловский крестьянин уверял, что домовый — «черный, лохматый, здоровый, как медведь, на голове шапка»; на Русском Севере он являлся в облике хозяина того дома, где обитал, или же маленького старичка, покрытого шерстью, но мог принять вид кошки, собаки, мыши, даже тени на стене.

Про встречи с домовым рассказывали много, особенно в дни, когда по традиции его надо было задабривать, кормить.

«Я еще девчонкой была, а помню. Как-то в память все попало. Лошаденка у нас тогда была. Наповадился к нам в стайку кто-то ходить да косичку заплетать. Вот как-то однажды дед пошел в сарай — у лошади опять заплетены косички. Он про себя говорит: «Наверно, домовый». А смотрит: старичок сидит. Он и говорит: «Сидишь?» А тот сжался, малюхонький такой стал, да так тихонечко прокряхтел. А сам косу-то плетет.

Мать моя частенько тоже поговаривала, мол, уйдет куда-то, вернется — а в избе-то уж все прибрано» (*Читинская обл.*).

«Это уж я своими ушами слышала.

Построил в Травяной пади один наш мужичок зимовье. Скот там пасти, то, друго... Скотину перегнал. А перед тем попросился у домового:

— Хозяин, хозяин, пусти меня к себе и скотину мою пожалуй.

На ночь каши наварил полный горшок, сам не тронул, а на шесток домовому поставил. Ну вот. Загнал во дворы скотину, стал жить, пасти. И как-то раз дождь был. Он промок весь, к вечеру загнал во дворы, пошел, согрелся и уснул. Спит, вдруг кто-то его за плечо встряхнул:

— Хозяин, хозяин! А быки-то твои стамовик разбили, ушли вверх по паде!

Соскочил он. Выбежал: правда, дворы пусты. Он — на коны и вверх по паде. И уже в вершине догнал, заворотил» (*Нерчинск.*).

«Однажды я купил на базаре в городе лошадь — мерина, привожу ее домой и поставил ее в омшаник. Дело было к вечеру. Замесил я лошади да и спрятался за ясли. Вдруг слышу — с сушил кто-то слезает. Я присмотрелся. Вижу, слезает старик седой как лунь, в желтой свитке, на голове лохматая шапка. Я догадался, что старик не кто иной, как дедушка домовый. Он подошел к лошади и стал плевать ей в морду, приговаривая: «Вот так купил кляцу. Она и корму-то не стояла. В шею ее со двора-то». Потом стал выгребать у нее корму, а сам все плюет ей в морду, <...> да приговаривает: «Рази ефто лошадь, ефто кляца. Купил бы, — баит, — кобылку пегеньку, задок беленький». Пришлось мужику другую лошадь покупать. «Приезжаю, поставил кобылу в омшаник, замесил ей, а сам опять спрятался за ясли. Вижу, дедушка домовый слез с сушил. Подошел енто он к лошади, осмотрел кругом да и баит: «Вот ефто, — баит, — лошадь, так лошадь. Ефту стоит кормить, а то купил какую-то кляцу». Стал ее гладить, зашлеп ей на гриве косу, а сам все похваливает ее да сует ей

под морду-то корму. Коли́ домовой ушел, я вышел из-за яслей, перекрестился, взошел в избу и баю: «Ну баба и робята. Никак ефта кобыла полюбилась домовому», — и рассказал им все, что видел. И впрямь кобыла моя пошла на поправку. С той поры от пегой кобылы у меня три лошади, почитай, лучше моих во всем селе лошадей нет ни у кого» (Владимирская губ.).

Вечером на Ефрема Сирина, кроме рассказов про домового, принято было забавляться и разными прибаутками, слушать которые особенно любили дети.

«Сошлись два свата. Один из них и говорит другому: «Здорово, сват!» А тот на это отвечает ему: «По репу». — «Женил, сват, сына-то?» — «Тележки с две». — «Хороша ли невеста-та?» — «Доеду до деревни-то, так и ночую», — отвечал сват, в самом деле глухой. «Тебе, сват, наплевать!» — «Зима-то долга: ребята съедят». — «Толкуй с глухим хоть до завтра!» — сказал сват и пошел своей дорогой».

Стучит, брянчит по улице.
 Фома едет на курице,
 Тимошка на кошке —
 Туды ж по дорожке.
 — Куды, Фома, едешь,
 Куды погоняешь?
 — Сено косить.
 — На что тебе сено?
 — Коровок кормить.
 — На что тебе коровы?
 — Молоко доить.
 — На что тебе молоко?
 — Робяток поить.

«Мать меня послала в анбар по муку; я думаю — в баню по клюку; я принес клюку-то под печку; тут прилетели два ангела, сделали два колеса, подынули меня на небеса; там я жил хорошо. Сделали мне церковь, обили тесами, покрыли блинами, заперли калачом, запечатали пряником. Я пришел к церкви-то да пряник-то и съел. Да сколь сладко! Потом зашел в церковь: тут лампадки-то репны, свечи-то морковны. Потом зашел в алтарь: стоит поп оловунные глаза. Я как треснул его по лбу-то, из него песок и посыпался».

Тпруни-тпруни, у Петруни
 Была сивая кобыла,
 Заскочила в огород.

Съела гряды огурцов.
 Две косыночки оставь,
 Меня к бабушке доставь.

«Не белая березонька в поле шатается, шелудивый с плешивым считается: «Хороши твои кудри, хороши твои русы, да не выросли!».

«Была репа важная, дивилась старуха кажная; одним днем крутом не обойдешь; у той репы половину мы с семьей целую неделю ели, а другую половину другую неделю; корку навалили да кобылу надсадили и телегу обломили. Вот какая была мудрость недавно утресь!»

Как у нас в сельце Поливанове
Боярин-дурак в решете пиво цедил,
А дворецкий-дурак в сарафане пиво сливал.
— Возьми, дурак, бочку — больше пива наливаешь!
А поп-от, дурак, косарем сено косил.
— Возьми, дурак, косу — больше сена накосишь!
А пономарь-дурак на свинье сено возил.
— Возьми, дурак, лошадь — больше сена навозишь!
А попович-дурак шилом сено подавал.
— Возьми, дурак, вилы — больше сена подашь!
А крестьянин-дурак косточкой пашню пахал.
— Возьми, дурак, соху — больше пашню напашешь!

Из кути по лавке
Все сидят валявки,
Вдоль по скамейке
Все сидят беленьки.
Одна кукомоя —
Лизавета неумоя.
За ёй ходит купчик,
Миленькой голубчик.
Брус мыла носит,
Котел воды таскает:
— Лизанька, умойся!
Будешь побелее,
мне помилее.

(Вологодская губ.)

У попа-то рукава-то — батюшки!
Ширина-то, долина-то — матушки!
Из поповых рукавов выйдет семеро штанов,
Ой, поп попадью переделал на бадью,
Барыня ты моя, сударыня ты моя!
(Нижегородская губ.)

Дуня моя Дуня,
 Милая Авдотья.
 Как у нашей Дуни
 Что было скотины:
 Кобыла Ненила,
 Жеребец Гаврила,
 Корова Алена,
 Бык был Ерема,
 Гусиха Агаха,
 Селезень Игнаха,
 Курица Варвара,
 Петух был Макара,
 Кошка Матрешка,
 Кот был Алешка,
 Овечка Манька,
 А баранчик Ванька.
 (Ленинградская обл.)

Трифон.

На Трифона звездно — весна поздняя.
 Если на небе покажется много звезд,
 то зима еще долго продлится и весна будет поздняя.
 На Трифона сельские девицы молятся о женихах,
 так как февраль — месяц свадеб.
 На Трифона заговаривают мышей,
 чтобы не портили скирды с хлебом.

Сретенье, Сустретный день.

Сретенье — зима с летом встретились.
 На этот день зима борется с летом: кому идти вперед,
 кому назад.
 Сретенские морозы. Сретенские оттепели.
 Солнце на лето, зима на мороз.
 Покров не лето, а Сретенье не зима.
 Зима весну встречает, заморозить красную хочет,
 а сама лиходейка от своего хотенья только потеет.

У дня больше света, у ночи меньше стужи.
Какова погода на Сретенье, такова и весна будет.

На Сретеньев день снежок — весною дожжок.

Снег метет через дорогу — будет поздняя весна,
а коли не метет, то ранняя.

Если в Сустретьев день по дороге несет снег, значит,
в квашни поведет — уродится хлеб.

На Сретенье утром снег — урожай ранних хлебов,
если в полдень — средних, если к вечеру — поздних.

Если на Сретенье петух напьется воды —
наберется пахарь беды (зима будет еще долго продолжаться,
почему хозяева берегут хлеб и пшено).

Если небо белозвездно, то зима заплачет поздно.

Если на Сретенье будет переметывать дорогу,
зима протяжная.

Снег через дорогу передувает — сей просо;
если же случится оттепель и капель, то сей пшеницу.

По погоде в Сретенье судят также об урожае трав,
для чего бросают поперек дороги палку и наблюдают:
если снег заметет ее, то и корм для скота «подметет»,
т. е. травы будут дороги.

Если в Сретеньев день тихо и красно,
то летом будут хороши льны.

В Сретенье капель предвещает урожай пшеницы,
а ветер — плодородие фруктовых деревьев,
почему садовники, пришедши от заутрени,
трясут деревья руками, чтоб были с плодами.

В Сустретьев день начинали закармливать племенных птиц
и кормить кур овсом, утверждая: «Корми кур овсом —
весной и летом будешь с яйцом».

Тепло льды пятнает, старик шубу снимает.

На Сретеньев день льды опятнает —
зверь ложится по льдинам (Архангельская губ.).

Симеон и Анна — расчинный починки. Власий.

Семен с Анной сбрую починяют.

В починки дед встает чуть свет —
чинит сбрую летнюю да борону столетнюю.

Починки, по сохе поминки.

Худая сбруя — несчастный выезд.

ЗАГАДКИ

Выше лошади, ниже собаки. *(Седло.)*

Летит птичка, во рту плотичка,
голодна — не съест,
сыта — не выкинет. *(Лошадь и удила.)*

Печь мясная, приступы железные. *(Подковы.)*

Две прямых, одна кривая, посередочке живая. *(Лошадь, дуга, оглобли.)*

Две Пелагеи и обе нагие. *(Оглобли.)*

Клено полено, соломы беремя,
Лык пучня, конопель ручня. *(Хамут.)*

Встану, так выше коня,
а лягу, так ниже кота. *(Дуга.)*

Лежу — все молчу, подыми — всех заговорю. *(Дуга и колокольчик.)*

Летом у меня масленица, а зимой — великий пост. *(Колеса.)*

Четыре мужика бегут по одной дороге,
двое по одной стороне и двое по другой, но поймать один
другого не могут. *(Колеса.)*

Два убегают, два догоняют, отдыхают вместе. *(Коза.)*

Загуляла корова, все поле рогами перепорола. *(Соха.)*

Лиса во всю зиму боса,
весна пришла — в сапогах пошла. *(Соха.)*

Два рога — одна нога. *(Соха.)*

Уже да глубже, шире да мельче. *(Соха и борона.)*

Кривоногий взлохматит, зубастый причешет. *(Соха и борона.)*

Пятеро десен по четыре зуба. *(Борона.)*

Коряка корячится,
коряке не хочется,
коряку за хвост волокут. *(Борона.)*

На Власия большие лужи.

По 24 февраля бывают семь крутых утренников: три до Власия, четыре после Власия.

Полагают, что на Власия домовый заезжает лошадей. Чтобы от домового избавиться, привяжи к лошади кнут, рукавицы и онучи.

Николай студёный.

*Студеный день — шубу снова надень.
Никола студеный — волчий свят, маковый закат.
Наступает время звериных свадеб.*

Агафья-коровница.

*Агафья-коровница, береги коров.
Агафья коров оберегает от болезней.*

*Корова без клички — мясо.
Корова в тепле — молоко на столе.
У коровы молоко на языке.
Корова на дворе — харч на столе.
Корову палкой бить — молока не пить.
С маслом да со сметаной бабушкин лапоть съешь.
Избыл дед бычка, да хватился молочка.
Сметану любить — коровку кормить.
Крестьянин скотинкой жив.
Животину водить — не разиня рот ходить.
Домашний теленок лучше заморской коровы.
Была бы корова, найдем и подойник.*

КРОШЕЧКА-ХАВРОШЕЧКА

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся; к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подает, и прибирает, и за всех и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно — ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого!

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать: «Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму дали пять пудов напрядь, наткать, побелить, в трубы покатасть. А коровушка ей в ответ: «Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано». Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка — все готово: и наткано, и побелено, и покатоно. Отнесет к мачехе; та поглядит, покрятит, спрячет в сундук, а ей еще больше работы задаст. Хаврошечка опять придет к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет принесет.

Дивится старуха, зовет Одноглазку: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?» Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает: «Спи, глазок, спи глазок!» Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, материно приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает: «Спи глазок, спи, другой!» Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка все еще спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте еще больше работы дала. И Триглазка, как ее старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поет: «Спи, глазок, спи, другой!» — а об третьем забыла. Два глаза заснули, а третий глядит и все видит, все — как красная девица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Все, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу: «Режь рябую корову!» Старик так, сак: «Что ты, жена, в уме ли? корова молодая, хорошая!» Режь, да и только! Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке: «Коровушка-матушка! Тебя хотят резать». — «А ты, красная девица, не ешь моего мяса: косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай». Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала; голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая — боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — тот заглядывается.

Случилось раз — девушки гуляли по саду; на ту пору ехал по полю барин — богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек: «Девуцы-красавицы! — говорит он. — Которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет». И бросились три сестры одна перед другой

к яблоньке. А яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались — ручки изодрали, а достать не могли. Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не зная».

На Агафью коровья смерть ходит.

В селениях Нижегородской губернии есть поверье, что на этот день пробегает по селам «коровья смерть», олицетворяемая в виде старой отвратительной женщины, имеющей руки граблями.

По случаю падежа скота или для предотвращения его существовал во многих местах России обряд опахивания деревни: собирались ночью скрытно все бабы в одних рубахах, с распущенными волосами, брали в руки кто дубину, кто косу, на вдову надевали хомут без шлеи, запрягали ее в соху и гурьбой обходили деревню. Обязательно захватывали с собой петуха, кошку и собаку. Во время «опахивания» выкрикивали: «Смерть, смерть коровья — не губи нашу скотину; мы зароем тебя с кошкой, собакой и кочетом в землю!»

В Воронежской губ, думали, что в этот день из ада вылезают нечистые духи в виде птиц и заглядывают в трубы. Против таких опасных посетителей принимаются особые меры, состоящие в окуливании чертополохом.

Вукол-телятник.

На Вуколу — начало весеннего отела коров.

*На святого Вуколу телятся жуколы
(коровы, обходившиеся со стона).*

На Урале и в других краях отелившуюся корову, оягвившуюся овцу в хлевах окуривали чабрецом (богородской травой), чтоб молоко не было поганым, а молодняк рос здоровым.

Во многих селениях есть обыкновение: когда телится корова, то по истечении двенадцати удоев, когда пройдет молоко и молоко сделается годным к употреблению, варят молочную некрутую кашу. Старшая в семье женщина берет горшок этой каши, обкладывает его сеном и ставит

в чашку с овсом. Потом трижды поднимает чашку над головой и при каждом разе произносит: «На сто бычков! На тысячу телушек!» Затем, снявши приволоку, т. е. пленку, садятся за стол и едят. Этот обряд называется «моление молока», который обыкновенно совершается перед обедом. Сено и овес отдаются корове и телку, а приволока — одному теленку.

Лука.

*Пекут пирожки с луком.
На Луку полуденный ветер — к урожаю яровых.*

Захарий — серповидец.

Святцы называют Захария Серповидцем потому, что он в одном из пророческих откровений видел свиток, летящий по воздуху, изогнутый наподобие огромного серпа. Крестьяне понимали это по-своему и день этот ознаменовывали тем, что доставали серпы и осматривали их.

Захарю-серповидцу молятся бабы-жницы.

Никифоры — Панкраты.

На Никифора плетут лапти.

*Не всяк Панкрат хлебом богат.
Зима убегает темными ночами.*

Ой, лапти мои,
Лапоточки мои!
Вы скорóдили, пахали,
Танцевать сюда попали.

Гуляй, Матвей,
Не жалей лаптей!

До субботы доживем —
Новы лапти наживем!

Ох, лапти мои,
Четыре оборки!
Хочу, дома заночую,
Хочу, у Егорки.

Прохор.

На Прохора и зимушка-зима заохает.
 Хоть февраль злится, но весну чувствует.
 До Прохора старуха охала:
 «Ох, студно!»
 Пришел Прохор да Влас:
 «Никак скоро весна у нас!»

Власий — сшибает рог с зимы. Власий — скотный вог.

Пришел Власьев день, пришли и власьевские морозы.
 Власьевские утренники пойдут — держи ухо востро!
 Власьевские морозы последние, завершающие зиму.
 Власий сшибает рог с зимы.
 Пролет мороз маслица на дороги —
 зиме пора убирать ноги.
 Мороз запел — санный путь оледенел.
 С Власьева дня полоз санный покатится
 и корова бок греет.
 На Власьев день стараются вообще не работать
 в расчете предохранить свой скот от падежа.

К Власию обращались с молитвой, особенно во время эпидемии: «Святой Власий, дай счастья на гладких телушек, на толстых бычков, чтобы со двора шли-играли, а с поля шли-скакали».

Во многих местах Власьев день отмечали как большой праздник. В Кадниковском уезде Вологодской губ. на празднество съезжались жители соседних волостей, устраивалось многолюдное молебствие, во время которого освящались караваи ржаного хлеба. Хозяйки затем скармливали этот хлеб скоту. «Власьев день здесь — праздник по всем приходам на три дня и больше. Варят пиво, приглашают всю родню, словом, празднуют широко и разгульно».

У Власия и борода в масле.

Начинаются скотские торги — базары.

Мелечтій и Алексій.

В течение трех дней выставляли на утренний мороз зерно, предназначенное для посева, говоря, что тронутые морозом семена дают лучший урожай.

Выносили на мороз также лен и пряжу, чтобы иметь чистые, ровные и белые нитки и мотки.

Кирилл.

На Кирилла хорошая погода — к морозам.

Онисима-овчар, овчарник.

На Онисима-овчарника зима становится безрогой.

В Рязанской, Тульской и некоторых других областях именно в этот день запряг пряжу, т. е. выставляют ее на утренний мороз.

Большая прибавка воды предвещает хороший сенокос.

На Онисима овчары окликают звезды, чтобы овцы ягнлись. Воронежский крестьянин, к примеру, совершал это следующим образом: «Вечером, когда появятся звезды, хозяин овец с овчаром выходят за околицу и кладут на все четыре стороны по три поклона. Овчар становится на руно и произносит: «Засветись, звезда ясная, по поднебесью, на радость миру крещеному. Загорись огнем негасимым на утеху православным. Ты заглянь, звезда, на двор рабу (имя рек). Ты освети, звезда ясная, огнем негасимым белояровых овец. Как по поднебесью звездам несть числа, так бы у раба (имя рек) уродилось овец более того».

Любопытно, что та же связь овец со звездами отразилась в многочисленных загадках:

Бежали овцы по калиновому мосту,
увидали зорю, пометались в воду.

Поле не меряно, овцы не считаны,
пастух рогат.

Один пастух тысячи овец пасет.

Хозяин спит — овцы на выгоне,
хозяин выглянет — овец не видно,
хозяин спрячется — овцы опять обозначатся.

(Солнце и звезды.)

Бессмертная овечка черная вся в огне горит. (Звездная ночь.)

Баран в хлеве,
рога — в стене. (Масля.)

Бежат, бежат овечки
по липовой дощечке;
увидали зорю —
пали в воду. (Звезды.)

КАСЬЯН ЗАВИСТАЛИВЫЙ, ЗЛОПАМЯТНЫЙ, НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ, НЕМИЛОСТИВЫЙ, СКУПОЙ.

В народном календаре Касьянов день занимает особое место: это самый страшный день, находящийся во власти злопамятного святого. В центральной части России работы в этот день и накануне прекращаются. «Глаз Касьяна» считается настолько опасным, что 29 февраля крестьяне предпочитают вовсе не выходить из избы, особенно до солнечного восхода. Жители Орловской и Рязанской губерний стараются даже проспять до обеда, «чтобы таким образом переждать самое опасное время».

В Вологодском крае о злом, недоброжелательном человеке говорят: «Эдакой ты Касьян! Видно, в тебе нет крови-то человеческой».

«В некоторых местах, как, например, в Саранском уезде Пензенской губ., он (Касьян. — А. Н.) даже не считается святым и не признается русским».

Касьян на что ни взглянет — все вянет.

Зинул Касьян на крестьян.

Касьян на скот взглянет, скот валится;
на дерево — дерево сохнет.

Касьян на народ — народу тяжело;

*Касьян на траву — трава сохнет;
Касьян на скот — скот дохнет.
Високосный год тяжелый на людей и на скотину.
Касьян все косою косит.
Худ приплод в високосный год.*

Новгородцы так объясняют, почему день Касьяна празднуется только раз в четыре года: «Касьян три года подряд в свои именины был пьян и только на четвертый год унялся... — вот почему и положено ему быть именинником через три года раз!»

В Вологодской губернии говорят, что Касьяну подчинены все ветры, он держит их на двадцати цепях за двадцатью замками. «В его власти спустить ветер на землю и наслать на людей и на скотину мор».

Ватушка весна всем
красна. Весна крас-
на пришла-на всё по-
шла. Зима весну

пугает, да сама тает.

Весною оглобля за одну ночь
травой окрастает. Весна и
червяка живит. Красна весна,
да голодна. Весной-то гладко:

сиди да гляди; осень-то

матка: кисель да блины.

Осень прикажет, да весна
придёт-своё скажет (о судьбе
озимых). Осень говорит:

«Я поля уряжу» Весна говорит:
«Я ещё погляжу!» Весна красна

цветами, а осень-прогалин.

Весною сверху печёт, а снизу
морозит. Не бойся зимы-бойся
отзимка. Весна на пегой кобы-
ле ездит.

Весна да
осень-на дню погод, всесель.

ВЕСЕННИЙ ЛЁД ТОЛСТ, ДА ПЛОСТ;
ОСЕННИЙ ТОНОК, ДА ЦЕПОК. ВЕСНА
ОТМЫКАЕТ КЛЮЧИ И ВОДЫ. ВЕШ-
НЕЙ ВОДЫ НИКТО НЕ УЙМЁТ: ВОДА
ПУТЬ НАЙДЁТ. ВЕСНОЮ — ВЕДРО ВОДЫ,
ЛОЖКА ГРЯЗИ; ОСЕНЬЮ — ЛОЖКА ВО-
ДЫ, ВЕДРО ГРЯЗИ.

ВЕСНОЮ
СУТКИ МОЧИТ,
А ЧАС СУШИТ.
ВОДА НА ЛУГУ — СЕНО
В СТОГУ. БЫЛА ВЫ ВОДНИЦА, А
ЗЕЛЕНЬ НАРОДНЕТСЯ. ГОТОВЬ САНИ
С ВЕСНЫ, А КОЛЁСА С ОСЕНИ.
ЕСЛИ ЗИМОЙ НЕ ВСПОТЕТЬ, ТАКИ
ЗИМОЙ НЕ СОГРЕЕШЬСЯ. ВЕСНОЮ
ДЕНЬ УПУСТИШЬ — ГОДОМ НЕ ВЕРНЁШЬ.
ВЕШНИЙ ДЕНЬ ЦЕЛЫЙ
ГОД КОРМИТ.

Хороший год по весне видно.
 Рано затает — долго не растает.
 Ранняя весна ничего не стоит. Поздняя весна не обманет.
 Ранняя весна — признак того,
 что летом будет много непогожих дней.
 На весну надейся, а дрова запасай.
 На изломе зимы наблюдается «небесный ледоход»
 кучевых облаков.
 Когда весенняя вода пойдет, а лед держится,
 то это к плохому году.
 Если весной снег тает быстро,
 а вода бежит дружно — к мокрому лету.
 Первый ручеек — весне сын родной, а зиме — пасынок.
 Весною как грязь, так и хлебушка даст.
 Перелетная птица течет стаями — к дружной весне.
 Прилетел кулик из заморья, принес весну из неволя.
 Птицы выют гнезда на солнечной стороне —
 к холодному лету.
 Когда весною появляется много мышей —
 это предвещает голодный год.
 Если встретишь весной белого зайца,
 то снег обязательно еще выпадет.
 Весна днем красна.
 Щедро весна на тепло, да скупа на время.
 Кто спит весною, тот плачет зимою.
 Весной запашку затянешь — ножки протянешь.

Прилетела пава,
 Села на лаву,
 Распустила перья
 Для всякого зелья. (Весна.)

Была белая да седая,
 Пришла зеленая, молодая. (Зима и весна.)

Старый дед, ему сто лет, мост намостил во всю реку,
 А пришла молода — весь мост размела. (Мороз и весна.)

Ох весна красна Все повыскребла,
 Все повытрясла, Новым веничком
 Из закровов Все повымела!

(Смоленская губ.)

Ох ты, матушка весна!
 Что нам, радость, принесла?
 — Принесла я вам весну,
 Красным девкам сухоту,
 Добру молодцу печаль.

Почему садик завял?
— Добрый молодец гулял
На своем добром коню,
На черкасском седлу.
Ох ты, конь вороной,
Стрепенися подо мной!
Марьянушка молода
С острога коня вела
За шелковы повода
(Екатеринославская губ.).

— Весна красна,
Что-то нам принесла?
— Соху, борону
И кобылу ворону,
Солнца клочок,
Соломки пучок,
Хлебушка краюшечку
И водицы кружечку!

— Весна, где бывала?
— В лесу зимовала,
Огород городила,
Капусту садила,
Цветы заводила.

— Весна красная,
Долгожданная!
Где ж ты долго
Так бродила?
— С зимой лютою
Повстречалася,
Растопила ее сердце хладное,
Напоила землю-матушку
(Брянская обл.).

МАРТ

Зимовор, протальник, сухой, берёзокол.

Мартушка закрутит вертушку.
Февраль воду подпустит, март подберет (о заморозках).
Март корове рога ломит.
В марте — апреле зима сзади и спереди.
И в марте мороз на нос садится.
Март — не весна, а предвесенье.
Иногда и март морозом хвалится.
В марте мороз скрипуч, да не жгуч.
Пришел марток — надевай семеро порток.
Март у матери-зимы шубу купил, да через три дня ее продал.
В марте и на корыте уедешь (бездорожье).
В марте курица из лужицы напьется.
В марте вода, в апреле трава.
Март сухой да мокрый май — будет каша и каравай.
Март похоронит, август схоронит
(хлеб: похоронить в землю, схоронить в закроме).
В марте день с ночью меряется, равняется.

В марте облака плывут быстро и высоко — к хорошей погоде.
Если в марте вода не течет, в апреле трава не растет.
Если в мартовские метели снег ложится на полях неровно,
волнисто, буграми, то хорошо родятся
огородные овощи и яровые хлеба.
Частые туманы в марте предвещают дождливое лето.
Сухой март — плодородие, дождливый — неурожай.
Случившийся в марте гром — признак плодородия.
Мартовская вода (из мартовского снега. — А. Н.) целебная:
она от веснушек и загара.

Первый снег в марте считается благодатным, его собирают и воду из него берегут: она называется мартовскою и употребляется при болезнях, ею также окрапывают кустарники и плодовые деревья, чтобы водились и роились пчелы (Орловская губ.).

В начале марта садятся на гнездовья синицы, воробьи подбирают себе пары (Подмосковье).

Куры, напившись талой воды, начинают много нестись.

В марте первое яйцо — у воронихи.

Чайка прилетела — скоро лед пройдет.

Кукушка, часто и сильно кукующая весною, предвещает теплое время.

Кора, во множестве потрескивающаяся весною на березах и других деревьях, предсказывает на будущее время продолжительную, хорошую и сухую погоду (Воронежская губ.).

Множество майских жуков весною — урожай проса в этом году

В Сибири с марта (до пахоты) начинался дроворуб — «та же страда. Не нарубишь до пахоты — так зиму сырником и будешь топить». «Те, кто постарше да посильнее, отправляются рубить дрова подальше от слободы, на ночеву, то есть ночи на три-четыре, а то и на неделю.

Ребята порубят дровишек где-нибудь недалеко: все же хоть на осень истопить пригодится» (Тюмень).

Марьяна.

Маремьяна праведная, Меремьяна-Кикимора.

Каким образом праведница Маремьяна (Марьямна) церковного календаря превратилась в народном месяцеслове в Меремьяну-Кикимору, сказать трудно.

Уже в прошлом веке кикимора представлялась в народе очень по-разному: как хозяйка избы, как жена домового или лешего, в виде уродливой старухи маленького роста или девки с длинными черными волосами, белым лицом и черными глазами; в одной из вологодских деревень рассказывали, что она «так мала и суха, что не выходит на улицу, боясь быть унесенной ветром».

«Кикиморой одноглазым» в той же Вологодчине называли камень с отверстием («куриный бог»), который здесь подвешивали в курятнике для охраны птиц от кикиморы.

Кикимора может жить не только в доме, но также в бане, в хлеву, на гумнах, в курятнике, в пустых строениях и даже, по мнению жителей Самарской губернии, в кабаке.

Чаще всего кикимора по мелочам вредит обитателям дома, иногда помогает хозяевам, предупреждает о надвигающейся беде — выходит из подполья или плачет.

«На святках рождает детей. Новорожденные вылетают в трубу на улицу, где и живут до Крещения, — это шульканы» (Вологодская губ.).

В средневековой Руси с 1 марта начинался Новый год, и еще в XIX веке сохранялся обычай не работать в этот день.

О погоде 1 марта говорили:

Вздел Ярило зиму на вилы.

«После Крещения цыган шубу продает, а морозов жди на Афанасия-пучеглаза, на Федора-тирана и Меремьяну-Кикимору».

Фёдор Тирон.

Федору Тирону иногда молились об отыскании украденных вещей и бежавших рабов.

Лев Катанский.

На Льва Катанского нельзя глядеть на падающие звезды — утверждали знатоки церковных священных, по-своему толкуя прозвание святого: Катанский — от «катать», «катить».

Тимофей-вешовой.

По Тимофею весна.

Вешовой теплом веет, стариков греет

Если в этот день была солнечная погода, старики выходили на завалянку, грелись на солнышке, разговоры вели, смешные истории да сказки вспоминали.

«Раз зимою ехали по Волге-реке извозчики. Одна лошадь заартачилась и бросилась с дороги в сторону; извозчик тотчас погнался за нею и только хотел ударить кнутом, как она пала в майну и пошла под лед со всем возом. «Ну, моли бога, что ушла, — закричал мужик, — а то я бы нахлестал тебе бока-то!»

НИКОЛА ДУПЛИНСКИЙ

Жил мужик с бабой. Заметил он, что его баба завела любовника. Вот однажды он пошел в лес и нашел там дупло и придумал сказать своей жене, что он нашел дупло, а в нем угодника Николу Дуплинского. Приходит домой и говорит: «Ой, матка, матка, я в лесу видел чудо: нашел дупло, а в нем сидит Никола Дуплинский, у него чего попросишь, то и даст: хоть мужа уморит, хоть ослепит, хоть меня, хоть тебя — все сделает, только молись ему». Вот баба и пошла одной дорогой, а муж другой, кратчайшей, вперед ее и сел в дупло; вот баба пришла и встала на колени перед деревом и молится: «Батюшка, Никола Дуплинский, умори моего мужа, а то ослепи», а из дупла слышится: «Уморить не уморю, ослеплю; ты вот что сделай: навари каши помасляней, он будет есть и скажет: что-то, матка, я худо вижу, так ты ему еще полей масла».

Пошла она домой одной дорогой, а он другой. Приходит домой, а он уж на печи лежит; баба и спрашивает мужа: «Ау, батя, батя, разве печку-то затопить да каши сварить». Со-стряпала она кашу да в чашку и наклала, а он сидит да ест и говорит ей: «Что-то, матка, я худо вижу», а она от прилавка-то разбежалась да еще плеснула масла, а он закричал: «Ой, матка, я нисколько не вижу, наверно, ослеп, сведи меня на печку да подай-ка мне ружье, хоть я со скуки постреляю». Она и подала ему ружье. Мужик выглядывает из-за трубы, а к ней пришел друг: а у бабы уж ранее шанег для него было нарастворено. Баба и говорит своему другу: «Погоди без масла-то шаньги есть, я за маслом сбегаяю»; она убежала за маслом, он стал есть шаньгу, а муж-то и выстрелил в него да в рот шаньгу и запихнул. Баба пришла с маслом, посмотрела на друга, видит, он мертв, и сказала: «Ведь я говорила тебе, что не ешь без масла, ну и подавился» (Новгородская губ.).

Жили мужик да баба, а жили они больше врозь. Мужик-то все ходил по городам, работал там. А бабе сделалось видно, скучно, и она полюбила другого, и тот каждый день стал ходить к ней. Вот в один день мужик-то и накрыл нечаянно. Идет по улице к дому, а любовник-от сидит с бабой. Увидал любовник мужика-то да и говорит бабе-то: «Куда

мне? Ведь убьет меня!» А баба ему и говорит: «Давай разболтайся да вставай в угол к иконам». Любовник так и сделал. Пришел мужик, крестится: «Здорово, баба! Что это у тебя в углу-то?» — «А это нового Спаса купила недавно». — «А... хороший Спас. Ну-ко, давай собирай на стол, есть перехотелось!» — «Сейчас, сейчас, щи горячие!..» Баба собрала на стол, и стали обедать. Ест мужик щи, а щи горячие, да то и дело глядит на Спаса. А тот ни жив ни мертв. «А ну-ко, — сказал мужик, — не хочет ли новой-от Спас шей-то», — да и плеснула на Спаса целую поваренку щей. Спас сохал да опрометью через стол пустился бежать. «Спас, Спас! Постой, еще каша есть!» — «Нет, спасибо, щей наелся!» *(Вологодская губ.)*

«У мужика случилась беда, а на беду надо денег. Между тем денег нет; где их взять? Надумал мужик идти к черту просить денег взаймы. Приходит он к нему и говорит: «Дай, черт, взаймы денег». — «На что тебе?» — «На беду». — «Много ли?» — «Тысячу». — «Когда отдашь?» — «Завтра». — «Изволь», — сказал черт и отсчитал ему тысячу. На другой день пошел он к мужику за долгом. Мужик говорит ему: «Приходи завтра». На третий день он пришел. Мужик опять велел прийти завтра. Так ходил он сряду несколько дней. Мужик снова говорит ему: «Чем тебе часто ходить ко мне, то я вывешу на воротах моих доску и напишу на ней, когда тебе приходиться за долгом». — «Ладно», — ответил черт и ушел. Мужик написал на доске «Приходи завтра» и повесил ее к воротам. Черт раз пришел, два пришел, на воротах все одна надпись. «Дай, — говорит он сам с собой, — не пойду завтра к мужику». И не пошел. На третий день идет к нему и видит на воротах другую надпись: «Вчера приходи». «Эк меня угибало, — сказал черт, — не мог вчера я прийти, видно, пропали мои денежки». И с тех пор попустился он своему долгу» *(Пермская губ.)*.

Прибили одного дурня ночью и стали ему на другой день смеяться. «Ну, — говорит он, — молитесь бога, что ночь была светлая; а то я выкинул бы вам штуку!» — «Какую, скажи, пожалуйста!» — «Я бы спрятался!»

Трое прохожих пообедали на постоялом дворе и отпривились в путь. «А что, ребята, ведь мы, кажется, дорого за обед заплатили?» — «Ну, я хоть и дорого заплатил, — сказал один, — зато недаром!» — «А что?» — «А разве вы не приметили? Только хозяин засмотрится, я сейчас схвачу из солоницы горсть соли, да в рот, да в рот!»

Мужик стащил в лавке куль пшеничной муки; захотелось к празднику гостей зазвать, пирогами попотчевать. Принес домой муку, да и задумался: «Жена! — говорит он своей бабе. — Муки-то я украл, да боюсь — узнают, спросят: отколь ты взял такую белую муку?» — «Не кручинься, мой кормилец, я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржаных».

День обречения главы Иоанна Предтечи

День этот крестьяне увязывали с поведением птиц.

На Обречение птица гнездо обретает.

*В день Обречения птица завивает гнездо,
а перелетная летит из вырая (теплых мест).
Своевременный прилет весной перелетных птиц
обещает хороший урожай хлеба.*

Птичье потенье, гнезд обречение.

*Если птицы выют гнезда на солнечной стороне деревьев,
домов — к холодному лету, и обратно.*

*Если дергач крикнет прежде перепела, то лошади
во все лето будут худы; если же перепел крикнет
прежде дергача, то лошади будут сыты.*

*Если дятел торчит в марте, то поздней будет весна.
Синица начинает петь протяжно, жалуется на бескормицу:*

«В пуне светится, в пуне светится».

Овсянки, вторя жалобам синицы, поют:

«А ты, мужик, сена носи да не труси!»

Синица запела — тепло ворожит.

В марте, когда чувствуется приближение весны,
 синица поет: «Куй, кузнец, лемяши!»,
 а то бранит мужика-неряху за неумелое
 обращение с кормом: «Тилялюй, тилялюй!»
 Тетерев тоже начинает бормотать свою весеннюю мелодию:
 «Продам шубу, продам шубу — куплю балахон».
 Осенью же он бормочет: «Продам балахон,
 продам балахон — куплю шубу».
 Свирочик-зяблик свирлит к ненастью, к холоду.
 Кто два раза родился: первый раз гладкий,
 а второй раз мягкий? (Птица.)

Если в этот день выпадет снег,
 то и святая неделя (Пасха) будет холодная,
 если будет сухо, то не ожидай дождя и в Пасху.
 Рога луны яркие и крутые — к морозу.

Тарасий — кумошник.

Тарасий-кумошник запрещает с этого времени спать
 днем, иначе нападёт кумоха, т. е. лихорадка.

Кто спит под вечер на Тараса, тот наспит кумоху.

Вешний сон валит слабых со всех сторон.

Весенняя дрема лохмата кудрями,
 машет руками,
 глаз с поволокой
 заводит в потолки.

Дрему зовут только к детям, которых укачивают:

На кота воркота,
 На Ванюшку сон-дрема.
 Сон ходит по сеням,
 Дрема по новым,
 Сон ищет,
 Дрема спрашивает:
 «Где Ванюшкина колыбелушка?»
 «Там колыбель,
 В высоком терему,
 В шитом браном пологу».
 Няньки, мамки
 Качают дитю,
 Сенные девушки
 Прибаюкивают,
 Приговаривают.

Бродит Дрёма возле дома,
Ходит Сон по сениям,
И пытается Сон у Дрёмы:
«Где тут люлечка висит?
Где тут деточка лежит?
Я пойду их уложить,
Буду глазки закрывать!»

Баю-баюшки-баю
Да уж Колюшку лю-лю!
Ходит Сон по окон,
Ходит Дрёма возле дома.
Как у Коли колыбель
Во высоком терему,
Во высоком терему
Да на тонком очепу.
Кольца-пробойца серебряные,
Положочек золотой камки,
В изголовьях — куны,
А в ногах — соболи:
Соболи убáют,
Куны усыпят!..

А баю, баю, баю,
Спать укладываю,
Спать укладываю, уговариваю
Мою Лену маленьку.
Как Сон да Дрёма
Поди Лене в голова.
Сон ходит по лавкам
В красненькой рубашке,
А Дремушка по губе,
Она в белой кисее.

Прокоп-дорогорушитель.

Прокоп дорогу рушит.
Прокоп-дорогорушитель дорогу прокопает.
У воды нос остер — пробивается всюду.
Шкура лежит, а сама до воды бежит
(говорят в тающем снеге).

СКОРОГОВОРКИ

Шли три попа, три Прокопья попа, три Прокопьевича.
Говорили про попа, про Прокопья про попа,
Про Прокопьевича.

И при Прокопе кипит укроп,
И без Прокопья кипит укроп.
И ушел Прокоп — кипит укроп,
И пришел Прокоп — кипит укроп.

ДРАЗНИЛКА

Прокоп-укроп,
Медный лоб,
Сам с аршин,
Голова с кувшин.

Василий-капельник, Дроздорув.

С крыш начинает капать, днем солнце заметно пригревает.

Полагают, что в этот день всегда бывает оттепель.
На Василия теплого солнце в кругах — к урожаю.
Василий-капельник капли дает, капли уж будут —
к доброму году (Пинежье).

Длинные сосульки — долгий лен.

Что вверх корнем растет? (Сосулька.)
Белая морковка зимой растет. (Сосулька.)

Выросло-сповыросло,
из бороды повылезло,
солнышко стало,
ничего не стало. (Сосулька.)

*Если с крыши капает, охотнику надо собираться на охоту
на зайцев.*

Василий-капельник в Тюменском крае — дроворуб, поскольку спиленные дрова по насту на санях вывозят к берегу реки для лесосплава.

Не хочешь холоду, полюбишь лес смолоду.

В лес не съездишь, так и на печке замерзнешь.

Любить тепло — в лес за дровами ехать.

За один раз дерева не срубишь.

Лес сечь — не жалеть плеч.

Не срубить дубка, не надсая пупка.

Мужику не покор, что за поясом топор.

Топор одевает, топор обувает.

С топора не разбогатеешь, а огорбатеешь.

Кабы бог не дал топора, так бы топиться давно пора.

Стоит гора посреди двора, на дворе — трава, на траве — дрова.

Два дровосека, два дровокола, два дроворуба говорили про Ларю, про Ларьку, про Ларину жену.

Евдокия (Авдотья) — плющи́ха, подмочи́ порог, свисту́нья, весновка, замочи́ подол.

Поскольку по старому стилю Евдокия выпадала на 1 марта, т. е. открывала весну, с ней было связано много примет и обычаев.

Какова Евдокея, таково и лето.

На Плющику погоже, все лето пригоже.

Авдотья-весновка весну сряжает.

Авдотья красна, и весна красна.

Откуда ветер на Плющиху подует, оттоль придет и весна.
Если на Евдокию ясно — год прекрасный;
если пасмурно, год плохой.
Новичок (народившийся месяц) под Евдокею с дождем —
быть лету мокрому.
Ясная погода в этот день предвещает хороший урожай
пшеницы, ржи и трав.
День Евдокии красный — на огурцы и грузди урожай.
У Евдокеи вода — у Егорья (6 мая) трава.
Коли курочка в Евдокеи напьется,
то и овечка на Егорья наестся.
Если грач прилетел до 14 марта — быть лету мокрому,
а снег рано сойдет.

С Евдокии начинаются первые оттепели:
Евдокия-замочи подол, под порогом мокро.

Нередко, однако, день этот бывал и как бы возвратом зимы.
Евдокия благоволит, да насорит.

Тепло светит солнышко, да Авдотья поглядывает —
либо снег, либо дождь.

На Евдокию еще собачку в сидячку снегом заносит.

С Евдокии снегу с сидячего кобеля нанесет.

На Евдокию мороз прилучится, так и март на нос садится.

На Евдокию снег — к урожаю.

Коли на Евдокию холодно,
скот кормить лишние две недели.

Примерно с этого времени начинают дуть весенние ветры

Евдокии-свистуньи: ветры свищут.

Если снег помело — сарай наголо.

С какой стороны в этот день дует ветер,
с той будут ветры весной и летом.

На Евдокию теплый ветер — лето мокрое,
сиверко — холодное лето.

На Евдокию сурок просыпается и свищет. Это первый
признак весны.

Увидевшие в этот день ласточку, бросают в нее горсть
земли, приговаривая при этом: «На тебе, ласточка, на
гнездо!»

Пора думать о предстоящих полевых и огородных работах:
Посеянная в этот день рассада в горшочках, по народному
убеждению, не может пострадать от мороза. Обычно на Ав-
дотью сеют капусту.

Пришли Евдокеи — мужику затеи: соху точить, борону
чинить.

Бабы верили, что на Авдотью «все подземные ключи заки-
пают», поэтому начинали белить холсты.

С Евдокеи довольно часто женщины брались по-настоящему за ткачество, занимаясь этим делом до посевных работ.

В разных местностях крестьяне «приносят в этот день из лесу сучьев, топят избы, чтобы весна была теплая, скидывают с кровли снег, а вечером примечают: если на крышах сосульки долгие, то и лен будет хороший, в особенности куделью».

По давно установившемуся обычаю в сельскохозяйственном быту днем Евдокии оканчивались сроки зимних наймов и начинались весенние: «С Евдокии до Егорья», «С Евдокии по Петров день (12 июля)» и т. п.

Евдокия-весновка считалась в народе большим праздником, отмечали его весело и торжественно. Во многих деревнях в этот день девушки и дети начинали «кликать весну», для чего влезали на крыши строений или собирались на пригорках и выкрикивали веснянки:

Благослови, мати,
Весну заклика́ти.

Рано, рано,
Весну заклика́ти.

Весну заклика́ти,
Зиму провожати,

Рано, рано,
Зиму провожати.

Зимочку в возо́чку,
Лётечко в челно́чку.

Рано, рано,
Летечко в челночку.

(Брянская обл.)

Благослови, боже,
На взго́рочку сести,
Весну загука́ти,
Летечко отмыкати,
Зиму замыкати:

Летечко тёпленько,
Зима студеная,
Летечко в като́чку,
Зима в полозо́чку.

(Смоленская губ.)

Приди к нам, весна,
Со радостью!
Со великою к нам
Со милостью!
Со рожью зернистою,
Со пшеничкой золотистою,
С овсом кучерявым,
С ячменем усатым,

Со просом, со гречею,
С калиною-малиною,
С черной смородиною,
С грушами, со яблочками,
Со всякой садовинкой,
С цветами лазоревыми,
С травушкой-муравушкой!

(Томская губ.)

Благослови, боже,
Благослови, Христос,
Нам весну зачати,
А зиму проклясти!
Ой, весна красна,
Тёпло летечко!
Что нам вынесла?
— Короб житушка,

Два — пшеничушки,
Малым детушкам —
По яичушку,
Красным девушкам —
По перстёнечку,
Молодым молодушкам —
По детёнышку,
Старым старушкам —
По рублевику.

(Смоленская губ.)

Дай, весна,
Добрые годы,
Годы добрые,
Хлебородные!
Зароди жито
Густое,
Жито густое,
Колосистое,

Колосистое.
Ядринистое. —
Чтобы было с чего
Пиво варити,
Пиво варити,
Ребят женити.
Ребят женити,
Девок отдавати.

(Курская губ.)

Весна красна,
На чем пришла?
На кнутике,

На хомутике,
На овсяном пучке,
На пшеничном колоске

(Курская губ.)

Солнышко-ведрышко,
Выгляни, красное.
Из-за гор-горы!
Выгляни, солнышко,
До вешней поры!
Видело ль ты, ведрышко,
Красную весну?
Встретило ли, красное,
Ты свою сестру?
Видело ли, солнышко,

Старую ягу,
Бабу ли ягу —
Ведьму-зиму?
Как она, лютая,
От весны ушла,
От красной бегля,
В мешке стужу несла,
Холод на землю трясла,
Сама оступилась,
Под гору покатила.

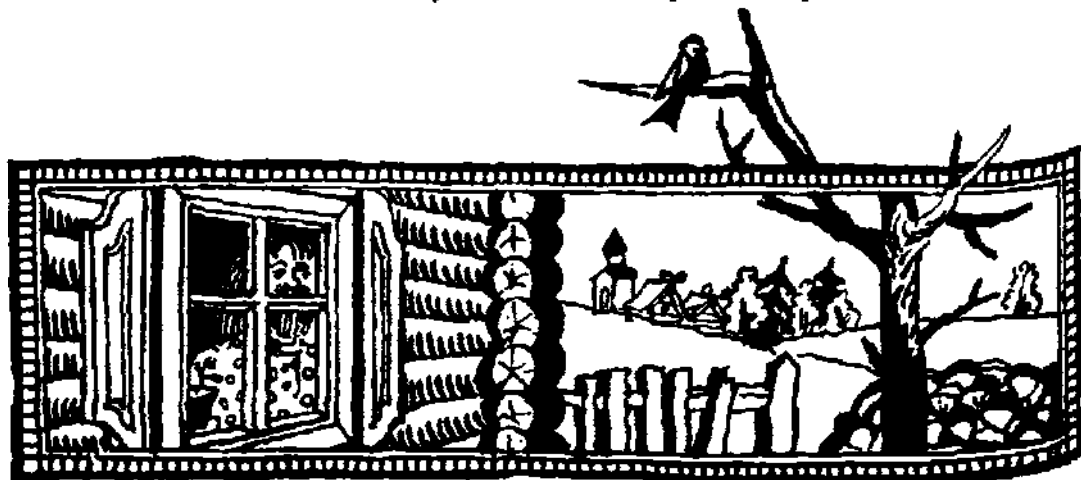
ФЕДОТ.

Ожидается последняя оттепель. Пословица «Федот, да не тот» применяется к этому дню, когда вместо оттепели случается мороз.

*На Федота занос — все сено снесешь
(так как долго не будет травы).*

На Федота — суметы.

Ветронос везде сует нос, задирает курам хвост.

Герасим — грачевник .

Прилетает первая весенняя птица — грач.

Герасим-грачевник грачей пригнал.

Увидел грача — весну встречай.

Грач на горé — весна на дворе.

Грач зиму расклевал.

Налетели грачи. стали зиму толчи, пить снегов молоко.

Коли грачи прямо на гнездо летят — дружная весна.

Если грачи сели в гнезда,

то через три недели можно выходить на посев.

В день Герасима-грачевника пекут хлебы в виде грачей.

На Герасима кикимору выживают (заговорами).

В отличие от домового присутствие ее в крестьянском доме не только необязательно, но и нежелательно. так как она обычно наносит хозяйству вред, причиняет всякие мелкие неприятности (может разбить горшок, стучать вьюшкой, ошипать кур, кидаться луковичками из подполья), особенно любит безобразничать с пряжей: то кудель сожжет, то нитки спутает, то замусолит. Избавиться от кикиморы можно с помощью верблюжьей шерсти, положенной под шесток, или заговором: «Ах ты гой еси, кикимора домовая, выходи из горюнина дома скорее!»

*Кто на Грачевника в новые лапти обуется,
у того весь день будет шея скрипеть.*

Конон — огородник, Конон — граддь.

С этого дня должно начинать копать огороды.

В старинных месяцесловах писалось: «Хотя бы в день Конона Градаря была и зима. начинай пахать огород, и ты только почни в этот день, непременно огород будет добр, и овощей будет много».

Новгородцы 18 марта выкапывают в огородах три лунки с приговором: «Одна лунка для суши, другая для мошки, третья для червей». Уверяют, что этот заговор оказывает благо-

творное действие на растительность: огородная зелень не страдает летом ни от засухи, ни от мошки, ни от червя.

Если на Конона ведро, то града летом не будет.

Васний — капельник. (для северных районов)

С Василия весна идет. С крыш капает, а за нос цапает.

Сороки, сорок мучеников.

*На Сороки день с ночью мёряются.
Зима кончается, весна начинается.*

Веселитесь, подружки,
К нам весна скоро придет,
Весна придет, солнце
взойдет,
Сгонит снежки, с гор белой
мороз.
Разольются быстры реки,
Все мелкие да ручейка.

Расцветут в поле цветочки,
Все ракитовы куста.
Промеж этих кусточков
Волга-речка протекла.
А на этих на кусточках
Мелки пташечки поют.
Мелки пташки, канарейки,
Весело больно поют.

(Белозерье.)

*Во что Сороки, в то и Петровки
(с 12 июля, сенокосная пора).*

*Сорок мучеников — сорок утренников
(предстоит еще сорок заморозков).*

С 22 марта и до Зосимы-пчельника (30 апреля) считается сорок утренних морозов. Если утренники с этого дня продолжают постоянно, то лето будет теплое.

Если на сорок святых пал мороз, то урожай на просо.

Гречу следует сеять пропустя сорок морозов после сорока мучеников.

На Сороки хозяйки пекли из ржаной или овсяной муки сорок шариков — «сороки святые — колобаны золотые» и по одному шарiku выбрасывали каждый день за окошко, приговаривая:

Мороз, красный нос,
Вот тебе хлеб и овес,
А теперь убирайся,
Подобру-поздорову!

Верили, что мороз, наевшись хлебных шариков, уйдет до следующего года и не станет мешать крестьянам в их посевных, весенних работах.

Сорок сороков птиц на Сороки прилетает.

На Сорок мучеников сорок сороков птиц весну несут.

Увидел скворца — весна у крыльца.

На Сороки сорока кладет на гнездо сорок палочек.

На Сороки мальчики сельские выбегают рано босые на двор и стараются перебросить через кровлю сорок щепочек.

У русских повсюду существовала вера в то, что в этот день из теплых стран прилетают сорок разных птиц, и первая из них — жаворонок.

Сколько проталинков — столько и жаворонков.

«Бывает, — уверяют опытные старики крестьяне, — что прилетают жаворонки и раньше, да только те непутящие: прилетит и смерзнуть может. А уж тот жаворонок, который на Сороки прилетит, тот настоящий, он не сдохнет».

На Сороки обычно пекли «жаворонков», в большинстве случаев с распростертыми крылышками, как бы летящих, и с хохолками. Птичек раздавали детям, и те с криком и звонким смехом бежали звать жаворонков, а с ними и весну. Для этого печеных жаворонков насаживали на длинные палки и выбегали с ними на пригорки или насаживали птичек на шесты, на палки плетня и т. п. и, сбившись в кучу, что есть силы кричали:

Жаворонки, прилетите,
Студену зиму унесите,
Теплу весну принесите:
Зима нам надоела,
Весь хлеб у нас поела!

В Орловской губ. дети выкрикивали по-другому:

Уж вы, кулички-жаворонки,
Солетайтесь, сокликайтесь.
Весна-красна, на чем пришла?
— На сошечке, на бороночке,
На лошадиной голове,
На овсяном снопочку,
На ржаном колосочку,
На пшеничном зернышку-у-у!

Заклички в разных местах отличались друг от друга, хотя одновременно были и похожи:

Жаворонок,	А нам лето!
Жаворонок!	На тебе сани,
На тебе зиму,	А нам телегу!

(Рязанская губ.)

Жаворонушки!
 Прилетите к нам да принесите нам
 Жаворонушки!
 Нам весну красну да красно летеце.
 Нам зима-то надоела, много хлебушка поела,
 А воды-то попила да три колодезя,
 Всю куделю перепряли, на мотушки пермотали,
 На базарик пертаскали, за копейки продавали,
 За копейки продавали, детям хлеба покупали.
 Жаворонушки! ¹

(Нижегородская губ.)

Уж ты пташечка,	Ты возьми
Ты залетная!	Ключи весенние,
Ты слетай	Замкни зиму,
На синё море,	Отомкни лето!

(Смоленская губ.)

Ты пчелынька,	Весну красную
Пчела ярая!	Принесите нам!
Ты вылети с заморья,	На жердочке,
Ты вынеси ключики,	На бороздочке,
Отомкни летичко,	И с сохой, и с бороной,
Летичко теплое,	И с кобылой вороной,
Лето хлебородное!	С пряльцем, с донцем,
Жаворонки,	С кривым веретенцем!
Перепёлушки,	Зима нам надоела,
Птички-ласточки!	Хлеб и сено поела,
Прилетите к нам!	Ручки-ножки познобила,
Весну ясную,	Скотинушку поморила!

(Оренбургская губ.)

Жаворонки,	Принесите
Жаворонки,	По мотушке!
Прилетите!	Синицы, синицы,
Красну весну	Принесите по спице!
Принесите!	Канарейки,
Зиму холодну	Канарейки,
Унесите!	Принесите по швейке!
Галки, галки,	Чечетки, чечетки,
Принесите по палке!	Принесите по щетке!
Голубочки,	Тогда, утки,
Голубочки,	Дуйте в дудки,
Принесите	Тараканы—
По клубочку!	В барабаны!
Кукушки, кукушки,	

(Саратовская губ.)

¹ Слово повторяется после каждой строки.

(Саратовская губ.)

В ряде мест на Сороки с помощью подобных птичек выбирался семейный засеивальщик. Для этого в жаворонок запекалась монета, лучинка и пр., и мужчины, независимо от возраста, вытаскивали себе печеную птичку. Кому выпадал жребий, тот и разбрасывал первые пригоршни зерен во время начала посева.

*День туманом мглист — будет лен волокнист.
Туман съедает снег.*

Про туман в народе говорят:

*Серое сукно тянется в окно.
Бела вата плывет куда-то.
Сивые кабаны все поле облегли.*

Феофан.

*На Феофана туман — урожай на лен и коноплю.
Чтобы эта примета сбылась, воронежские крестьянки бросают
по двору несколько семян льняных и конопляных, для угощения птиц.*

*Если на Феофана лошадь заболит,
то все лето будет болеть,
для летней работы она не годится.*

*В церковных святцах под этим днем числятся три муче-
ника: Саввин, Папа и Трофим. Имя первого из них «потяну-
ло» за собой поговорку:*

*На Саввина сани покинь, телегу подвинь.
Если в этот день тепло, то и весна вся будет теплой.*

**АЛЕКСЕЙ — ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ,
АЛЕКСЕЙ — С ГОР ПОТТОКИ, С ГОР ВОДА,
ТЁПЛЫЙ, ПРОЛЕЙ КУВШИН .**

*Алексей — из каждого сугроба кувшин пролей.
На Алексея выверни оглобли из саней.
Покинь сани, снаряжай телегу. Сани на поветь.*

На Алексея с гор вода, а рыба со стану трогается.

Рыба трогается с зимовья и трется под берегами.

Сверху печет, снизу течет.

Когда действительно в этот день с гор вода бежит,

то ожидают благоприятной весны,

а с ней и хороших урожаев.

Каковы на Алексея ручьи (большие или малые),

такова и пойма (разлив).

На Алексея теплого доставай улья (Южная).

День гусиных боев, спускают гусаков.

После дня теплого Алексея в южных губерниях

начинают сеять овес и ячмень.

Звонкие весенние ручьи, тепло предапрельского солнышка особенно радовали ребятнишек. Большую часть дня они уже проводили на улице, затевая разные игры.

«Родничок»: дети становятся друг за другом по одну сторону весеннего ручья, обхватывают друг друга руками за пояс и поют:

Разлился родничок,

Золотой рожок.

У-ух!

Разлился ключевой,

Белый, снеговой,

У-ух!

По мхам, по болотам,

По гнилым колодам.

У-ух!

Спев песню, боком перепрыгивают через ручей на другую сторону. При этом мешают друг другу, придерживают, стараясь столкнуть в воду. Кто из ребят коснется воды — из игры выбывает.

«Кораблик». Дети вырезают из коры лодочки и, пуская их по воде, с песнями бегут за ними:

Дуй, дуй, ветерок, с запада на восток,

Кораблик гони до великой реки!

или:

Кораблик плывет,

Товары везет,

Все дешевые,

Все грошовые:

Смолы да вару —

На грош всего товару.

Дыму да ветру —

Ничего в трюме нету!

Распевали песни, прибаутки, дразнилки:

Вот уж зимушка проходит,
Белоснежная проходит,
Люли, люли, проходит!

(2 раза)

Прощай, саночки, конёчки,
Наши зимние дружочки,
Люли, люли, дружочки!

(2 раза)

Снег и холод прочь уводит,
Весну красную приводит,
Люли, люли, приводит!

(2 раза)

Прощай, зимушка старушка,
Ты, седая холодушка,
Люли, люли, холодушка!

(2 раза)

Скок, поскок,
Молодой дроздок,
По водичку пошел,
Молодичку нашел.

Молодиченька
Невеличенька:
Сама с вершок,
Голова с горшок!

Ерема, Ерема,
Сидел бы ты дома.
Строгал бы ты стружки,
Ребячьи игрушки.

Твоя сестра пряжа,
По ниточке пряла,
Моточки мотала,
В коробочку клала!

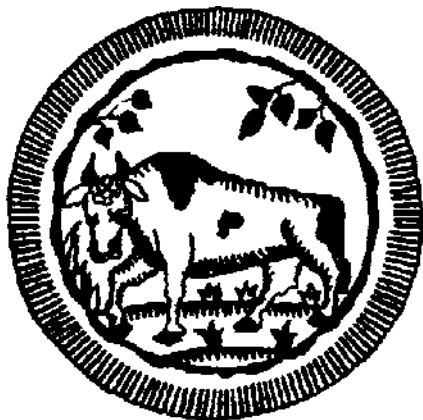
Ванюшка бедный,
Нашел кувшин медный,
Пошел по водицу,
Нашел рукавицу!

Киррил-дери полоз

*Около этого времени дороги портятся,
ездить на санях становится трудно.*

АПРЕЛЬ

СНЕГОГОН, ЗАЖГН СНЕГА, ЗАИГРАЙ ОВРАЖКИ.

*В апреле земля преет.
Солнышко с апрельской горки в лето катится.
Апрель водою славен.
Апрель всех напоит.
Апрельские ручьи землю будят.
Апрель с водою — май с травой.
Мокрый апрель — хорошая пашня.
Где в апреле река, там в июле лужица.
Играй пока, матушка Ока. — апрель на дворе.
Апрель открывает ключи и воды.
Апрель богат водой, а октябрь пивом.
Апрельский цветок ломает снежок.
Апрель сипит да дует, бабам тепло сулит;
а мужик глядит — что-то будет?
Апрель начинается при снеге, а кончается при зелени.
Снег в апреле: внучек за дедушкой пришел.
Не ломай печи — еще апрель на дворе.*

*Первый апрельский дождь воза золота стоит.
Три дождя в апреле да один в мае — тысячи дождей стоят.
В апреле ясные ночи кончаются заморозками.
Синие облака в апреле — к теплу и дождю.
Днем жарко, ночью прохладно — к хорошей погоде.
В конце марта — начале апреля прилетают скворцы.
Апрельский скворец — весны гонец.
Синка (трясгузка) прилетит, так через двенадцать дён
река пойдет. Синка на лед садится,
лед ножками топчет и растопчет (Пинежье)*

В апреле ждут ледохода, смотрят, когда третья хвоя падет.
 Перва, втора, третья хвоя падет,
 одна от одной через четыре недели.
 Как третья хвоя падет, так через две недели
 и река пойдет — ледоход (Пинежье).

В апреле заготавливали соковицу — сладкий березовый сок, поэтому в древней Руси апрель назывался «березозол».

Из березы течет много сока — к дождливому лету.
 Перестают топить в избах печи во избежание пожаров.
 Для печения хлеба и варения пищи устраивают
 летние кухни или землянки (Воронежская губ.).

Дарья — грязнопролубка, грязные проруби, грязная пролувница, засорн проруби .

Какова погода 1 апреля, такова и 1 октября, и наоборот.
 Дарья — желтые или замаранные проруби, обгадь проруби.

Около прорубей начинает сильно таять и делается грязь,
 а вода становится желтая.

Ранняя весна — большое половодье.
 С Дарьи холсты белят.
 Стели кросна по заморозкам.

Василий — солнечник, парник, тёплый.

Выверни оглобли: прекращается санная дорога.
 С крыш свисают сосульки, с елок слетают чешуйки.
 На Василия теплое солнце в кругах — к урожаю.
 Если в этот день при восходе солнца видны на небе
 красные круги, то этот год обещает плодородие.

Захарни и Яковы.

Коли ночь теплая, то весна будет дружная.

Благовещение.

На Благовещение весна зиму поборола.

Благовещенье — самый большой у бога праздник.

На Благовещенье и на Пасху грешников в аду не мучают.

Каково Благовещенье, проведешь, таково и весь год.

Покров не лето, Благовещение не зима.

Цыган на Благовещенье шубу сымает (продает).

Весна до Благовещенья или недели не достойт,

или неделю перестоит. (Тамбовская губ.)

Зимний путь рушится за неделю до Благовещенья
или неделю спустя.

Каково Благовещение, таково и святая (Пасха).

На Благовещение птица гнезда не вьет,

девка косы не плетет.

На Благовещенье на суровую пряжу не глядят
(запрет работы).

Под дымом не сидят (т. е. не готовят горячего
и выходят спать в сени, в клетки).

Кукушка без гнезда за то, что завила его на Благовещенье.

Если на Благовещение курица или гусь снесет яйцо,
из последнего высиживается урод или калека.

(Воронежская губ.)

Если в день Благовещенья ветер,

иней и туман — к урожайному году.

На Благовещенье дождь — родится рожь.

Мокрое Благовещенье — грибное лето.

На Благовещенье хороший улов рыбы.

На Благовещенье мороз — урожай на грузди.

На Благовещенье гроза — к теплomu лету, к урожаю орехов.

Ведро в Благовещенье — к пожарам.

Коли в Благовещенье снег на крышах есть,

так будет еще на Егорья в поле.

На Благовещенье солнечный день — пшеница уродится:
если звезд мало на небе, то яиц мало будет (Воронежская губ.).

Коли ночь на Благовещение теплая, то весна будет дружная.

В Благовещение мороз — под кустом овес.

*Нельзя на Благовещение надевать новую одежду,
в противном случае ее повешь или испортишь
(Воронежская губ.).*

*Под Благовещение огней в избах всю ночь не тушат —
лучше уродится лен, иначе молния все повыжжет
(Тамбовская губ.).*

*С Благовещенья огня не дуют (дня прибыло,
утром и вечером светло).*

*Благовещенскую золу сохраняют для капусты
и других огородных растений, когда они портятся,
то посыпают их этою золою.*

*На Благовещение сжигают зимние постели (солому)
и перебираются спать в клеть.*

Окуривают дымом одежду от зимы.

*«Около Благовещенья в лес ездят уже только по утрам.
Растаявший днем снег ночью покрывается
сверху ледяной корой,*

*которая называется настом или чарымом,
по насту легко можно ходить на лыжах,
не рискуя провалиться в снег.*

*В это время обыкновенно рубят полозья, или облеса,
из которых зимою делают сани» (Тюменский край).*

Накануне Благовещения сеют горох.

*Благовещенскую капусту мороз не бьет
(т. е. из семян, собранных на Благовещенье из кочня).*

Среди некоторых крестьян существовало убеждение, что «день Благовещения — день несчастный: ссоры, скандалы и всякие недоразумения происходят».

В прошлом веке кое-где сохранялось верование «в огонь, через который в этот день скачут, чтобы избавить себя от призора; окуривают свои платья для того, чтобы предостеречь себя от „обаяния“».

Икону Благовещения ставят «в кадку с яровым зерном, предназначенным для посева, приговаривая при этом:

Мать божья!	Нас урожаем благословите:
Гавриил-архангел!	Овсом да рожью,
Благовестите,	Ячменем, пшеницей
Благоволите,	И всякого жита сторицей!»

«Пожилые женщины пережигают в этот день соль в печи. С этой солью, которая, по поверью, оказывает чудеса в разных болезнях, они пекут небольшие булки, предназначенные для лечения скота и называемые „бляшки“».

Кто на Благовещение счастливо играл в орлянку, тот весь год будет выигрывать деньги в эту игру.

На Благовещенье воры заговаривают — для счастья на весь год.

В некоторых местах на Благовещение выносят пчел: отбивай омшаник, доставай улья.

Черногуз прилетает, бурый медведь из берлоги встает, птиц на волю выпускают.

Пока талый снег бока не промочит, медведь из берлоги не вскочит.

Выходят из нор барсуки и еноты, из трухлявых пней — ежи, из куч — лесные муравьи.

Раньше в Москве на Благовещенье соблюдали обряд «отпущенья птиц на волю». Утром горожане покупали у ловцов птиц и тут же выпускали их.

Синички-сестрички,

Тетки-чечетки,

Краснозобые снегирюшки,

Щеглята-молодцы,

Воры воробьи!

Вы по воле полетайте,

Вы на вольной поживите,

К нам весну скорей ведите!

Благовещенье без ласточек — холодная весна (Южные области).

Благовещенье — птиц на волю отпущенье.

Гавриил, Василий.

*Какова погода 8 апреля, такова она будет 8 октября,
и наоборот.*

В день архангела Гавриила выверни оглобли из саней.

Василий — выверни оглобли, закинь на поветь,

выскочи из куста. Это значит,

что санная езда уже прекращается.

Зачерпни сапог, промоchi подметки.

Все, что ни родится на день Гавриила, уродливо, неспоро.

Если прясть на Гавриила — работа не впрок.

В этот день женщины оканчивают пряжу, а тем,

которые еще продолжают прясть после сего дня,

говорят: «Не пойдет».

Матрёна — настовница, полурепница.

*Матрены-настовицы — от насту, окреплого снегу,
или от настовиц — пигалицы, чибисы.*

На Матрены прилетают чибисы.

Чибиc прилетел, на хвосте воду принес.
На Матрену овсянка затягивает свою песенку:
«Покинь сани, возьми воз!»

Чибиc кричит с вечера — к ясной погоде.
Чибиc летит низко — к продолжительной сухой погоде.

К Матрене реки поднимаются, вздуваются. Говорят в эту пору: «Щука хвостом лед разбивает»; «Вешний ледок, что чужой порог — ненадежен».

Связь готовых вскрыться рек с днем Матрены отразилась и в загадке о реке подо льдом:

Гола Матрена для всех страшна,
Лубком же покрыта для всех ходка.

Матрену называют полурепницей оттого, «что поселяне отбирают годные репы для семян, что и составляет у них отдельную, неприкосновенную половину».

В течение долгих веков репа и капуста были одним из основных продуктов питания русского крестьянина, вот почему репа оказалась персонажем популярных сказок, объектом загадок, героиней детских игр.

Кругла, а не месяц,
Желта, а не масло,
С хвостом, а не мышь.

Сама клубочком и хвост под себя.

Брошу порохом, очутится клубом под зеленым лугом.

Однажды говорила о себе репа: «Я, репа, с медом хороша!» — «Поди прочь, хвастуныя!» — отвечал ей мед. — Я и без тебя хорош».

РЕПКА

Посеял дедка репку; пошел репку рвать, захватился за репку: тянет-потянет, вытянуть не может! Созвал дедка бабу; бабу за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла внучка; внучка за бабу, бабу за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла сучка; сучка за внучку, внучка за бабу, бабу за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла нога. Нога за сучку, сучка за внучку, внучка за бабу, бабу за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла другая нога: другая нога за ногу, нога за сучку, сучка за внучку, внучка за бабу, бабу за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! (и так далее до пятой ноги). Пришла пята нога. Пять ног за четыре, четыре ноги за три, три ноги за две, две ноги за ногу, нога за сучку, сучка за внучку, внучка за бабу, бабу за дедку, дедка за репку, тянут-потянут: вытянули репку!

РЕПКА *(детская игровая сказка)*

1. Дедушка с бабушкой
Чистили поляну,
Сеяли репу...
Пришел репу рвати,
Пришел одноногий:
Ножка — за лапку,
Лапка — за бабу,
Бабка за дедку,
Дедка за репку,
Не вытянули репку!

2. Дедушка с бабушкой
Чистили поляну,
Сеяли репу...
Пришел репу рвати,
Пришел двухногий:
Две ноги за ножку,
Ножка за лапку,
Лапка за бабу,
Бабка — за дедку,
Дедка — за репку,
Не вытянули репку!

3. Дедушка с бабушкой
Чистили поляну,
Сеяли репу...

Пришел трехногий:
Три ноги — за две,
Две ноги — за ножку
и т. д. до «десятиноногого».

10. Дедушка с бабушкой
Чистили поляну,
Сеяли репу...
Пришел репу рвати,
Пришел десятиногий:
Десять — за девять,
Девять — за восемь,
Восемь — за семь,
Семь ног — за шесть,
Шесть ног — за пять,
Пять — за четыре,
Четыре ноги — за три,
Три ноги — за две,
Две ноги — за ножку
Ножка за лапку,
Лапка за бабу,
Бабка — за дедку,
Дедка — за репку, —
Вытянули репку!

Иоанн Лествичник.

*В этот день пекут из теста лестницы для восхождения
в будущей жизни на небо.*

*На Иоанна Лествичника домовый бесится (до полуночи,
пока не запоеет петух).*

Средний срок начала тяги вальдшнепов.

*Если тяга вдруг прекращается —
жди скорого похолодания или снега.*

Марья-зажиги снега, заиграй образки, пустые щипы.

*Марья половодье начинает.
Полая вода и память о зиме уносит.
Весенней воды никто не уймёт.*

Если разлив на Марию Египетскую, то травы будет много.
 С Марии снег и за колодой растает.
 Лед ломается хрястно — ходить опасно.
 Если лед сходит вдруг (быстро) — год будет легкий,
 хороший.
 Марья — пустые щи: выходит запас капусты,
 изводится кислая капуста.

Захотел ты в апреле кислых щей!

Существует и иное объяснение соединения Марии Египетской с пустыми щами: Мария считается покровительницей раскаявшихся блудниц и блудников и судьей (на страшном суде) тех, кто не раскаялся, поэтому, например, в Тамбовской губ. почиталось за грех есть в этот день что-либо, кроме пустых щей. И в других местах день этот крестьяне проводили в воздержании.

Полагают, что в этот день просыпается домовый, и поэтому нужно обманывать друг друга. (День Марии Египетской по старому стилю приходился на 1 апреля.)

Обманывать знакомых — обычай, практикуемый среди городских жителей, где девушки «старались обмануть как можно больше людей в той уверенности, что в таком случае женихи не проведут их, а, наоборот, они будут водить молодых людей за нос».

Тит-Поликарпов день.

Когда вешний лед по озерам и затонам не тронется,
 а потонет, год будет тяжелым.
 Весенняя вода течет медленно — народу будет тяжело.
 Коли лед не ушел, то лов рыбы будет плохим.
 Не прошел лед — пуст перемет.
 Поликарпов день — начало бесхлебицы.
 До самого нета все было есть.
 С одного конца нет, и с другого нет,
 а в середине и не бывало. На нет и суда нет.
 Ни крохи, ни зерна, ни капли, ни волосу.
 Всех и вся, и обедня вся.
 У кого ничего, а у нас пуще того.
 Ничего-то у нас и дома много.
 Всякого нета припасено с лета.

С Тита — Поликарпа начинается интенсивное токование глхарей.

День Тита приходится на период великого поста, чем объясняется ряд шуток, поговорок, присловий про Тита.

Наш отец Тит и в великий пост блудит.

Пьяный Тит псалмы твердит.

У нашего Тита и пито, и бито.

Тит тащит — спина трещит.

- Тит, иди молотить!
- Брюхо болит.
- Тит, иди кисель есть! (Тит, пойдем вино пить!)
- А где моя большая ложка? (А где мой старый кафтанишко?)

Агафья, Никита.

В западных губерниях «крестьяне в день святой Агафии освящают в церкви хлеб, натыканный кусками соли, и потом вешают этот хлеб на рога коров».

Коли на Никиту лед не прошел (на Оке), то лов рыбы будет плохой.

На Никиту водяной просыпается от зимней спячки. Рыбаки угощают водяного, утопляя (чужую) лошадь: «Вот тебе, дедушка, гостинец на новоселье: люби да жалуй нашу семью!»

Водяной — «у него борода... как трава-то растет, тина-то сама. Вот с этой тины борода длинная. Волосы большие, тоже с этой тины. Тело такое, переливается, как рыба чешуя, но это не чешуя. Ноги в воде» (Нерчинская обл.).

МУЖИК И ВОДЯНОЙ

У одного бедного мужика была жена-рукодельница. Вот она вышила ширинку и послала мужа продавать. Муж продал ширинку и идет по мосту. Вдруг водяной: «Мужик, давай деньги!» Отдал мужик водяному деньги, пришел домой и рассказал жене про свое горе. «Не печалься, милый муж, — говорит жена, — я вышью другую ширинку, лучше прежней».

Вышила жена-рукодельница ширинку лучше прежней и послала мужа продавать. Прогдал мужик ширинку дороже прежнего. Идет через реку, а водяной опять: «Мужик, подавай, деньги!» Жаль мужику денег, но делать нечего, отдал водяному, а тот ушел в воду, только вода закружилась и запени-

лась, Жена опять утешает мужа: «Не печалься, милый муж, я вышию новую ширинку, лучше и краше первых двух».

Вышила рукодельница третью ширинку лучше и краше первых двух, расшила ее цветами и узорами, шелками и гарусом и послала мужа продавать. Продал мужик ширинку и взял много денег. Идти надо было чрез реку, миновать нельзя, и только зашел он на мост, как водяной опять: «Поддай, мужик, деньги!» Не посмел мужик перечить водяному и отдал деньги. Пришел домой и говорит жене: «Не житье нам здесь, водяной обидит. Прощай, жена! Пойду за море талан-счастье искать, разживусь — назад ворочусь иль тебя до стану, а не разживусь — не поминай лихом!»

Пришел мужик к морю и видит — корабль готовится к отправке, выпросился он в кочегары и поплыл за море. Плывут день — ладно и другой день проплыли — ничего; на третий день корабль словно наткнулся на что, стал — и ни с места, а место глубокое — ни камней, ни мелей, и ветер попутный. «Верно, водяной держит», — думают корабельщики. Думали, гадали, как от беды такой избавиться, и решили кого-нибудь кинуть в море, на выкуп водяному. Бросили жребий, и жребий пал на бедного мужика-кочегара. Делать нечего, приготовился мужик к смерти и — бух в воду! Только вода закружилась и запенилась, глубже и глубже идет ко дну; вдруг слышит, кто-то его подхватил и держит. «Это я, водяной, — слышит он голос, — я и корабль держу, ходу не даю, а за тебя и твои деньги отпущу корабль и тебя награжу». С этими словами водяной дал мужику камень и приподнял вверх. Корабельщики увидали мужика поверх воды и достали на палубу. Корабль тотчас же тронулся с места и поплыл дальше. Наконец он пристал к берегу иноземного царства. Царь той страны потребовал к себе корабельщиков на поклон. Пошли корабельщики к царю во дворец кто с серебром, кто с золотом, с дорогими мехами и тканями. У одного бедного мужика не нашлось никаких даров, взял он камешок от водяного, серый и невзрачный, как булыжник, и пошел с ним.

Царь заморский, веселый и ласковый, принимал дары с благодарностью. Последним подошел бедный мужик и поднес свой серый камешок. Разгневался царь, стал грозный, немилостивый за то, что осмелился мужик булыжник поднести, бросил камень о пол. И что же? Как слетела скорлупка, так всех и осветило, как солнечным лучом: то был такой редкий алмаз, какого не сыскать по всей земле, ни в одном царстве иль конце, только у русского царя в венце. Царь вдруг переложил гнев на милость и говорит мужику: «Будь в моем царстве важным барином!» Но мужик не пожелал боярской чести и стал проситься домой к жене-рукодельнице. Царь его отпустил и в награду дал корабль с разными товарами и подарками (*Пермская губ.*).

Иосиф-песнопевец.

Окна настезь — теплу дорогу застишь!

Иосиф-песнопевец в народном сознании оправдывает свое определение тем, что с этого дня начинает звучать голосок сверчка и впервые подает голос журавль.

Сверчки просыпаются.

Огородные сверчки начинают свои скачки.

Если сверчок кричит — время пахать под рожь.

(Воронежская губ.).

Под полом едет барин с колоколом. (Сверчок.)

На печи кочет поет, спать Акульке не дает. (Сверчок.)

Маленькая птичка, а громко поет. (Сверчок.)

В этот день журавль в первый раз крикнет.

У костромских крестьянок существовало поверье: чтобы спина не болела от полевых работ, надо, «увидя в первый раз весною пролетающих журавлей, лечь на траву и семь раз перекувырнуться через голову или перевернуться с боку на бок, приговаривая:

*Журавель, журавель,
У тя шея колом,
А у мя спина колесом,
А не крюком».*

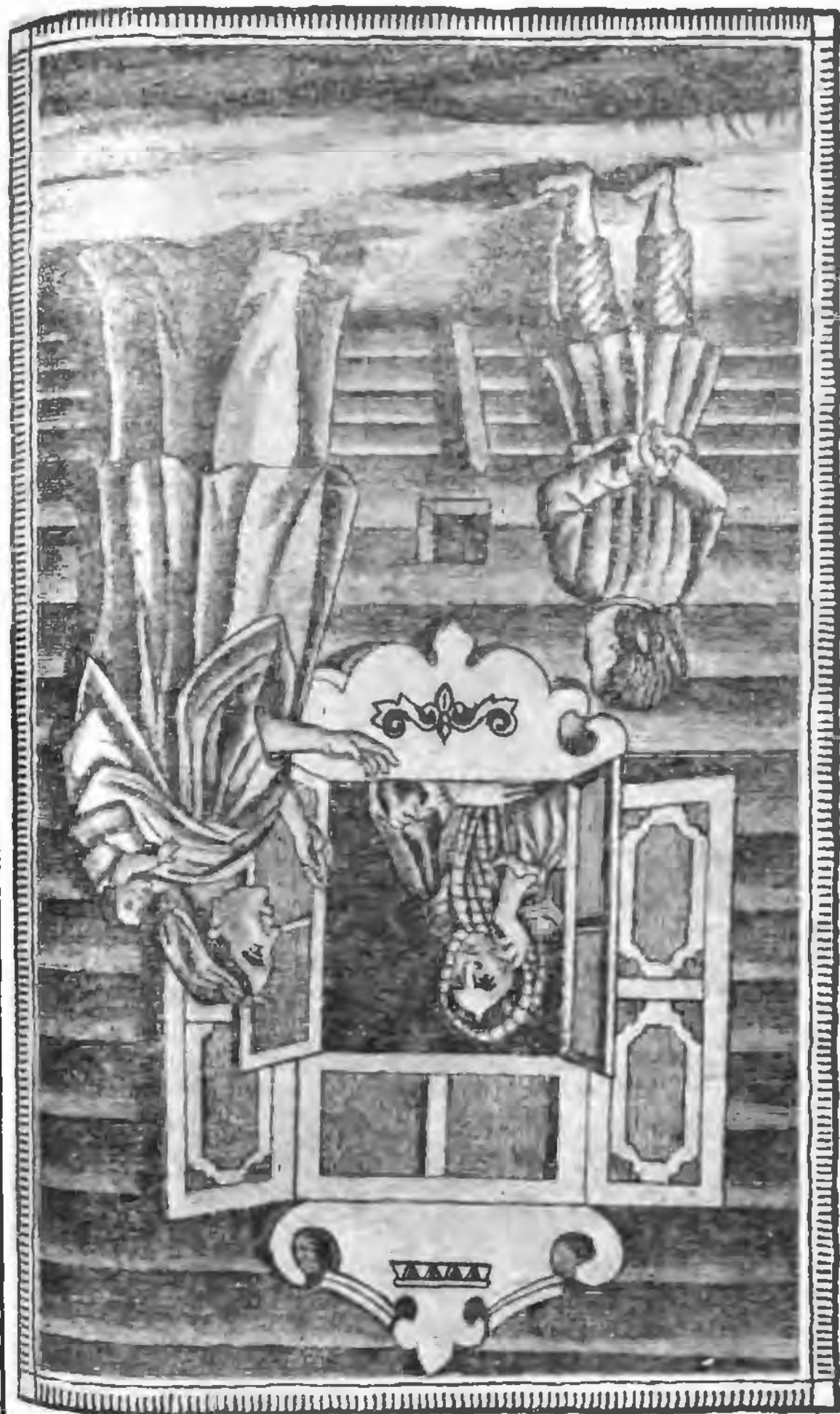
Спина при полевых работах будет «пружинная».

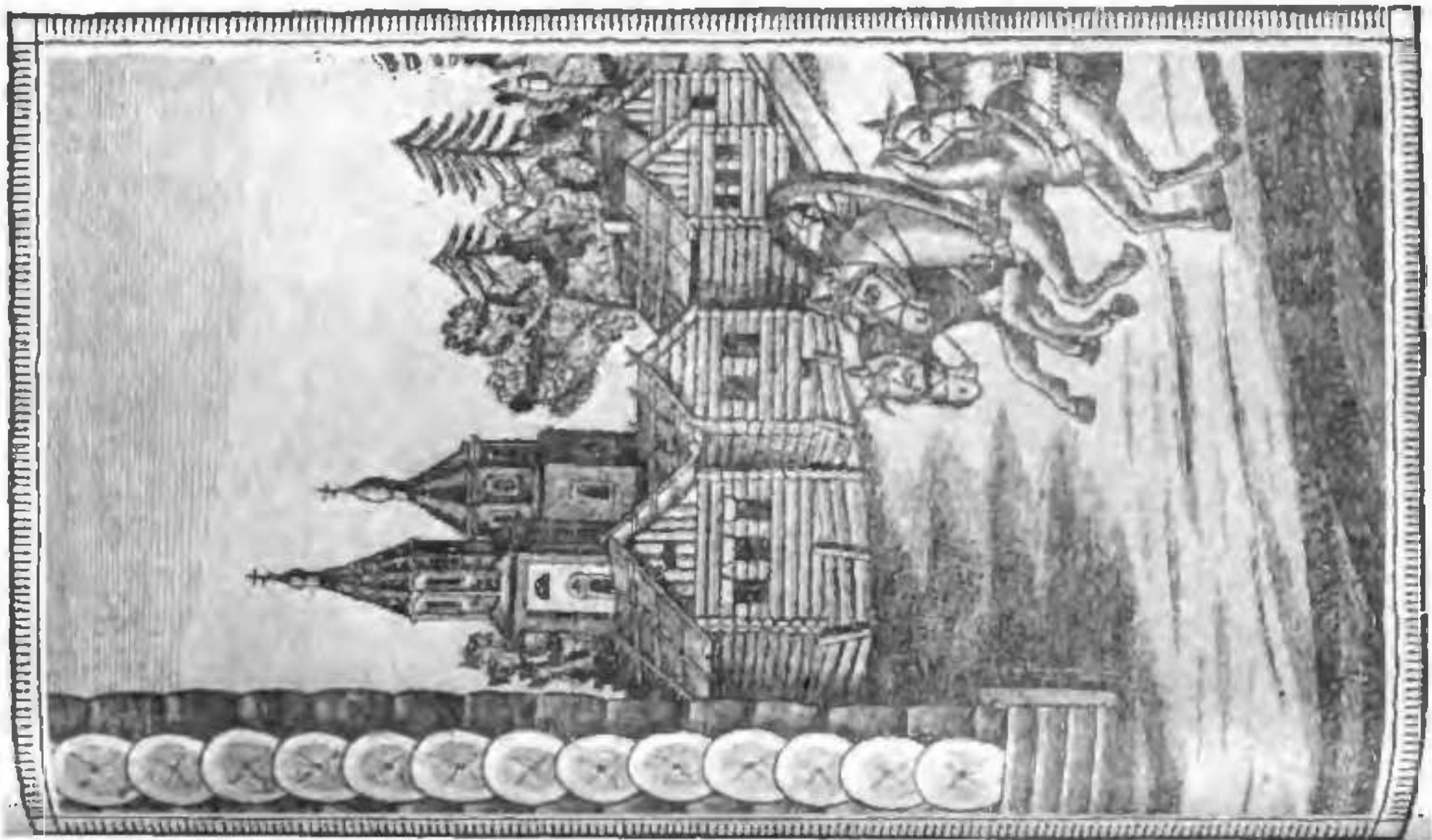
Дети, «увидев летящих в родные края журавлей, вторя их голосам, приветствуют:

*Йки, йки, йки, йки —
Крики! Крики! Крики!
Иклй, иклй, иклй —
Это журавли! Это журавли!*

*Курлй, курлй, курлй,
Летят, летят журавли!
Курлы-сй, курлы-сй,
По Руси! По Руси!*

*Ты-латй, ты-латй,
С высоты! С высоты!
То-то-ты, то-то-ты,
Журавли идут в домй!»*

В эту пору с особенным удовольствием исполняли ребятишки известную песню «Журавель»:

Повадился журавель, журавель
 На бабыну конопель, конопель.
 Припев: Такой, такой журавель,
 Такой, такой зобастый,
 Такой, такой носастый,
 Такой, такой длинный —
 Конопельку щиплет.

Уж я же того журавля изловлю,
 Сетью крылья обовью, обовью.
 Такой, такой журавель...

Чтоб он больше не летал, не летал,
 Конопельки не щипал, не щипал.
 Такой, такой журавель...

В Самарской губернии про журавля небылицу рассказывали:

Долгоногой журавель	А сороки-белобоки
На мельницу ездил,	Пошли танцовати,
Коза муку мелет,	А вороны стережёны
Козел засыпает,	Пошли примечати.
А маленьки козленочки	Сова из-за угла смотрит,
Муку выгребают,	
А барашки круты рожки	Ногами топчит,
В дудочку играют	Головой вертит.

Федул — ветряник.

Пришел Федул — тепляк подул.
 До Федула дует сиверок, с Федула — теплынью тянет.
 На Федула растворяй оконницу.
 На Федула пораньше вставай да оконницу отворяй
 (выставляй рамы).

Федул губы надул (ненастье).
 — Федул, что губы надул?
 — Кафтан прожог.
 — Велика ли дыра?
 — Один ворот остался.

Уставь соху, паши под овес.
 Держись за землю-матушку — она одна не выдаст.
 Крестьянская доля на широком поле.

Не печь кормит, а поле,
 Земля-мать — клад.
 Черная земля золотую рожь родит.
 Земелька черная, а хлебец белый родит.
 У пахаря рука черна, да хлеб бел.
 Без хозяина земля — круглая сирота.
 Земля без устройства и на кладбище не годится.
 Земля заботу любит.
 Землю уважай, будет и урожай.
 Земля — кормилица.

Мужички, мужички,
 Готовьте сошнички,
 Пора пашенку пахать,
 Пора сев начинать!

Если на дне оврага пятно снега осталось с корову,
 пахать можно.

Рано пар паши — урожай хороши.
 Уродится, не уродится, а паши.
 Вовремя вспашешь — веселей запляшешь.

Около Федула появляются бабочки-крапивницы, оживают божьи коровки.

Божья коровка,
 Улети вверх ловко.
 Принеси нам с неба:
 Хлебу замену,
 Грибам перемену,
 Ягодам рост,
 Редьке длинный хвост.

Бабка-коровка, ветер или дождь?
 Если ветер, то лети, если дождик — упади!

Евтихий.

На Евтихия день тихий — к урожаю ранних яровых.

Акулина.

Если на Акулину дождь — яровые плохие, калина хорошая.
 Дождь на Акулину — хороша калина.

Родион-ледолом, ледокол, ревучие воды; Руф.

На Руфа дорога рушится.

Агафы-Руфы, земля рухнет (т. е. растает и будет принимать в себя воду).

ЗАГАДКИ О СНЕГЕ

Живет — лежит, умрет — бежит.

Зимой греет, весной тлеет,
Летом умирает, осенью оживает.

На дворе горой, а в избе водой.

Легит — молчит, лежит — молчит,
Когда умрет, тогда заревет.

Всю зиму смирно лежит, а весной убежит.

На Родиона-ледолома встреча солнца с месяцем: добрая — ясный день и хорошее лето, худая — ненастье и плохое лето.

В большинстве районов именно к Родионову дню приурочивают выражение: «Уставь соху, паши под овес».

*Весной час упустишь, годом не наверстаешь.
Овес сей в грязь — будешь князь, а если оглобля мокра,
так и вырастет метла.*

Овес сеять хоть в воду, да в пору,
а рожь — обожди часок, да посей в песок.
Хоть грязь топчи, а овес мечи.
Когда на дороге грязь, тогда овес князь.
Лягушка с голосом. — сей овес.
Лягушка квачет, овес скачет (Воронежская губ.).
Когда дуб развернется в заячье ухо — сей овес.

Посев овса продолжается до тех пор, пока цветут яблочные и грушевые деревья, и пока не перестанут летать черные длинные мухи, которые вместе со цветом этих дерев пропадают; эти мухи называются овсяные.

Если кроты и хомяки весной начинают выбрасывать из своих норок землю, то это знак, что надо сеять овес (Воронежская губ.).
Овес и сквозь лапоть прорастает.
Овес сей, когда береза распускается.

Антип-половод, водопол.

Антип воду распустил.
На Антипу-водопола стоит полая вода.
Вскрываются реки, и вода бывает в разливе.
Примечают, что если начинается полая вода и не видно птиц (чибиса и рыбака), то это не настоящая полая вода.
Чибис прилетел, на хвосте воду принес (Тамбовская губ.).
Снег после половодья — большое для озими невзгодье.
Если воды не вскрываются, то лето плохое (Замосковье).

Половодье Антипа в овражке топит.
По Антиповой воде о хлебушке гадай.
В этот день медведь из берлоги выходит.
Появляются крапивные всходы.
Была бы водица, а зелень народится.

В некоторых местностях первый выезд в поле — на Антипа.

Клада не ищи, а землю паши и найдешь.
Кто ленив с сохой, тому весь год плохой.

Священномученик Антипа почитается «целителем разных человеческих болезней и в особенности утишителем зубной боли». «Иногда в случае зубной боли наши простолуди-

ны прибегают к такого рода способу: берут мелкую монету и, подержав ее несколько времени на больном зубе, пробивают ее насквозь и вешают на икону св. Антипы в надежде, что он избавит их от докучливой болезни».

Василий Парийский.

*Василий Парийский землю парит.
Антип воду льет на поймы, Василий земле пару поддает.
Запарил землю Василий — выверни оглобли,
закинь сани на повесть.*

Медведь в этот день обязательно должен встать и выйти из берлоги.

Зайцы бегают днем.

Заяц, заяц, выскочи из куста!

Заяц дорогу перебежал — к неудаче, беде.

Мартын-лисогон.

*На Мартына лисица норы меняет: старые на новые.
Переселение лисиц в новые норы, ворон — в новые гнезда.
На Мартына на лисиц нападает курячья слепота.
Ворон купает детей и отпускает в отдел (в раздел).*

Ай дуду, дуду, дуду!
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу.
Труба точеная,
Позолоченая:

«Жена плетку плетет,
Своего мужа продает —
За лисицу, за тряпицу,
За лысого кобеля,
За медведя...

(Тульская губ.)

Уж как шла лиса по тропке,
Нашла грамотку в охлопке.
Она по лесу ходила,
Громким голосом вопила.
Лиса лычки драла,
Лиса лапотки плела.

Вот и села на пенек —
И читала весь денек:
Будто небо провалится
И земля загорится, —
Лисе негде будет жить —
И пришлось с горя топиться.
(Владимирская губ.)

«Бежала лисица по лесу, увидала на дереве тетерева и говорит ему: «Терентий, Терентий! Я в городе была». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Была так была». — «Терентий, Терентий! Я указ добыла». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла, так добыла». — «Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревьям, а все бы гулять по зеленым лугам». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Гулять так гулять». — «Терентий, кто там едет?» — спрашивает лисица, услышав конский топот и собачий лай. «Мужик». — «Кто за ним бежит?» — «Жеребенок». — «Как у него хвост-то?» — «Крючком». — «Ну так прощай, Терентий! Мне дома недосуг».

«Лиса и рак стоят вместе и говорят промеж себя. Лиса говорит раку: «Давай с тобой перегоняться». Рак: «Что ж, лиса, ну давай!»

Зачали перегоняться. Лишь лиса побегла, рак уцепился лисе за хвост. Лиса до места добегла, а рак не отцепляется. Лиса обернулась посмотреть, вернула хвостом, рак отцепился и говорит: «А я давно уж жду тебя тут».

«...Пришла лиса к медведю в берлогу и выпросилась перезимовать у него. На зиму запаслась она цыплятами, положила их под себя и ела понемножку. Медведь однажды и спрашивает: «Что ты, кумушка, ешь?» — «Да что, куманек, изо лба кишочки таскаю да и кушаю». — «И сладко?» — спрашивает медведь. «Сладко, куманек». — «Дай-ка попробовать!» Она ему дала немного курятинки. Облакомился Мишка и ну тискать себе изо лба кишочки, до тех пор надрывался, пока не околел. А лисица этому и рада. Ей и пици на целый год, и мягкая постель, и теплая конура».

Пуд.

*На святого Пуда доставай пчел из-под спуда.
У кого медок и маслице — у того праздничек.*

**Ирина (Арина) рассадница,
разрой берега, урви снега.**

Около 29 апреля лед в реках и озерах, по народному замечанию, начинает таять у берегов, отсюда — Ирinya — урви берега.

Полая вода подмывает берега.
Ирины-рассаdницы — сей капусту на рассаdниках.
Сибиряки ждут вскрытия Иртыша.

Зосима — пчельник.

В этот день вывозят пчел на пасеки. По выставлении становятся посреди пасеки стол, покрытый чистой скатертью, на него хлеб и соль, черепок с жаром, богоявленскую воду и оставшуюся от пасхальной утрени свечу. Потом, помолясь Зосиме и Савватию, обходят вокруг пасеки с зажженной свечою, кропят ее освященной водой. После этого над дверью, через которую вносят на пасеку ульи, вбивают кол и произносят:

«Полети, моя пчела, на все четыре стороны за желтыми восками, за сладкими медами, приноси мед в свои ульи. Как осетр-рыба бежит в море, так моя бы пчела ко мне, рабу божию, летала на пасеку. Как из столбовых рек и протоков бежит сильная рыба в море, так бы ко мне, рабу божию, моя пчела летала со всех круговерхов, из темных лесов, с лугов, с болот, с топей, с черных грязей, из чистого поля, набравшись, напившись желтыми восками, садились в свои ульи со всем смиренством, с плодом и с повозом, господу богу на славу, а мне, рабу божию, в пожиток, во веки веков, аминь».

Открыв летки, произносят:

«Как океан-море из всех рек и протоков собирается и силен бывает, как полая вода дюжа и сильна бывает, ломает лес и урывает берега, несется через острова и кусты, зеленые луга и болота заливаает, так бы у меня, раба божия, пчела в пасеке сильна и дюжа была, несла мед со всех четырех сторон, с лугов, с топей, черных грязей, из чистого поля, из темных

лугов и от синего моря и со всякого цвета, завела б себе детей, отпускала б сильные рои, работала б сама себе, в люди не ходила б и к себе чужую не пустила б, со всех сторон четырех оборонялась».

От нападения чужой пчелы поступают еще так: делают из осинового дерева три кола и, перекрестясь, вколачивают их посреди пасеки, потом, положив в них веник, говорят: «Садитесь, чужие пчелы, на осиновые колы и на веник и отсюда не отходите».

Без бога — ни до порога,
а без Зосимы-Савватия — ни до улья.
Рой родится — Зосима-Савватий веселится.

Пчела знает, где мед брать.
На какой хлеб пошла пчела, тот на зерно будет хорош.
Если пчелы садятся на вишневый цвет, вишни уродятся,
если нет — вишень не будет.

Пчелушки,
Серые, малые,
Крылышки алые,
Носики вострые,
Сами пестрые.

В поле идут,
Гудут, гудут.
С поля идут,
Медок несут,—

приговаривают дети, когда идут мимо ульев (Калужская губ.)

МАЙ

ТРАВНИК, ТРАВЕНЬ •

Март с водой, апрель с травой, а май с цветами.

Пришел май — под кустом рай.

Май леса наряжает, лето в гости ожидает.

Майская травка и голодного кормит.

Одна майская роса коням лучше овса.

Малая птичка соловей, а знает май.

Дождь в мае хлеба подымает.

Весенний дождь лишним не бывает.

Коли в мае дождь, будет и рожь.

Ай, ай, государь май: не холоден, так голоден.

Ай, ай, месяц май: и тепел, и холоден.

Месяц май — коню сена дай, а сам на печь полезай.

Май — доху надевай и на печь полезай.

Май холодный — год хлебородный.

Майский мороз не выдавит слез.

Май обманет, в лес уйдет.

Май сманит.

Наш пономарь понадеялся на май.

да и стал без коров.

В мае родиться — весь век промаяться.

Захотел ты в мае добра.

В мае жениться — вск маяться.

Рад бы жениться, да май не велит.

Сколько в мае дождей, столько лет быть урожаю.

Даст небо дождь, а земля рожь.

Первым весенним дождем смачивают голову.

чтобы волосы росли так же быстро, как майская трава.

*Хорошее начало мая может обернуться холодом в конце
месяца: В рубахах пахать, в шубах сеять.*

*Когда цветет черемуха — всегда живет холод.
Черемховые холода.
Особенно бывает холодно, когда дуб развернется.*

В начале мая в Подмоскowie прилетают серые мухоловки, соловьи, пеночки, стрижи.

*Соловей защелкал, значит, береза лист пустила.
Соловей запекает,
когда может напиться росы с березового листа.
Когда береза перед ольхой лист распустит,
лето будет сухое; если ольха наперед — мокрое.*

Кузьма.

Сеи морковь и свеклу на Козьму (Московская губ.).

*Красна, да не девица,
С хвостом, да не мышь. (Морковь.)*

*Красная девица
Сидит в светлице,
А коса на улице. (Морковь.)*

*Огород для семьи подмога.
Огород — бабий доход.*

*Красный сапог в земле торчит. (Свекла.)
Вверху зелено, внизу красно. в землю вросло. (Свекла.)*

В начале мая в Тюменском крае «происходит неводьба. Человек десять или пятнадцать соединяются в артель для устройства невода. Каждый пайщик вносит определенную часть мерёжи, веревок для тетивы и прогона, кибасьев и наплавьев. Кибасьями называются просушенные куски глины в форме сплюснутого шара с отверстием посередине. Наплавь, или наплавки, готовятся большею частью из коры тополя, называемой сухариной или сухарником».

По наблюдениям воронежцев, «рыба плотва обыкновенно мечет икру около 1 мая. Если она остается вместе только четыре дня и потом расходится, то лучше сеять раньше, а если остается вместе неделю и больше, то — позже».

*Море — рыбацье поле.
Не накормит земля, накормит вода.
Чтобы рыбу съесть, надо в воду лезть.
Без труда не вынешь и рыбку из пруда.*

«В Петрозаводске встречали весну 1 мая с соломенным чучелом, которое, подняв на шест, ставят на горке, потом садятся вокруг него пировать и, по окончании пиршества, сжигают чучело с песнями и плясками»

Весна Дуньку кличет.
Дай, Дунька, ключи,
Отомкнуть землю,
Отомкнуть землю,
Выпустить траву
На раннее лето,
На буйное жито

Весна красна,
Теплое летечко!
Люли-люли,
Теплое летечко

Весна красна,
Что ж ты нам вынесла?
Люли-люли,
Что ж ты нам вынесла?

Малым деточкам
По яичечку,
Люли-люли,
По яичечку,
Красным девушкам
По женишечку,
Люли-люли,
По женишечку

Пришла матка, Весна красна!
Весна красна, дни теплые!
Добры кони в луга пошли,
Красны девки на улицу вышли..

Иоанн Ветхопещерник.

На Ветхопещерника обновляй новинку (холст)

«Вот тебе, матушка весна, новая новина!» — говорят, расстилая холсты в поле

Фёдор.

На Федора покойники тоскуют по земле.

В этот день посещали кладбища: причитания или оклики-ния родителей на погосте.

ПЛАЧ СЕСТРЫ ПО СЕСТРЕ

Как пропустить-то вот
Мни, победной кручинной головушке,
Свой унылой пропустить-то жалкий голосок,
Объявить мни свою причеть неумильную
Мни по этой по широкой по уличке,
Мни по этому погосту по станливому,
Мни по этой по буявой могилушке!
И мы не знаем всё, победные кручинные головушки,
Как подойти ко этой холодной, к зеленой ко буявой
могилушке!
Хоть мни сказать-то всё теперь да тяжелешенько,
Ко сердеченьку принять да обиднешенько!
Подойти-то нам ко любимой сестрице ко родимой,
И нам с которой зайти-то всё теперь сторонушки:
Нам от южной аль от северной,
От восточной ли, от западной,
Аль супротив ли сесть ретивого сердечушка?
Охти мнешеньки, нам бедным тошнешенько,
Не можем мы стоять на резвых на ноженьках,
Подломились-то у нас да ножки резвые,
Задрожали-то у нас да ручки белые!
Припадем теперь ко матушке сырой земли
И ко буявой холодной ко сестрицыной могилушке,
Будем клубышком теперь да мы кататися,
Червушочком да будем мы свиваться,
Мы желаньца от ей будем добираться!
Вы повеите теперь, буйные ветрушки,
Размуравься-тко, травонька шёлковая,
Вы развейтесь-ко, лазуревы цветочки,
Пораздвинься-ко ты, матушка сыра земля,
Вы рассыпесь-ко, желтые песочки,
Раскатитесь-ко, валучи камешёчки,
Покажись-ко, ёйно вековечно хоромное строеньце!
Прилетите-ко вы, птиченьки небесные,
Повытяните гвозди шеломчатые
И откройте-ко сестриченьку родимую.
Покажись-ко, ёйно белое личико,
Векóвое ёйно одеяньце!
Прилетите с небес, ангелы-архангелы,
Вы вложите душеньку в белы груди,
Вы по-старому вложите-ко, по-прежнему,
В резвых ноженьках-то сделайся стояньце,
В белых рученьках-то сделайся маханьце,
В ясных оченьках у ей да мигованьце,
Речист язык в уста да во сахарние!
И ты повыстань-ко, сестриченька родимая,
Уж ты встань теперь на резвые на ноженьки,

Уж мы сделаем-ко доброе здоровьице,
Мы покорное теперь с тобой почтеньице,
Ты обрадуй-ко нас, бедных головушек.
Мы по-старому с тобой теперь, по-прежнему,
Уж мы сядем-ко с тобой да рядом-поряди,
Заговорим мы любимые потайные ласковы словечушки!
Уж мы вдавное с тобой да не видались,
Мы давнешенько с тобой да не встречались,
Как прошло-то пять учетных круглых годышков,
Как схоронили тебя, белую любимую лебедушку!.. (Заонежье).

ПЛАЧ НА МОГИЛЕ МУЖА

Как сегодняшним господним божьим денечком
Пришла я на раскат-гору высокую,
Как на эту на могилушку умершую,
Как ко миленькой ко законной ко семеюшке.
Порассыптесь сегодня вы, желты́ пески,
Раскатитесь-ка, катучи белы камешки,
Приоткройся-ка, тесова гробова доска!
Встань-восстань, законная семеюшка,
Вынь-ка ручушки от ретивого сердечушка,
Проговори-ка мне единое словечушко,
Ты по-старому заговори со мной, по-прежнему,
Ума-разума ты дай мне во головушку,
Размышленья дай во ретиво во сердечушко!
Что приходит трудная крестьянская работушка
Выходить на поля на хлебородные,
Во-вторых, идти на лужки на сенокосные,
Уже знать-видать, законная семеюшка,
Что не порна́ стала горюха горькая!
Мои ноженьки теперь да притоптались,
Мои рученьки теперь да примахались,
Помешался ум во млáдой во головушке.
Ума-разума нет во млáдой во головушке,
Размышленья нет во ретивом во сердечушке,
Как пахать мне во полях да хлебородных,
Как косить мне на лужках на сенокосных!
Хоть оставлена станица неудольная,
Все не труднички у меня да не работнички;
Чем мне жить, горюхе горегорькой?.. <...>
Ты спокинул меня, горюху горегорькую!
Вот второй идет учетный долгий годушек —
Никакого я извѣстья не полúчаю.
И скорописчатые грамотки я не полúчаю.
Наверно, нет у вас лавочек торговых,
Нет у вас бумаженьки гербовой
И нет у вас свободной поры-времени
Написать мне-ка скорописчатые грамотки!

Вот еще бужу, кручинная головушка:
 Ты уж стань-восстань, законная семеюшка,
 Не по-старому ты восстань, не по-прежнему,
 Попусти по мне великое желаньице,
 Ты по-старому пусти да и по-прежнему,
 Дай ума-разума мне-ка, горюхи, во головушку,
 Размышленья дай во ретиво во сердечушко,
 И как работать мне-ка на крестьянской на работушке,
 И каково растить мне-ка сирот да бесприютных!..
 (Заонежье).

Лука.

На Луку высаживают на грядки лук.

Лук добро и в бою и во щах.

Голо, голо, а луковка во щи есть.

Кто ест лук, избавлен будет от вечных мук.

Лук от семи недуг.

Лук семь недугов лечит, а чеснок семь недугов изводит.

Хрен да редька, лук да капуста лихого не допустят.

Лук да баня все правят.

ЗАГАДКИ О ЛУКОВИЦЕ

Семьдесят одежек, и все без застежек.

Стоит девица на грядке, вся в заплатках,

Кто взглянет, всяк заплачет.

Стоит поп низок, на нем сто ризок.

Ризки снимешь, сам заплачешь.

Что без доли и печали приводит в слезы?

Горе луковое — мелкие печали; ничтожные огорчения, не заслуживающие слез.

Георгий Поведа носец, Егорьев день, Егорний весенний, Егорний (Юрий) вешний, Егорний храбрый.

Юрий на порог весну приволок.

Егорий землю отмыкает

Пришел Егорий, и весне не уйти.

Егорий храбрый зиме ворог лютый.

Промеж гор лежит бугор, пришел Егор, унес бугор. (О снеге.)

Егорий весну начинает, Илья (2 августа) лето кончает

Святой Георгий красную весну на красную горку начинает,

пророк Илья лето кончает, жито зажинает

Заегорит весна, так и зябкий мужик шубу с плеч долой.

Егорий из-под спуда зелену травку выгоняет

Зеленая травка — молока прибавка.

На Руси два Егорья: один холодный,

другой голодный (9 декабря и 6 мая)

Коли весенний Егорий с кормом, то осенний Никола

(19 декабря) будет с мостом (т. е. зима установится,

будет хороший санный путь).

Сена достает: у дурня до Юрья,

а у разумного до Николы (22 мая).

До святого Юрья корм есть и у дурня.

Богатый сыт и в Юрьев день,

а бедный терпит до Спаса (14 августа).

Егорий с ношей, а Никола с возом.

Егорий с кузовом, Никола с возом.

Егорий везет корму в тороках, а Никола возом.

Егорий с теплом, а Никола с кормом.

Егорий с водой, а Никола с травой.

В Егорьев день река выйдет, лед унесет,

на Николу и травка вырастет (Пинежье).

На Егорья мороз — будет просо и овес.

На Егорья мороз — под кустом овес.

На Егорья мороз — гречи хороши (Тамбовская губ.).

Когда на Георгия будет мороз и повторится через неделю,

то должно ожидать теплой осени (Тамбовская губ.).

Как в Егорьевску ночь заморозит,

так сорок утренников еще на хлеб падет,

сорок утренних морозов с Егорьева дни на все лето,

пока хлеб в поле стоит. Бывало, собирали сорок камешков.

и как утренник, так выбросят камешек;
смотрели, сколько еще оставалось их в мешочке.

Ино и совпадется (Пинежье).

Юрий росу спустил. Гони животину на Юрьеву росу.
На Егорья роса — будут добрые проса (Орловская губ.).

На Юрья роса — не надо коням овса.

Будь здоров, как Юрьева роса.

Юрьева роса от сглазу, от семи недугов.

Катаются по Юрьевой росе, чтоб получить здоровье.

На Юрья дождь — скоту легкий год.

На Юрья снег — урожай на гречу,

на Юрья дождь — гречи нерод.

На Егорья в некоторых местах запахивают пашню.

Егорий — ленивая сошка, на Егорья выезжает и ленивая соха.

Юрий починает полевые работы, Юрий и кончает.

Ранний посев ярового — с Юрья (Воронежская губ.).

Ранний яровой посев с Егорья,
поздний — с Еремея (14 мая; Ярославская губ.).

Яровое сей до Егория (Новгородская губ.).

Не хвались на Юрьев день посевом,

хвались на Николин травую.

Ясное утро на Юрья — ранний сев,

ясный вечер — поздний (Новгородская губ.).

Ранний горох сей до Георгия,

поздний после Георгия (Нижегородская губ.).

Кто сеет овес с Егорья, тот убирает не зерно,

а солому. Сей просо с Егорья,

кончай Николой (Тамбовская губ.).

С Георгия начинают садить свеклу,

сеять морковь и рассаду. Сей рассаду на Георгия,

будет щей вдоволь (Воронежская губ.).

Сельскохозяйственные приметы на Егорьев день не совпадают по местностям, но практически на всей территории России к Егорьеву дню был приурочен первый выгон скота в поле, который воспринимался как большой праздник и соответственным образом обставлялся различными действиями, обрядами, песнями и приговорами.

На Егория скотину выгоняли в поле вербой, срезанной в вербное воскресенье. В поле выносили стол, на стол ставили икону, и попы служили молебен. Выгоняя скотину в поле вербой, приговаривали: «Христос с тобой! Егорий храбрый, прими мою животину на все полное лето и спаси ее!» (Калининская обл.).

Юрьев день считался праздником пастухов, их одаривали, кормили в поле мирской яичницей.

В некоторых деревнях Валдайского уезда в этот день каждый домохозяин приходит в поле с испеченным нарочно караваем (белым хлебом), каравай этот называется «моленни-

ком»,... и первый кусок от оногo уделяют пастуху, оставшимся кормят возвратившийся в тот день с поля скот (*Новгородская губ.*).

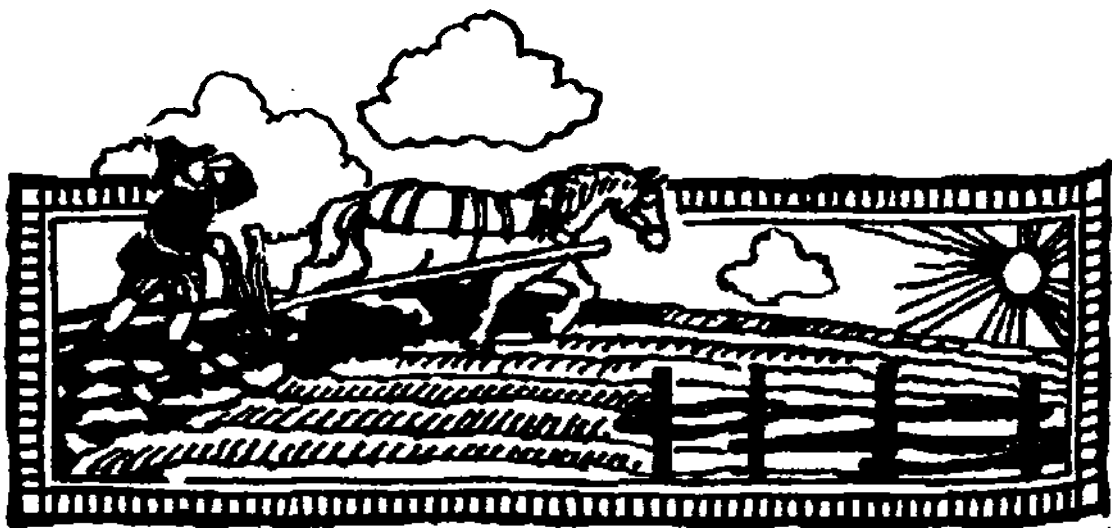
На Егорья пастуха окачивают, чтобы во все лето не дремал.

В день выгона скота пекли обрядовое печенье в виде «коровок», «лошадей», «козулек» и прочих животных, отдаваемых под наблюдение Егория и пастуха. Крестьяне верили, что Егорий сам, невидимо для людей, выезжает в поле на своем белом коне и пасет скот, охраняя его от зверей, над которыми тоже властвует.

*В прежние времена леса в нашей стране занимали обширные пространства и изобиловали дикими животными, так что выпас скота всегда был сопряжен с опасностью. Стремясь предотвратить беду, крестьяне прибегали ко всякого рода оберегам, основанным, как правило, на магии сходства: «Когда по весне первый раз выпускают скотину в лес, на печной заслон нужно выкрошить хлеба и давать на заслоне корове. При этом один раз произносят: «Как этот заслон в каждую ночь стоит на своем месте, так бы наша коровушка Пестрюшка в каждую ночь стояла в нашем дворе» (*Архангельская губ.*).*

В селах Московской губ. хозяйка, выгоняя первый раз в поле корову, заставляла ее переступить через положенную в воротах клюшку, а потом, ударяя ее клюшкой, приговаривала: «Тели телок, тели телок!» Вместо клюшки мог использоваться сковородник: «Как сковородник от печки не отходит, так пусть бы и скотина от двора не отходила».

В такой же день крестьянка Архангельской губ. повязывала вокруг голого тела пояс, а затем расстилала его в воротах, через которые выгоняли скотину, приговаривая: «Коль крепко и плотно пояс вокруг меня держится, толь крепко и плотно Пестрюшка вокруг двора держится и своей большушки матушки. Век и повеку, отныне и до веку».

Поступали и следующим образом: «сливали в один сосуд воду, взятую из трех ключей, с приговором: «Во имя отца и сына и святого духа. Как бы сия ключевая вода стекала в одно место, так бы сходился и стекался мой скот любимый, крестьянский жить в одно место».

Георгий Победоносец считался покровителем домашнего скота, и к нему обращались с просьбами защитить, уберечь коров, овец, лошадей. Наибольшей силой, по мнению народа, обладало обращение именно в Егорьев день, во время первого выгона на подножный корм.

«Спасителю Победоносцу и Чудотворцу! Отче наш, Георгий, спаси и сохрани нашу скотинку Рудонюшку и Пестронюшку в темных лесах, в жидких местах от диких зверей, от пловучих змей и от злых людей. Аминь».

На Егорья ребяташки обходили с приговорами все дома селения, а затем шли в поле и там оставляли сделанные из прутьев маленькие кресты.

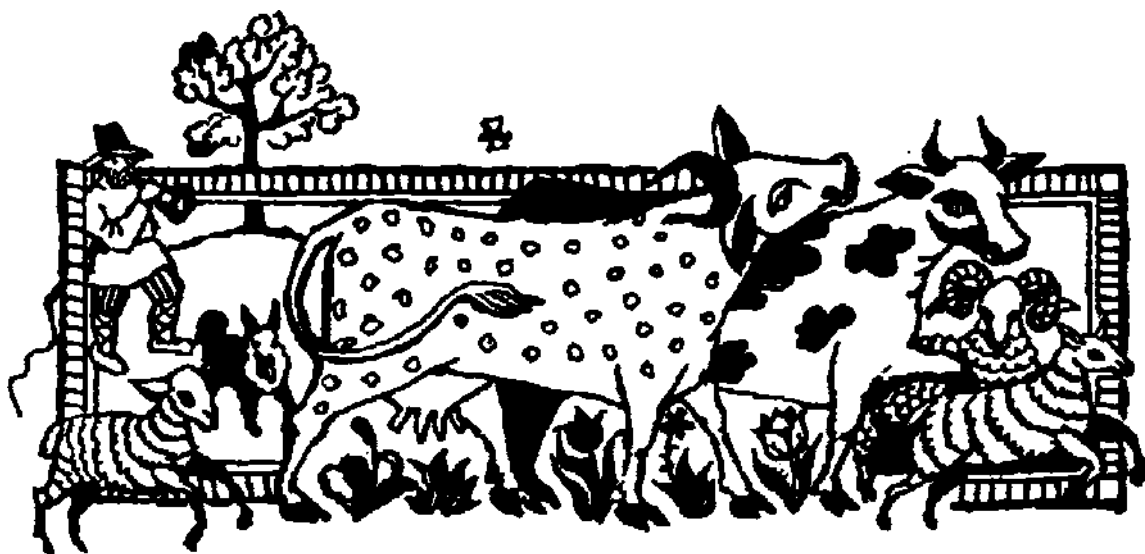
Мы вокруг поля ходили,
Мы Егорья окликали,
Мы Макарья величали.
Егорий ты наш храбрый,
Макарий преподобный!
Ты спаси нашу скотину
В поле и за полем,

В лесу и за лесом,
Под светлым месяцем,
Под красным солнышком
От волка хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого.

Так окликали Егорья на Тамбовщине прошлого века. В костромских деревнях ребяташки ходили по домам, кликали Егорья под окнами и выпрашивали яйца:

Батюшка Егорий,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,
В поле и за полем,

В лесе и за лесом
В лесу за горами,
За широкими долами!
Волку, медведю —

Пень да колода,
 Да белая береза,
 Древесянный камешек!
 Нашим-то тёлонькам —
 Травка-муравка,
 Зелененький лужок!
 Пастух выйдет на лужок,
 Заиграет во рожок.
 Хорошо пастух играет,

Выговаривает:
 «Телоньки, телитесь!
 Свинки, пороситесь!
 Курочки, неситесь!»
 Хозяюшка, добрися,
 Хозяин, не скупися,
 Богу на свечку,
 Ребятам по яёчку.

Если окликальщикам выносили гостинцы, они продолжали:

Дай вам бог,	Криволысенских!
Надели, Христос,	Они в поле-то идут —
Двести коров,	Всё помыкивают,
Полтора ста быков,	Они из поля идут —
Семьдесят тёлушек,	Всё поигрывают.
Лысенских,	

Если хозяева отказывали, ребята грозили:

Кто не даст яйца —
 Всю скотинку со двора
 Под медведюшка!

Удивительно полное, поэтичное окликанье записано буквально в наши дни от Клавдии Александровны Сафоновой из г. Чухлома Костромской обл.; причем с ее же колоритным объяснением.

Перед тем как выгнать скотину на пастбище, ребяташки, подростки обычно ходили по домам с барабанками, шергунцами, трензелем, бубном и пели песню, так называемую «Батюшка Егорий». За это им подавали так называемую мзду: кто яичек, кто денег, кто гостинцев, кто чего. Вставали примерно в два часа ночи и вот будили всю окрестность пением. Пели они:

Мы ранешенько вставали,
 Белы лица умывали,
 Полотенцем утирали,
 В поле ходили,
 Кресты становили,
 Кресты становили,
 Егорья вопили:
 — Батюшка Егорий,
 Макарий, батька храбрый,
 Спаси нашу скотинку,
 Всю животинку,
 В поле и за полем,
 В лесе и за лесом.
 Волку, медведю,
 Всякому зверю —
 Пень да колода,
 На рамень дорога.

Тетушка Анфисья,
 Скорее пробудися,
 В кичку нарядися,
 Пониже окрутися,
 Подай нам по яичку,
 Подай по другому.
 Перво яичко —
 Егорию на свечку,
 Другое яичко —
 Нам за труды
 За егорьевские.
 Мы ходили, хлопотали,
 Трое лапти изодрали,
 В кучку поклали,
 В бочаг покидали,
 Чтобы наши не узнали,
 Чтобы нас не заругали!

Дальше следовало подаяние. Если подавали хорошо, то, значит, ребята благодарили:

Спасибо тебе, тетка,
На хорошем подаянье!
Дай тебе бог
Подольше пожить,
Подольше пожить
Да побольше нажить —
Денег мешок,
Да белья коробок,
Двадцать телушек,
Все годовушек,
Десять быков,
Все годовиков, все полуторвиков!

Но бывали случаи, когда ребятам ничего не подавали. Тогда ребята пели неприятную поговорку:

Неспасибо тебе, тетка,
На плохом подаянье!
Дай тебе бог
Подольше пожить
Да побольше нажить —
Вшей да мышей,
Тараканов из ушей!

Своеобразно отмечался Егорьев день на Смоленщине.

«...в каждом доме пред выгоном скота хозяин с хозяйкой зажигают перед иконами «страстную» свечу, стол накрывают чистою скатертью, кладут на него целый круглый хлеб, ставят на стол полную солонку соли и молятся богу. Потом хозяин берет икону святого Георгия, страстную свечу, а хозяйка — хлеб с солью, и обходят на дворе кругом весь свой скот, приговаривая: «Святой Егорий-батюшка, сдаем на руки тебе свою скотинку и просим тебя: сохрани ее от зверя лютого, от человека лихого!» Затем кладут на землю под ворота замок и ключ: «Чтобы пасть звериная была так крепко заперта, как запирается замок на ключ!» А икону ставят над воротами и выгоняют скот на улицу. <...> После этого все гонят скот в поле, имея в руках вербы; там хозяйки дают пастуху и подпаскам сало и яйца, из которых они готовят тут же, в поле, яичницу. Когда яичница бывает готова, пастух назначает, кому из его подпасков быть зайцем, кому — слепым, кому — хромым, кому — замком и кому — колодой; расставляет их всех кругом стада, после этого берет приготовленную яичницу и идет с нею, прежде спрашивая у «зайца»: «Заяц, заяц, горька ли осина?» «Заяц» отвечает: «Горька!» — «Дай бог, чтобы и наша скотинка для зверя была горька!» Потом спрашивает у «слепого»: «Слепой, слепой, видишь ли?» «Слепой» отвечает: «Не вижу!» — «Дай бог, чтоб и нашу скотинку не видела зверинка!» Дальше спрашивает у «хромого»: «Хромой, хро-

мой, дойдешь ли?» «Хромой» отвечает: «Не дойду!» — «Дай бог, чтобы и зверинка не дошла до нашей скотинки!» Дальше спрашивает у «замка»: «Замок, замок, разомкнешься ли?» «Замок» отвечает: «Не разомкнусь!» — «Дай бог, чтобы и у зверя не разомкнулись зубы для нашей скотинки». И наконец спрашивает у «колоды»: «Колода, колода, повернешься ли?» «Колода» отвечает: «Не повернусь!» — «Дай бог, чтобы и зверь не повернулся к нашей скотинке!»

Таким порядком пастух обходит стадо три раза. После этого все действующие лица садятся и съедают яичницу.

Кое-где Егорьев день включал и обряды, вызванные заботой о лошадях. Например, коней мыли, купали, кормили крестами, испеченными в Крещение. В Боровичском уезде Новгородской губ. 6 мая «гладили лошадь по голове яйцом с приговором: «Как яичко гладко и кругло, так и лошадушка моя будь кругла и сыта».

Жители рязанских сел «в этот день под вечер «делают коня». Для этого берут две крепкие жерди. Четыре парня кладут их на плечи. Один из передних держит на вилах конскую голову или конский череп, украшенный бубенчиками и цветными тряпицами. Сзади концы жердей связаны между собой веревкой, к которой привязан хвост из мятого моченца. Жерди обмотаны сеном и веретьями, на жерди сажают верхом мальчика, обыкновенно пастуха, преимущественно хорошо играющего на жалейке. <...> Таким образом сделанный конь в сопровождении народа обходит деревню, причем сидящий на нем пастух играет на жалейке. Затем конь направляется в одну из соседних деревень. Завидев издали коня, в той деревне снаряжают как можно быстрее своего коня. Оба коня сходятся на выгоне перед деревней, причем происходит «бой» двух коней. Изображающие коней, подражая лошадиному ржанью, бросаются друг на друга, пока один конь не разрушит другого. В старину после этого водили круги (курагоды), причем один из парней изображал собою коня. От одной старухи (пишет собиратель. — А. Н.) нам удалось достать только следующий отрывок одной из игравшихся при этом песен:

Около сырого дуба,	«Поскачь, поскачь, ко́на,
Около молодого,	Поскачь, молодая,
Выросла чечевинка.	Кона новая на сене,
По той чечевинке	Выбирай себе подружку,
Черные ко́ны скачут.	Что любимую сеструшку!»

Парень, изображавший коня, под пение входил в круг, скакал и прыгал как можно выше, потом выбирал девушку.

Когда вера в магическую силу слова утратилась, выгоняя скотину, произносили просто обычное напутствие: «Ходи, бог с тобой, кормись да домой не торопись. Впереди коров не бегай и позади не оставайся».

Георгий, как уже говорилось, воспринимался не только защитником скота, но и хозяином лесных зверей. Широко бытовало поверие: «На Юрья святой Егорий разъезжает по лесам на белом коне и раздает зверям наказы»; «Всяк зверь у Егория под рукой». Поверие породило и запреты: «Под Егорья вешнего не работают, чтобы волк овец не поел»; «Кто работает на Георгия, у того волки будут резать скотину».

В одном заговоре говорится: «Святой Георгий Победоносец и святой Константин, на белых конях, имущи в руках огненные щиты, объезжают около нашего скота, милого живота; бьют они, побивают всех колдунов и колдуниц, еретиков и еретиц, воров и вориц, зверей и звериц, волков и волчиц, змеев и змеиц» (Смоленщина).

С днем 6 мая связывался также прилет ласточек, начинали прислушиваться и к голосу кукушки.

Кукушка кукует до Егория — скот падёт (северн.).

Кукушка до Егорья — к неурожаю и падежу скота.

Если кукушка кукует, когда еще не оделся лес, будет голодный год (Тамбовская губ.).

В Кирсановском уезде Тамбовской губернии «некоторые, желая получить хороший урожай, приходят рано утром в лес и стараются пораньше поесть, пока кукушка еще не кричала; иначе год будет голодный».

Если кукушку услышишь раньше соловья, несчастливо проведешь лето — прокукуешь (Воронежская губ.).

При первой кукушке брякни деньгами, чтоб водились.

Ранняя кукушка (прежде листа на дереве) — вора́м неудача.

Кукушка кукнула в левое ухо — хорошая примета (Пинежье).

Кукушка сера, загадуй смело, сколько лет жить и когда помереть.

Не кукуй, кукушка, здесь, Без твоёго голоса
Без тебя досада есть. Напала на сердце тоска.

С весеннего Юрья совершались сделки и наймы — по Семен день (14 сентября), до Покрова (14 октября) или до Заговенья (27 ноября).

И последнее: с Егорья открывался сезон хороводов.

С Егорья хороводы, с Дмитрия (8 ноября) посиделки.

Как солнышко взойдет,
Роса на землю падет —
Пастух выйдет на лужок,
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играет,
Будит девок, будит баб,
Будит малых ребят:
— Вставай, девки, вставай, бабы,
Вставай, малые ребята!
Выгоняйте вы скотину
На широкую долину,
На зелену луговину!
Одна девка весела
В хоровод плясать пошла.
Сама пляшет, рукой машет,
Пастушка к себе манит:
— Сюды, сюды, пастушок,
Сюды, миленький дружок!
Ты скотину паси,
Ночевать ко мне ходи!
Пастух ночку ночевал —
Коровушку потерял.
Он другую ночевал —
Он другую потерял.
— Кабы знала, молода,
Не манила пастуха,
Не манила, не обманывала.

_____ (Симбирская губ.)

Выгоняйте вы скотину
На широкую долину,
На попову луговину!
Гонят девки, гонят бабы,
Гонят малые ребята,
Гонят стары старики, —
Мироеды-мужики,
Гонят старые старушки —
Мироедовы женушки.
Одна девка весела:
Она плясать во круг пошла.
Она пляшет, рукой машет:
— Пастух мой, пастушок!
Пастух, миленький дружок!
Ты скотинушку паси,
Ночевать ко мне ходи!
Пастух ночку ночевал —
Серу овцу потерял,
Он другую ночевал —
Коровушку потерял,
Он и третью ночевал —
Все стадо потерял.

(Тульская губ.)

Евсей — овсы отсей, Савва.

Савва — кончается хлеб, начинается голодный май.

Пришел Евсей — овсы отсей.

Когда на дороге грязь, тогда овес — князь.

*Сей рожь хоть на часок в пепелок, а овес хоть в воду,
да в пору.*

*Овес должно сеять дня за два после или до наступления
полнолуния и никогда во время затмения (Воронежская губ.).*

В землю не положишь — и с земли не возьмешь.

До поры до времени не сеют семени.

Землю согрело, не опоздай с посевом.

Сеют не раньше, чем оттают снега,

да если не мерзнет на пашне нога.

Сейки в ненастье, а сбирки в вёдро.

Днем раньше посеешь — неделей раньше уберешь.

Марк.

На Марка небо ярко, бабам в избе жарко.

Прилет певчих птиц стаями.

Если пташки летят на конопляник, будет урожай конопли.

В Тульской губ. в этот день выходили ловить чижей.

*Святого Марка в народе называют иногда «ключником»,
ибо верят, что он владеет ключами от дождей. В этот день
особенно молятся и просят о ниспослании сильного дождя,
так необходимого в эту пору. Говорят: «Если выпадет в мае
три дождя добрых, то и хлеба будет на три года полных».*

Даст небо дождь, а земля — рожь.

Без дождя и трава не растет.

Дождь — мужику рожь, а бурлаку вошь.

Малый дождь землю грязнит, а большой очищает.

*Зашепчет дождь тихим голосом —
поднимется рожь тучным колосом.*

*Радуга-дуга,
Принеси нам дождя!*

Чем зеленее радуга, тем больше будет дождь.
Высокая и крутая радуга — к хорошей погоде,
низкая и пологая — к ненастью.

У нас если радуга появится — это к дождю:
радуга таскает воду из рек.

Радуга как упрет в ручей, говорят:
набирает воду — к дождю это (Пинежье).

Уж дождь дождем,
Поливай ковшом!

(Тульская губ.)

Дай бог дождю
В толстые вожжи!
Поливай весь день
На наш ячмень,

На бабью рожь,
На мужичий овес,
На девичью гречу,
На маличье просо.

(Рязанская губ.)

Уже в прошлом веке вызывание дождя превратилось в веселую игру детей, которые охотно выкрикивали заклинания, вступая в озорную беседу с дождем, иногда похожую на драки.

Дождик, дождик, пуще,
Дам тебе гущи.
Выйду на крылечко,
Дам огуречка,
Дам и хлеба каравай.
Дождик, пуще поливай!

Дождик, пуще припусти.
На пшеницу, на гречи.
На горох, на ячмень —
Поливай весь долгий день!

А на просо и на рожь
Поливай сколько хочешь!

Дождик, дождик, посильней
Чтобы было веселей
Мои гуси дома,
не боятся грома.

Дождик, дождик, лей, лей,
На меня и на людей
А на Бабу Ягу
Хоть по тысячу ведру.

ЗАГАДКИ О ДОЖДЕ

Один льет, другой пьет, третий растет. (*Дождь, земля, трава.*)

Приехала баба
Из высокого града,
Как она заплакала —
Все люди возрадовались.

Посмотрю я в окошко: идет длинный Антошка.

Сушено, маслено, до лесу протянуто.

Крупно, мелко зачастило, всю землю напоило.

На святого Марка сеется татарка (*так в некоторых местах называют гречу*).

СЕМЁН-РАНОПАШЕЦ.

Во многих районах — начало ранней пахоты.

Святой боже пахать не поможет.

На пашне огрехи, в кармане прорехи.

Не ленись с плужком — будешь с пирожком.

Вскачь не напашешься.

И поедим, и спляшем, только пашню спашем.

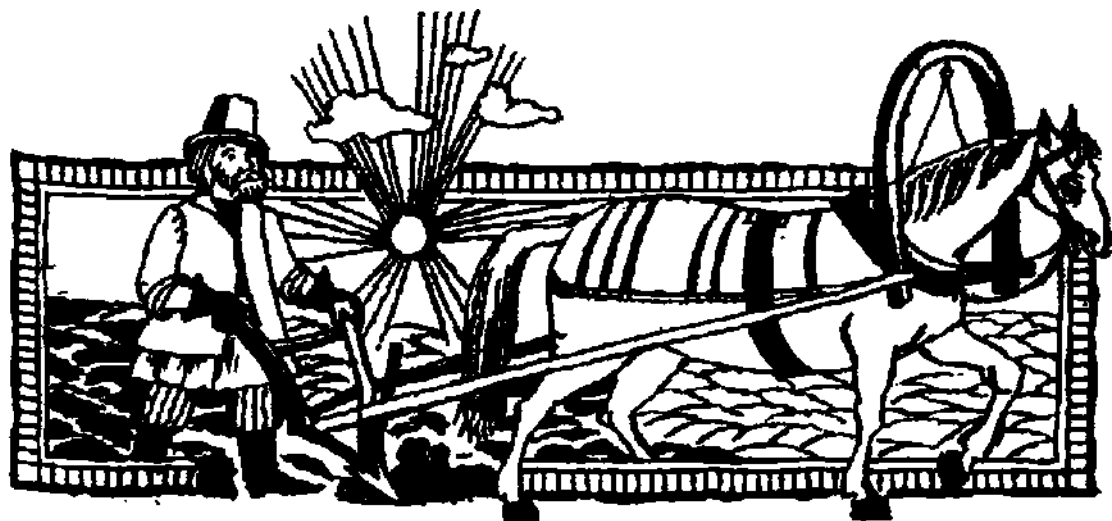
Коли орать — так в дуду не играть.

Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится.

«В южнорусских областях до запашки полей
молодежи нельзя было петь,

а пение вблизи полей даже считалось грехом».

Пора пахать, когда гром гремит, лес в листву одевается,
жаворонок запел, а водяные лягушки квакать начинают.

За вешней пашней — шапка с головы свалится, не подыму.
 Землю пахать — не в бабки играть.
 Мужик умирать собирайся, а земельку паши.
 Глубже пахать — больше хлеба жевать.
 По пашне и брашно.

ЗАГАДКИ

Кривоногий растрепал,
 А зубастый причесал. (Плуг и борона.)

Железный нос
 В землю врос,
 Роет, копает,
 Землю разрыхляет. (Плуг.)

Солнышко взойдет — стряхнет, запихнет, а сам песенки поет.
 (Пахарь.)

Ног много, а с поля на спине едет. (Борона.)

Максим и Ясон.

Начинается сбор березового сока.
 На Максима больных отпаивают березовым соком.
 Теплый ветер на Иасона приносит здоровье.
 Теплая и звездная ночь — к урожаю,
 а ясный восход солнца — ведреное лето.

Яков.

Теплый вечер на святого Иакова — к урожаю.

Еремей — запрягальник, Яремник.

Еремей-запрягальник, подыми сетева! То есть пригото-
 вляйся к посеву, потому что редко случаются такие годы, ко-
 гда бы в этот день нельзя было выехать в поле для продол-
 жения посевов (Тамбовская губ.).

Коли на Еремея погоже, то и уборка хлеба пригожа.
 На Еремея непогода — всю зиму промаешься.
 Сей неделю после Егорья да другую после Еремея.
 На Еремея — третья и последняя встреча пролетья.
 На Еремея по ранней росе иди на посев.
 Кто первый сеет, тот первый и убирает.
 Кто рано сеет, семян не теряет.
 Лист полон, так и сеять полно.

Раннее яровое сей, когда сольет вода, а позднее, когда цвет калины будет в кругу. Если еловые почки распускаются рано и скоро, то не должно медлить посевом; в противном же случае — не спешить (Воронежская губ.).

Хлеб на хлеб сеять — ни молотить, ни веять.
 На Еремея и ленивая соха в поле выезжает.
 Что посеешь, то и пожнешь, а что пожнешь, то и посеешь.
 Сей хлеб — не спи; будешь жать — не станешь дремать.
 Не пиры пировать, коли хлеб засеять.
 Не радей большому посеву, а радей хорошему урожаю.
 Рой в глубь пласта — будет рожь густа.
 Рожь в Вологодской губернии сеют мужчины,
 овес, горох и яровые — бабы.
 Сей рожь впору да в золу.

Для получения хорошего урожая в Тамбовской и многих других губерниях соблюдался такой обычай: в день засева ни один домохозяин не даст другому взаймы, ни за деньги ни одного зерна или куска хлеба: нарушение этого условия может повести к неурожаю.

Борис и Глеб — сеятелю; Варыш-день, соловьиный праздник.

День Бориса и Глеба называется соловьиным, потому что с этого времени начинают петь соловьи.
 Соловей поет всю ночь — будет солнечный день.
 Если соловья услышишь раньше кукушки,
 счастливо проведешь лето.
 Если соловей запел на голые деревья,
 то неурожай на садовину (Воронежская губ.).
 Кто при первом соловье скинет рубаху,
 того блохи не будут кусать.
 Соловей пропел — встряхните рубашки: блох не будет.

Соловей запел — вода на убыль пошла,
можно начинать посевную.

Борис и Глеб сеют хлеб.

Тамо хлеб не родится, где кто в поле не трудится.

Кто ленив с сохой, тому весь год плохой.

Вешняя пора — побыл, да и со двора.

Лучше голодай, а добрым семенем засевай.

Не земля плоха, а сеятель плох.

Обычно перед посевом произносили краткую молитву или приговор, а во время самого сева молчали.

Народи, господи, с пол-осьмины три осьмины!

Народи, господи, на птиц небесных,

На всю пищу братию

И на всех православных (Тверская губ.)

Дай, бог, на всякую долю — мне и птицам (Сибирские губ.)

Пошли, господи, в поле хлеба,

На дворе живота,

На всех голодающих,

На воров, на немощных, на скот

(Переславль-Залесский)

Уроди на всякого приходящего и заходящего!

Илья-пророк, хлебный бог, многомилосливой! Уроди нам хороший урожай! (Карелия, Кенозеро.)

День Бориса и Глеба называют «барыш-день» и празднуют его для получения во весь год барышей.

Торговцы стараются что-нибудь продать выгодно, чтобы весь год торговать с барышом.

Святого Бориса — сам боронися: барышники плутуют

Мавра-молочница, зелёные щи. Тимофей.

Тимофея и Мавры — зеленые щи.

Интересное разъяснение по поводу этого дня находим в «Тамбовских губернских ведомостях» за 1864 год: «Зеленые или пустые щи, потому что их варят уже не из кислой капусты, которой к этому времени остается немного в запасе, а из щавеля, лебеды, сныти, крапивы, которая и «жгуча родится, а в щи годится». Но такие щи для русского живота — пустые щи».

*Мавра-молочница: Маврушка покушай, а Маковой поговей.
Соловьи запели перед Маврой — весна зацветет дружно.*

Ирина(Арина)– рассадинца.

*На Ирину худая трава из поля вон (выжигают
в полях траву).*

В день Арины высаживают на огороде капустную рассаду:
«Не будь голенаста, будь пузаста; не будь пустая, будь тугая; не будь красна, будь вкусна; не будь стара, будь молода; не будь мала, будь велика!»

Я колышку тешу,	Развеселенькую.
Я огород горожу,	Ты родись, моя капуста,
Я капусту сажу,	И бела, и вила,
Сажу беленькую,	И со тыном равна...

(Тульская губ.)

Посадивши первый кочан, покрывают его большим горшком, а горшок — белой скатертью, для того чтобы были большие, тугие и белые вилки. При пересадке рассады не едят хлеба, чтобы куры капусту не выклевывали (*Тамбовская губ.*).

По традиции сажанием овощей занимались исключительно женщины: «если посадит овощи мужик, то они зацветут, но не дадут плода».

В Новгородчине с Ирины начинали садить огурцы.

Без капусты щи не густы.
 Щи капустою пригожи, а солью вкусны.
 Где щи, тут и нас ищи.
 Щи да каша — кормилицы наши.
 Премудрость во щах, вся сила в капусте.
 Щей поел — словно шубу надел.

Для чего огород городить, коли капусты не садить?

«Посадке капусты вообще придают особое значение, и даже там, где уже отстали от старых обычаев, при посадке этого любимого овоща, играющего столь значительную роль и занимающего на крестьянском столе такое видное место во всей матушке России, один кочешок покрывают горшком и присаживают к нему туда же одну луковку. Самый горшок обвивают венком, принесенным из церкви на Троицын день и сберегаемым около образов до времени посадки капусты».

«Капусткой» называется один из самых широко распространенных видов хоровода.

В Архангельской губернии он существовал в таком виде:

«Парень заводит песню и по очереди образует цепь из играющих, беря за руку то одного, то другого и т. д.

Пошли наши гусли,	Секёт траву лебеду,
Пошли звончатые.	Он рвет и секет,
Тут гусельцы наши	В белый фартучек кладет,
За рученьку брали	Приговор говорит,
Да за белу имали,	Приговаривает:
За ручку за праву,	Кого я люблю,
За златен за перстень:	Того и возьму.
Он ведь ходит по двору,	

Песню поют хором по числу играющих. Когда соберутся все в цепь, начинают завиваться в клубок:

Уж мы вьем, вьем капустку,
 Завиваем золотой кочешок,
 Завиваем, приговариваем:
 Кого я люблю, того я возьму,
 Кого не люблю, того не возьму.

Затем играющие начинают расплетаться под песню:

Что у малых, малых деточек
 Молодая была мачеха лиха,
 Выводила малых деточек
 Вон с городища, да вон с зеленого.

Песня поется, пока все не расплетутся».

«Капустка» из Курской губернии:

«Играющие становятся несомкнутой цепью и проходят через ворота, образованные двумя рядом стоящими в конце цепи. Во время игры поют,

Вейся, вейся, капустака, Я тебя прождалася
Завивайся, милая. У попа на <о> городе,
Ужо ли, ужо ли завилася? У гречишной соломы.

Когда все пройдут и образуют цепь узлов, держа друг друга за руки, двое, составляющие ворота, начинают снимать кочаны (шапки, платки) с игроков. Владельцы головных уборов бегают за ними, стараясь отнять снятое».

Вейся, вейся, капустака,
Завивайся, белаяя.
Да как капустке не виться,
Серой-белой не ломиться!
Вечерняя капустака,
Вечерняя белаяя, —
Дождик льет-поливает,
Серу, белую ломает,
Каравод набирает.
(Новгородская губ.)

У Димитрия капуста
Да у Яковлевича белая.
На нее частый дождик
Ливно льет, поливает
И белую-зеленую ломает.
А он в хороводе гуляет,
Хоровод набирает.
(Новгородская губ.)

Ах, капустака, рассадка моя!
Только милому досадка одна.
Ах, капустака легко стелется!
Двое ходят — третий сердится.
Ах, капустака — вилой кочешок!
У меня милóй хорош женишок!
(Вологодская губ.)

Иов-огуречник, горошник, росенник.

Иов росы распустил.
Большая роса — к урожаю огурцов.
Ясный день — обилие в этот год огурцов.

*Большая роса утром — к хорошей погоде, нет росы —
к дождю.*

Сухоросо — то к дождю, росо — так к ведрию (Пинежье).

ЗАГАДКИ О РОСЕ

Вечером — водой, ночью — водой, а днем в небеса.

Заря-заряница по городу ходила,
ключи обронила,
Месяц видел, солнце скрало,
а земля схоронила.

Иов — горошник, время посева гороха.

В деревнях приглашали: «Приходи работать на белые горохи!»

Целый свод правил существовал у воронежских крестьян по поводу того, как надо сеять горох: «Горох сеют при ущербе луны. Горох должно сеять на закате солнца для того, чтоб воробы, большие лакомки до него, того не видели. Репу и горох не сей возле дорог. Горох, при северном ветре посеянный, выходит всегда жесткий и не разваривается, а посеянный при западном и юго-западном ветре бывает мягок, на нем скоро появляются черви, и он сильно зарастает сорными травами».

Кабы на горох не мороз, он бы через тын перерос.

Сею, сею бел горох: уродися, мой горох, и крупен, и бел, и сам-тридесят, старым бабам на потеху, молодым ребятам на веселье!

ЗАГАДКИ ПРО ГОРОХ

Без рук, без ног
ползет на батог.

Маленькой, кругленькой в землю ушел, из земли вицей, потом колосом.

Малы малышки
катали катышки,
сквозь землю прошли,
по тычинке вползли,
синю матку нашли.

Любили в народе рассказывать сказки, анекдоты про горох небывалой высоты.

«Жил старик и старуха. Старик катал, катал одну горошину. Она и упала наземь; искали, искали, не могли найти с неделю. Минула неделя, и увидели старик да старуха, что горошина дала росток; стали ее поливать, горошина взяла расти выше избы.

Горох поспел, и полез старик по горох, нащипал большой узел и стал слезать по китине. У старика узел упал и старуху убил; тем и кончилось». *(Записано в Вологодской губ.)*

«Набрала старуха гороху и принесла домой. Горох раскатился по полу, и одна горошина упала в подполье. Проросла горошина и дотянулась до мостины. Старуха и говорит старику:

— Старик, что делать? Горошина уже в мостину уперлась. Давай проруби мостину.

Старик прорубил мостину, а горошина все растет, до потолка уж поднялась. Старик прорубил потолочину, горошина — на крышу. Крышу прорубил, горошина все растет и растет. Старик говорит:

— Старуха, полезем-ко на небеса. Я по горошине буду подниматься.

— А я-то как? — спрашивает старуха.

— Тебя я в мешок посажу.

Посадил старик старуху в мешок, взял мешок в зубы, сам за стебель гороха держится, вверх поднимается. Надоело старухе сидеть в мешке, душно стало, она и спрашивает:

— Скоро ли небеса, старик?

Старик ничего не отвечает.

— Старик, скоро ли?

Он молчит.

— Старик, а старик!

— Скоро! — крикнул старик.

Мешок из зубов выпал, о землю ударился, старуха и уби-
лась»

Иоанн Богослов.

Иван-пшеничник.

На Ивана Богослова паши пашню под пшеницу.

*Иван-пшеничник: загоняй кобылицу
и паши землю под пшеницу.*

*Не сей пшеницу раньше дубового листа
(то есть раньше его появления).*

Пшеницу сей, когда черемуха зацветет.

*На Ивана Богослова пекут обетные пироги
на угощение странников и нищих.*

Никола весенний, Микола вешний, травный, тёплый.

Важнейшая аграрная дата.

*Два Николы: один травный, другой морозный (19 декабря);
один с травой, другой с зимой.*

*Пришел бы Никола, а тепло будет.
До Николы крепись, хоть разопрись,
с Николы живи не тужи.*

*От Николы осталось 12 морозов (утренников), коли не весной,
то по Семен день (14 сентября).*

*С Николы дня травы начинают уже хорошо расти,
и с этого дня в северных губерниях начинают
средний посев яровых хлебов.*

Средний посев ярового — с Николы (Воронежская губ.).

*После Николы в неделю — красный сев,
само время сеять жито: тепло пойдет,
больше стужи не будет (Пинежье).*

*Не хвались на Юрьев день посевом,
а хвались на Николин день травой.*

Велика милость божья, коли в Николин день дождик польет.

*Батюшка Никола!
Давай дождя большого!
На нашу рожь,
На бабий лен
Поливай ведром!
(Ярославская губ.)*

Овес уже должен быть отсеян. Овес Микольский — ни хозяйский, ни конский (*то есть посеян поздно, и толку от него не будет*).

О предстоящем урожае овса судят по поведению лягушек в Николин день: если на Николу заквакают лягушки — хорош будет овес.

В Николу лягушка квачет — овес скачет.

До святого Николы не сей гречки, не стриги овечки.

Ольха зацвела — сей гречиху.

Гречневая каша — матушка наша,
а хлебец ржаной — отец наш родной.

Гречневая каша не приедчива.

Гречневая каша сама себя хвалит.

В Нижегородском крае с Николы сажают картофель.
До вешнего Николы не должно конопель мочить в воде.

До вешнего Николы не следует купаться.

Накануне Николы трутся в первый раз коропы (сазаны).

Одно из самых главных событий Николина дня —
выгон лошадей в поле.

Никола вешний — праздник конюхов.

В Николин день выгоняют лошадь на починки, на пашницу,
на ночной подножный корм.

Святой Юрий запасает (начинает пасти,
обновляет паству) коров, Никола — коней.

Никола весенний лошадь откормит,
осенний — на двор загонит.

Взрослое население «считает Николу вешнего покровителем лошадей и заказывает в этот день молебны с водосвятием, чтобы св. Никола уберег коней от волков и медведей и даровал табунам здоровье».

Ребята празднуют ночь с лошадьми в поле.

«День Николы вешнего считается мужским праздником, так как в этот день парни в первый раз едут в ночное и на лугах, при свете костров, справляют свой нехитрый пир: привозится водка, закуска, жарится неизменная яичница, а после заката солнца являются и девки. Надзора со стороны старших в этот день не полагается, и молодежь на полной свободе водит хороводы, поет песни и пляшет до утренней зари».

Уж ты верба, вербушка,
Золотая вербушка!
Не расти, верба, во ржи,
Расти к полю на межи!
Вербу ветер не берет,
Соловей гнезда не вьет.

Как бы кустушек не мил —
Соловей гнезда не вил.
Соловей-то — Ванюшка,
Кинарейка — Марьюшка.
Походи-ка, погулай,
Хороводы набирай!

Супротив наших ворот
Разыграю хоровод,
Супротив батюшкиных.
Батюшка ко двору зовет,
Родненький ко двору зовет.
Я нейду, нейду ко двору,
Я не слушаю батюшки
И не боюсь матушки.
— Государь мой батюшка,
Ты сострой мне горницу
Со стеклом да на улицу,
Со другим на синё море,
С третьим на чисто поле.

Разметим лужок
Да заведем кружок.
Ой, люли, люли,
Да заведем кружок!¹
Что кружком, кружком
Да крутым бережком,
Крутым бережком
Да со милым дружком,
Да со Иванушком!
Я-то украдуся
Да наиграюся,
Уворуюся
Да набалуюся!
Научи меня, милой,
Да как домой прийти?
«Как по улице —
Да серой утицей,
В подворотенку —
Да горносталечком,
Вдоль по сеничкам —
Да лённым семечком,
Ко кроваточке —
Да красной девицей!»

Прилетел орел,
Прилетел сизой,
Сел на ворота,
Сам стрехнулся,
Сам сворохнулся,
Сам взворковал:
«Ты ли Машенька,
Ты ли Степановна,

¹ Припев повторяется после каждых двух строк.

Не ходи-ка боса —
На дворе роса
Студеная, холодная.
Все Андреюшку,
Все Яковличу,
Ему будет жаль, жаль
Купить чеботочки —
Вострые носочки,
Гарус поясочки
С ленточками,
С позументичками,
Чтобы ленточки шумели,
Позументички гремели.
На нее люди глядели».

Вдоль по улице Ванюша,
Вдоль по улице удала голова,
Вот и люли, люли, вдоль по улице удала голова.
Повстречался милый, «здравствуй» не сказал,
Верно, милый осердился на меня,
Вот и люли, люли, верно, милый осердился на меня.
Верно, милый, есть другая у тебя,
Что которая получше меня.
Посмотрите, добры люди, на меня,
Вот и люли, люли, посмотрите, добры люди, на меня.
Я белым лицом белешенька,
Со очей-глаз веселешенька,
Подойду к дружку смелешенько,
Поклонюсь ему низешенько,
Вот и люли, люли, поклонюсь ему низешенько.
Маша, девушка, со всеми говорю,
Раскрасавица, словами всех дарю.
Вот и люли, люли, раскрасавица, словами всех дарю.
Лучше с милым в лес по ягоды пойду,
В темном лесе нааукаюсь.
Ты ау, ау, мой миленький,
Ты подай-ка свой знакомый голосок
Через темненький, дремученький лесок.
Во лесу была проталинка,
Во проталинке зелененький лужок,
Становились красны девушки в кружок,
Вот и люли, люли, становились красны девушки в кружок.
Вокруг девушек молодцы выются,
Они выются, увиваются,
Сиротинкой называются,
Вот и люли, люли, сиротинкой называются.
Кто бы, кто бы сиротинушку пригрел,
Кто бы, кто бы ночевать меня пустил,
Вот и люли, люли, ночевать меня пустил.

Одна девушка промолвила,
К сиротинушке подвернулася,
Вот и люли, люли, к сиротинушке подвернулася.
Я ли, я ли сиротинушку люблю,
Я ли, я ли ночевать его пушу,
Вот и люли, люли, я ли, я ли ночевать его пушу

На поповом на лугу	Не дугу-то ли тащят?
Потерял мужик дугу —	Посмотрюсь в решето —
Дугу точеную,	Целоваться хорошо!
Позолоченную...	Посмотрюсь я в сито —
Что ребята-то пищат,	Целоваться сыто!

Ну какая это мать,
Со вечера кладет спать!
Ну какой же теперь сон —
Мил с тальяночкой прошел!

Прощай, квашня,
Я гулять пошла.
Что ты, что ты, Степанида,
Ай с ума сошла?

Купи, тятенька, калоши,
Я годок потопаю.
Я ли, я ли тебе, тятя,
Я ли не работаю?

Купи, батюшка, платок,
На затылочке цветок:
Теперь мода на платки,
На затылочке цветки.

Попросила я у батюшки
Шелкового платка,
Посулил родимый батюшка
Ременного кнута.

Я отчаянна головушка,
Собой не дорожу:
Тятя голову отрубит —
Я корчагу привяжу.

Городи городьбу после Николина дня (околицу)

С Николина дня «заказываются» луга, что обыкновенно делается посредством древесных прутьев и веток, которые втыкаются в землю на межах, — признак, что пасти скот на этих лугах возбраняется.

«Был в одной помещичьей деревне управляющий-немец, праздников наших не почитал и завсегда заставлял мужиков работать. Приходит к нему однажды староста и говорит: «Завтра у нас праздник, работать нельзя». — «Какой там праздник выдумал?» — «Да святого Николы, батюшка!» — «А где он? Покажь мне его!» Староста принес образ. «Ну, это доска! — говорит немец. — Мне она ничего не сделает, и сам буду работать, и вы не ленитесь». Вот мужики и придумали сыграть с немцем шутку; опять приходит к нему староста: «У нас, батюшка, завтра праздник». — «Какой праздник?» — «Да преподобного шерстня». — «А где он? Покажь!» Староста привел его к старому дуплу, где шерстни водились: «Вот он!» Немец стал заглядывать в щели, а шерстни так и гудят! «Ишь, — говорит немец, — как песни-то распевает! Али водочки хлебнул? Ну, да я его не боюсь, все-таки прикажу работать». Пока немец рассуждал, шерстни вылетели и давай его жалить. «Ай-ай! — закричал он во всю мочь. — Право слово — не велю работать, и сам не стану; пускай мужики хоть всю неделю гуляют».

Симон Зилот.

Досев пшеницы.

Сей пшеницу на Симона Зилота — родится, аки злото.

Сей рожь в золу, а пшеницу в пору.

*Коли босая нога терпит холод в борозде,
то и сей пшеницу.*

Тамбовские крестьяне рассуждали по-своему: они считали за грех пахать в день Симона Зилота, почитая землю в этот день именинницей.

И в некоторых других местах «поселяне наши, желая достойно почитать именинницу, не берутся в этот день ни за какую земляную работу, не пашут, не боронят, не роют и особенно оберегаются вбивать в землю колья, чтобы не нарушить ее покоя».

*Там, где предпочитали работать, говорили:
Нынче Симона-Гулимона лентяя преподобного.
Нынче Симоны, завтра Гулимоны,
а там по кабакам крестный ход.*

Орел, божья птица!
Где ты был, пробывал?
Над чьим ты полем,
Сиз орел, летал?
— Над Лахтевским полем
Я, орел, летал,
Крылом заседал.
Сеял я пшеничку —
Зародил бог травичку.
— Орел, божья птица!
Где ты был, пробывал?
Над чьим ты полем,
Сиз орел, летал?
— Над Темеченским полем
Я, орел, летал,
Крылом заседал.
Сеял я травичку —
Зародил бог пшеничку
(Смоленщина).

*На апостола Симона Зилота копают корни на зелья.
В этот же день в некоторых местностях ищут кладов,
будучи уверены в том, что апостол Зилот
всегда помогал кладоискателям в их предприятиях.*

О кладах рассказывали всякое:

«Когда шел Стенька Разин на Промзино Городище (Алатырский уезд), то зарыл в окрестностях его две бочки серебра. Конечно, зарыл он их неспроста, и теперь часто видят при вечере, как эти бочки выходят из подземелья и катаются, погромыхая цепями и серебряными деньгами. Но достать их мудрено.

Один мужичок узнал, что они лежат в горе, отыскал место, дождался полночи и стал копать землю и разворачивать камни; дошел уже он до плиты, закрывавшей заветные бочки, да как-то взглянул на противоположную сторону горы — и видит он: идет на него войско, так стройно, ружья все направлены прямо на него.

Он бросил все и бежал домой без оглядки; на другой день мужичок пошел на гору, но не нашел ни скребка, ни лопаты. Если бы он не струсил, то, без сомнения, клад достался бы ему».

«За Волгой на Синих горах, при самой дороге, трубка Стенькина лежит. Кто тое трубку покурит, станет заговоренный, и клады все ему дадутся, и все; будет словно сам Стенька. Только такого смелого человека не выискивается до сей поры».

«В с. Ялшанке дьячок стал рыть яму, чтобы поставить ве-
рею у ворот; вырыл не более аршина в глубину и вдруг на-
ткнулся на громадную корчагу, набитую битком серебряной
монетой. Это неожиданное явление так поразило его, что он
от радости и удивления выпустил неприличное словцо. Отто-
го корчага вдруг стала опускаться в землю и совсем провали-
лась».

Заговор владельца клада непобедим. «Однажды разбойники
приготовили в лесу грудку золота, чтобы зарыть ее в клад,
и не успели еще зажать; мужик, заплутавшись в лесу, на-
брел на золото и не знал, во что бы ему насыпать его. Не
долго думая, он снял с себя порты, нагнул их золотом,
взвалил на плеча и потащил домой. Когда вернулись разбой-
ники и не нашли золота, то один из них пустил стрелу из лу-
ка вверх с приговором: «Как высоко, так глубоко!» — то есть
как высоко улетит стрела, так бы глубоко лежал их клад,
и что же? — С плеча у мужика тотчас сорвалось золото
и с громом полетело в землю».

«...есть клады, караульщики которых дают в долг деньги
на срок, и если кто не возвратит их, тот останется сам ка-
раульщиком клада вместо прежнего. Один вятчанин не раз
брал деньги из клада и возвращал в срок. Захотелось ему
сплавить баржу с лесом, и он занял в кладу 10 тысяч рублей,
а срок назначил, «когда пожелтеет лес». Приходит глубокая
осень, вятчанин не несет занятых денег; листья с дерев уже
облетели, а он и не думает расплачиваться. Наконец, уж клад
не выдержал и пришел к крестьянину сам за деньгами. «Что
ж ты, бессовестный, не несешь занятых денег, а обещался
возвратить, когда лес пожелтеет: теперь уж зима на дво-
ре». — «Ну что ж, — отвечал вятчанин, — разве ты слеп, что
лес-то еще зеленый». И он указал на вечно зеленеющий бор.
Клад поспорил, поспорил, да и отступился».

«В прежние годы много было в наших местах и золота
и серебра, да и теперь-то уж не знают, где они лежат и по-
прятаны.

Шла раз по губе, мимо наволока, лодка с народом,
а по берегу навстречу ей старичок идет, на киек упирается,
а киек-то так и гнется от тяготы — очень уж старик тяжел
да грузен.

— Возьмите меня в лодку, люди добрые. — просит старик.

А ему в ответ из лодки:

— Нам и так трудно справляться, а тут тебя еще, старого, взять с собою.

— Понудитесь малость, возьмите меня в лодку — большую корысть наживете! — опять взмолился старик, а рыбаки его все не берут.

Долго просил старик взять его в лодку, так и не допросился.

— Ну хоть батожок мой возьмите — очень уж он тяжел, не по мне.

— Станем мы из-за твоего батога дрянного к берегу приставать, — отвечают с лодки.

Бросил тут старик батожок свой — он и рассыпался весь на арапчики-голландчики, а сам старик ушел в щель от грузности, и щель за ним затворилось. Ахнули тут лодочники, да поздно за ум хватились».

«Раз тоже кладь положили. Сделали маленький ящичек и где-то под матку в доме затолкнули... Вот теперь эта старуха умерла, сын вырос, женился.

И как уедет сын, молодуха останется, спит спокойно — вдруг орет кто-то:

— Отойди — упаду! Отойди — упаду!

Она спичку чиркнула, подошла — весится гробик. Когда муж приехал, она рассказала:

— Вот так и так, третью уж ночь гроб выпадает.

Страшно им стало, перекочевали в другую избу. Тут соседи собрались, с ружьями ночи караулили, но ничего не вышло. Как-то осенью зашел к ним мужчина:

— Пустите переночевать — весь перемок.

Они и говорят:

— Вон иди, у нас изба на острове, там и ночуешь. А у нас тут ребятишек полно. А там ложись на печку...

Он на печку лег. Вот подошла полночь. Кто-то и заревел:

— Отойди — упаду!

А он не сробел, да и говорит:

— Падай!

Вот вдругорядь взревел: «Отойди — упаду!»

Он говорит:

— Падай!

Ну, упало — это гробик. Он до утра дождался. Посмотрел: ага, самородки золота! Он это золото забрал, гробик с двумя-тремя самородочками принес хозяину.

— Вот какая чуда-то была. Это была кладь положена на вас, а вы боялись. Вот — получи. Если желаешь — меня уважь, а не желаешь — я и так уйду.

Ну, он ему еще одну самородку дал. Этот поблагодарил и ушел. Полный карман самородков унес. Вот такая кладь была».

Мокнй (Мокей) Мокрый.

На Мокія мокро — все лето мокрое.
 Мокро на Мокея — жди лета еще мокрее.
 Туман на Мокия — к мокрому лету.
 Восход солнца багряный — грозное и пожарное лето.

По церковному календарю в этот день справлялось обновление Царьграда. Это событие крестьянину было малопонятным, зато само слово «Царьград» наводило его на мысль о граде, который не однажды приносил гибель посевам. Поэтому земледельцы считали за грех на обновление Царьграда сеять, иначе градом поьет хлеб.

Епифан.

Утро Епифана в красном кафтане — к жаркому, пожарному лету.

Лукерья-комарница.

С Лукерьи появляются комары.
 Комара много — дождь завтра будет (Пинежье).
 Комаров мало — овсов и трав не будет (Тамбовская губ.).
 Много комаров — готовь по ягоды коробов,
 много мошек — готовь по грибы лукошек.

*Ино от комара да в обе руки не отмашешься.
И комары лошадей заедают.
Мошка — крошка, а человеческую кровь пьет.*

Из-за тебя бью себя,
Из-за себя убью тебя —
Прольется кровь моя. (Комар.)

ЖЕНИХ-КОМАР

Был-жил купец. У этого купца никого детей не было, ни одной живой души. Он пошел гулять, в проходку. Гулял, гулял и заблудился. Проходил, проходил, проблудил, под лесной ночью проспал, встал.

— Вот беда, куды я попал?

Пошел, и озеро пришло. Рыбу ловят, да и всё. Он стал на бережку, этот купец, смотрит — и выстал мужик нагой.

— Чего, — говорит, — ты, купец, стоишь?

— Да вот забылся и выйти никуда не могу.

— Отдай, — говорит, — кого дома не знаешь. А не отдашь — и не выйти тебе.

Ну вот он и говорит:

— А чего, я в доме всё знаю.

— А нет, не знаешь, — говорит.

— Ну, возьми, — говорит.

Ну и пошел. Пошел, а дорожка аккурат к дому, а от дому настелены ковры золоты и серебряны, и всяки, меж тем и царица — купчиха эта — выходит и дитя выносит на шелковых пеленках. Он тут сменился, заплакал.

— А чего, — говорит, — ты, Иван (как ли назвала), плачешь?

— А чего, — говорит, — не плакать, я дитя отдал морскому царю!

— Ну что, — отдал — отдаем дак... так что сделаешь! И будем растить.

Не скоро деится, скоро сказывается, стало двадцать годов ей. Ну и свадьбу стали дожидать, настелили всяких ковров да подстилатальников, всего-всего — свадьбу дожидают, дак. Не знают, откуда придет.

Вдруг из моря туча вздымается, туча тучится черная, а все двери, ворота растворены, свадьбу дожидают. Вдруг комаров летит, и столько летит комаров — всё заглушило, и ни разговору не слышно, комары поют дак. И невеста выходит вся на золоти. И один комар, самый большой, — жених. Закружили его под салфетку, под скатерётку, — жених чудной такой, так его закрыли. А сидит дедко на печи беззубой, шавкает:

— Купец, купец, расклади дымку, дыму расклади! (Старые-те люди знают, что делать с комарами!)

И все один по одному полетели, полетели и улетели, а этот жених платье сорвал с невесты — унести не мог, так платье сорвал — и тоже улетел. Обстыдились, дымом всех ошеломотило их.

Ну, купец обрадел, что дочь осталась, пир устроил на весь мир. Всех купцев и царей, бочки вина накатили — пейте, гуляйте! Струны пели, колокола звенели. И вся *(Тетский берег Белого моря)*.

Комара муха любила.

Комара муха любила и кумысом напоила, —
Пьян!

Полетел комар в лесочек,
Полетел комар в лесочек и уселся на дубочек, —
Сел!

Поднялась большая вьюга,
Поднялась большая вьюга и комарика-то сдула, —
Пал!

Он упал и еле дышит.
Он упал и еле дышит, ручкой-ножкой не колышет, —
Сдох!

Прилетели тут две мухи.
Прилетели тут две мухи и комарика под руки, —
Понесли!

Схоронили близ дороги.
Схоронили близ дороги, видны руки, видны ноги, —
Весь на виду!

(Новгородская обл.)

Осённые комарочки
Не дают мне ночки спать.
Чуть заснула младешенька на заре —
Мне хороший сон привиделся во сне:
Будто мой милой по улице прошел,
Ко мне в горенку тихохонько вошел,
Ко тесовой кроваточке подошел,
На мое лицо приметно посмотрел,
Сказал: «Катенька, пойдем со мной гулять,
В веселые хороводы поиграть,
На мудреные кадрили посмотреть!»

(Вологодская губ.)

На море, на окияне, на горе Вассиане сидит птица, воспе-
вает, сама себя выкрашает: «Никто от меня не уйдет: ни царь,
ни царица, ни красная девица, ни старец в келье, ни младе-
нец в зыбке, только уйдет от меня рыба в море да ветер
в поле».

(Комар.)

Ох вы мушки, вы комарики мои,
 Вы за что, пошто кусаете меня?
 От кусанья все головушка болит,
 От головушки ретиво сердце щемит,
 От сердечка бело личико горит.
 А кто ж мого дружка назад воротит?
 Воротися, мой милый друг, назад,
 Как сошьем мы на головушку венок,
 Соберем мы красных девушек кружок.

(Екатеринославская губ)

Сидор — огуречник.

На Сидора можно сажать огурцы.
 Если весь день будет ясный,
 то будет хороший урожай огурцов;
 а если утро холодное и пасмурное и прояснится к вечеру
 то посеянные в этот день огурцы будут нехороши,
 а в поздних будет урожай.
 На Сидора сеять ранние огурцы и лен, но если пыль,
 подобная перьям, висит на ивах или падает с них,
 не сеять льна (Тамбовская губ.).
 Как кукушка закукует, так и сеять лен.
 На Сидора — первый посев льна.

Как пройдут Исидоры, пройдут и сиверы (т.е. холода).
 На Сидора еще сиверко, придут Сидоры — минуют и сиверы.
 На Сидора сиверко — лето холодное.
 До Сидоров заморозки бьют.

На Сидора прилетают стрижи и ласточки — приносят тепло.
 Ранние ласточки — к счастливому году.
 Ласточка день начинает, а соловей кончает.
 Одна ласточка весны не делает.
 Первой касатке не верь.
 Ласточки летают высоко — к вёдрию.
 Кто при первой ласточке умоется молоком — бел будет.

ЗАГАДКИ О ЛАСТОЧКЕ

Спереди шильце, сзади вильце,
 с испод — бело полотенце.

Шило впереди, клубок середи, ножницы сзади.

Спереди шильце, сзади вилице,
сам мал, а за морем бывал.

Желанный гость с далекого края под окном живет
Шило-мотрошило без углов избу сомшило.

Пахом — воюгрей.

Пришел Пахом — запахло теплом.
На Пахома тепло — все лето теплое.
С Пахомия устанавливается совершенно летняя погода.
С Пахомия сеют поздние овес и пшеницу.
На Пахома сеют ячмень.
Можжевельник зацветет — пора ячмень сеять.
Ячмень сеют, пока цветет калина.

Уж я пашенку пашу,
Сам на солнышко гляжу.
Стало солнышко к обеду поворачивать,
Мужики сошнички соколачивать.
Еще все жены мужьям хлеба несут,
А моя шельма жена не устряталась.
Уж я выпрягу лошадку, поеду домой,
Я заеду во ракитовы куста,
Уж я вырежу лозу
Про свою шельму жену.
Подъезжаю-подвожу:
Ходит жена по двору
Во кумачном сарафане,
Во парчевых рукавах,
Во кокошничке-рогаче,
В коноватною фате.
«Где ты, женушка, была?» —
«У попа, сударь, была,
За твое, сударь, здоровье
Рюмку водки выпила».
«Спасибо тебе, жена,
Не забыла ты меня!» —
«Еще как тебя забыть, —
Не могу тебя избыть!»

(Казанская губ.)

Мужик пашенку пахал, сам на солнышко взирал,
 Эх, попашу я, попашу, на солнышко погляжу,
 Попашу я, попашу, ды на солнышко погляжу.
 А как людски-ти добрыя жены мўжьям завтракать несут,
 А как людски-ти добрыя жены мужьям завтракать несут,
 Ох, а моя шельма жена скрозь до обеда проспала,
 Эх, скрозь до обеда проспала, да позабыла про меня,
 Позабыла, что ей было, позапамятовала,
 Позабыла, что ей было, позапамятовала.
 Провожу свою Орюшеньку, сам поеду во лесок.
 Я вырежу лозу про свою шельму жену,
 Я вырежу лозу про свою шельму жену,
 Приезжаю ко двору — жена ходит по двору.
 Приезжаю ко двору — жена ходит по двору.
 Ох, во котях, во чулках, во шелкóвых рукавах.
 «Жена, моя женушка, серебряно донышко,
 Где ты долго пробыла, где ты гуливала?
 Где ты долго пробыла, где ты гуливала?»
 «Я у кума, у кумы д я у кумовой жены,
 Сладку водочку пила и тебе бы налила,
 И тебе бы налила — спотыкнулась, пролила».
 Загляделися глаза, из рук выпала лоза,
 Опущу я лозу — поцелую жену.

(Нижегородская губ.)

Фёдор — житчник

*На Федора непременно надо сеять жито.
 Роди, боже, жито гоже, а без гороху проживем по троху.*

«Близ большой дороги заседал мужик полянку. На то время ехал царь, остановился против мужика и сказал: «Бог в помощь, мужичок!» — «Спасибо, добрый человек!» (Он не знал, что это царь.) — «Много ли получаешь с этой полянки пользы?» — спросил царь. «Да при хорошем урожае рублей с восьмьдесят будет». — «Куда ж эти деньги деваешь?» — «Двадцать рублей в подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — займы даю, да двадцать за окно кидаю». — «Растолкуй же, братец, какой ты долг платишь, кому займы даешь и зачем за окно кидаешь?» — «Долг плачу — отца содержи, займы даю — сына кормлю, за окно кидаю — дочь питаю». — «Правда твоя!» — сказал государь, дал ему горсть серебра, объявил себя, что он царь, и заповедал: без его лица никому тех речей не сказывать: «Кто бы ни спрашивал, никому не говори!»

Приехал царь в свою столицу и созвал бояр да генералов: «Разгадайте, — говорит, — мне загадку. Видел я по дороге мужика — заседал полянку; спросил у него: сколько он пользы получает и куда деньги деваает? Мужичок мне отвечал: при урожае восемьдесят рублей получаю; двадцать в подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — займы даю да двадцать — за окно кидаю. Кто из вас разгадает эту загадку, того больших наград, больших почестей удостою». Бояре и генералы думали, думали, не могли разгадать. Вот один боярин вздумал и отправился к тому мужику, с которым царь разговаривал, насыпал ему целую грудку серебряных рублевиков и просит: «Объясни-де, растолкуй царскую загадку!» Мужик позарился на деньги, взял да и объявил про все боярину; а боярин воротился к царю и сейчас растолковал эту загадку. Царь видит, что мужик не сдержал заповеди, приказал его перед себя достать. Мужик явился к царю и с самого перва сознался, что это он рассказал боярину. «Ну, брат, пеняй на себя, а за такую провинность велю казнить тебя смертию!» — «Ваше величество! Я ничем не виновен, потому — боярину рассказал я при вашем царском лице». Тут вынул мужик из кармана серебряный рублевик с царской персоной и показал государю. «Правда твоя! — сказал государь. — Это моя персона». Наградил щедро мужика и отпустил домой».

ФЕДОТ — ОБСЯНИК •

СЕМЬ ДЕВ •

*Пришел Федот — берется земля за свой род.
Коли на Федота на дубу макушка с опушкой,
будешь мерять овес кадушкой.
Придет Федот — последний дубовый листок развернет.
Дуб одевается, скотина наедается.
Дуб перед ясенем лист пустит — к сухому лету.*

Семь дев сеют лен.

Сеют лен у семи Олен.

Посей-ка, батюшка, ленку
В среднем поле, в уголку,
На мою долиночку,
На шелкову шалиночку.

В огороде лен посею
На рубашку Алексею.

В Тюменском крае «при посеве льна вошло в обычай за-
дабривать мужиков тем, что в льняные семена кладут варе-
ных яиц. Поэтому мы и любили сеять лен. Отец высыпает
в лукошко семена, а с семенами яйцо за яйцом вылетают:
«Робята, берите!» Прямо взять да и съесть яичко нельзя, нуж-
но его сначала подбросить кверху да сказать:

— Вырасти, лен, выше лесу стоячего!

Говорят еще, чтобы лен хорошо родился, нужно сеять
его нагишом, но мы это никогда не пробовали: стыдно, гово-
рить-то все говорят, а раздаться, так на смех поднять.

БЕСНА КРАСНАЯ, А ЛЕТО СТРАД-
НОЕ. КРАСНОЕ ЛЕТО НИКОМУ
НЕ НАДОКУЧИЛО. ЛЕТОМ
ВСЯКИЙ КУСТИК НОЧЕВАТЬ
ПУСТИТ. ЛЕТО КРЕСТЬЯНИНУ —
ОТЕЦ И МАТЬ. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ ГОД
КОРАМИТ. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ ЗА ЗИМ-
НЮЮ НЕДЕЛЮ. В ЛЕТНЮЮ ПОРУ ЗА-
РЯ С ЗАРЕЙ СХОДИТСЯ. ЛЕТО РО-
ДИТ, А НЕ ПОЛЕ.

НЕ МОЛН ЛЕТА ДОЛГОГО, МОЛН ЛЕ-
ТА ТЁПЛОГО. ХУДО ЛЕТО, КОГДА
СОЛНЦА НЕТУ. ДОЖДАМВОЕ ЛЕТО
ХУЖЕ ОСЕНИ. РАННИЙ ДОЖДАЬ ОТО-
ЛОТИТ, А ПОЗДНИЙ РАЗОРИТ.
СЧАСТАНБЫ ТЕ ПОЛЯ, НА КОТОРЫЕ
ЛЕТНИЙ ДОЖДАЬ ВЫПАДАЕТ В ПОРУ.

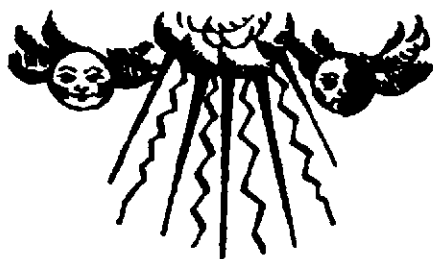
Умножил бог лето мухами, а
зиму морозами. Зимой моро-
зы, а летом грозы.

Летом
пролежишь,
зимой с сумой
побежишь. Летом дома
сидеть — зимой хлеба не
иметь. Что летом соберёшь,
что зимой на столе найдёшь.
Что летом родится, то зимой
пригодится. Зимой съедается,
что летом урождается. Летом
ногой копнёшь, а зимой
рукой возьмёшь. Лето идёт
вприпрыжку, а зима — вразва-
лочку. Дважды в году лету
не бывать.

Лето бурное — зима с метелями.
Лето дождливое — зима снежная, морозная.
Лето сухое, жаркое — зима малоснежная, морозная.
Урожайное лето предвещает холодную зиму.
Хлебород — к суровой зиме.
Каково лето, таково и сено.
Сырое лето и теплая осень — к долгой зиме.

Если летом ночью не было росы, днем будет дождь.
Если при ясной погоде летом отдаленные предметы не ясны,
как бы в тумане — будет дождь.
Когда издалека видимые предметы
кажутся необыкновенно большими,
можно ждать северного ветра и дождя (Воронежская губ.).
Если воздух над лесом посинеет — будет тепло.
Если петух запел раньше девяти часов вечера,
летом — к дождю.
Журавец (у колодца) скрипит — к перемене погоды.
Ветряки (ветряные мельницы) скрипят — буря будет.
Если голос звенит — будет ясно.
Если звон колокола явственно раздается, будет ясно,
глухо раздается — дождь.
Грачи летом пасутся на траве — скоро будет дождь.
Первый туман лета — верная грибная примета.
Ясный Млечный Путь летом — к вёдру.
Если летом совсем пауков незаметно —
неминуемо будет дождь.
Если пауков видно много — надо ждать хорошей погоды.
Вороны часто кричат — к дождю или бурной погоде.
Когда муравьи летом наносят большие муравейные кучи,
то ожидай ранней и холодной зимы.
Если полевые мыши летом натаскивают в свои норы
много хлеба, то можно ожидать холодной
и продолжительной зимы.

ИЮНЬ

скопидом, хлеборост.

Июнь — конец пролетия, начало лета.
Май — радость, а июнь — счастье.
Май творит хлеба, а июнь — сено.
Июнь — ау, закромы в амбарах пусты.

Июнь,
В закрома дуны!
Нет ли жита
В углах забыта?

Июнь с косой по лугам прошел,
а июль с серпом по хлебам побсжал.
Проводит июнь на работу, отобьет от песен охоту.
В июнь-разноцвет дня свободного нет!
Знойный июнь — на рыбалку плюнь.

Если в июне ночи будут теплые,
тогда наверное можно ожидать изобилия плодов.
Во время восхода солнца стоит духота — к ненастью.
Туман утром стелется по воде — будет солнечная погода.

Сильные росы — к плодородию,
а частые туманы обещают урожай грибов.

Вода чиста как никогда — к дождю.
Утром трава пахнет сильнее обычного — к дождю.
Хорошо пахнет жимолостью — к дождю.

С утра мокрица распустилась
и осталась раскрытой весь день — к хорошей погоде.

Стадо к вечеру разревелось — будет дождливо.
Если пчелы росм гудят на цветущей рябине —
завтра будет ясный день.

Воробьи веселы, подвижны, драчливы — к хорошей погоде.
Если вокруг муравейника много муравьев —
к хорошей погоде.

Иван-долгий.

Если первые два дня июня льет дождь — весь месяц сухой.

После Ивана не надо жупана.

На Ивана-долгого продолжают сеять огурцы.

Идет дождь — несет рожь.

*Вороны садятся клювами в одну сторону —
к сильному ветру.*

«Когда вороны и воробьи клюют что-либо вместе и кричат, дети, уподобив крики птиц базарным голосам, передразнивают их:

- Харч! Харч! (одна ворона)
- Творог! Творог! (другая)
- Что по чем? Что по чем? (воробьи)
- Так клюй! Так клюй! (вороны в ответ)».

У воробейка
Жена молоденька,
У горностайка
Жена горностайка.
Стал воробушко
Сына женить,
Стал горностаюшко
Дочь отдавать.
Все наготове:
Ложки — в башкоре,
Котлы — в Кулакоре,
Сани — в Казани,
Хомут на базаре,
Тыррушки бычок
По дорожке течет:
Сани не наши,
Хомут не свой, —
Понукай, не стой.

«...сидя у крыльца и наблюдая за летающими галками, которых в Петровске великое множество, дети пели:

Моя галка позаде
Строит избу на воде,
Моя галка наперед
Кувшин денег наберет...»

(Саратовская губ.)

Фалалей — огуречник.

Средний посев огурцов.

*Пришел Фалалей — досевай огурцы скорей.
К урожаю огурцов — множество шишек на елях.
Фалалей-тепловей — прясла вей.*

Константин и Олёна —

Ленюсейка, льняница, длинные льны.

Кончают сев хлебов, сеют лен и коноплю.
Сеян лен у семи Ален.

3 июня «принято в некоторых местах Валдайского уезда сеять лен и, если другие работы препятствуют сеянию, стараются по крайней мере положить начало этому делу, хоть горсть льняных семян бросить в землю».

Посеешь лен на Олену — будут длинные льны.

Существовало и прямо противоположное мнение: «В день святых Константина и Елены лен нельзя сеять — посеянный в этот день лен закоснеет, то есть не вырастет» (Новгородская губ.).

Кукушка закуковала — пора сеять лен.

*Кукушка закуковала, рябина зацвела,
на дубе почки почти раскрываются — пора сеять лен.*

«Для того чтобы лен родился хорошо, бабы кладут в мешок с семенем печеные яйца, а мужик, который будет сеять лен, должен подбрасывать эти яйца как можно выше, потому что чем выше будут подброшены яйца, тем выше вырастет и лен». Еще интереснее другой обычай, при помощи которого бабы «обманивают лен». Для этого при посеве льна баба раздевается донага в том расчете, что лен, глядя на ее наготу, сжалится над ней, подумает: «Это баба бедная — у нее даже рубашки на теле нет, надо будет пожалеть ее и получше уродиться».

В день Константина и Елены сеют позднюю пшеницу.

День Константина и Елены кое-где называют также «овсяником», так как с этого дня сеют овес.

На Тамбовщине — второй посев льна и поздней пшеницы; начало раннего сева гречихи и последний сев проса.

То же для нижегородцев: «Ярицу, лен, гречиху, ячмень и позднюю пшеницу сей с Оленина дня».

Льны Олене, огурцы — Константину.

*Если на огурцах много пустоцвета,
хозяйка старается найти где-нибудь старый лапоть и,
найдя его,
приволакивает ногою в свой огород и бросает его в огурцы,
приговаривая: «Как густо сей лапоть плелся,
так чтобы и огурцы мои плелись».*

*Если 3 июня дождь с градом,
то 3 декабря снег с крупой.*

ЗАГАДКИ О ЛЬНЕ

Мал малышок
В сыру землю ушел,
Шапку синюю нашел.

Голову едят, кожу носят, а мясо и собаки не едят.
Из земли вырастаю — весь мир одеваю.

Топили, сушили, колотили, рвали, крутили, ткали,
на стол клали.

Посею я, млада, ленку
При дорожке, при толку:
Ты расти, расти, ленок,
Тонок, долог и высок,
В земелюшку корешок,
Что вниз коренист,
А вверх семянист!..

(Псковская губ.)

Под лесом, под лесом,
Под темным, зеленым,
Там наши ребята
Пашеньки пахали
В четыре сошонки,
Пятая боронка,
Шестая простая

И та не гуляла —
Бел лен рассевала,
Приговор приговаривала:
— Расти, мой ленок!
И тонок, и долог,
И бел, как ковыла,
И крепок, что жила...

(Орловская губ.)

За лесом, за гаем,
За темным, зеленым,
И-вой лялй-лѣли!
Али-лѣй ляли-лѣли!¹
За темным, зеленым
Там наши пахали,
А в четыре сохи,
Пятая боронушка,

Пятая боронушка,
Шестая молодушка.
Она лен рассевала,
Приговор держала:
«Зароди, боже, лен, лен,
И тонок, и высок!
Да бумажные перья,
Жемчужное семя!»

(Курская губ.).

С-под лесу, лесу,
Жито колосисто.

«Кто ж со мной будет
Леночек тягати?»

Наские¹ девки
Добры, голосисты.

Свекор говорит:
«А я за тобою.

По полю ходят,
Весело гуляют.

А я за тобою,
Снохой молодою».

Лен-ленок сеют,
Зелен расстилают.

«Это мне не радость,
Это не веселье.

«Родись, мой леночек,
Тонок и долог!

Брань да хлопоты,
Большие заботы».

Уверх головистый,
А вниз коренистый!»

Муж мой говорит:
«А я за тобою,

Стал мой леночек
Зреть и попевати.

А я за тобою,
Женой молодою!»

Стала молоденька
Плакать-горевати:

«Вот это мне радость,
Вот это веселье.

(Псковская губ.).

Под лесом, лесочком,
Под темным, зеленым,
Сеяли, сеяли
Девки лен, лен,
Сеявши, говорили:
«Зародися, мой льнище,
И долог, и тонок!
Золотое коренье,
Серебряно семя!»

¹ Припев поется после каждого двустишия.
² Н а с к и е — от названия деревни.

Стали горевати:
 Не с кем и льну,
 И льну брати.
 Муж говорит:
 «Пойду ж я с тобою,
 С молодою женою».
 — Какое ж твое бранье —
 Весь день целованье!

Песня пелась в Смоленской губернии как обращение ко льну с заклятием на рост.

Василиска — соловьиный день, Басильковский.

Как и во поле калинушка стоит,
 На калине соловей птица сидит,
 Горьку ягоду калинушку клюет,
 А малиною закусывает.
 Прилетели к соловью два сокола,
 Взяли-брали соловеюшку с собой,
 Посадили его в клеточку
 За серебряну решеточку.
 Что заставили песни петь:
 «Уж ты пой-воспевай, мой соловей!
 При кручине спотешай молодца,
 При великой разговаривай его,
 Чтобы молодец не плакал, не тужил,
 Всея ноченьку молоденькой не спал,
 Все во золоты цимбалы проиграл,
 Все бы душу девицу спотешал,
 Чтобы девушка любила молодца,
 Чтоб любила его, жаловала,
 При людях его надеждою звала,
 А в безлюдьице душечкою!»

(Таерская губ.)

Соловей мой, соловей, соловушко молодой!
 Не летай ты, соловей, во зеленый сад гулять,
 Не садись ты, соловей, в зеленом моем саду.
 В зеленом моем саду, на ракитовом кусту,
 Не пой рано на заре, не трави ты сердце мне!
 И так тошно молодцу, сам не знаю почему;
 Коли знать, так всё по ней, по сударушке моей.

Ах, кого бы мне нанять, за сударушкой послать?
 Коли старого нанять — греха на душу принять:
 До нее стар не дойдет, во дорожке пропадет;
 Коли малого нанять — мал не знает, что сказать;
 Коли ровнюшку нанять — ровня любит сам гулять.
 Уж как знать-то, молодцу подниматься самому,
 Подниматься самому по сударушку свою!

Как за реченькой, как за быстрою дубровушка шумит,
 А во той ли во дубровушке соловьюшко поет.
 Соловьюшко поет, громко насвистывает,
 Он подруженьку приманивает:
 «Прилети, моя голубушка, без тебя мне жить тошнехонько!»
 Как за речкою, как за быстрою живет удалой молодец.
 Он по бережку ходит-гуляет, складны песенки поет,
 С красной девушкой аукается, перекликивается:
 «Где ж ты, где ты, моя Катя, где, красавица моя?
 Ты уж, видно, позабыла меня, добра молодца,
 Ты уж, видно, разлюбила Ваню, милого дружка!»

На Василиску «не сеяли, не пахали — этот день пережидали, чтоб поля не засорились, васильки не уродились».

В день святой мученицы Вассы не сеют ржи, чтоб на ниве не родилось васильков.

А ты зачем зацвел,	А я затем зацвел,
Василек во ржи?	Чтоб поля красить,
А ты зачем завлек	А я затем завлек,
Меня, мил, скажи.	Чтоб тебя любить!

Леонтий — огуречник.

На Леонтия-огуречника сажают последние огурцы (Московская губ.).

Массовое появление оводов — к урожаю огурцов.

Во многих местах сеют в этот день коноплю.

Коноплю в поле сей и на рябину гляди —
 коли цвет в круги, и конопли долги.

В зерна, приготовленные для посева, кладут пасхальное яйцо «и при посеве этих семян разбрасывают по полю яичную скорлупу, приговаривая: «Роди, боже, конопли белы, як яйцо». У кого конопелька, у того двойная копейка.

Кину с блошку, вырастет с лутошку. (Конопля.)

Летом — сосенка, зимой — коровка. (Конопля.)

Ой, посею конопёлку
Рано-рано-рано, конопёлку,
Не на пахотну земёлку,
Рано-рано-рано, вот земёлку
Уродися, конопёлка,
Рано-рано-рано, конопёлка,
И не низко, не высоко,
Рано-рано-рано, не высоко,
Только листиком широка,
Рано-рано-рано, вот широка.
Листом землю покрывает
Рано-рано-рано, покрывает.
Горносталько подбегает,
Рано-рано-рано, подбегает.
Конопёлко подьедает,
Рано-рано-рано, подьедает.
(Мезень.)

«Конопля, конопля зеленая моя!
Что ж ты, конопля, невесело стоишь?» —
«Ах, как мне, конопле, веселой стоять?»
Снизу меня, коноплю, водой подмыло,
Поперек меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю воробьи клюют!» —
«Девка ты, девушка, девушка красная!
Что же ты, девушка, невесело сидишь?» —
«Ах, как мне, девушке, веселенькой быть?»
Мой батюшка хочет замуж меня отдать,
А мачеха хочет в черницы постричь!
Мой батюшка пошел бояр собирать,
А мачеха пошла за игуменьей.

Скрипнули ворота растворчатые,
 Брехнула собака борзая на цепи,—
 Мне чало — батюпка с боярами,
 Ажно — моя мачеха с игуменьей».
 «Садись, мое дитятко, на золотое стульце,
 Расплетай, мое милое, русую косу!»
 «Пусти меня, матушка, на Дон погулять,
 Белильца, румяна с лица посмывать!»
 «Смоешь, мое дитятко, горючей слезой,
 Сотрешь, мое милое, пельчатым рукавом!»

ИВАНОВ ДЕНЬ.

*Сильные росы — на хороший урожай.
 Без росы и трава не растет.
 Коли роса — конопли полоса.
 Большая роса — к урожаю льна и конопли.*

Одновременно замечают и другое:

*С Иванова дня пошли медвяные росы (вредные).
 На Иванов день начало позднего посева яровых хлебов.*

Внимание земледельца привлечено к рябине: именно теперь пора ей в полную силу зацвести.

*Поздний расцвет рябины — к долгой осени.
 Хорошо рябина цветет — к урожаю льна.
 Когда бывает большой цвет на рябине,
 тогда надеются на хороший налив овса.*

Кое-где в Иванов день производится главная посадка капусты. Хозяйка, берясь за первый стебель рассады, приговаривает: «Дай, боже, час добрый, чтоб капуста моя принималась и в головки складывалась».

ФЕДОРЫ.

*На Федоры не метут из избы сора.
 Под веником всегда живет домовая.
 На тихой воде больше мусору несет.*

Барыня, барыня,
Иринья Ивановна,
Долго хаты не топила,
Много сору накопила.
Идти было к дяденьке
Да попросить лошаденьки
С избы сор вывезти.
С избы сор не возится,
Под порог метется,
Веничком метется.
(Ленинградская обл.)

Никита-гуслятник.

Тихий день — ждут хорошего урожая.

«Жил-был бедный мужик; детей много, а добра — всего один гусь. Долго берег он этого гуся, да голод не тетка: до того дошло, что есть нечего; вот мужик и зарезал гуся; зарезал, зажарил и на стол поставил. Все бы хорошо, да хлеба нет, а соли не бывало. Говорит хозяин своей жене: «Как станем мы есть без хлеба, без соли? Лучше я отнесу гуся-то к барину на поклон да попрошу у него хлеба». — «Ну что ж, с богом!» Приходит к барину: «Принес вашей милости гуська на поклон; чем богат, тем и рад. Не побрезгуй, родимый!» — «Спасибо, мужичок, спасибо! Раздели же ты гуся промеж нас без обиды!» А у того барина была жена, да два сына, да две дочери — всего было шестеро. Подали мужику нож; стал он кроить, гуся делить. Отрезал голову и дает барину: «Ты, — говорит, — всему в доме голова, так тебе голова и следует». Отрезал гузку, дает барыне: «Тебе дома сидеть, за домом смотреть; вот тебе гузка!» Отрезал ноги, дает сыновьям: «А вам по ножке, топтать отцовские дорожки!» Дочерям дал по крылышку: «Вам с отцом, с матерью недолго жить; вырастете — прочь улетите. А я, — говорит, — мужик глуп, мне глодать хлуп!» Так всего гуся и выгадал себе. Барин засмеялся, напоил мужика вином, наградил хлебом и отпустил домой.

Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедному, взял — зажарил целых пять гусей и понес к барину. «Что тебе, мужичок?» — спрашивает барин. «Да вот принес вашей милости на поклон пять гуськов». — «Спасибо, братец! Ну-ка раздели промеж нас без обиды». Мужик и так и сяк; нет, не разделишь поровну! Стоит да в затылке почесывает. Послал барин за бедным мужиком, велел ему делить. Тот взял одно-

го гуся, отдал барину с барыней и говорит: «Вот вы теперь, сударь, сам-третей!» Отдал другого гуся двум сыновьям, а третьего — двум дочерям: «И вы теперь сам-третей!» Остальную пару гусей взял себе: «Вот и я сам-третей!» Барин говорит: «Вот молодец, так молодец! Сумел всем поровну разделить и себя не забыл». Тут наградил он бедного мужика своею казною, а богатого выгнал вон».

Купил мужик гуся к празднику и повесил в сених. Провели про то двое солдат; один взобрался на крышу гуся добывать, а другой вошел в избу. «Здорово, хозяин!» — «Здорово, служба!» — «Благослови колядовать!» — «Колядуй, добрый человек!» Солдат начал:

А в лесе, в лесе
Солдат на стреси;
Стреху продрал,
Гуся забрал.
Святой вечер!

А хозяину и невдогад, что солдат прямо в глаза ему смеется. «Спасибо тебе, служивый! Я, — говорит, — такой коляды отроду не слыхивал». — «Ничего, хозяин, завтра сам ее увидишь». Наутро полезла хозяйка за гусем, а гусем и не пахнет давно!

ЗАГАДКИ О ГУСЕ

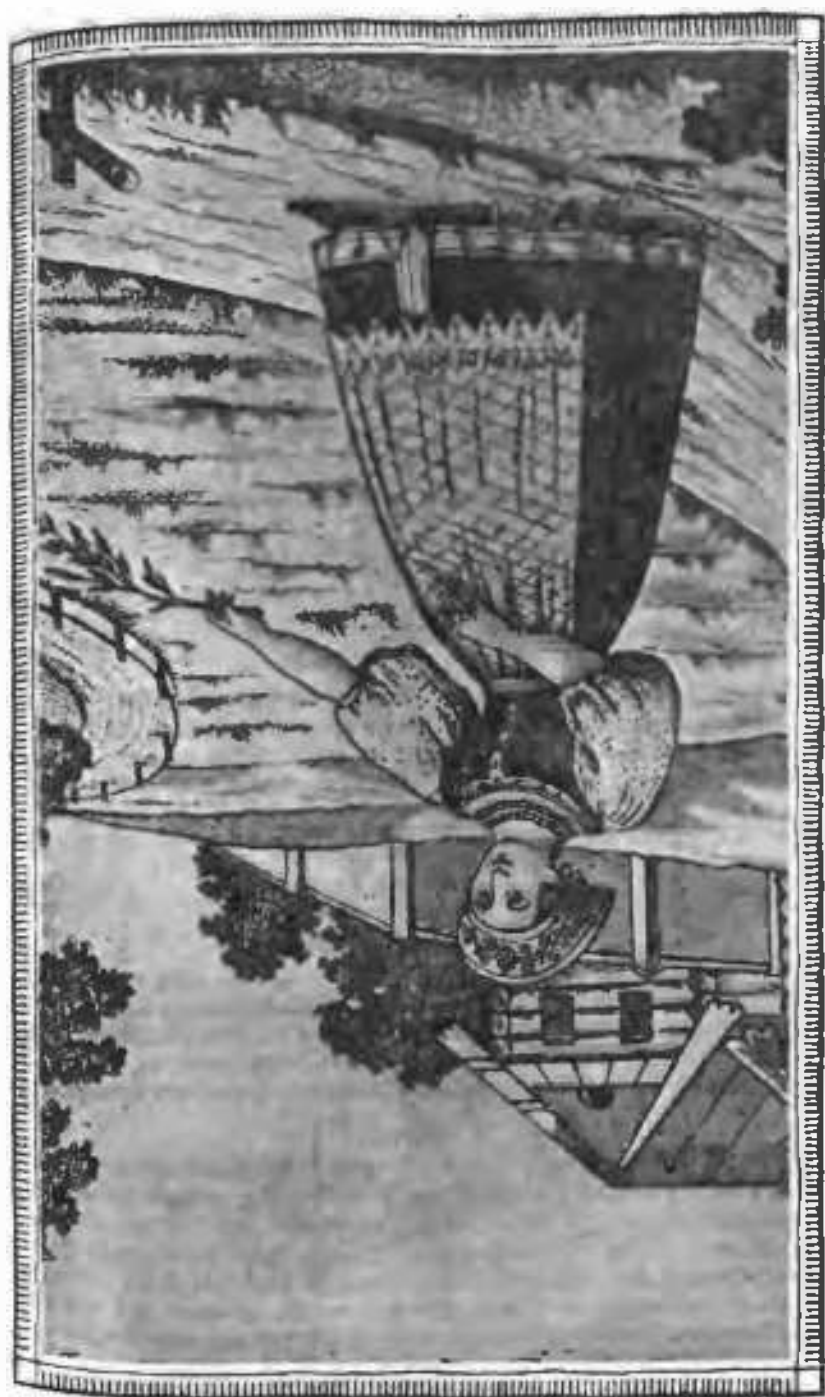
Белые хоромы, красны подпоры.

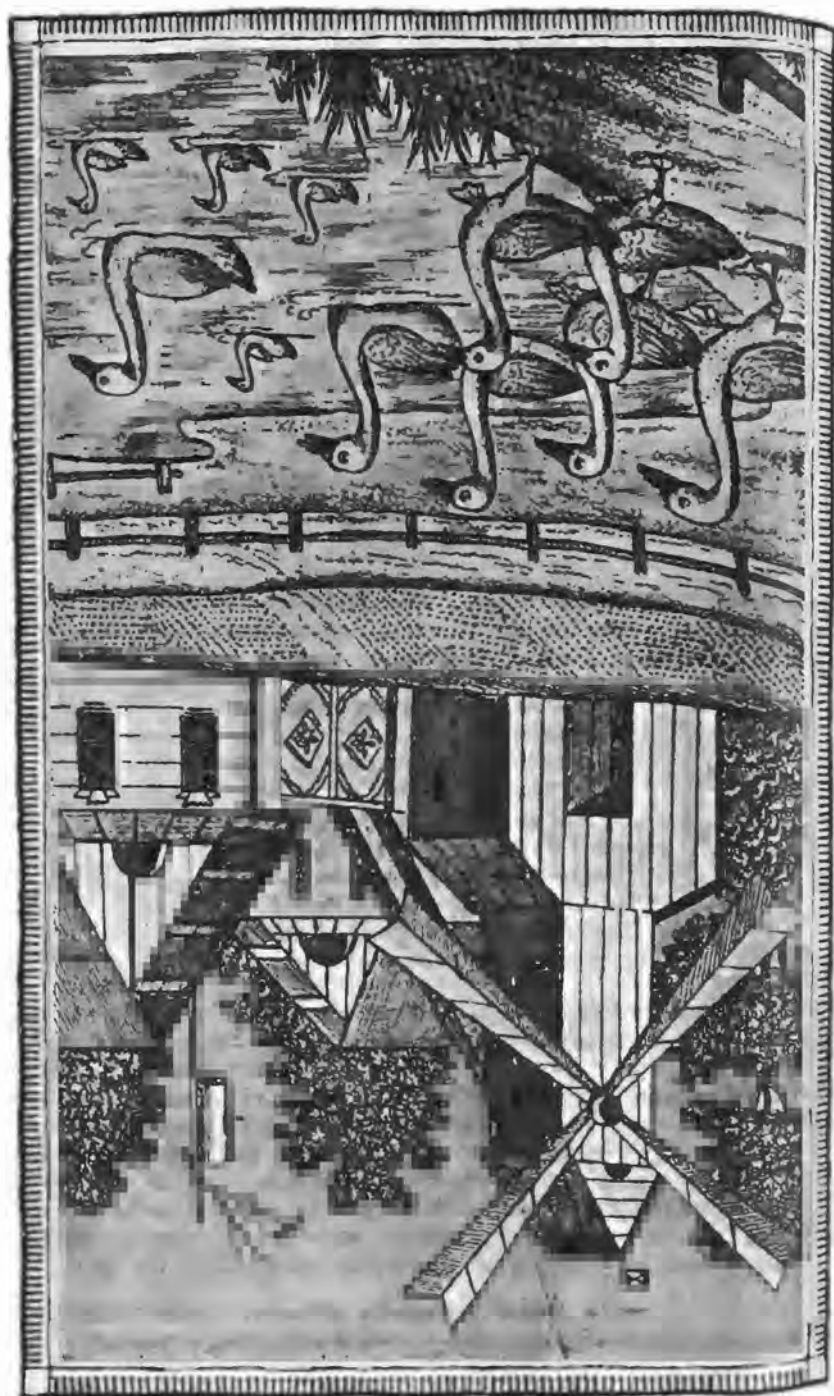
Белый, как снег, надутый, как мех,
Лопатами ходит, а рогами ест.

Красные лапки, длинная шея,
щиплет за пятки, беги без оглядки.

В воде купался, сухим остался.

Летом игра «Волк и гуси» была одной из самых любимых детских забав. Вот два варианта такой игры.

1). Из играющих выбирают хозяйку и волка. Остальные — гуси. «Хозяйка сзывает гусей: «Гуси-лебеди, домой!» Гуси кричат: «Боимся!» — «Чего?» — «Волк под горой!» — «Что он там делает?» — «Сереньких, беленьких щиплет!» Хозяйка кричит: «Домой!» Гуси бегут, их ловит волк. Оставшихся непойманными гусей хозяйка опять отправляет в поле, и игра продолжается до тех пор, пока волк не переловит всех гусей» (Смоленщина.).

2). Двое играющих изображают волков, остальные — гуси становятся в круг. На середину круга выходят волки. Гуси поют:

— Гуси, мои гуси, га-га-га-га!
А где, гуси, были? Га-га-га-га!
— А мы были в поле, га-га-га-га!
На синем на море. Га-га-га-га!
— Кого, гуси, видели? Га-га-га-га!
— А серого волка, га-га-га-га!
Унес волк гусенка. Га-га-га-га!
Вместо поросенка, га-га-га-га!
За ручку, за ножку, га-га-га-га!
За бел рукавочек! Га-га-га-га!

После слов «За бел рукавочек» волки вытаскивают гусей из круга. Когда остается один гусь, он кричит: «Гуси, мои гуси, щиплите волка!» Гуси нападают на волков и щиплют их.

ФЕДОСЬЯ — КОЛОСЯНИЦА

КОЛОСНИЦА, ГРЕЧУШНИЦА.

В день Феодосии-колосяницы рожь колосится,
выметывает колос.

Федосьи-девицы, дак рожь на трубицы, начнет колоситься.

Колосится рожь — много грибов найдешь.

Не будет за полем — не будет и на поле: не будет урожая
грибов да ягод — не будет и хлеба (Пинежье).

Рожь две недели зеленеет, две недели колосится,
две отцветает, две наливают, две подсыхает.

По цвету ржи гадают о цене хлеба:

если рожь начинает цвести
снизу — будет низкая цена хлебу, если с середины — средняя,
если сверху — высокая (Тамбовская губ.).

Пока рожь не заколосилась, детям и молодежи не разрешалось скакать на досках — самом простом виде качелей, состоящих из доски на бревне, на обоих концах которой поочередно подсакивают. Прыгать и скакать было нельзя, так как, по объяснению крестьян, земля в это время «была тяжела».

На Федосью ходили в поле смотреть всходы.
Взошли хлеба — не дивись, налились хлеба — не хвались,
хлеб на току — про урожай толкуй.
Радуйся хлебу не на корню, а в амбаре.
Всходы — еще не хлеб.
Хорошая нива всякому диво.

Зеленая грамотка лежит на черном бархате.
Зеленая простыня черную постель покрыла. (Всходы на ниве.)

Осенью черно,
Зимой бело,
Весной зелено,
Летом желто. (Нива.)

Хлеба заколосились — молодежь отправлялась в поля величать рожь. Катались по всходам ржи, приговаривая: «Расти, расти трава к лесу, а рожь к овину!»

Или «танки водили», т. е. ходили рядом, взявшись за руки, и пели:

Ржица-матушка колосилась,
Во ржи свинушка поросилась.
Семьдесят поросят, да все свиночки,
Все свиночки, да все пестренькие,
Хвостики у них востренькие.
(Калужская губ.)

Дети вторили молодежи:

Солнце, солнце,
Выблесни в оконце,
Дай овсу рост,
Чтобы до небес дорос,
Матушка-рожь
Чтобы встала стеной сплошь!

Владимирцы называли Федосью «гречушницей» от сева гречи:

Спеши в ведро всю работу справить.
Ведро колосит хлеба.

В этот же день повсюду скоту давали немного хлебного корма, чтоб плодился.

В поле пашеница
 Перестой стояла.
 Маю, маю,
 Маю зеленó!'
 Перестой стояла,
 Колосом махала.
 Колосом махала,
 Голосом гукала:
 «Девки, молодухи,
 Выходите, жните!
 Не могу стояти,
 Колосом махати.

Буйное колосье
 Суколены ломить.
 Маничка младая
 Просилася замуж:
 «Батюшка, мой родный,
 Отдай меня замуж!
 Не могу ходити,
 Русых кос носить.
 Русые косоньки
 Плечушки сломили».
 Маю, маю,
 Маю зеленó!
 (Смоленщина.)

Исаакний.

В день Исаакния принято было сажать бобы.
 Уродись, бобы, и круты и велики на все доли,
 на старых и малых!
 Уродитесь, бобы,
 Велики и круты,
 В поле густы,
 На столе вкусны!

Смеялся Горох, глядя на Бобы:
 Да эстоль они толстешеньки!
 Да эстоль они низешеньки!
 Да эстоль они зеленешеньки!
 Ох — хо-хо-хо-хо...

Хохотал, надулся, ногой топнул да лопнул!

На Исаакния змеи скопляются, идут поездом на змеиную свадьбу.

Полагают, что в этот день змеи станицами ходят по лесам.

По народным представлениям, змеи крепко связаны с некоторыми болезнями, растениями.

Крестьяне нередко носят на шее ладонки со змеиной шкурою от лихорадки.

¹ Припев повторяется после каждого двустишия.

Повсеместно распространено убеждение, что ясень гонит и устрашает змей. Сам ясень, его кора, лист, даже зола смиряют всякого гада, лишают его возможности кусаться и повергают в оцепенение.

Прогоняет змей и папоротник.

В Курской губернии рассказывают: если рано утром набросать на открытых для солнца местах свежих веточек руты, то все змеи выползают, жадно пожирают ее и вскоре околевают.

В Пермской губернии крестьяне приписывают марьиному корню свойство гнать змей и потому носят его на кресте.

«Змеиной травой» называется в Воронежской губ. один из видов вероники, поскольку считается, что бог ее создал для уничтожения ядовитых змей. В Томском крае крестьяне кладут цветок вероники в башмаки, когда идут по ягоды, чтобы змеи не укусили.

Интересная легенда существовала в Вологодской губ.: «Некий барин ходил в лес, собирал там змей, что с короной на голове, а дома приказывал слуге готовить себе из них пищу. Змеи имели то свойство, что, поевши их, человек начинал понимать разговор огня с огнем, травы с травой. Барин подслушивал в лесу разговор трав и записывал их целебные свойства. Раз следом за барином пошел в лес слуга и услышал разговор трав, что заставило глупого парня рассмеяться. Барин спросил его: «Чего смеешься?» — «Ничего, так», — ответил слуга. Барин велел ему оборотиться, после чего тот перестал понимать язык трав. От этого барина и пошли травники, цветники, стали потом знать пользу растений».

Для лечения от змеиных укусов традиционно применялись некоторые травы.

В Воронежской губернии, растравив рану, кладут на нее чертогрыз, о котором говорится, что черт перегрыз у него главный корень, а бог отрастил несколько малых корешков.

Если ужалила змея, владимирцы прикладывают к ране изжеванный корень любистка и ужачки; в Сибири — ужовник, в других местах — медуницу, тертый свежий корень конского щавеля.

Еремей-распрягальник, повесь сетево.

Еремей сев начинает,
Еремей сев и кончает (14 мая, 14 июня)¹.
Повесь сетево — лукошко с семенами:
конец посеву яровых хлебов, кроме гречихи.
Когда кукушка закукует, надо,
чтобы семена засеяны были;
а если в амбаре лежат еще,
а кукушка уж закукует — к плохому году (Пинежье).
Кукушка кукует — хорошая погода будет.

Устин.

Красное утро на Устина — красный налив ржи.
Рожь красно открасуется.
Дождливый и пасмурный Устинов день —
урожай на лен и коноплю.
Рожь говорит: «Колошусь!», а мужик: «Не наглажусь!».

Лукьян-ветренник.

На Лукьяна южный ветер — к урожаю яровых,
северо-западный — к сырому лету, восточный —
к наносным болезням (Тверская, Владимирская, Ярославская губ.).

¹ Следует иметь в виду, что сроки посева в действительности были более ранними, ведь Еремей по-старому приходился на 1 мая и 1 июня.

Если случится гроза — уборка сена плохая.
В этот день если хочешь рыть колодезь,
то опрокинь на землю сковороду и по сырости ее узнаешь,
есть ли вода близко.
Дождь идет весь день — много грибов.

Митрофан.

С Митрофана сей гречу.
В Смоленской губернии гречиху сеют,
когда земляника в поле начнет краснеть.
Гречиха любит, чтобы ее сеяли в сухую и пыльную
или песчаную землю, и боится морозов.
Гречиху должно сеять в самое полнолуние.
Овес в кафтане, а на грече и рубахи нет.
Озимь в наливах, а греча на всходе.
День тем силен, что вытягивает лен.

Дорофей.

Если погода теплая и ясная — зерно будет крупное.
Начинаются самые короткие — воробьиные — ночи.
Летом свет во всю ночь.

Фёдор Стратилат.

Стратилат грозами богат.
Если во время грозы слышатся раскаты грома,
жди затяжного ненастья.
Гроза на Федора летнего — плохая уборка сена.
Росы с Федора — к урожаю льна и конопли.

Федора Стратилата называют колодезником, потому
что в этот день чаще, чем на Лукьяна, колодезники опроки-
дывают сковороды, чтобы узнать, где есть водная жила.

Приходит пора прополки.

*Поле полоть — руки колоть, а не полоть,
так и хлеба не молоть.*

*Осот да лебеда — для посевов беда.
Сорная трава пшеницу перерастает.
Посеяли злаки, а косим осот да маки.*

С Федорова дня пошла навозница — вывозят навоз на паровой клин.

Какова земля, таков и хлеб.

Хлеб на хлеб сеять — ни молотить, ни веять.

(О необходимости паров.)

Земля любит навоз, лошадь — овес, а бара — принос.

Возвращай земле долг — будет толк.

Клади навоз в пору, соберешь хлеба гору.

На новь — хлеб сеять, на старь — навоз возить.

Клади навоз густо, не будет в амбаре пусто.

Коню — овес, а земле — навоз.

Без назема-батюшки не жди хлеба от земли-матушки.

Где лишняя навоза колышка, там лишняя хлеба коврижка.

Навоз отвезем, так и хлеб привезем.

Сей да навозь — голодухи не бойсь.

На поле с дерьмом, поле с добром.

Навоз бога обманет.

Добрая земля назем раз путем примет да девять лет помнит.

Поле обмана не любит. Обманешь его один раз,

оно обманет тебя десять раз.

Гной (навоз) сухие — хлеба дорогие.

В поле свез навоз — с поля хлеба воз.

В средней полосе России навоз вывозили на поля коллективно — всей деревней или группой соседей поочередно каждому хозяину.

В навознице принимала участие вся семья, за исключением маленьких детей и глубоких стариков, на «помочи» являлись со своей лошастью и специальной телегой. Мужчины грузили навоз на телеги, дети с 6—7-летнего возраста были повозчиками, женщины и молодежь сваливали навоз с телег и равномерно распределяли его по полю, пожилые готовили на всех обед, который должен был непременно состоять из 12 блюд, чтобы каждый месяц был сытый.

Работа эта воспринималась как праздник. Нередко лошадей убирали в лучшую сбрую, привешивали бубенчики; работа сопровождалась песнями, плясками, шутками, а заканчивалась обильным угощением. «Хотя толокою производится работа тяжелая и не особенно приятная, но между тем толока — чистый праздник для всех участников, в особенности для ребят и молодежи». В Вятском округе на последнем возу «салятся поверх навоза бабы, одетые мужиками, с усами, подрисованными углем, или физиономией, намазанной сажей; лошадь украшают лоскутками, пучочками соломы; едут с песнями, с гармошкой». В Тверской губ. «с последней телегой тихонько от мужчин женщины брали плохую одежду, набивали соломой и делали два чучеда — мужика и бабу. Эти чучела сажали на лошадь и с последней порожней телегой везли в деревню. Пели, плясали. Мужики встречали с вилами, потом чучела бросали, садились за стол».

Ай, спасибо хозяину

За мягкие пирожки!

Ой лели, ой что лели,

За мягкие пирожки!

Ай, спасибо тому,

Кто хозяин в дому!

Ой лели, ой что лели,

Ой что лелеюшки мои!

В русских селах Латгалии «хозяин дома, где должна быть толока, заранее договаривался с односельчанами, готовил угощение: варил кашу из ячменя — панцак, пиво (или солодуху), резал мясного барана. Положено было три раза покормить толочан. Вывозили навоз на лошадях. Обязанности толочан были четко распределены. Парни, которые копали навоз, назывались «копцы». Девушки постарше и молодницы, которые разбивали навоз, назывались «разбойницы». Девчатки и парнишки поменьше — повозчиками: они возили навоз.

По окончании толоки пили пиво, закусывали. Начиналось всеобщее веселье, звучали песни. В Даугавпилсском районе вспоминают, что на толоках все обливались водой из ведер, а некоторых затаскивали в лужи и пруды. Даже в избах старались все облить..

Плывет уточка по морю,
По самому по дну,
Сгулялись мы с забавой
В навозну толоку.

На лодочке катался
По Ваньковской по реки.
Прилюбилася девчонка
С навозной толоки».

Кирилл Александрийский.

*На Кирилу — конец весне, почин лету.
На Кирилу отдаст солнышко земле всю силу.
В июне день не меркнет.*

Поспевает земляника:

Стоит Егорка в красной ермолке, кто ни пройдет, всяк поклон подает.

Красный катышок, зеленый черешок.

На лесной поляне красуется Татьяна — алый сарафан, белые крапинки.

Земляника красна — сеять овес напрасно.

Пётр-поворот, капустник, солноворот.

*С Петра-поворота солнце на зиму, а лето на жары.
Солнце укорачивает ход, а месяц идет на прибыль.*

Солнцеворот вершит поворот.

Выпадают большие росы.

*Запоздалый капустник: последний посев огурцам
и посадка рассады на гряды.*

Последний посев поздней гречи.

Акулина-гречишница, задери хвосты.

Пойдешь лесом — комары взбесят.

Начало лета и появление оводов. Скотина бесится от оводов.

Акулины-базы: коровы от множества мух, комаров и слепней не стоят на месте, бегают из стада, ищут приюта

в селениях под навесами, в тени строений, что и называется «бызовать».

Акулина-гречушница — посев гречи в средней и северной России.

Гречиху сеют в ясную, сухую погоду:

Коли пыль на бороне, то и блин на решете.

В Курской губернии на Акулину не работают, чтобы гречи хороши были. В этот день устраивают мирскую кашу для нищей братии: праздник каш.

«В былое время в день св. Акилины на Руси устраивались особого рода угощения, на которых первым блюдом считалась каша, приготовленная обыкновенно из оставшейся от прошедших лет гречи. На эту мирскую кашу приглашались главным образом бедные странники, калеки, которые за это гостеприимство благодарили хозяев... благопожеланиями хорошего урожая гречи.

...в средних и южных губерниях нашего отечества осталось обыкновение на память св. Акилины срезывать пучки гречихи и украшать ими в домах иконы».

Не верь гречихе в цвету, а верь в закрому.

Акулина — кривые огурцы.

Кто будет сажать огурцы в этот день,

пусть не ждет сочных, зеленых (Новгородская губ.).

На Севере России конопль сеют после Окулинина дня.

Начало Петровского поста.

«Как у нас на селе заспорил Лука с Петром, сомутилася вода с песком, у невестки с золовками был бой большой: на том на бою кашу-горюху поранили, киселя-горюна во полон полонили, репу с морковью подкопом взяли, капусту под меч приклонили, а я на бой не поспел, на лавочке просидел. В то время жили мы шесть братьев — все Агафоны, батюшка был Тарас, а матушка — не помню, как звалась; да что до названья? Пусть будет Маланья. Я-то родом был меньшей, да разумом большой. Вот поехали люди землю пахать, а мы шесть братьев руками махать. Люди-то думают: мы пашем да на лошадей руками машем, а мы промеж себя управляемся. А батюшка навязал на кнут зерно гречихи, махнул раз-другой и забросил далеко.

Уродилась у нас гречиха предобрая. Люди вышли в поле жать. А мы в бороздах лежать; до обеда пролежали, после обеда проспали и наставили много хлеба; скирда от скирды, как от Казани до Москвы. Стали молотить — вышла целая горсть гречихи. На другой год батюшка спрашивает: «Сынки мои возлюбленные, где нам нынче гречиху сеять?» Я — брат меньшей, да разумом большой, говорю батюшке: «Посеем на печке, потому что земля-то порожняя; все равно круглый год

гуляет!» Посеяли на печке, а изба у нас была большая: на первом венце порог, на другом потолок, окна и двери буравом проверчены. Хоть сидеть в избе нельзя, да глядеть гожа.

Батюшка был тогда больно заботлив, рано утром вставал — чуть заря занимается, и все на улицу глядел. Мороз-то и заберись к нам в окно да на печку; вся гречиха позябла. Вот шесть братьев стали горевать: как гречиху с печи собирать? а я — родом хоть меньшей, да разумом большой. «Надобно, — говорю, — гречиху скосить, в омет свозить». — «Где же нам омет метать?» — «Как где? На печном столбе: место порожнее». Сметали большой омет.

Была у нас в дому кошка лыса: почуяла она, что в гречихе крыса, бросилась ловить и прямо-таки о печной столб лбом прилась; омет упал да в лохань попал. Шесть братьев горевать: как из лохани омет убирать? На ту пору пришла кобыла сера, омет из лохани съела; стала вон из избы бежать, да в дверях и завязла: таково-то с гречихи у ней брюхо расперло! Задние ноги в избе, а передние на улице. Зачала она скакать, избу по улице таскать, а мы сидим да глядим: что-то будет! Вот как брюхо у кобылы-то опало, я сейчас в гриву ей вцепился, верхом на нее ввалился и поехал в кабак!..»

Модест, Амос.

Модесту молятся на случай падежа скота.

Пророк Амос — пошел овес в рост.

Пришел Амос — пошел в рост и овес.

Тихон.

На Тихона солнце идет тише.

У Земли за год самый тихий ход.

*На Тихона певчие птицы затихают
(кроме соловья и кукушки).*

Заканчивается поздний сев ярового хлеба.

На Тихона толока на навозницу

Вози навоз на пар.

*Кто много назему в поле кладет,
тот всегда верной прибыли ждет*

Навоз густ, и амбар не пуст

К святому Тихону обращались за помощью от зубной боли: «Святой Тихон, утиши, господи, болезни и вся недуги зубные!»

Манул.

На святого Мануила солнце застывает.

За неделю до Иванова дня (7 июля) в Лукоянове (Нижегородская губ.) бывает торг и крестьянское гулянье, которое носит в народе название «Молодой Ярило», а в следующий за тем базарный день, перед самым Ивановым днем, бывает вновь большой базар и гулянье, известное под названием «Старый Ярило».

ИЮЛЬ

СТРАДНИК, СЕНОЗАРНИК, МАКУШКА ЛЕТА.

Июль — макушка лета, декабрь — шапка зимы.

Июль — краса лета, середка цвета.

Июль — макушка лета — устали не знает, все прибирает

Плясала б баба, плясала, да макушка лета настала.

В июле на дворе пусто, а в поле густо.

Не топор кормит мужика, а июльская работа.

Сбил сенозарник спесь, что некогда на палати лечь.

Собьет спесь, как неколи присесть.

В июле солнце без огня горит.

В июле хоть разденься, а все легче не будет.

Июль-то хоть разденься, а декабрь — потеплей оденься.

Июль — месяц ягод, зеленая страда.

В июле тучи простираются по небу полосами — будет дождь.

Если утром трава сухая — к ночи ожидай дождя.

*Зеленоватая окраска луны — признак наступления
сильной засухи.*

*В июле если мысленно можно повесить ведро
на рог месяца — быть суше.*

Если же ведро «падает», к дождю.

Эта примета подсказывает погоду за одну-две недели вперед.

Утром туман стелется по воде — будет хорошая погода.

Зосима.

*Зосима — пчелы меда запасают.
Пчела — божья угодница, доставляет воск на свечи.
Пчела жалит только грешника.*

*Когда пчелы сильно летят к своим ульям,
то скоро дождь.
Перед засухой пчелы становятся злее, чаще жалят.
Пчелы сидят на стенках улья — к сильной жаре.*

Проходя мимо ульев в эту пору, дети припевают, приговаривают:

Рой, гуди,
В поля иди!
С полей иди
Медок неси!

Яры пчелки гудут,
В поле идут,
С поля идут —
Медок домой несут.

Пчелушки	В поле идут —
Серые, малые,	Гудут, гудут.
Крылышки алые,	С поля идут —
Носики острые,	Медок несут!
Сами пестрые.	

От приговорок переходили к играм.

Двое ребят стоят неподвижно — они «ульи». Все другие участники игры ходят вокруг них и поют:

Пчелки яровые, крылья золотые,
Что вы сидите, на полет не летите?
Аль вас солнышком печет?

Аль вас дождичком сечет?
Летите за горы высокие,
За леса зеленые.

Пропев песню; все разбегаются, а «ульи» начинают изоб-
ражать «пчел» и бегут за ними. Кого они поймают и пожуж-
жат в уши, тот считается «ужаленным» и в игре не участвует.
«Пчелы» ловят оставшихся детей.

За одной игрой следуют другие.

«В КОРШУНА»

Играющие становятся в круг, ведут хоровод и поют:

Коршун, коршун, колесом,	Я их накормила,
Твои дети за селом.	Я их напоила,
Пить, есть просят,	Спать уложила,
Работать не могут.	Рогожкой накрыла.

В середине круга сидит «коршун» и копает землю. Его спрашивают:

- Коршун, коршун, что делаешь?
Ямочку рою.
- Зачем тебе ямочка?
Копеечку ищу.
Зачем тебе копеечка?
Иголочку да ниточку купить.
Зачем тебе иголочка да ниточка?
Мешочек шить.
- Зачем тебе мешочек?
Камешки класть.
- Зачем тебе камешки?
В твоих детей ширкать-бросать!
Что мои дети тебе помешали?
- У меня был вот такой большой сад, а твоя лошадка
с жеребеночком перепрыгнула его.

Все разбегаются в стороны, а «коршун» старается кого-ни-
будь поймать. Пойманный становится «коршуном», и игра на-
чинается снова.

«БАБА ЯГА»

Рисуется круг, в середину которого становится один из
играющих — «Баба Яга». В руках у нее ветка — «помело». Во-
круг бегают ребята и дразнят:

Баба Ежка,	Пошла она на улицу,
Костяная ножка,	Раздавила курицу.
С печки упала,	Пошла на базар,
Ножку сломала.	Раздавила самовар.
А потом и говорит:	Пошла на лужайку,
«У меня нога болит»	Испугала зайку.

«Баба Яга» скачет из круга на одной ноге и старается кого-нибудь коснуться «помелом». Кого она «запятнает», тот замирает на месте. Если кто-нибудь из играющих приподнимет запятнанного и вернет в круг, то становится «Бабой Ягой».

«В СМОЛУ»

Мальчики и девочки берутся за руки, образуя круг; в середину входят двое или трое из играющих и стоят, другие ходят вокруг них и кричат:

Смола, смолися,	Пропили, проели
Бочка, крепися,	Дедову казну на меду,
Крепка смола дедова,	А бабкину на вине.
Крепче и не было.	Стук, стук у ворот!

При этих словах дети останавливаются. Стоящие в середине спрашивают:

- Кто там?
- Поп Федот.
- Зачем пришел?
- За смолою.
- На что тебе смола?
- Бочку смолить.
- На что бочка?
- Пиво варить.
- На что пиво?
- Сына женить.
- Какого?

Один из стоящих указывает на какого-нибудь мальчика, называя его по имени и отчеству. «А девушка какая?» — спрашивают его. Он говорит имя и отчество невесты.

После этого игра начинается снова и называют другую пару и т. д.

Взрослым было не до игр, но на день Зосимы поневоле вспоминались песни — грустные или веселые — с зачином о пчеле:

Ты пчела ли моя, пчелонька,
 Пчела сера, синекрыленькая.
 Пчела по полю полетывала,
 Ко сырой земле припадывала.
 Ах вы нянюшки, вы мамушки мои,
 Вы подите в чисто поле гулять,
 Ко крестьянину на пашенку!
 Вы возьмите часту борону,
 Расчешите седую бороду,
 Что его-то стару голову.

У моего у стара мужа,
У моего у постылого!
Он не садит на коленочки меня,
Не обнимает своей правою рукой,
Не целует во сахарные уста!

Ты пчела ли моя, пчелонька,
Пчела сера, синекрыленькая!
Пчела по полю полетывала,
Ко сырой земле припадывала.
Ах вы нянюшки, вы мамушки,
Вы подите во зеленый сад гулять!
Вы возьмите частый рыбий гребешок,
Расчешите младу голову,
Что его-то кудри черные,
Моего ли друга милого!
Он посадит на коленочки меня,
Он обоймет своей правою рукой,
Поцелует во сахарные уста!

(Алтай.)

Пчелочка золотая,
Что же ты журжишь?
Около летаешь —
Прочь не летишь.
Али ты не любишь
Лизочку мою?
У моей у Лизочки
Русая коса,
Голубая лента
Ниже пояса.
Черные брови,
Серые глаза;
Розовые, полные
Щечечки ее,
Мягкие, пуховые
Грудочки ее,
Сладкие, медовые
Губочки ее!
Я к губам прилипну —
С ними и помру!
Врешь — не прилипнешь!
Врешь — не помрешь!
Жаль-жаль, жаль же мне,
Врешь — не помрешь!

(Донская.)

¹ Припев повторяется после каждого двустишия.

Мефодий — перепелятник.

На Мефодия праздник перепелятников.

В «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова читаем: «Как скоро начнут поспевать хлеба, особенно проса, перепелки сбегаются к ним со всех сторон и постоянно около них держатся. На таком привольном и сытном корме не только старые, но и молодые перепелки жиреют с изумительной скоростью, особенно перепела и холостые самки. В это время они уже весьма неохотно поднимаются с земли; летят очень тяжело и медленно и, отлетев несколько сажен, опять садятся».

Со дня Мефодия охотники живут в предвкушении скорой легкой охоты на перепелов. Замечают: коли над озимью носится тенетник и мошка, будет улов перепелов хорошим (Курская губ.).

Летят тенета — удачная охота (Урал.).

Мефодий — паутинный день, погодууказатель.

С давних пор замечено, что паук лучше всякого барометра предугадывает погоду за два-три дня. «Паук не раскидывает своих сетей для ловли насекомых с обычным старанием — перед дождем или бурей; нередко перед наступлением непогоды пауки сами уничтожают сотканную ими паутину и поспешно забираются в щели; если же паук снова принимается за работу или же заделывает изъяны в своих тенетах, то это предвещает перемену погоды к лучшему; когда же он прилагает к своей работе особое старание, то можно почти наверняка предугадать продолжительную ясную погоду» (Тамбовская губ.).

На Мефодия дождь — будет идти сорок дней.

После дождя дети идут в такое место, где раздается звучное эхо и громко кричат:

Гнилая колода, гнилая колода,
Чи будет завтра погода?
Когда будет — отгукни-ись!
А не будет — заикни-ись!

*Если отголосок немой — непогода продолжится,
Звучное эхо предвещает ведро.*

*Вообще дожди в эту пору очень нужны, и взрослые говорят:
«Просите, дети, дождя до Ивана Купалы, а после Ивана
я и сам упрошу».*

Дети охотно откликаются и выкрикивают:

Водица, водица,
Студеная быстрица,
Обеги вокруг,
Напой наш луг!

Туча ты, туча,
Пролейся дождем,
Мы давно тебя ждем!
Дождик ты, дождик,
Поливай весь день
На наш ячмень,
Поливай ты рожь,
Чтобы хлеб был хорош,
Поливай ты овес,
Чтоб сам-сорок принес!

Идя по дороге и поднимая ногами пыль, ребяташки приговаривали:

- Эх, пыль бы к земле прибить, да нечем бить!
- Сейчас бы дождичка-мокропогодничка!
- Пролить бы дождю толщиной с вожжу!
- Гром гремучий,
Тресни тучи,
Дай дождя
С небесной кручи!

В эти дни обращали внимание на поведение муравьев и лягушек:

*Если муравьи прячутся в кучи — жди сильного ветра,
дождя, грозы.*

Лягушки расквакались — перед дождем.

Всквакалась лягушка на погоду.

Лягушки по суше прыгают — к дождю.

Сидит Матрена на мокрена,
Не говорит — еще терпима,
А как речь начнет,
Всех досада возьмет. (Лягушка.)

Выпуча глаза сидит, по-французски говорит,
По-блошьи прыгает, по-человечьи плавает. (Лягушка.)

Жаба в траву выползла — к дождю.
Если лебеди вечером раскричались — завтра будет дождь.
Если в деревню прилетит сова, сядет на крышу дома
и будет кричать, то в этом доме и даже во всей деревне
будет большой пожар.

Аграфена Купальница, Аграфена — лютые коренья.

Аграфена Купальница, идущий за ней Иван Купала и еще через несколько дней «Петры-Павлы» сливались в один большой праздник, наполненный для земледельца огромным смыслом и потому включающий множество обрядовых действий, песен, приговоров, всевозможных примет, гаданий, легенд, поверий.

Репу сей на Аграфену — хороша репа будет.
Матушка-репка,
Уродись крепка,
Ни густа, ни редка —
До великого поста.

Репа да горох и сеются про воров.
Завидны в поле горох да репа, кто ни пройдет — щипнет
Мимо девки да мимо репки так не пройдешь.

На Аграфену гречиха мала, овсу порост.

С Аграфены начинают купаться, «закупаются».

В этот день в некоторых местах бывают общие купанья, сопровождаемые песнями.

Особенно радовались купанию дети: пытаясь столкнуть
один другого в воду, выкрикивали:

С плота долой,
Катись бородой!

В воде. прежде чем нырнуть, каждый говорил:

Пройду бобром —
По воде плавком,
Трижды окунусь —
Словно белый гусь.

или:

Гребу бобром —
По воде плавком,
Трижды окунусь,
Да не захлебнусь.
Нырком пройду,
Из-под воды вон уйду.

Тот, кому в уши попала вода, наклонив голову, скакал на одной ноге, приговаривая:

Вылейся, водичка,
Да по рукавичку:
Под пень,
Под колоду,
К лягушкам, к болоту.

На Аграфену обязательно мылись и парились в банях.

Архангелогородцы, жители Подмосковья пол в банях застилали в этот день свежеею травою, «и девушки парятся свежими вениками, связанными из целебных трав». В Тверской губ. парились вениками, утыканными цветами, специально для этого сорванными.

Обыкновенно именно в день Аграфены Купальницы заготавливали веники на весь год. Для этого девушки и женщины после обеда запрягали лошадь и уезжали в лес. Веники делали не только березовые, на Вологодчине предпочитали вязать их из различных пород лиственных деревьев и растений, так

что в каждый веник входило по ветке от березы, ольхи, черемухи, ивы, липы, смородины, калины, рябины, по цветку разных сортов.

Заготовка веников шла под песни.

Веники, веники,	Кум Иван, кум Иван,
Веники, комелики	Кум Гаврила, кум Гаврила,
На печи валяются,	Я Гавриле говорила:
В лапти обуваются.	Веники, веники... и т. д.

(Ленинградская обл.)

Дуня бела, румяна,	Погости, голубушка!
Зачем любишь Ивана?	Ты ночуешь у меня —
«Я за то люблю Ивана,	Подарю, Дуня, тебя!
Что головушка кудрява!»	Подарю тебе сережки
Ваня чист и речист,	Я серебряные!
Горазд речи говорить.	Что вторые — золотые
Подговаривал Дуняшу	Со подвесочками!
Одну ночку ночевать:	А во славушку войдем —
«Ночуй, Дуня, ночуй, Дуня,	Жемчужные заведем!»

(Вологодская губ.)

Я в лесе был, березку рубил,
 Березку рубил, березку рубил.
 Березку рубил, метелки вязал
 Метелки, метелки, метелки вязал.
 Метелки вязал, на возик складал,
 На возик, на возик, на возик складал.
 На возик складал, рублем утягал,
 Рублечком, рублечком, рублем утягал.
 Рублем утягал, коня запрягал,
 Конечка, конечка, коня запрягал.
 Коня запрягал, в Москву отправлял,
 Во Москву, Москву, да в Москву отправлял.
 В Москву отправлял, да там девку видал
 Там девку, там девку, там девку видал.
 Там девку видал, чернявку встречал,
 Чернявку, чернявку, чернявку встречал:
 Стоит под окном, играет цветком,
 Играет, играет, играет цветком!

В ночь с Аграфены на Иванов день существовал обычай «выкатывать ржи», то есть мять их, валяясь по полосе.

В окрестностях г. Кириллова (Вологодская губ.), по сообщению одного из собирателей, в день Аграфены Купальницы все девушки («невесты» и подростки) расхаживают в своих лучших нарядах по домам и говорят: «Умойте!» Это значит — подарите что-нибудь из девичьих украшений: ленточку, бусы, сережки и проч.

Не менее интересны сведения из Костромской губ. Здесь девицы собирались к одной из своих подруг «толокчи в ступе ячмень», из которого на другой день варят кашу и едят ее вечером с коровьим маслом. Потом, взяв передние колеса телеги с осью и оглоблями, возили сидящих на оси по селению и полям, распевая до утренней зари. В заключение умывались росой, думая, что она приносит здоровье.

На Аграфену — обетная каша, складчиной.

Обед вскладчину, состоящий из постных блюд, выставляли в некоторых деревнях Вологодчины для нищей братии. Столы выставлялись прямо посреди деревни, и на такую трапезу являлось иногда человек до трехсот.

Пожалуй, самым главным событием дня Аграфены Купальницы был сбор трав, кореньев для лечебных и знахарских целей.

«Лихие мужики и бабы в глухую полночь снимают с себя рубахи и до утренней зари роют коренья или ищут в заветных местах клады».

Собирают крапиву, шиповник и другие колючие растения, которые сжигают, чтобы избавиться от несчастий и бед.

Древо древанское,
Листья моханские,
Цветы ангельские,
Когти дьявольские —

так описывают шиповник на Северной Двине.

Крестьяне, для предохранения себя от ведьм, кладут в этот день на окна изб жгучую крапиву, а в дверях скотных дворов — молодое осиновое дерево, вырванное непременно вместе с корнем.

По убеждению народа, в ночь на Ивана Купала деревья переходят с места на место и разговаривают между собой посредством шелеста листьев; беседуют друг с другом животные и даже травы, которые этой ночью наполняются особой, чудодейственной силой.

Девушки Онежского уезда Архангельской губернии выходили искать «ивановский борщ» — растение, имеющее, по их мнению, большую целительную силу. Девушки отправлялись целыми компаниями, в сопровождении парней. Поиски сопровождались играми и возней, так что травы подвергались значительному вытаптыванию.

Белую кувшинку называют кое-где «одолень-травой», ее собирали по заводям и заглохшим прудам, чтобы при случае взять с собой в дорогу как надежное средство от разных бед и напастей.

Ночью, до восхода солнца, рвали цветы Иван-да-Марья. Если их вложить в углы избы, то вор не подойдет к дому: брат с сестрой (*желтый и фиолетовый цвета растения*) будут говорить, а вору будет казаться, будто разговаривают хозяйин с хозяйкой.

В ночь с Аграфены на Ивана, «до восхода солнца, чтобы никто тебя не видел, рви чернобыльник; под корнем найдешь уголь; он от многих болезней облегчение доставляет — от брюха, тошноты и прочее. Если увидят тебя за этим делом — уголь уйдет в землю».

Накануне Ивана Купалы девушки гадали по травам:

1. Собирали 12 трав (чертополох и папоротник обязательно), на ночь клали под подушку, чтоб приснился суженый — «Суженый-ряженный, приходи в мой сад гулять!»

2. В полночь надо было набрать цветов и положить под подушку; утром следовало проверить, набралось ли двенадцать разных трав. Если набралось — в этом году замуж выйдешь.

3. Под голову на ночь клали подорожник (трипутник) со словами: «Трипутник-попутник, живешь при дороге, видишь малого и старого, скажи моего суженого!»

В течение всего дня и ночью звучали песни.

Я по цветикам ходила,	Мне подарочек принес,
По лазоревым гуляла,	Мне подарок дорогой —
Цвета алого искала.	С руки перстень золотой.
Не нашла цвета алого,	Мне не дорог твой подарок,
Супротив мого милого.	Дорога твоя любовь.
Эх, мой миленький хорош.	Не хочу перстня носить,
Чернобров, душа, пригож.	Хочу так тебя любить.

(Тульская губ.)

Как во полюшке рябинушка стоит,
Под рябинушкой тропинушка лежит,
По тропинушке детинушка бежит,
Детинушка удалой молодец.
Он всю травушку-муравушку примял,
Все лазоревы цветочки посорвал.

Он повадился ко девушке ходить,
Много злата, много серебра носить,
Без расчёту золотой казной дарить,
Без аршинца камочки отдирать.

Ты камочка, камочка моя!

Ты камочка мелкотравчатая,
Мелкотравчатая, узорчистая!

Не давайся ты, камочка моя,

Ни простому, ни боярину,

Ни тому сыну гостиному.

Он гостиный-то сын волюшку берет,
Красну девушку за ручушку ведет.

(Тверская губ.)

Бей трепака, не жалей башмака!

— Мне не жалко башмака,

Жалко зеленого чулка.

Башмак батюшка купил,

Чулоч милый подарил;

Он не так мне подарил —

Ночевать ко мне ходил.

(Курская губ.)

Расколися, сырой дуб,

На четыре грани!

А кто девушку полюбит,

Того душа в рай.

Кто молодую полюбит,

Того душа на спасенье,

А кто старую старуху обоймет,

Тот в аде места не найдет.

(Тульская губ.)

Марья Ивана

Марья Ивана

В жито звала!

Марья Ивана:

«И пойдем-ка, Иван,

Пойдем-ка, Иван,

В наше жито!

Пойдем-ка, Иван!

В нашем жите,

В нашем жите

Сам бог ходит!

В нашем жите

Сам бог ходит,

Сам бог ходит,

Жито родит!

Сам бог ходит,

Жито родит,

Жито родит:

Ядро с ведро!

Жито родит,

Ядро с ведро,

Ядро с ведро,

Колос с бревно!

Ядро с ведро».

(Смоленщина.)

Ивашка молодчик!
Не стой под рекою,
Не махай рукою!
Не быть мне за тобою.
Обещай моему татке
Коня вороного,
А мамке коровку,
Брату жеребенка,
А сестрице теленка!
(Псковская губ.)

Как у бабушки курочки велись,
У Макарьевны рябенькие.
Через перушки на золоте,
А через два-три позолоченные.
У нас завтра праздничек,
Праздничек Иванов день.
Все добры люди капустку заламывали,
А я, млада, в огороде не была,
Не была, не заламывала,
Хоть капустушка не клубиста,
А я девушка грудиста.
(Новгородская губ.)

Еще что кому до нас,
Когда праздничек у нас!
Завтра праздничек у нас —
Иванов день!
Уж как все люди капустку
Заламывали.
Уж как я ли, молода,
В огороде не была.
Уж как я за кочан,
А кочан закричал,
Уж как я кочан ломить,
А кочан в борозду валит:
«Хоть бороздушка узенька —
Уляжемся!
Хоть и нóчушка мálенька —
Понабаемся!»
(Новгородская губ.)

Шел молодчик разудаленький,
Со головки бел-кудрявенький,
Со русых волос на бари́на похож,
На нем шапочка бархатная,
А околышек — терновы соболи.

— И кто тебя спородил, молодец?
 — Породила родна матушка меня,
 Свеже вымыла московская вода,
 Завивала кудри сударыня моя,
 Завила, приговаривала:
 — Что ты, молодец, не женишься,
 Разудалый, меня замуж не берешь?
 Чем я, девушка, родилась дурна?
 Я дурна, дурна, дурнешенька,
 С очей ясных веселешенька,
 Со личенька белешенька,
 Пойду к дружку быстрешенько,
 Поцелуюся милешенько.

(Владимирская губ.)

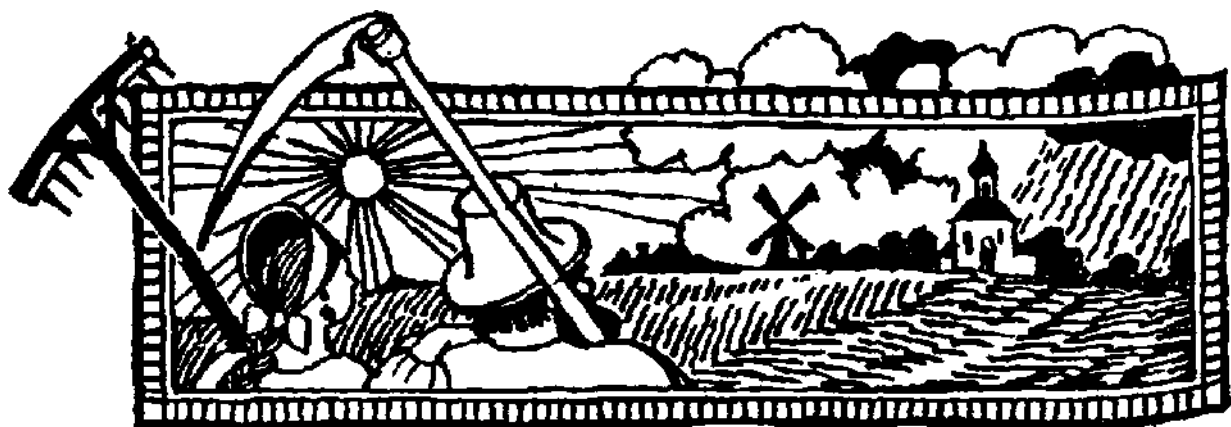
Иван Купала, Иванов день, Иван цветной.

Иван Купала принадлежал к числу самых почитаемых, самых важных, самых разгульных праздников в году, в нем принимало участие все население, причем традиция требовала активного включения каждого во все обряды, действия, особого поведения, обязательного выполнения и соблюдения ряда правил, запретов, обычаев.

Сильна роса на Ивана — к урожаю огурцов.

*На Иванову ночь звездно — много будет грибов.
 Если в Иванов день будет гроза, то орехов уродится мало
 и они будут пустые.*

Ивановские дожди вызывают у земледельца и радость и тревогу: они очень нужны хлебам и уже опасны для травы перед самым сенокосом.

Ивановские дожди лучше золотой горы.

Перед дождем цветы сильнее пахнут.

До Иванова дня дождь в засек (прибавится хлеба),

после Иванова дня дождь из засека.

Во время сенокоса дожди — сену плохо, зерну хорошо.

Когда сено гнило, тогда в сусеке мило.

Сено черно, так каша бела.

Травы черны — лошади кормны (сено погибло, а овес хорош).

В ряде мест на Купалу открывают большой покос.

Пройти до солнышка два прокоса — ходить не будешь босо.

*До солнышка пройди три покоса, ходить будешь в сапогах,
а не босо.*

Коли до Ивана просо в ложку, то будет и в ложке (южн.).

На Иван-день жито выколосится должно, а не заколосится,

так это плохая примета. На Иван-день колосок,

так на Ильин-день колобок в хороший год (Пинежск.).

На Иванов день цвет, на Ильин-то день — хлеб.

Корми меня до Ивана,

сделаю из тебя пана (говорит пчела).

За два-три дня до Ивана Купалы появляется мед

или после в такой же период (Воронежская губ.).

Иванов день заполнен обрядами, связанными с водой.

Купаются в воде и росе.

Ивана Купалу называют «чистоплотным» оттого, что на заре этого дня принято купаться, и такого рода купанию приписывается целебная сила.

Поутру в Иванов день купаться — обычай всенародный, и только в некоторых уездах Ярославской губернии крестьяне признают такое купание очень опасным, так как в Иванов день считается именинником сам водяной, который терпеть не может, когда в его царство лезут люди, и мстит им тем, что топит всякого неосторожного.

Ранним утром вологодские бабы «черпают росу»; для этого берется чистая скатерть и «бурак», с которым и отправляются на луг. Здесь скатерть таскают по мокрой траве, а потом выжимают в бурак и этой росой умывают лицо и руки, чтобы прогнать всякую «болесть» и чтобы на лице не было ни угрей, ни прыщей.

Точно так же черпают росу и в Пензенской губ., хотя здесь она служит не только для здоровья, но и для чистоты в доме: купальской росой кропят кровати и стены дома, чтобы не водились клопы и тараканы.

Накануне Ивана Купалы вологодские крестьянки обязательно моют у колодца или на реке «квашенки» — кадушки, в которых приготавливают тесто для ржаного хлеба.

Один из довольно распространенных купальских обрядов обливание водой всякого встречного и поперечного. «Деревенские парни. — писал орловский корреспондент в середине прошлого века, — одеваются в старое, грязное белье и отправляются с ведрами и кувшинами на речку, где наполняют их самую грязною, мутною водой, а то и просто жидкой грязью, и идут по деревне, обливая всех и каждого и делая исключение только для стариков и малолеток». Но всего охотнее, разумеется, обливают девушек: парни врываются даже в дома, вытаскивают и выносят девушек на улицу силой и здесь с ног до головы окачивают водой и грязью. В свою очередь, и девушки стараются отомстить парням и тоже бегут на реку за водой. Начинается таким образом общая свалка, полная веселья, криков и смеха. Кончается дело тем, что молодежь, перепачканная, мокрая, в прилипшей к телу одежде, гурьбой устремляется на речку и здесь, выбрав укромное местечко, подальше от строгих глаз старших, купается вместе, причем, разумеется, и парни и девушки остаются в одеждах.

Во многих местах баню было принято устраивать не на Аграфену Купальницу, а в Иванов день, точно так же, как и вилать веники.

В Пинежских деревнях после бани девушки закидывали веник через себя в реку: если потонет, то на этот год помрешь.

На Вологодчине вениками, составленными из разных трав и веток различных деревьев, обряжали недавно отелившихся коров; гадали о своем будущем — перебрасывали веники через головы или бросали с крыши бань, смотрели: если веник упадет вершиной к погосту, то бросающий умрет, а если не вершиной, то останется жив; костромские девушки обращали внимание на то, куда комлем упадет веник — туда и замуж выходить.

До Иванова дня женщинам не следует есть никаких ягод, иначе будут умирать дети у той, которая не остерегается искуса.

В Пошехонском уезде Ярославской губ. существовала вера в то, что если на Иванов день перелезть 12 огородов, желание может исполниться.

Главная особенность купальской ночи — очищающие костры. Вокруг них плясали, через них прыгали: кто удачнее и выше — тот будет счастливее.

Костры устраивали за селением, обычно на высоком месте, или на росстанях, на меже. В огонь подбрасывали бересту, чтоб горело веселей и ярче. Обвязывали соломой старые колеса, поджигали их и спускали с пригорков.

«Огонь очищает от всякия скверны плоти и духа. — писал один из этнографов XIX века, — и на Ивана Купалу прыгает через него вся русская деревенщина».

В некоторых местах через купальский огонь прогоняли домашнюю скотину для защиты ее от мора.

В купальских кострах матери сжигали снятые с хворых детей сорочки, чтобы вместе с этим бельем сгорели и самые болезни.

Молодежь, подростки, дети, напрыгавшись через костры, устраивали шумные веселые игры, потасовки, бег наперегонки. Обязательно играли в горелки.

Участники выстраивались парами друг за другом, водящий ходил перед ними и выкрикивал (или пели, выкрикивали все хором):

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Глянь на небо —
Птички летят,
Колокольчики звенят:
Диги-дон, диги-дон!
Убегай скорее вон!

При последних словах первая пара, не разнимая рук, бежит вперед, а водящий пытается догнать. «Если кого поймает, то становится с пойманным в последние пары, а кто отделился от своей пары, становится впереди гореть (водить); если же горевший никого не поймал, то снова становится гореть».

При этой игре пелись разные припевки, в каждой местности свои.

Вот некоторые из них:

Гори, гори жарко.	Дети на тележках,
Едет Захарка,	Слуга на собаках,
Сам на кобыле,	Погляди-ка вверх —
Жена на коровке,	Там несется пест!

Стой, гори на месте,
Гори, не сгорай,
По бокам глазами
Поменьше стреляй,
А гляди на небо,
Там журавли,
А мы ноги унесли!

Гори, гори ясно,	Погляди на небо:
Чтобы не погасло,	Звезды горят,
Стой подоле,	Журавли кричат:
Гляди на поле,	Гу, гу, убегу.
Едут там трубачи	Раз, два, не воронь,
Да едят калачи.	А беги, как огонь!

Все три примера записаны во Владимирской губернии.

Если горевший не разъединит бежавшую пару, его дразнят:

Ярка, не ярка,
 Баран, не баран,
 Серая овечка не женится,
 Дай сенца — объегнится.

По поверьям крестьян, в купальскую, самую короткую ночь нельзя спать, так как оживает и становится особенно активной всякая нечисть — ведьмы, оборотни, русалки, змеи...

Иванов день — день ведьм, оборотней, колдунов, остерегайся проказов нежити (домовых, водяных, леших, русалок).

Ведьмы собираются на Лысой горе в Киеве и празднуют там свою ночь. Ведьмы отбирают у коров молоко, портят хлеба, водяные стремятся утащить человека под воду, леший пугает вошедших в лес, заводит их в чащобу и пр.

В день Ивана Купалы слепая змея медянка получает зрение на целые сутки и потому в это время делается очень опасною: бросаясь на человека, как стрела, может пробить его насквозь.

Характерная примета Ивана Купалы — многочисленные обычаи и предания, связанные с растительным миром.

Иван Купала — хорошие травы.

Иванов день пришел — траву собирать пошел.

Часть трав и цветов собирают днем, часть ночью, а некоторые только по утренней росе. Когда рвут травы, говорят: «Земля мати, благослови меня травы брати, и трава мне мати!» Когда рвут траву, от порчи употребляемую, то произносят: «Отец-небо, земля-мать, благослови свою плоду рвать! Твоя плода ко всему пригодна: от скорбей, от болезней и от всех недугов — денных и полуденных, ночных и полуночных, от колдуна и колдуницы, еретика и еретицы! Поди же ты, колдун и колдуница, еретик и еретица, на сине море! На синем море лежит бел-горюч камень. Кто ж этот камень споднимет, кто океан-море выпьет и кто в океане-море весь песок пересчитает, тот может сделать колдовство и художество над всяким рабом и над всякою рабою, всегда, ныне и присно и во веки всков. Аминь».

Травы и цветы, собранные в Иванов день, кладут под Иванову росу, высушивают и сберегают их, почитая больше целебными, нежели собранные в другое время. Ими окуривают больных, борются с нечистью, их бросают в затопленную печь во время грозы, чтобы предохранить дом от удара молнии, употребляют их и для разжигания любви или для «отсушки».

В день Ивана Купалы девушки завивают венки из трав: Иван-да-Марьи, лопуха, богородицкой травы и медвежьего уха; вечером пускают эти венки на воду, наблюдая, как и куда они плывут. Если венок тонет, значит, суженый разлюбил и замуж за него не выйти.

Из чудесных трав, собираемых в это время, стоит назвать «плакун-траву», особенная сила которой, по мнению крестьян, заключена в ее корне, имеющем свойство прогонять злого духа; владелец же корня будет внушать к себе страх; «терлыч-траву» употребляется для очарования парней девушками: они носят ее у себя за пазухой и приговаривают: «Терлич, терлич, хлопцев покличь!» Траву чернобыльник, по народному поверью, противна ведьмам и охраняет от них дом и двор. Ее же заплетают в плети и кладут под Иванову росу с приговором: «Мать-земля, отец-небо, дайте рабам вашим от этой травы здоровья!» Травка «зяблица» помогает от ребячьего крика и от бессонницы; высушенным «расперстыицем» присыпают больные места на теле — порезы, нарывы, опухоли; «папушью сумку» издавна заготавливали как хорошее кровоостанавливающее средство при различных кровотечениях; страдающие ревматизмом собирали в большом количестве жгучую крапиву; для лечения ран, ожогов запасались заячьей капустой; на случай простуд, кашля необходимо было иметь дома мать-мачеху, душицу, багульник.

Всего не перечислишь...

Однако главным героем растительного мира становился в Иванов день папоротник, с которым повсеместно связывались предания о кладах. С цветком папоротника, раскрывающемся всего на несколько мгновений в полночь на Иванов день, можно видеть все клады, как бы глубоко в земле они ни находились. Правда, достать такой цветок едва ли не труднее, чем сам клад. По рассказам, около полуночи из широких листьев папоротника «внезапно появляется почка, которая, поднимаясь все выше и выше, то заколышется, то остановится — и вдруг зашатается, перевернется и запрыгает. Ровно в 12 часов ночи созревшая почка разрывается с треском, и взорам представляется ярко-огненный цветок, столь яркий, что на него невозможно смотреть; невидимая рука срывает его, а человеку никогда почти не удастся сделать это. Во время цветения папоротника слышно будто бы голос и щебетание нечистой силы, не желающей допустить человека до чудного, редкого цветка, имеющего драгоценные свойства». Кто

отыщет расцветший папоротник и сумеет овладеть им, «тот приобретает власть повелевать всем. Пред ним бессильны будут мощные правители, и нечистые духи будут в его полном распоряжении; он может знать, где скрыты клады; во всякую сокровищницу, какими бы замками она ни была заперта, он войдет как хозяин, ибо двери сами растворяются перед ним — стоит только приложить к замку чудесный цветок. Невидимкою обладатель его пробирается к любой красавице — и нет ничего, что было бы невозможно для него. Такова сила и власть этого цветка».

В слободе Сагунах Острогожского уезда Воронежской губ. рассказывали такую историю:

«Пастух пас быков недалеко от лесу и заснул. Проснувшись уже ночью и видя, что около него нет быков, побежал в лес искать их. Бежавши по лесу, нечаянно набежал на папороть, которая только что расцвела. Пастух, не замечая травы, перебежал прямо через нее. В это время нечаянно он ногою сбил цветок, который попал ему в башмак. Тогда он сделался счастливым, сразу нашел быков. Не зная, что у него в башмаке, и не разунаясь целую неделю, пастух в это короткое время скопил много денег и узнавал будущее. Между тем в башмак за это время насыпалось земли. Пастух, разувшись, стал вытрясать землю из башмака и вместе с землею вытряхнул и цвет папороти. С этого времени потерял свое счастье: потерял деньги и не стал узнавать будущего».

КУПАЛЬСКИЕ ПЕСНИ

Пойдем, девки,	Наше жито,
Пойдем, девки,	Наше жито
Кругом жита,	Свящённое,
Кругом жита.	Свящённое!

В нашем жите,	Иди, ведьма,
В нашем жите	Иди, ведьма,
Ведьма сидит,	У Сеньково,
Ведьма сидит.	У Сеньково,—

«Иди, ведьма,	Тама жито,
Иди, ведьма,	Тама жито
С нашего жита,	Не свячёно,
С нашего жита,	Не свячёно».

Смоленщина,

Девки, бабы —	Ой, кто не выйдет
На Купальню!	На Купальню,
Ладу-ладу,	Ладу-ладу,
На Купальню!	На Купальню!

Ой, тот будет
Пень-колода,
Ладу-ладу,
Пень-колода!

А кто пойдет
На Купальню,

Ладу-ладу,
На Купальню!

А тот будет
Бел береза!
Ладу-ладу,
Бел береза!

(Псковская губ.)

Зарождались три ведьмы
На Петра да на Ивана:
Первая ведьма
Закон разлучает,
Другая ведьма
Коров закликает,
Третья ведьма
Залом ломает.
Первой ведьме,
Что закон разлучает,
Ее по уши в землю,
Ей прощенья нет!
Другой ведьме,
Что коров закликает,

Ту по плечи в землю,
Ей прощенья нет!
Третью ведьму,
Что залом ломает,
Ту по пояс в землю,
Ей прощенья нет!
Вы катитесь, ведьмы,
За мхи, за болоты,
За гнилые колоды,
Где люди не бают,
Собаки не лают,
Куры не поют,—
Вам там и место!

(Псковская губ.)

«Да Купаленка!
Рано, рано!
Где досюль была?»
— За рекой была,
За быстрой была.
«Что ты робила?»

— Кужали пряла!
Кужали пряла,
Ткала, белила,
Замуж дочек
Выдавала.
Рано, рано!

(Смоленщина.)

Девицы цветы щипали
Да у Ивана пытали:
«Что это за цветы?» —
«Это цветы Купалы,
Девичам — умывалы,
А парням — воздыханья!»
Сохнут, сохнут парени,
За грядами сидючи,
На девицей смотрючи,
Что девицы хороши,
А парени — голыши:
Не мают копейцы про души!

(Томская губ.)

Повторяется после каждой строки

Пётр и Феврония.

*С этого дня ожидается еще сорок жарких дней.
День считается счастливым для любви.*

Муromский князь Петр и жена его Феврония были канонизированы на церковном соборе 1547 года. В народе большой популярностью пользовалась легенда, легшая в основу рукописной повести XVI в. (известно более 150 списков повести); помимо прочего, в ней рассказывается о взаимной любви Петра и Февронии, об их верности друг другу, несмотря на различные трудности, вопреки козням окружающих. Даже умерли они в одно и то же время и, положенные в разных местах, чудесным образом оказались в одном гробу — так их и похоронили. С тех пор Петр и Феврония стали символом верной, сильной, красивой любви.

Давид — земляничник.

Поспевает земляника.

Земляника девок в лес зовет.

Существует поверье: кто хочет занять деньги, тот должен положить травы земляники в карман и смело идти к ростовщику — отказа не будет. Первую ягоду в рот кладут, а вторую домой несут. Собирай по ягодке, наберешь кузовок.

*В лес иду пустым-пусто,
а из лесу — густым-густо. (Корзины с ягодами.)*

*Земляничка-ягодка,
Мне не двадцать два годка,
Мне всего семнадцать лет,
От ребят отбою нет.*

*Как пошли наши подружки
В лес по ягоды гулять.
Сею-вею, вею-вью! —
В лес по ягоды гулять!*

¹ Припев с повтором второй строки — после каждого двустрочия.

Они ягод не набрали,
Лишь подружку потеряли.

Что любимую подружку —
Катеринушку.

Ты ау-ау, Катюша,
Наша милая подружка.

Не в лесу ли заблудилась,
Не в траве ли заплелась?

Кабы в лесу заблудилась,
Всё бы в лесу приклонилось.

Кабы в травушке сплелась —
Трава шелком повилась.

(Новгородская губ.)

В темном лесе я была,
Цветы, ягоды брала.
Я на рыночек снесла —
На целковый продала.
Я башмáчки завела,
Чулки новые купила,
Ало платье надела:
Долго милого ждала.
Я милушку дождалась,
За шеюшку обняла,

Два словечка говорила:
«Раскрасавчик дорогой,
Зачем ходил ко другой?
Похваляешься ты мной,
Моей русою косою!
Моя русая коса —
Всему городу краса,
Молодчикам сухота:
Сушит, крушит молодца
Без матушки, без отца!»

(Вологодская губ.)

Дети в эту пору не только охотно и часто ходили в лес, но и в играх своих, рассказах предпочитали «лесные темы».

МЕДВЕДЬ, ВОЛК И ЛИСА

Набрал Медведь ягод и грибов пять коробов и по-
нес продавать на базар. Идет, песенки поет:

По ягодке да по грибку
полны коробки несу.
Сколько хошь бери на грош —
растоварец мой хорош!

Навстречу тащится Волк — во всем ведает толк, спраши-
вает:

- Куда, Медведюшка, идешь, что несешь?
- Да вот иду продавать ягоды и грибы в торгу.
- Да что ты, косолапый, не слыхал? Ягоды и грибы те-
перь не в цене! Давай съедим, а соберем орехов и продадим.

Съели они ягоды и грибы полны коробки, Волк убежал, а Медведь орехов собрал, понес продавать на базар. Идет, песенки поет:

По орешку из бору
полны коробки несу.
Сколько хошь бери на грош,
растоварец мой хорош!

Навстречу плетется Лиса-кума, спрашивает:

— Куда, Медведюшка, идешь, что несешь?
— Да вот иду продавать орехи в торгу.
— Да что ты, косолапый, не слыхал? Орехи теперь не в цене! Давай съедим, а соберем шишек да желудей и продадим.

Съели они орехи. Лиса убежала, а Медведь шишек да желудей собрал, понес продавать на базар. Идет, песенки поет:

По шишке да по желудьку
полны коробки несу.
Сколько хошь бери на грош,
растоварец мой хорош!

Принес Медведь шишки и желуди на базар, продавать стал. Да за такой товар получил по спинке дубинкой, по бокам березинкой, батошкой по плечам, еле в лес умчал.

В МЕДВЕДЯ

«Рисуют два круга — «лес», в центре которого кладут ягоды и грибы; другой — «деревня». Один из участников изображает «медведя» и садится в «лесу», остальные идут из «деревни» в «лес» по ягоды-грибы, у одного из ребят в руках корзинка. Все поют:

У медведя во бору
Грибы, ягоды беру.
Медведь постыл,
На печи застыл!

Затем окружают «лес», перебрасывая и передавая друг другу корзинку, пытаются забежать в «лес» и бросить в нее ягоды. Кого «медведь» в «лесу» поймает, тот становится новым «медведем», и игра продолжается.

«Один из играющих, по жребии, изображает волка, остальные — детей. Волк, подперши лицо руками, сторбленный, сидит в стороне и молчит. Дети разбегаются в разные стороны, делая вид, будто собирают ягоды в лесу, и поют:

Щипаю, щипаю по ягодку,
По черную смородинку,
Батюшке на вставчик,

Матушке на рукавчик,
Серому волку
Травки на лопату.
Дай бог умыться,
Дай бог убежать
И дай бог убратся.

С последними словами дети бросают в волка травку и бегут от него врассыпную, а волк ловит их. Пойманный делается волком».

(Вятская губ.)

Самсон — сеногной.

На Самсона дождь — через семь недель то ж.
На Самсона-сеногной дождь — до бабьего лета мокро.
Ладь косы и серпы.

Идет подготовка к покосу, и второй раз вспахиваются поля, оставленные на пар. Большая часть пара идет под озимую рожь, остальная будет засеиваться весной яровым хлебом.

Если зарядили дожди, ребяташки обращаются к солнышку:

Солнышко, покажись!
Красное, снарядись!
Чтобы год от года
Давала нам погода:
Теплое летечко,
Грибы в берестечко,
Ягоды в лукошко,
Зеленого горошка.

Радуга-дуга.
Не давай дождя,
Давай солнышка,
Колоколнышка!

Дождик, дождик,
Сварю тебе борщик,
Поставлю на дубочке
В зеленом горшочке.
Не шатайся, дубок,
Не пролейся, горшок!

Петры и Павлы, Петров день, Петровки.

Петров день — проводы весны.
На Петров день солнышко играет. (Тульская губ.)
Как придет Петро, так будет и тепло.
В Петровки сухо, и день велик.
Петр-Павел жару прибавил.
День убывает, жара прибывает.
Худое порося и в Петровки зябнет.
Начинают темнеть ночи: Петр и Павел день убавил.
К Петрову дню вода в реках умеженится.
Придет Петрок — сорвет листок.
С Петрова дня — красное лето, зеленый покос.
Доставай косы и серпы к Петрову дню.
С Петрова дня пожня.
Начинают страдовать — сено ставить.
Всякий, кто дорос, спешит на сенокос.
Худое лето, коли сена нету.
Одна пора в году сено косить.
В цвету трава — косить пора.
Не хвались травой, хвались сеном.
Не хвались, баба, что зелено, а гляди, каков день Петров.
С косой в руках погоды не ждут.
Коси, коса, пока роса; роса долой — и ты домой.
Роса косу точит.
На травах роса — легче ходит коса.
Коли дождь на Петров день, то сенокос будет мокрый.
На святого Петра дождь — урожай худой,
два дождя — хороший,
три — богатый.
С плохими косцами плох и укос.
Большой лужок, а сена накопил мешок.
Перестоялась трава — ни сено, ни труха.
Не то сено, что на лугу, а то, что в стогу.

Дождь пойдет, сенцо подмочит,
Будет тятенька ругать —
Помоги-ка, мой хороший,
Мне зародец дometать.

Частый дождик поливает,
Меня милый вспоминает:
— Мочит милушку мою
На сенокосе, бедную.

Люблю я в полюшко ходить,
Люблю я сено шевелить.
Как бы с милым повидаться,
Три часа поговорить.

Я косила у пруда,
Не дает косить вода.
Платочком беленьким махала —
Поди, миленький, сюда!

Жарко, жарко страдовать,
Жарко сенокосить.
Жалко, миленький, тебя
От себя отбросить.

Болят ножки от дорожки,
Болят ручки от косьбы,
Спинушка от жнивущи,
Сердечико от милушки.

Не точи, мамаша, косу,
Не собьюся я с прокосу,
Режу травку с корешка,
Живу без милого дружка.

Купи, тятка, нову косу —
Не пойду домой с покосу.
Стану косить с корешка —
Не отстану от дружка.

Посмотрю на сенокосе —
В голубой рубашке косит,
Подпоясан пояском,
Кличет звонким голоском.

Косила, покосила,
Косёночку забросила,
Косёночку под елочку —
Сама пойду к милёночку.

Я косила в девять кос,
Накосила один воз.
Косёночку под елочку —
Сама пошла к милёночку.

На Петровки сенокос — не единственная забота. Надо готовить и к озимому севу.

*Пахать да боронить — денечка не обронить.
До Петрова вспахать, до Ильина заборонить,
до Спаса посеять.
С Петрова дни зарница хлеб зорит.*

*С волнением и надеждой смотрят на поспевающую ниву;
должны заколоситься яровые.*

*Если на Петра и Павла дождь, то жито уродится.
Если просо в Петров день в ложку,
то будет его и на ложку.*

*В г. Медынь в Петров день женщины и девушки ходили
к посевам льна, неся с собой творог;
на льняной ниве они ставили длинную тычину и говорили:
«Дай бог, чтоб лен был тверд, как смычина, длинен,
как тычина, и бел, как этот творог!»
Хлеб станет мешаться (желтеть),
тогда и морошка созреет (Северн. губ.).*

*Петровка — навозница. Межипарье, междупарье.
Возят навоз на пары.*

Петров день — «разговины», конец Петровского поста. По этому случаю крестьяне Вельского уезда Вологодской губ. устраивали общую праздничную трапезу: «приводили к церкви быка, тут же убивали его и, сварив в больших котлах мясо, разговлялись все сообща».

В Калужской губернии все семейные «стараются быть дома, а на столе, после ужина, оставляют объедки неубранными на том основании, что в дом собираются все умершие предки тоже заговляться».

В Петров день ходят в гости, принимают у себя гостей, приезжают родственники даже из дальних деревень. В вечернем застолье принимают участие, как правило, только женатые и старики.

Деревенская молодежь «еще с вечера уходит в поле и здесь <...> проводит всю ночь, «карауля солнце»: по народному понятию, солнце в день Петра и Павла <...> играет какими-то особенными цветами, которые переливаются и искрятся, как радуга». В тверских деревнях девушки приносили в поле горшок смолы, соломы, огонь, лавочки; жгли костры и гуляли всю ночь. Собирали 12 цветов с 12 полей и под голову клали, произнося: «Двенадцать цветов с разных полей, двенадцать молодцов! Кто суженый-ряженный, мне покажися и меня погляди».

До рассвета звучали песни. Сугубо петровских песен известно очень мало, к таким относятся две первые из приводимых ниже. Вообще же пели про любовь, про березу, измену и тоску, про погубление мужа, отъезд; песни, где встречается образ кукушки, и др.

*Да мала ночка петровочка,
Реля, реля, реля!
Да й не выпалась удовушка.
Реля, реля, реля!*

Да й ложилася спать колодою,
 Реля, реля, реля!
 Да й колодою смоловою.
 Реля, реля, реля! Гу-у-у!

Петровская ночка,	А рельё, ладо,
Ночка невеличка,	Не наговорилась!
А рельё, ладо,	Я пришла до дому,
Невеличка!	С печали свалилась.
А я молодая	А рельё, ладо,
Не выпалася,	С печали свалилась!
А рельё, ладо,	А пока, молода,
Невеличка!	У сени войду,
Не выпалася,	А рельё, ладо,
Не нагулялася,	У сени войду!
А рельё, ладо,	В сени войду,
Не нагулялася!	Постель постелю.
Я с милым дружкой	А рельё, ладо,
Не настоялася,	Постель постелю!
А рельё, ладо,	А ложуся спать,
Не настоялася!	Слезой обольюсь,
Не настоялась,	А рельё, ладо,
Не наговорилась,	Слезой обольюсь!

Пошел Ванька да на улицу,
 Он заиграл а в дудочку,
 А в дудочку, а в калиновую:
 «Ты поиграй, мой милый друг!
 Позабавь меня, молоду!
 А у меня, молодешеньки,
 Старый муж да не под ровню.
 Стар, да на улицу не ходит,
 И меня, молоду, не пускает.
 Хоть и пустит — пригрустит,
 Сам за мною вслед бегит:
 «Воротись, моя женушка!
 Воротись, моя барыня!
 Ну чего тебе надобно:
 Либо рыбки-белорыбицы?
 А другой — севрюжники?» —
 «Мне ничого не надобно,
 Только Ваньки с балалайкой
 Да Микитки со скрипичей!»

(Орловская губ.)

Во поле рябина стояла,
 Во поле кудрявая стояла.
 Шары, бары,
 Растабары,

Снеги белы
Выпадали,
Серы зайцы
Выбегали,
(Охотнички
Выезжали,
Красну девку
Испугали,
Ты, девица,
Стой, стой!
Красавица,
Пой, пой, пой!)

Кудрява, раскудрява,
Кудреватая моя!

Некому рябины заломати,
Некому кудрявой заломати.

Пойду ль я заломаю, заломаю,
Срежу ль я три пруточка,

Срежу ль я три пруточка,
Сделаю ль три гудочка:

«Вы, гудочки, не гудите.
Старого мужа не будите!»

Старый муж пробудился,
Старый муж пробудился:

Вот тебе помой — умойся!
Вот тебе онучи — утрися!

Вот тебе заслон — помолися!
Вот тебе сухарь — подавися!

(Тверская губ.)

Соловей да кукушку
Он сподманивает:
«Полетим, да кукушка,
Во зеленый сад,
Да сошьем себе гнездушко
Соловьиное,
Да выведем себе детушек,
Соловьятушек».
Да вечер девка с молодцем
Разговаривала:
«Ох ты, молодец, ты, молодец,

¹ Припев повторяется после каждого двустишия.

Ты пошто не весел?» —
«Да как же мне, молодцу,
Веселому быть?
Сударыня-матушка
Все бранит-журит,
Сударь родной батюшка
Хочет в службу отдать.
А мне, доброму молодцу,
Не хочется,
А хотелось мне, молодцу,
Хоть один годок,
Хоть один годок погулять,
В Москве побывать».

(Екатеринославская губ.)

Уж вы ночи мои, ночи темные,
Вечера ли мои веселые!
Все я ноченьки просиживала,
Все я думушки продумывала,
Как одна мне дума с ума нейдет,
С ума нейдет, с великого разума:
Тут проторил милый друг дороженьку
Мимо садику, мимо зеленого.
Я сама, девка, глупо сделала,
Своего дружка я прогневала,
Назвала я дружка горькой пьяницей.

(Тульская губ.)

В реке девка платье мыла,
Звонко колотила,
Звонко колотила,
Сухо выжимала.
— Душечка молодчик!
Сошей мне башмачки
Из желта песочку.
— Кралечка девица,
Напряди-ка дратвы
Из дождевой капли.
— Душечка молодчик!
Сошей-ка мне платье
Из макова цвету,
Прострочи-ка строчку,
Не прорви листочку.
— Кралечка девочка!
Напряди-ка ниток
Из белого снегу.
— Душечка молодчик!

Солей перстенечек,
 Вложи во глазочек
 Восточную звезду.
 — Кралечка девочка!
 Напой же ты коней
 Середь синя моря.
 На камешке стоя.
 Сама не потонешь,
 Коня не потопишь.
 Седла не обмочишь.
 — Душечка молодчик!
 Сострой же мне терем
 В Петрово говенье
 Из моря леденье.
(Вологодская губ.).

От суха дуба отростьев нет —
 От мила друга привета нет
 Я с той тоски, со кручинушки
 Пойду сама во чисто поле гулять.
 Со чиста поля во зеленый сад.
 Нарву-нащиплю хмелю ярого.
 Нагоню да накурю пива пьяного.
 Созову-соберу пир-беседушку.
 За матушкой я посла пошлю,
 А за батюшкой слугу верного.
 За милым дружкой я сама пойду.
 Посажу дружка за дубовый стол,
 А сама сяду ноконец стола.
 Напою-то дружка пивом допьяна.
 Стану дружка пытать-спрашивать:
 «Одну ли меня ты сушийшь-крушийшь?» —
 «Я сушу-то, крушу семь девушек,
 А восьмую — вдовушку-молодушку,
 Девятую — тебя, молоду жену!»
 ... Напою-то я дружка допьяна.
 Позову его спать на соломушку.
 Подожду я соломушку снизу доверху...
(Новгородская губ.)

После Петрова дня кукушка перестает куковать.
 Недалече кукушечке до Петрова дни.
 Кукушка на Петров-день подавилась мандрыкой (ватрушкой).
 Кукушка ячменным колосом давится — умолкает,
 когда заколосится житарь (ячмень).
 Соловей поет до Петрова дни.
 Далеко кулику до Петрова дня.

В Тамбовской губернии купанию на Петров день придавали особое значение: верили, что речное купание в этот день очищает от любодейных грехов.

В отдельных местах Петры-Павлы считаются праздником рыбаков, так как апостол Петр повсюду известен как покровитель рыбного промысла. Рыбаки ему молятся, служат молебны, установился даже обычай ежегодно, в день Петра-рыболова собирать «на мирскую свечу», которая ставится в храме к иконе Петра.

В деревне Будогоща (Петербургская губ.) записан был любопытный рассказ, который воспринимался слушателями и рассказчиками как истинный случай:

«Рассказывают, будто однажды омутник из Кривого омута на реке Пчевже явился просить помощи у будогожских мужиков. Дело было так. В Петров день были будогожские мужики в часовне. Выходя оттуда, видят они старичка, который говорит им: «Помогите мне, добрые люди!»

— Кто ты такой? — спрашивают мужики. — И чего тебе нужно?

— Я здешний омутник, — отвечает старичок, — Забрался в мой омут чужой омутник: житья мне от него нет. Помогите, выгоните его из моего омута.

Забоялись они, спрашивают: «Как же мы его выгоним?»

А он им: «Возьмите стяжѣ и идите к омуту. Подыметса, пойдет на берег вал, за ним другой, так вы по первому и бейте стяжѣм, а второго не троньте — это я буду».

Собрались, пошли, стали на берегу. Набежал первый вал — ударили по нем мужики, а один-то промахнулся да во второй и угодил. Глядь — стоит в воде тот свой омутник, и палка у него в глазу торчит. Обругался омутник: «Куда, — говорит, — бросаешь!» — и палку назад мужику выкинул. Так и прогнали чужого омутника, а свой вышел из воды на берег, много им из кисы на берег серебра насыпал и говорит: «Берите, ребятушки, сколько кому нужно!» Мужики отказались, не взяли. «Мы, — говорят, — не за деньги брались выгонять, а так, своему хотели помочь». И хорошо сделали, что не взяли ничего... все равно деньги в черепье дома обернулись бы. А омутник за такое бескорыстие их обещался, что не будет народ тонуть у них на перевозе».

В Петров день обыкновенно выплачивают пастуху деньги, приносят хлеб и масло. Это вторая плата (первая при договоре, третья — по окончании пастьбы), и называется она «петровщиной».

Кузьма и Демьян. Летние кузьминки.

*В огороде гряды полют, вырывают корневые овощи.
Снятие первых овощей.
Огород — бабий доход.
Без ухода нет обихода.*

Работы в огороде сочетаются с сенокосом.

*Кузьмы и Демьяны пришли — на покос пошли.
На острую косу много сенокосу.
Не косцу трава, а траве косец.*

*Страдная пора в разгаре, трудиться приходится с утра
до позднего вечера не покладая рук.*

*Вздыхни да охни, а свое отбывай.
Работа и мучит, и кормит, и учит.
У кого работа, у того и хлеб.
Без труда нет плода.
Кто рано встает, тому бог подает
Наживать, так раньше вставать.
Много захочешь — пораньше с постели вскочишь.
Доход не бывает без хлопот.
Где работно там и густо, а в ленивом доме пусто.*

На Кузьму и Демьяна женщины успевали не только справиться с огородом, накосить, выполнить всю домашнюю работу, но и отметить свой праздник — летние кузьминки. Это чисто женский праздник с хождением в гости, обязательной растительной пищей, которую готовили и собирали вскладчину (женские братчины), с пивом, разговорами и песнями.

Мешай дело с бездельем,
проводи время с весельем.
Без труда и отдых не сладок.
Кончил дело — гуляй смело.
Жить в соседах, быть в беседах.
Праздник придет — гостей приведет.
Где песня льется там легче живется.
Не купи двора, купи соседа.
Кто в гости не ездит, к себе не зовет,
тот недобрым слывет.
За дело — не мы. за работу — не мы.
а поесть,
поплясать — лучше нас не сыскать.

Жила-была бабушка Ненила,
Каждый праздник гулять она ходила.
После праздничков за ум она взялась;
С понедельника работать принялась:
На три денюжки куделюшки купила,
На алтынец веретенец подхватила,
В коробуху веретенцы заперла.
— Ты лежи, моя куделя, всю неделю.
В понедельничек с похмелья мне лежать.
А во вторничек-от с угару отдыхать,
Всее середу не хочется приняться,
А в четверг не успеешь разломаться,
Придет пятница — легкий бы денек,—
Да нет времюшки: пора мне в кабачок.
А суббота: канун праздника — грешно,
По писанию — работать не должно.
Так и бродишь всю неделю, как во сне.
Ох, ох-хо да охти мне!
Как не праздничек Христов,
Не спастись бы от грехов.

На улице срамота —
Жена мужа продала,
Да не дорого взяла:
Копейку, полушку,
Да к ней колотушку:
Не умеет работать —
Лошаденку запрягать,
Не умеет за стол сесть,
Не умеет каши есть.
Плетет он лапти, кошели
Вьет оборы тяжелы —
Как оборвались, так вяжи

Я мала была — горя не было,
Вырастать стала — горе прибыло:
Как замуж вышла я за старого,
Я за старого, за ревнивого.
Он ложится спать не по-людскому,
Не по-людскому, по-дурацкому.
По-дурацкому: ко мне спиной.
Промежу-то нас — змея лютая,
В головах у нас — что сугроб снегу.
Ты взойди-взойди, туча грозная,
Убей ты, убей змею лютую!
Воссияй, воссияй, солнце красное.
Разогрей-разогрей тот сугроб снегу!

Молодка, молодка молодая,
Солдатка, солдатка полковая,
Уж полно по улице ходити,
Ах, полно по миленьким тужити!
Такого дружка не нажити —
Чтоб ростом, дородством, красотою,
Всею молодецкою поступкой!
Вечор-то я с милым побранилась,
Вечор с дорогим посчиталась,
Побранка была не большая;
Не знаю, как с другом помириться.
Самой покориться — не годится,
Людей засылать мне — некстати...
Дождуся я, млада, темной ночи,
Что темныя ноченьки осенней,
Сама я к милому побываю,
В глаза дорогому попеняю:
«Ах, любчик мой, миленький голубчик,
Не слушай, друг, разума чужого,
Чужих, моя радость, наговоров!
Люди то смущают — разлучают,
Людам-то завидно, что советно».

Кума к кумушке ходила, — так, так!
Да кума кумушку любила, — так, так!
«Ты поешь, кума, покушай, — так, так!
Да про мое житье послушай, — так, так!
Да я еще живу, горюшка, — так, так!
Да по три утра муку сею, — так, так!
Да на четверто высеваю, — так, так!
Да на раствор-от идет мера, — так, так!
Да на замес идет три меры, — так, так!
Да полтора-то пуда соли, — так, так!
Да не слыхала, как катала, — так, так!

Да жеребьюшку закатала,— так, так!
 Да стала в печку садить,— так, так!
 Да три лопаты изломала,— так, так!
 Да на четверту посадила,— так, так!
 Да печи устье закрывала,— так, так!
 Да жеребьюшечка заржала,— так, так!
 Да я к суседу побежала,— так, так!
 Да от суседа прибежала,— так, так!
 Да устье печи открывала,— так, так!
 Да жеребьюшку выкатала,— так, так!
 Да все притлело, пригорело,— так, так!
 Да ни хвоста нету, ни гривы,— так, так!
 Да ни копыт нету, ни щеток,— так, так!

Андрей—наливы.

*На Андрея озими в наливах дошли,
 а батюшка-овес до половины дорос.
 Озими в наливе, греча на всходе.
 Батюшка-овес до нельзя урос.*

Афанасий Афонский.

*В этот день вечером месяц «играет».
 На Афанасия Афонского месяц на всходе играет — к урожаю.
 Как медь желты облака — к дождю.
 Из гнилого кута наволокло тучи — будет дождь.
 Хороши игры месяца — хорош урожай и уборка его.*

Ермий, Сисой.

*Всякий Еремей про себя разумей: когда сеять,
 когда жать, когда в скирды убирать.
 У каждого дня свои заботы.
 Не то забота, что много работы, а то забота,
 как нет работы.*

Прокопий. Явление Казанской иконы Богоматери.

*Около Прокопьева дня начинают сено собирать в валы
потом копнить, а из копен складывать зароды
Прокопий — жнец, жатвенник, жатву начинает
Начало самой сильной жары.*

*На Казанскую черника поспевает
Черница-ягода поспела — поспела и рожь.
В ягодный год дел неупроворот.
Черника зреет под комариные песни.*

*Черненька, маленька, сладенька,
ребятам миленька. (Черника.)*

Черника — не только лакомство. Издавна в народе ягоды и листья ее употреблялись в качестве эффективного лекарственного средства, особенно при расстройствах желудка и кишечника, при сахарной болезни, ревматизме и подагре. Многовековой опыт подсказывал, что очень полезно есть чернику в больших количествах в жаркое летнее время.

С Казанской начинают по-настоящему приготовляться к жатве, в некоторых местах уже и приступают к жатве ржи.

Жатва поспела, и серп изострен.
 На Казанскую — зажин ржи.
 Зерно в колоске — не валяйся в холодке.
 Зерно в колосу — торопись жать полосу.

Чтобы жатва была обильной, жница, нажав первый сноп, говорила

— Стань, мой сноп, на тысячу коп!

Первым сжатым снопом, который вносили в дом, выгоняли мух, тараканов и пр.

— Первый сноп в дом, а клопы, тараканы — вон!

— Мухи, гады, вон! Идет хозяин в дом!

Жнут порою — жуют зимою

Жатва — время дорогое, никому тут нет покою.

Пот ключом бьет, а жнец свое берет.

Пока колос в поле, трудись подоле.

На зачине жатая со стоячего хлеба срезают несколько со-
 ломинков и, заткнув за «гасник юбки», за «гачу» ли шаровар
 или за пояс, жнут, пока не выпадут. После этого можно
 считать себя застрахованным на всю страду от ломоты в пояс-
 нице, какая ощущается во время жатая (Енисейская губ.).

День летней Казанской почитался праздником, наиболее торжественно и широко его отмечали в тех деревнях, где Казанская была престольным праздником. Сюда съезжались гости, молодежь устраивала гулянья. «Девыцы по две-три в ряд и больше ходят взад и вперед по деревне; ребята гуляют с гармониями: один играет, а поют под гармонию песни коротенькие, вроде:

Тальянка нова с Бологова,
 Свесели сердце мое!

Иногда ребята и девицы собираются у чьего-нибудь крыльца и здесь начинают различные танцы. Ребята большею частию пляшут «русского», причем пляшущий поет песню-ча-стушку

Ноги пляшут, руки машут, язык песенки поет.

Пойду плясать,	Примечай меня,
Земля колых-колых,	Мой задушевный друг!
Ребята хитрые,	Гармонист сидит,
А я хитрее их.	Что во поле цвет.
Семеновна,	У меня теперь
Юбка в полосу!	Ухажёра нет!
Она попела бы —	Я пойду плясать,
Да нету голосу!	Где колосится рожь,
«Ты играй, играй,	Пойду с тем гулять,
А я петь буду».—	Кто на меня похож.
«Про меня слова,	Эх, гора, гора,
А я терпеть буду!»	Под горой ручей!
Семеновна,	Провожал меня —
Выхожу на круг!	Сама не знаю чей!

Без музы́ки, без дуды идут ноги не туды.

Я плясать-то не хотела —	Какой сюртук, какие брюки
Вызывает паренек:	У милого моего.
Глазки серые веселые,	Он возьмет гармошку в руки,
Горят, как огонек.	Все смотрела б на него.
Светит месяц и луна,	Супостатка нарядилась
Девки любят плясуна.	В беленьком платочке,
За хорошим плясуном	Перед дролей вертится,
Девки ходят табуном.	Как змея на кочке!
У меня, у молодца,	Супостаточка моя,
Ловкая фигурочка.	Где плясать училась?
Неужели не полюбит	У нас корова приказала —
Никакая дурочка?	Точно этак билась.

Уж вы Сашки — канашки мои,
 Разменяйте вы бумажки мои,
 А бумажечки новенькие —
 Двадцатипятирублевенькие!
 А бумажечки красненькие,
 Наши девушки прекрасненькие,
 А бумажечки синенькие,
 Наши девушки красивенькие!

Между горочек ишла,
На горушку вышла,
Одна горочка высока,
А другая низка,
Один миленький далече,
А другой-то близко,
А я дальнего милого
Людам подарую,
А я ближнего милого
Три раза поцелую.

Чем нам песенку начать,
Чем ее окончить?
— Разговорами начнем,
Поцелуем кончим!

К концу прошлого века в моду вошла кадрили. Деревенские кадрили состояли из нескольких фигур, каждой из которых соответствовала своя песня.

- 1-я фигура: Чижик, чижик, чижечек,
Маленький воробышек.
Чижикова женочка
Пропила подворьице,
Пропила подворьице
За мое здоровьице.
- 2-я фигура: Прочь, прочь отойди,
Девицы не стоишь,
Своим ласковым словам
Дурака ты строишь.
— Прикажи, хорошая,
Сесть с собой рядом,
Звесели, хорошая,
Развеселым взглядом.
— Звеселила бы тебя —
Не один у меня,
Есть получше тебя,
Получше, покраше, повежливее,
Повежливее, поутешливее.
- 3-я фигура: Тише, ветер, тише, дождь,
Девкам юбки обобьешь.
Дале, дале от комода,
Все стаканы перебьешь.
- 4-я фигура: На колодце воду черпала,
Уронила в воду зеркало,
Уронила — не разбилось,
Полюбила — не ошиблася.

5-я фигура:

Полюбила не за рост, не за красу,—
 Полюбила за походку хорошу.
 Хороша его походочка,
 Еще лучше поговорочка.
 Мать моя, маменька,
 Государыня, боярыня моя.
 Ты зачем меня такую родила,
 Счастливую, талантливую,
 Гульливую, забавливую.
 Нельзя ли, мать, к обедне сходить,
 По забавочке обедню служить?
 На меня люди галятся,
 Клирошане усмежаются,
 Сторож ходит-спотыкается.

(Новгородская обл.)

Панкратий и Кирилл.

Пробуют первые огурцы.

ЗАГАДКИ

Ни щелей, ни дверей — полна горница людей.

Полно корыто народу намыто.

Лежат у матки телятки гладки,
 лежат рядками, зелены сами.

Шасту, шасту по хвосту,
 а под хвостом — кверху хвостом. *(Огурец.)*

Бфимьн-стождарницы.

Страдно-грозовая пора.

Сияние Стожар предвещает удачную охоту на медведя.

Если гром в постный день, будет хороший улов рыбы.

Глухой гром — к тихому дождю, гром гулкий — к ливню.

Сначала — блеск,
 за блеском — треск,
 за треском — плеск. *(Гроза.)*

Прокл — великие росы.

На Прокла поле от росы промокло.

Большие росы загнаивают сено, поэтому крестьяне спешат до Прокла высушить сено грядущками.

Старушки лекарки собирают великие целебные росы для врачевания. Прокловы росы, по их заверениям, лучшее средство от призора, от сглазу.

*Утренняя роса — добрая слеза.
ею лес умывается.
с ночкой прощается.*

*Не тягаться росе с солнцем.
Роса да туман живут по утрам.
Утром сильная роса и туман — к хорошей погоде.*

Габриил.

*Ржица-матушка поспела, к земле клониться велит.
Сухая погода сулит хорошую осень.
Сильные дожди губительны для урожая.*

*Не иди, дождик, где косят,
А иди, где просят.
Не иди, дождик, где жнут,
А иди, где ждут!*

Кирик и Улита.

*Не жни на Кирика и Улиту — маньяки
(видения, мороку) увидишь.
Кирики-мокродырики.
Кириков день, да всё мокро, он льет дождь.*

Дети обращаются к улитке:
 Улитка, улитка, выпусти рога!
 Дам кусок пирога,
 Каши горшок,
 Толоконца комок;
 к божьей коровке:
 Божья коровка,
 Улети вверх ловко.
 Принеси нам с неба:
 Хлебу замену,
 Грибам перемену,
 Ягодам рост,
 Редьке длинный хвост!

Афиноген.

*Лето перешагнуло знойный возраст.
 На Афиногена замолкают птицы.
 На Афиногена пташки задумываются.*

Жатва продолжается. Первый сжатый сноп называют именинником. С него начинают осенью молотьбу, соломой его кормят больную скотину, зерна первого ржаного снопа считались целебными для людей и птиц.

Первый сноп обычно зажинала старшая в семье женщина. Он украшался цветами, его несли в дом с песнями и ставили в красный угол под иконы.

И говорило
 Аржаное жито,
 В чистом поле стоя,
 В чистом поле стоя:

«Не хочу я,
 Аржаное жито,
 Да в поле стояти,
 Да в поле стояти.

Не хочу я,
 Аржаное жито,

Да в поле стояти —
 Колосом махати.

А хочу я,
 Аржаное жито,
 Во пучок вязаться,
 В засенку ложиться.

А чтоб меня,
 Аржаное жито,
 Во пучок взвязали,
 З меня рожь выбирали».

(Смоленщина.)

Пора же, мати, жито жати,
 Ох, и колосок налился.
 Колосок налился!
 Пора же, мати, дочку дати,
 Ох, и голосок сменился.

(Брянская губ.).

Как пошла наша Параша
С горы на гору гулять,
Яровое жито жать.
Она первой сноп нажала,
Голубой лентой связала,
А другой сноп нажала.
Алой лентой завязала,
А третий связала —
К ретиву сердцу прижала.
Оглянулася назад —
Стоит озеро воды.
Молодец коня поил,
К воротичкам подводил,
К вереюшке привязал,
Красной девушке сказал:
— Красна девушка, душа,
Сбереги моего коня!
Вот как девушка идет,
Точно павынька плывет,
Как на паве-то перо
Пятьдесят рублей данс,
На павлине-то другое —
Полтора ста заплачён!

(Костромская губ.)

АВГУСТ

ЖИВЕНЬ, РАЗНОСОЛ, ГУСТОЕД.

Август — разносол, всего вдоволь.
В августе серпы греют, вода холодит.
Август-густарь, страды государь.
Август крушит да после круглит.
Август каторга, да после будет мятовка.
Овсы и льны в августе смотри.
В августе мужику три заботы:
и косить, и пахать, и сеять.
Август-ленорост припасает холст.
На зимний стол август готовит разносол.
Что в августе соберешь, с тем и зиму проведешь.
В августе лето навстречу осени вприпрыжку бежит.
В августе всего в запасе: и дождь, и ведро,
и серопогодьё.
В августе всему час: держи рукавички про запас.
В августе до обеда — лето, после обеда — осень.
В августе зима с летом борются.

На русском Севере в августе поспевает черница
и голубель, они по хлебу поспевают.
Коли грибовно, так и хлебовно.
Поспевает черемуха.
В августе дуб желудями богат — к урожаю.
Если листья на деревьях в августе желтеют снизу —
ранний сев будет хорош.
В августе грачи устраивают пробные облеты,
собираются стайками.

Макрида.

Смотри осень по Макриде: Макрида мокра — и осень мокра.

Вёдро на Макриду — осень сухая.

Макрида сряжает осень, а Анна (7 августа) зиму.

Коли на Макриду мокро, то страда ненастная.

Дождь с утра — не жди добра: будет осень вся мокра.

На Мокрицы если дождь — сев озимых хлебов будет хорош.

Если в этот день будет дождь, то не будет орехов.

На поле Макриды, а ты свое смекай.

Оводы кусают последний день.

Полетел пух с осины — иди за подосиновиками.

Ильин день.

Илья лето кончает.

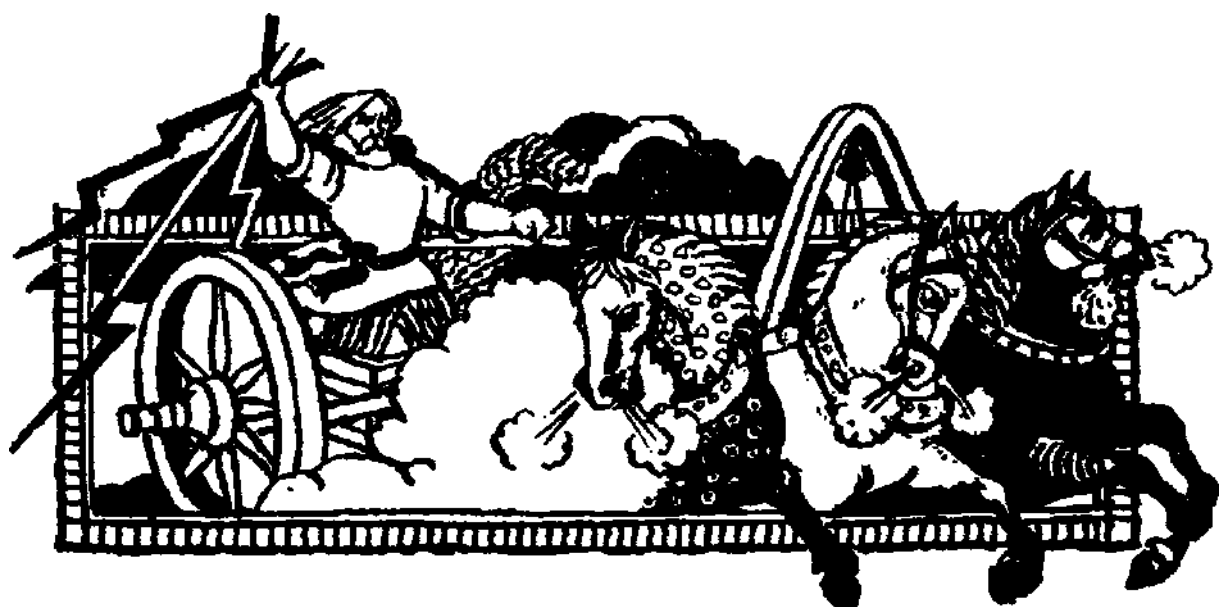
Петр и Павел на час день убавил.

а Илья-пророк — два уволок.

Придет Петрок — отщипнет листок,

придет Илья — отщипнет и два.

Во что Илья, в то и Воздвиженье (27 сентября)
С Ильина дня ночь длинна: работник высыпается,
а кони наедаются.

После Ильина дня в поле сива коня не увидишь —
вот до чего темны ночи (Вологодская губ.).

С Ильи работнику две угоды: ночь длинна да вода холодна.

На Илью до обеда лето, а после обеда осень.

На Ильин день и камень прозябнет (утренники).

До Ильина дня под кустом сушит,
а после Ильи и на кусте не сохнет.

Придет Илья — принесет гнилья (дожди).

До Ильи тучи ходят по ветру,
а после Ильина дня — против ветра.

Илья-пророк принадлежит к самым популярным святым, наравне с Николаем-угодником. В народном воображении Илья — святой грозный, суровый, карающий, но в то же время щедрый, наделяющий. Он могучий распорядитель самых страшных и благодетельных сил природы. В его подчинении дожди, гром, молнии, он посылает на землю плодородие. На Ильин день вся нечистая сила, спасаясь от огненных стрел пророка, обращается в различных зверей — зайцев, лисиц, кошек, собак, волков и т. п.

В связи с последним верованием установился обычай в день Ильи не пускать в дом собак и кошек, чтоб не навести на избу грозу и молнию.

В прошлом веке один смоленский мужик так рассказывал про Илью-пророка: «Илья развозит по небу воду для всех святых и, если расплескает малость, так на земле дождь идет». Когда же этого мужика спросили, отчего не бывает грозы с дождями зимой, он, не задумываясь, ответил: «А зимою святые без воды сидят».

О грозе в народе говорят: Илья Муромец по небу на шести жеребцах ездит.

Илья грозы держит и наводит.

Илья-пророк — громобой.

Гром происходит от стука по небесной мостовой колесницы Ильи-пророка, который гоняет нечистого духа или змия. Молния — это стрелы, ими Илья поражает злую силу. Крестьяне собирают так называемые «громовые стрелы», которые не попали в черта и остались в земле. Очень полезным считается умывание с «громовой стрелы».

В Нижегородской губернии, когда гремит гром, говорят: «Илья великий гудит!»

«В одной скопческой песне поется:

У нас было на сырой на земле —
Претворились такие чудеса:
Растворились седьмые небеса,
Сокатились златые колеса,
Золотые, еще огненные.

Уж на той колеснице огненной
Над пророками пророк, сударь, гремит,
Наш батюшка покатывает,
Утверждает он святой божий закон.
Под ним белой, храброй конь;
Хорошо его конь убран,
Золотыми подковами подкован.
Уж и этот конь не прост:
У добра коня жемчужной хвост,
А гривушка позолоченная,
Крупным жемчугом унизанная;
В очах его камень-маргарит,
Из уст его огонь-пламень горит».

Илья словом дождь держит и низводит.

На Илью обыкновенно бывают «воробьиные ночи» — когда в течение целой ночи раздаются оглушительные раскаты грома, молния почти непрерывно ярко озаряет все небо, испуганные птицы постоянно мечутся, вспархивают, натыкаются на разные предметы и падают. В такую ночь ревет скот, страшно становится и не спится человеку.

Глухой гром — к тихому дождю,
гром гулкий — к ливню.

Гром непрерывен — будет град.

Гром гремит долго и не резко — к ненастью,
если же отрывисто и непродолжительно — будет ясно.
Ильинским дождем умываются, окачиваются от призора.

До Ильи и поп дождя не намолит,
а после Ильи и баба фартуком нагонит.

Дождь в Ильин день предвещает
обильный урожай ржи на следующий год.

До Ильина-дни дождь — в закром,
а после Ильина-дни — из закрома.

На Ильин день дождь — будет мало пожаров,
вёдро — много.

Ильинская пятница без дождя — пожаров много.

Если в Ильинскую грозу молния зажжет избу,
то тушить ее надо не водою,
а молоком или сывороткой.

В эту пору крестьянин с особым страхом смотрел на небо: урожай уже готов к жатве и достаточно сильного ливня, града, палящей молнии, чтобы лишиться хлеба.

Чтобы отвести беду, умиловить грозного пророка, в Ильин день не работали в поле, не косили и не убивали сена.

На Илью грех возить сено — Илья сожжет его.
На Ильин день стогов не мечут — спалит грозой.

Насколько страшной представлялась месть Ильи, можно понять по плачу необыкновенной эмоциональной силы и яркой образности, исполненному знаменитой нашей вопленицей Ириной Федосовой:

<...> Как по этой по разливной красной вёснущке,
На троицкой то было на неделюшке,
Накрывать стала крестьянская работушка,
Стали пахари на поле объявляться.
Тут повыехал спорядной наш суседушко,
Он в раздольице повыехал в чисто поле,
На эты на распашисты полосушки.
С утра жалобно ведь солнце воспекало,
Была тишинка на широкой на уличке;
На часу вдруг тут е да объявилось,
Стало солнышко за облака туляться.
Наставала туча тёмна, неспособная,
Со громом да эта туча со толкучиим.
Вдруг со молвией-то тученька свистучей,
То этым огнем да она плящиим;
На горы шла туча на высокие,
Горы с этой тучи порастрескались,
Мелки камышки со страсти покатились.
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лесам шла она по дремучиим —
Леса к зени с этой тучи приклонились,
По корешку они все приломались!
Уже так да шла грозна эта тученька,
В темном лесу дики звери убоялись,
По своим местам звери убирались!
Становилась туча темна на синё море,
Сине море со дна всё расходилося,
Страшно-ужасно тут море расшумелось.
С луды камни оно тут вырывало,
Волной на берег оно да их бросало;
В синем море белы рыбы убоялись,
По своим станам рыбы разметались!
По селам пошла туча деревенскиим.
Знать, деревнями-то туча разгремелась,
Мать сыра земля со грому надрожалась;
С тучи добрые дома да пошатились,
Со чиста поля крестьяна убирались,
Во своих домах оны да сохранялись!
С этой страсти крестьяна, с переполоху
Затопляли свечи да воску ярого,
Тут молили оны бога от желаныца,
Оны кланялись во матушку сыру землю:
«Спаси, господи, ведь душ да наших грешных,
От стрелы ты сохрани да нас, от молвии,
Пронеси, господи, тучу на чисто поле,
На чисто поле тучу, за синё море!»

На чисто поле тут туча своротилася,
 Страшно-ужасно тут туча разгромелася,
 Очень плящие огни да разгорелися;
 Всё ведь думал-то спорядной наш суседушко,
 Тороком да пройде темна эта тученька;
 Становился под кудряву деревиночку,
 Стрела божья тут вдруг да разлетелася,
 Не на воду ведь стрелушка, не на землю,
 Не на зверя в темном лесушке съедучего,
 Она пала на суседа спорядового,
 Изорвала всё ретливое сердечушко!
 Заразил-побил Илья-свет преподобной
 Да он славного крестьянина могучего,
 Туча темная зараз же уходилася,
 Стрела-молвия зараз же приукрылася,
 Вдруг пороспекло тут красно это солнышко...

*Илья-пророк — косьбе срок.
 До Ильина дня сено сметать, пуд меду в него накласть.
 До Ильина дня в сене пуд меду,
 после Ильина дня — пуд навозу.
 Сенокос надобно кончать до Ильина дня:
 после Ильи на вилах сено сушить.*

*С Ильина дня защипывают (собирают) горох.
 Девица в красе — что горох на полосе:
 кто идет, тот щипнет.*

*Илья жниво zaczynaет, лето кончае.
 Ильин день зажинае.
 Петр с колоском, Илья с колобком.
 Пророк Илья куда ни махнет, всюду жито расте.
 Когда на Ильин день бывает гроза, то говорят,
 что Илья Пророк поехал копенки считае.
 Илья в поле считае.*

*Коли к Ильину дню рожь убрана,
 то новый посев оканчивается до Флора и Лавра;
 а коли рожь поспевае позже, то и сей позже,
 до Семена дня (14 сентября).*

*Первый сноп — первый осенний праздник.
 Новая новинка на Ильин день — сеют на Ильинской поляне.
 Новая новина на Ильин день —
 спят на Ильинской (первой) соломе.*

*Ильинская соломка — деревенская перинка.
 К Ильину дню хоть кнутом прохлысни, да заборони (пар).
 До Ильи хоть одним зубом подери (пашню под озимые).
 До Ильи хоть хлыстом захлещи.*

В Ильин день если с утра облачно,
то сев должен быть ранний,
и можно ожидать обильного урожая;
если облачно в полдень — средний сев,
а если вечером — сев поздний и урожай плохой.

На Ильин день скота не выгоняют в поле,
боясь грозы и гадов,
коим в этот день дана воля.
С Ильи-пророка открываются волчьи выходы (норы);
первый выезд на волков.
На Ильин день зверь и гад бродит по воле.

С Ильина дня начинаются утренники.
Муха до Ильина дня кусается, а после — запасается.
После Ильина дня комары перестают кусаться.
В день Ильи капусту накрывают горшком, чтобы была бела.
После Ильина дня не советуют есть земляники,
иначе будешь дремать.
На Ильин день перегоняют пчел, подчищают ульи,
подрезают первые соты.
Богат, как Ильинский сот.
Ильинский рой не в корысть поздний
(т. е. не успеет запастись пищей).
До Ильи грачи по одиночке, а после Ильи большими стаями.

В Вятской губернии пророка Илью умилоствуют дарами: приносят в этот день в церковь «под свято» ногу барана, пчелиного меду, пива, колосьев свежей ржи и зеленого гороху.

Илья младше Миколы, поэтому «бык Миколе, а баран Илье».

До Ильи мужик купается, а с Ильи с рекой прощается.
С Ильина дни вода студена станет, купаться нельзя.
В Чердынском районе Пермской области говорили,
что если купаться после Ильина дня,
то можно утонуть или заболеть.
С Ильина дня на деревьях лист желтеет,
а в реках и озерах вода остывает оттого,
что в этот день будто через реку олень переплыл
и воду остудил (Новгородская губ.).
Олень в воду лапу обмакнул — вода в реках
делается холодной..
С Ильина дня воды стынут.
Илья-пророк ездит на конях по небу,
и от быстрого бега одна из лошадей теряет подкову,
которая падает в воду, и вода сразу холодеет (Ярославская губ.).

«Мне было лет восемь или девять. Я помню, это было в Ильин день, — рассказывала женщина из Нерчинска собирателю быличек. — Мужики наши кумакинские мылись в бане. У нас же в деревне бани все на берегу, за огородами. Мужики напоятся и выскакивают — прямо в Нерчу ныряют.

Мы, ребяташки, на берегу были. И вот тетка Мишиха из своей бани вышла, к нам подошла. Посмотрела, посмотрела и говорит:

— Это что же такое они вытворяют! Разве в Ильин день купаются? Сегодня Илья-пророк в воду <...> — только черти сегодня купаются.

Сказала так и ушла.

И вот мы смотрим: на той стороне Нерчи, за Тарским Камнем, появился из воды кто-то — косматый, черный — и давай из воды выскакивать. Унырнет — снова вынырнет, унырнет — снова выскочит. Сам волосатый, волосья длинные, черны и по самую з... Руками хлопает по воде и выскакивает.

А там же, за Нерчой, скалы одни. Кто же там мог быть? Человек никак не мог.

Мария Магдалина.

Громовый день. Коли гроза — сена будет за глаза.

На Марию Магдалину в поле не работают — гроза убьет.

На Марию сильные росы — льны будут серы и косы.

Стелят льны по росной траве.

На Марию вынимают цветочные луковицы.

Мария Магдалина — ягодница, попелуйница, сладостница.

Мы охочи в лес по ягоды ходить

И по сыру бору погуливати,

Ай ли, ай люли, люли, люли,

Да по сыру бору погуливати,¹

По сыру бору погуливати,

В темном лесе приаукнуться:

— Ты ау, ау, мой миленький дружок,

Ты подай-ка свой тайный голосок

Через темненький, зелененький лужок

Во лесу, лесу проталинка,

На проталинке зелененький лужок,

Становились красны девицы в кружок

¹ Припев повторяется после каждого двустушия.

Вокруг девушек молодчики,
Вокруг девушек молодчики.

Они выются-сповиваются,
Сиротами называются.

(Ярославская обл.)

Пошли девушки в лес по ягоды,

Ой ли, ой да люли, в лес по ягоды.

Не за калиной, не за малиной —

Все за черною за смородиной.

Ой ли, ой да люли, все за черною за смородиной.

Все подруженьки понабрались,

Только я, млада, не набрала ничего.

Ой ли, ой да люли, только я, млада, не набрала ничего.

Не набравши, горько плакала,

Горько плакала, подруг кликала.

Ой ли, ой да люли, подруг кликала.

— Вы подруженьки, мои голубушки,

Вы по горсточке, по пригоршенькам

Вы дополните-ка мое лукошечко,

Ой ли, ой да люли, мое лукошечко!

Как у вас ли у всех родны матушки —

У меня ли, у младой, неродная мать,

Неродная мать, злая мачеха.

Трофим-бессонник.

Трофим — бессонник, пора усиленных работ, страды.

Хорошему хозяину день мал.

В страду одна забота — не стояла бы работа.

Если идет работа — спать неохота.

Жать — не дремать.

Долго спать — добра не видать.

Долго спать — с долгом встать.

На Трофима — калинники-малинники.

Над водой, водой стоит красной с бородой. (Калина.)

Красная рубашка, белый тюлелей. (Малина.)

Красная Матрешка, беленько сердечко. (Малина.)

Какого куста ягода, такого она и вкуса.

С малинника лыки не велики, да ягоды сладки;

а с калинника лык надерешь, да ягод в рот не возьмешь.

Ой, вставала я ранешенько,
Умывалась я белешенько.
Калинка-малинка моя!
В саду ягода малинка моя!¹
Одевала черевички на босú,
Я гнала свою корову на росú,
Я гнала свою корову на росу,
Повстречался мне медведь во лесу.
Я медведя испугалася,
Во часты кусты бросалася:
— Ой, медведь, ты мой батюшка,
Ты не тронь мою коровушку.
Ты не тронь мою коровушку.
Не губи мою головушку!
Я коровушку доить буду́,
Малых детушек кормить буду́.
Ой, ты мать, ты моя матушка,
Ты зачем меня на свет родила?
Ты зачем меня на свет родила —
Развеселую, талантливую.
И-их! Калинка-малинка моя,
В саду ягода малинка моя!
(Новгородская обл.)

В саду ягода малина
Принакрытая цвела,
Цвет княгиня молодая
С князем в тереме жила.
А у князя был слугою
Ванька-ключник молодой,
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Князь дознался, догадался,
Посадил Ваньку в тюрьму.
— Уж вы слуги мои, слуги,
Слуги верные мои,
Слуги верные мои,
Вы пойдите приведите
Ваньку-ключника ко мне.

¹ Припев после каждого двустихия повторяется дважды.

Дай ведут, ведут Ванюшку
 На шелковом пояску,
 Вот ведут, ведут Ванюшку,
 У Ванюшки ветер кудри вьет.
 — Ты скажи, скажи, Ванюша,
 Сколько лет с княжною жил?
 — Я с женою жил три года,
 А с княгиней девять лет,
 Только знает свет-княгиня
 Да подушка шелкова.
 (Владимирская обл.,

На горушке калина,
 На возморье малина.
 Молодая девчоночка
 Молодчика любила,
 За всю ночь до светочку
 За рученьку водила:
 — Пойдем, пойдем, девчоночка,
 Пойдем с тобой в огород;
 Пойдем, пойдем, девчоночка,
 Поговорим мы с тобою.
 (Орловская губ.)

Как на горке кáлина, как на горке кáлинá.
 О, что ж кому дело, кáлина,
 Ну, кому какое дело, мáлина.
 Под горою малина, под горою малина,
 О, что ж кому дело, малина,
 Ну, кому какое дело, малина.
 Там девчонки гúляли, там девчонки гúляли
 О, что ж кому дело, гúляли,
 Ну, кому какое дело, гúляли.
 Свет калину лóмали, свет калину лóмали,
 О, что ж кому дело, лóмали,
 Ну, кому какое дело, лóмали.
 На дорожку брóсали, на дорожку брóсали,
 Ну, что ж кому дело, брóсали,
 Ну, кому какое дело, брóсали.
 В офицера пóпали, в офицера пóпали,
 О, что ж кому дело, пóпали,
 Ну, кому какое дело, пóпали,
 Офицер-от молодой, офицер-от молодой,
 О, что ж кому дело, молодой,
 Ну, кому какое дело, молодой.
 Ты возьми меня с собой, ты возьми меня с собой,
 О, что ж кому дело, ты с собой,
 Ну, кому какое дело, ты с собой.
 А я тебе слúгою, а я тебе слúгою,

О, что ж кому дело, слугою,
 Ну, кому какое дело, слугою.
 А я тебе услужу, а я тебе услужу,
 О, что ж кому дело, услужу,
 Ну, кому **какое** дело, услужу.
 Овса, сена **заложу**, овса, сена заложу,
 О, что ж кому дело, заложу,
 Ну, кому какое дело, заложу,
 Овес, сено всё мое, овес, сено всё мое,
 О, что ж кому дело, все мое
 Ну, кому какое дело, все мое.
 Житье мое горькое, житье мое горькое,
 О, что ж кому дело, горькое,
 Ну, кому какое дело, горькое...
 (Нижегородская губ.)

Борис и Глеб.

Борис и Глеб — поспел хлеб.
 Борис-Глеб — дозревает хлеб.
 Бориса и Глеба — паликопна (гроза жжет копны),
 поэтому в поле старались не выезжать,
 за полевые работы не браться.
 На Глеба и Бориса за хлеб не берися.

Анна — холодница. Макарнй.

День калик перехожих.
 По Анне судили о зиме.
 Анна припасает утренники.
 Если утренник холодный, и зима холодная.
 Какова погода до обеда — такова зима до декабря;
 какова погода после обеда — такова зима после декабря.
 Муравьи увеличивают муравейники — жди холодной зимы.
 Светлая и теплая погода предвещает холодную зиму,
 если же идет дождь — зима снежная и теплая.

На Макария Нижегородская ярмарка именинница. (От-
 крывается знаменитая Нижегородская Макарьевская ярмарка.)

Никола кочанский, кочанный. Пантелеймон Палий.

Кочанный день. Вилки в кочаны завиваются.

Ах, капуста, рассадка моя! —
Только милому досадка одна.
Ах, капуста легко стелется! —
Двое ходят — третий сердится.
Ах, капуста — вилóй кочешок! —
У меня милóй хорош женишок!

На поле капустном — кочанов густо.
Хлеб да капуста лихого не попустит.
Не суйся к капусте, пока не припустят.
Ельник-березник — чем не дрова,
хлеб да капуста — чем не еда!
У хозяина без капусты брюхо пусто.
Капуста лучше пуста, хотя есть невозможно,
да в брюхе не порожно.
Капуста не пуста, сама летит во уста.

Сидит барыня Федосья,
Прирастрепаны волосья. (*Капуста.*)
Стоит поп низок,
На нем сто ризок,
Много одежек
И все без застежек. (*Кочан капусты.*)

Пантелеймона называют Палий и боятся в этот день грозы.
На Пантелеймона грех возить хлеб и сено —
Пантелеймон сожжет.
Кто на Палея работает, у того гроза спалит хлеб.
Палий — пали копны. Палий спалит двор того,
кто возит в этот день копны на гумно.

Прохоры и Пармены— НЕ ЗАЧЕВАЙ МЕНЯ.

«Чистил мужик навоз и нашел овсяное зерно; приходит к жене, у жены изба топится. Он говорит: «Ну-ка ты, хозяйка, поворачивайся, загребай-ка ты жар, сыпь это зерно в печь»;

выгреби из печи, истолки и смели, киселю навари, отлей в блюдо; вот я и пойду к царю, понесу блюдо киселю; ну, хозяйка, не пожалует ли нас царь чем-нибудь?»

Вот он и пришел к царю, принес блюдо киселю; царь его пожаловал золотой тетеркой. Пошел от царя домой; идет полем; берегут табун коней. Пастух его спрашивает: «Мужичок, где ты был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотой тетеркою». — «Променяй нам тетерку на коня». Ну, променял, сел на коня и поехал.

Вот он едет: берегут стадо коров. Пастух говорит: «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою». — «Где у тебя тетерка?» — «Я ее променял на коня». — «Променяй нам коня на корову».

Променял, ведет корову за рога; берегут стадо овец. Пастух говорит: «Мужичок, где ты был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою». — «Где золотая тетерка?» — «Променял на коня». — «Где конь?» — «Променял на коровку». — «Променяй нам коровку на овечку».

Променял, гонит овцу; берегут стадо свиней. Пастух говорит: «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою». — «Где золотая тетерка?» — «Променял на коня». — «Где конь?» — «Променял на коровку». — «Где коровка?» — «Променял на овечку». — «Променяй нам овечку на свинью».

Променял, гонит свинью; берегут стадо гусей. Пастух спрашивает: «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою». — «Где у тебя золотая тетерка?» — «Я променял на коня». — «Где конь?» — «Я променял на коровку». — «Где коровка?» — «Я променял на овечку». — «Где овечка?» — «Я променял на свинью». — «Променяй нам свинью на гуська».

Променял, несет гуська; берегут уток. Пастух говорит: «Мужичок, где ты был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою». — «Где золотая тетерка?» — «Я променял на коня». — «Где конь?» — «Я променял на коровку». — «Где коровка?» — «Я променял на овечку». — «Где овечка?» — «Я променял на свинью». — «Где свинья?» — «Я променял на гуська». — «Променяй нам гуська на уточку».

Променял, несет утку; ребята играют в кланьки «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою». — «Где золотая тетерка?» — «Я променял на коня». — «Где конь?» — «Я променял на коровку». — «Где коровка?» — «Я променял на овечку». — «Где овечка?» — «Я променял на свинью». — «Где свинья?» — «Я променял на гуська». — «Где гусек?» — «Я променял на утку». — «Променяй нам утку на клюшку».

Променял, идет; пришел домой, клюшку поставил у ворот, а сам пошел в избу. Жена стала спрашивать: он рассказал все до клюшки. «Где клюшка?» — «У ворот». Она пошла, взяла клюшку да клюшкой-то возила, возила его: «Не меняй, не меняй, старый черт! Ты хоть бы утку принес домой!» 11 августа.

Калинник, Калинов день.

Коли на Калинника туман —
припасай косы про овес с ячменем.
На Калинника туман — готовь закрому про овес с ячменем.
Около этого дня нередко бывают морозы, вредные для хлеба,
остающегося на корню.

Пронеси, господи, Калинника морозом (туманом),
а не морозом.
На Калинов день не будет утренников,
так и Лупа (5 сентября) не заморозит.
Калина не закалinit, так и Лупа не залупит.
Если спелый овес во второй раз зазеленеет —
осень будет ненастной.
Сладка калина, как хорошо упарится.
Калина сама себя хвалила, что она с медом хороша.
Не видал ягоды сорок два года, а хоть бы и век,
так и нужды нет.

Сила и Силуян.

Сила хлеб силит.
На Силы и Силуяна рожь бывает пьяна
(полна зерном и клонится к земле).
Рожь, посеянная на Силу и Силуяна, родится сильно.
Если в это время дни стоят пасмурные и прохладные,
то дождя опасаться не должно
и работы могут продолжаться без остановки;
когда же душно и тягостно и насекомые особенно злы
и едки, то будет дождь.
Яровой сею — по сторонам гляжу;
ржаной сею — шанка с головы свалится, не подыму (некогда).
На Силу ведьмы обмирают, опившись молока.

СПАС ПЕРВЫЙ, МЕДОВЫЙ, МОКРЫЙ. МАККАВЕЙ.

Спасовки — первые две-три недели августа (по старому стилю).

Первый Спас. На спасов день всё уже придет, все выжнем, как хорошо лето: и рожь, и жито — всё к спасову дни должно прийти. Хорошо лето, так хлеб в одну семь приходит (за семь недель). Две семи хлеб на полях не стоит: либо убьет его, либо дойдет, и его надо убирать (Пинежье).

В большинстве районов начинался ранний посев озимой ржи.

Когда начинали сеять озимые, стаскивали ветхого старика с печи — старинного пахаря... Поддержали ему руку одни, потрясли ее другие: «Посей ты, дедушко, первую горсточку на твое стариковское счастье!»

Когда хлеб сеешь в погоду, больше родится приплоду.

В сырую погоду и в дождь не должно сеять ржи; как обмочило оглобли, так и поезжай домой.

Если во время созревания малины первые ягоды бывают крупные, то рожь следует сеять раньше; при мелких же ягодах средний или поздний посев ржи лучше.

Паши под озимь, сей озимь, готовь гумна и овины.

На первый Спас зашпиывай горох.

Поспевает малина. Начинается заготовка лесной малины — старейшего лекарственного растения. В народе использовали не только сухие плоды (заваривали в виде чая при простуде), но и цветки малины, настоей из которых применялся как противоядие против укусов змей и скорпионов; отваром цветков промывали воспаленные глаза, а водным настоем листьев полоскали горло при ангине.

Спешили собрать поспевшие ягоды черемухи — прекрасное средство, обладающее вяжущим, мочегонным и потогонным свойствами, употребляемое при желудочно-кишечных заболеваниях.

ЗАГАДКИ ПРО ЧЕРЕМУХУ

Не ломай меня, а влезь на меня, так начумкаешься.
Стоит кузенка вся в пуговках.
Платье потерялось — пуговики остались.
Черный маленький барашек, костяно брюшко.

Известная дразнилка о рыжем и красном бытует и как загадка о черемухе и рябине:

Черный красного спросил: «Чем ты бороду красил?» — «Я не краской, не замазкой, я на солнышке стоял, кверху бороду держал. А ты, черный, чем?» — «И я тоже на солнышке».

На Урале и в Сибири с первого Спаса начинают шишковать кедры.

—
*Пчела перестает носить медовую взятку.
Пасечники заламывают (подрезают) соты.*

Считалось, что если пчельник не заламает сота, то соседние пчелы вытаскают весь мед. Строгим блюстителям народных обычаев и постникам разрешается только теперь есть мед. От этого и называют первый Спас медовым.

После освящения первого меда в церкви пчеляки разговляются свежим медом, пекут также пироги с пшенной кашей и медом.

—
Во что Макавеи, в то и разговенье (28 августа).

Дождь на Макавея — мало пожаров бывает.

На Макавеи собирают мак.

Черен мак, да смашен, и бела редька, да горька.

Не уродился мак, пробудем и так.

Семь лет маку не родило, а голоду не было.

Дикий мак употребляется как средство от ведьм. По народному верованию, стоит только этим маком обсыпать дом — и все козни ведьм окажутся недействительными.

ЗАГАДКИ ПРО МАК

Пал порошок, стал городок краше Казани, краше Астрахани.

Кину порохом, станет городом,
Красной Москвой, Белой Литвой.

Стрелочка-самоделочка,
сама строится, сама делается,
на стрелочке городок — семьсот воевод,
тысяча бухар, полтораста татар.

Под одним колпаком семьсот казаков.

Мертвым в землю упал, живым из земли встал,
красну шапку уронил и людей усыпил.

Росло-повыросло,
из земли повылезло,
алой лентой облупилося,
красным девушкам полубилось.

Первый Спас — начало Успенского поста (до 28 августа), о котором говорят: Спасовка — лакомка, а Петровка (Петровский пост) — голодовка. В Петров пост, кроме луку, нет другой зелени для крестьян, а к Успенскому есть огурцы, арбузы, дыни и пр.

На первый Спас отлетают ласточки и стрижи.

Ласточка весну начинает, осень накликает

Отвечают розы, падают холодные росы.

С первого Спаса — холодные росы.

Первый Спас — мокрый.

У первого Спаса всего в запасе: и дождь, и ведро.

С первого Спаса и роса хороша.

На первый Спас олень копыто обмочил.

Редкую песню об олене, остудившем воду, приводит П. И. Мельников-Печерский в романе «В лесах»

Не стучит, не гремит,
Ни копытом говорит,
Каленой стрелой летит
Молодой олень!

Ты Дунай ли, мой Дунай!
Дон Иванович Дунай!
Молодой олень!

У оленя-то копыта
Серебряные.
У оленя-то рога
Красна золота!

Ты олень ли, мой олень,
Ты Алешенька!
Ты куда-куда бежишь?
Куда путь держишь?

Я бегу ли побегу
Ко студеной ко воде...
Мне копытцом ступить,
Ключеву воду студить!

Припев после каждого четверостишия.

На первый Спас бывают повсеместно крестные ходы на воду.

В Валдае (Новгородская губ.) принято было после освящения воды на озере купаться в рубашках.

После водосвятия крестьяне купаются сами, купают лошадей, а пастухи пригоняют с пастбищ домашнюю скотину и вгоняют ее в реку.

На первый Спас святи колодцы.

Лошадей, как и весь скот, обычно в этот день купают в последний раз.

СТЕПАН — СЕНОВАЛ.

Косят отаву. Кончают сенокосные работы.

Каков Степан, таков сентябрь.

На Степана поят лошадей через серебро, то есть положив что-нибудь серебряное в воду.

АНТОН — ВИХРЕВЕЙ.

ИСААКИЙ — МАЛИННИК.

Каковы Антоны-вихревеи, таков октябрь.

По Исаакию октябрь.

Если ветер с вихрями — ожидай снежную зиму.

На Исаакия вихри — к крутой зиме.

Идет полным ходом сбор лесной малины.

АВДОТЯ — СЕНОГНОЙКА,

МАЛИНОВКА ОГУРЕЧНИЦА.

СЕМЬ ОТРОКОВ ЭФЕССКИХ.

Семь отроков-сеногной сено гноят.

Если дождь — все сено гниет.

Как Авдотья, такой ноябрь.

*На Евдокию срывають огурцы.
На Авдотью сбор малины — готовь плетенки.
Рясная малина — урожай на хлеб.*

Евстигней — житник.

*Каков Евстигней, таков и декабрь.
На позне вечером, как солнце закатится,
так люди ревут (кричат). Если эхо далёко — то ведрие,
а если близко — как к дождю (Пинежье).*

*Одной рукой жни, другой сей.
Одно дело делай, другое ведай.
День прозевал — урожай потерял.*

*Дай срок, что умолот скажет.
На Евстигнея жнивы заклинали на все четыре стороны,
призывали мать сыру землю на помощь.*

*Ниву сожали,
Страду пострадали,
Гибкими спинами,
Вострыми серпами.*

*Лежит мужичок в золотом кафтане, подпоясан,
да не поясом, сам встать не может — люди поднимают.
(Сноп.)*

*На четыре брата пятый кверху ногами посажен.
Четыре брата стоят под пятым,
головками в куче, а спинками врозь.
Девять братьев под десятым на матери стоят.*

(Копна, бабка снопов.)

*У нашего Тита
Богатое жито.
Из колоса — горстка,
Из снопики — мера.
Семьсот молодцов
Это поле обжали,
На сотне подвод
Это жито убрали.
У Тита добра —
Золотая гора!*

*Во время жатвы жнецы старались найти на одном сте-
бле самое большое число колосьев. Если таковых найдется две-
надцать, то он называется «житной маткой» или «спору-*

ншей. Нашедшие эти колосья хранят их как зеницу ока в продолжение всего года, приберегая их к посеву, во время которого их рассевают первыми с твердой надеждой на получение от них обильного урожая.

Яровая спорынья!
Иди с нивушки домой,
Со поставушки домой,
К нам во Кощено село,
Во Петровсково гумно.
А с гумна спорынья
Во амбар перешла.
Она гнездушко свила,
Малых деток вывела,—
Пшеной выкормила,
Сытой выпоила.

(Смоленщина.)

По передаваемым из поколения в поколение правилам, жали всегда молча. Песни звучали по дороге в поле и с поля.

Как полосоньку я жала,
На снопочки не вязала.
Шел миляша по межи:
«Бог на помощь!» — «Завяжи!»

Уж я жала рожь высокоу,
Жала — не ленилася.
Увидала я миленка,
В лице изменилася.

Жали мы, жали,
Жали, пожинали,—
Жнеи молодые,
Серпы золотые,
Нива долговая,
Постать широкая;
По месяцу жали,
Серпы поломали,
В краю не бывали,
В краю не бывали,
Людей не видали.

Петровочка женка
На свою нивку
Раненько выходила,
Дочек-лебедок,
Невесток-перепелок
С собой выводила.

«Пожинайте, невестки,
Пожинайте, дочки!
Дочки-лебедки,
Невестки-перепелки!
Поутру раненько,
Вечером поздненько,—
Чтобы было с чего жити
Добренько, ладненько».
(Смоленщина.)

Пора жнейкам домой идти,
Пора жнейкам домой идти.
Потеряла заря ключи¹
«А кто мои ключи найдет,
За того замуж пойду».
Отозвался старый старик:
«Я твои ключи нашел». —
«Пропадайте, мои золоты ключи,
А за старого замуж не идти».
(Псковская губ.)

Не пойду домой,
Я тут заночую, горя не почую,
Не пойду домой.

В меня дома
Не родная мамка, не родненький татка,
В меня дома.

Не пытаются,
Что я заморилась, что я притомилась,
Не пытаются.

А пытаются,
Много ли я сжала, много ли нажала,
А пытаются.

Я жала,
Жала не гуляла, снопы не считала,
Я жала.

Я нажала
Девять копья жита, десятую пшенику,
Я нажала,

Наварила
Девять бочек пива, десятую вина,
Наварила.

(Псковская губ.)

¹ Повторяется каждая строка.

Моя по́стать широ́ка,
Моя мамочка далёко. У!

Коли бы к этой постати
Моя родная мати. У!

Я б легла полежала,
Она б дожинала. У!

Рукавок под бочок,
А другим накроюся. У!

Я другим накроюся,
Я никого не боюся. У!

А ни свекра, свекрухи,
Ни деверя, ни золовки. У!

А ни деверя, ни золовки,
Ни деверевой жёнки. У!
(Брянская губ.)

Посылала меня мать, посылала меня мать,
Посылала меня мать яровое поле жать.
Я жать-то не жала, я жать-то не жала,
Я жать-то не жала — на снопах пролежала.
Тут Никита идет, тут Никита идет,
Тут Никита идет, он орешки несет.
Я не знаю, что мне делать, я не знаю, что мне делать,
Я не знаю, что мне делать: ум за разум зашел.
То ль орешки щелка́ть, то ль орешки щелкать,
То ль орешки щелкать, то ль Никиту целовать?..
Я орешки щелкала, я орешки щелкала,
Я орешки щелкала и Никиту целовала!
(Пермская губ.)

Ой зелена, зелена
В поле трава,
Что ж она зелена? —
— Что коса не была.
А молода, молода
У Андрея жена.
Что ж она молода? —
— Что во поле не была?
Что во поле не была,
Она жита не жала.
Сказывает молода
Своему мужу жена:
«Запрягай, Андрюша,
Вороних коней!

Поедем, Андрюша,
 На нивку скорей,
 Поедем с тобою —
 Мы прогуляемся,
 С молодыми жнеями
 Мы повидаемся.
 Уж вы жнеи, вы жнеи
 Мои молодые!
 Жнеи молодые,
 Серпы золотые!
 Уж вы жните, жните,
 Жните, не ленитесь,
 А обжавши нивку,
 Пейте, веселитесь!

На Евстигнея едят сырой лук с хлебом, солью и квасом, отчего бывают здоровы и имеют свежий вид лица.

В комнатах развешивают связки луковиц — чтобы воздух очищался.

Убирают лук, а то репка не успеет высохнуть.

Второй Спас, яблочный. **Преображение.**

Какой второй Спас, такой и январь.

В этот день провожают закат солнца в поле с песнями.

Встреча осени. Осенины.

Не вечерняя заря занималась, занималась заря, —
 Полночная звезда высоко взошла, высоко звезда взошла:
 Пора раздоброму молодцу с поля ехати домой.
 Уж вы слуги мои, слуги мои верные,
 Подайте мне тройку серо-пегих, серо-пегих лошадей!
 Сяду я, раздобрый молодец, я поеду погулять!
 Со всеми я, раздобрый молодец, со всеми простился;
 С одной-то я не простился, со пути-дороженьки назад
 воротился:
 «Ты прощай-прости, прощай, разлюбезная, ты размилая моя!»

Второй Спас — срывают спелые яблоки.

Пришел Спас — всему час: плоды зреют.

На второй Спас освящают яблоки и мед.

Ча второй Спас и нищий яблочко съест.

Существовала вера, что на том свете детям, родители которых до второго Спаса не едят яблок, раздают яблоки, а тем, родители которых пробовали яблоки, не дают. Поэтому многие взрослые, особенно те, у которых дети умирали, до второго Спаса считают за великий грех съесть яблочко.

До второго Спаса не едят никаких плодов, кроме огурцов.

Второй Спас всему час — шубу припас.
На второй Спас бери голицы про запас.
Становится холодно к ночи.

С этого времени считается самый лучший посев ржи, если погода тому благоприятствует.

Посей под погоду, будешь есть хлеб год от году.
Со второго Спаса засевай озими.
Ко второму Спасу поспевает яровое (Нижегородская губ.).
Рожь, посеянная при северном ветре,
родит крепче и крупнее.

В Каргопольском уезде Архангельской губ. 19 августа справляли «горохов день»: одевшись в праздничное платье, шли на гороховое поле, потчевали друг друга. Конечно, звучали и «гороховые» песни.

Девушки, горох будем сеять,
Эх, красные, горох будем сеять.

Ой, горох мой, горох,
Зеленый мой горох,
Со виклиною горох,
Со гороховиной горох! .

Девушки, горох будем смотреть,
Эх, красные, горох будем смотреть.

Девушки, горох пойдем щипать,
Эх, красные, горох пойдем щипать.
(Печора.)

Станемте, робятушки, горошек сеяти, да!
Ты горох мой, горох,
Зеленый, молодой,
Со гороховиною горох!'
Станемте, робята, горошек молотить, да!
Как бы нам, робята, горошек помолоть, да?

Припев повторяется после каждого двух строк.
Припев поется после каждой строки.

Станемте, робятушки, шаньги творить,
Станемте, робята, шаньги пекчй.
Честным-то господам — все по шанёжке,
Молодым-то молодцам — шаньги с маслицем,
Красным-то девицам — с медом, с сахаром,
Старым-то старушкам — с пресным молоком!

(Вологодская губ.)

В Вологодской губ. долго сохранялся «обычай всеобщих разговен горохом: отслужив в поле молебен, крестьяне всем селом устремляются на гороховое поле и до самого вечера лакомятся зелеными стручками, не различая своей полосы от чужой. Эти гороховые разговены составляют истинный праздник и величайшее наслаждение для деревенской детворы, которая целый день ныряет в зеленых кустах и наедается до того, что под конец уже на животе переползает с полосы на полосу».

Поповы ребята
Горох молотили,
Цепы поломали,
За тын побросали,
Попу не сказали.
Ударили восполех —
Всполошили весь народ.
Ударили в дóску,
Поехали в Мóскву;
Ударили в барабан,
Поскакали по горам.

(Самарская губ.)

Начинается отлет журавлей.
Кто как хочет, а журав со Спаса.

«У одного мужика много было гороху насеяно. Поводились журавли летать, горох клевать. «Постой, — вздумал мужик, — я вам переломаю ноги!» Купил ведро вина, вылил в корыто, намешал туда меду; корыто поставил на телегу и поехал в поле. Приехал к своей полосе, выставил корыто с вином да с медом наземь, а сам отошел подальше и лег отдохнуть. Вот прилетели журавли, поклевали гороху, увидели вино и так натюкались, что тут же попадали. Мужик — не промах, сейчас прибежал и давай им веревками ноги вязать. Опутал веревками, прицепил за телегу и поехал домой.

Дорогой-то порастрясло журавлей; протрезвились они, почувствовались; стали крыльями похлопывать, поднялись, полетели и понесли с собою и мужика, и телегу, и лошадь. Высоко! Мужик взял нож, обрезал веревки и упал прямо в болото. Целые сутки в тине сидел, едва оттуда выбрался. Воротился домой — жена родила, надо за попом ехать, ребенка

крестить. «Нет, — говорит, — не поеду за попом!» — «Отчего так?» — «Журавлей боюсь! Опять понесут по поднебесью; пожалуй, с телеги сорвусь, до смерти ушибусь!»...»

Марины, Пимены.

*Пимены-Марины — не ищи в лесу малины.
Спустя лето по малину в лес не ходят.
День прошел — все свое с собой унес.
Быть-то оно было, да нас при том не было.
Если аисты готовятся к отлету, осень будет холодной.*

Мирон-ветрогон.

*Каковы Мироны, таков январь.
Мироны-ветрогоны пыль по дороге гонят,
по красном лете стонут.
Ветрогоны пыль погнали по белу свету,
зарыдали по красну лету.
Ранние инеи в конце лета — к урожаю будущего года.*

ЗАГАДКИ ПРО ВЕТЕР

Без рук, без ног, а ворота открывает.
Без рук, без ног по полю скачет, в село помчится, в двери стучится...
Без рук, без ног, по полю рыщет, поет да свищет, деревья ломает, к земле траву приклоняет.
Расходится детина — удержи нет, уляжется — не видать, не слышать.
Никто меня не видит, а всякий слышит.
Свищет, гонит, вслед ему кланяются.
У батюшки жеребец — всему миру не сдержать; у матушки коровья — всему миру не поднять; у братца кушак — всему миру не скатать. *(Ветер, земля, дорога.)*

Лаврентий.

*На Лаврентия смотрят в полдни на воду: коли тиха,
то осень будет тихая, а зима без вьюг.*

Был.

Полагают, что в ночь на мученика Евпла на могилах ходят разные привидения: слышны свист, вой и песни, и бегают белый конь.

«Случилось одному ремесленнику поздним вечером воротиться домой из чужой деревни, с веселой приятельской пирушки. Навстречу ему старинный приятель — лет с десятка тому, как помер. «Здоров!» — «Здравствуй», — говорит гуляка и позабыл, что знакомый его давным-давно приказал долго жить. «Зайдем ко мне; хватим еще по чарке, по другой». — «Пойдем; на радостях, что свиделись, можно выпить!» Пришли в избу, пьют-гуляют. «Ну прощай! Пора домой идти!» — «Постой, куда теперь идти? Переночуй со мной». — «Нет, брат, и не проси — нельзя; завтра дело есть, так надо пораньше быть дома». — «Ну, прощай! Да что тебе, пешком идти? Лучше садись на мою лошадь, живо довезет». — «Спасибо, давай!» Сел верхом и понесся — что твой вихрь летит! Вдруг петух запел!.. Страшно: кругом могилы, а под ездоком надгробный камень!»

«В стародавние годы жили-были в одной деревне два молодых парня; жили они дружно, вместе по беседам ходили друг друга за родного брата почитали. Сделали они между собой такой уговор: кто из них станет вперед жениться, тому звать своего товарища на свадьбу; жив ли он будет, помрет ли — все равно. Через год после того заболел один молодец и помер; а спустя несколько месяцев задумал его товарищ жениться. Собрался со всем сродством своим и поехал за невестою. Случилось им ехать мимо кладбища; вспомнил жених своего приятеля, вспомнил старый уговор и велел остановить лошадей. «Я, — говорит, — пойду к своему товарищу на могилу, попрошу его к себе на свадьбу погулять; он был мне верный друг!»

Пошел на могилу и стал звать: «Любезный товарищ! Прошу тебя на свадьбу ко мне». Вдруг могила растворилась, покойник встал и вымолвил: «Спасибо тебе, брат, что исполнил свое обещание! На радостях взойди ко мне; выпьем с тобой по стакану сладкого вина». — «Зашел бы, да поезд стоит, народ дожидается». Покойник отвечает: «Эх, брат, стакан ведь недолго выпить». Жених спустился в могилу; покойник налил ему чашу вина, он выпил — и прошло целое сто лет. «Пей, милый, еще чашу!» Выпил другую — прошло двести лет. «Ну, дружище, вышей и третью да ступай с богом, играй свою свадьбу!» Выпил третью чашу — прошло триста лет.

Покойник простился со своим товарищем; гроб закрылся, могила заровнялась. Жених смотрит: где было кладбище, там стала пустошь; нет ни дороги, ни сродников, ни лошадей, везде поросла крапива да высокая трава. Побежал в деревню — и деревня уж не та: дома иные, люди все незнакомые. Пошел к священнику — и священник не тот; рассказал ему, как и что было. Священник начал по книгам справляться и нашел, что триста лет тому назад был такой случай: в день свадьбы отправился жених на кладбище и пропал, а невеста его вышла потом замуж за другого».

Михей-тиховей.

*На Михея дуют ветры-тиховей — к ведреной осени;
на Михея буря — к ненастному сентябрю.*

Тихий ветер в сад — сухая осень в лес.

*Михеев день с бабьим летом бурей-ветром перекликается.
Средний срок начала листопада.*

УСПЕНИЕ .

Дожинки, овжинки, оспожинки.

Ласточки отлетают.

Начало молодого бабьего лета (до 11 сентября).

С Успенья солнце засыпается.

Молодое бабье лето начинается, а солнце засыпается.

На Успенье огурцы солить,

на Сергия (8 октября) капусту рубить.

Озимь сей за три дня до Успенья и три после Успенья.

*До Петрова дни взорать, до Ильина заборонить,
до Спаса посеять.*

До Успенья пахать — лишнюю копну нажать.

Успенье — дожинки.

Успенье — окончание жатвы, складчины, братское пиво.

Акулина, тетушка,

Тяжела работушка.

Всё покосы, нивушка,

Болят моя спинушка.

Как по осени ломала
Красную калинушку,
Во полях снопы вязала —
Надломила спинушку.

Жала я с утра до ночки
Пшеницу да овес,
Только девке хлеба белого
Посесть не удалось.

Девушки вы, девушки,
Молоденькие жнеюшки,
Дожинайте в поле рожь,
Придет к вам скоро молодежь.

Оканчивается уборка и посев озимого хлеба. Начинается Успенский пост. «Однако ж на это нечего смотреть: лучше работать, чем хлебу в поле лежать да по-пустому пропадать».

Пост Успенский называется спожинками.

Закончив жатву, женщины приговаривали: «Кто пахал — тому силку, а кто сеял — тому две, а кто жал — тому все».

По завершении работ, жнеи катались по ниве со словами:

Жнивка, жнивка,	На колотило,
Отдай мою силку:	На молотило,
На лест,	На кривое веретено!

Друг друга поздравляли с окончанием жатвы:

Ох, и слава богу,
Что жито пожали!
Что жито пожали
И в копы поклали:
На гумне стогами,
В клетки закромами,
А с печи пирогами.

По старому общерусскому обычаю на поле оставляли небольшую горсть несрезанных колосьев, перевязывали их лентой — «завивали бороду» — и приговаривали: «Дай бог, чтобы на другое лето был хороший урожай!»

Уж мы все, все бороду
У Гаврилы на поли,
Завиваем бороду
У Васильевича да на широком,
У Васильевича да на широком.

На нивы великой,
На полосы широкой,
Да на горы на высокой,
На земли чернопахатной,
На землицы на пахотной.

Вейся. вейся. борода.
Бородушка, вейся,
Сусек, наполняйся!

Оставляя несколько несжатых колосьев, жнеи надеялись вернуть земле силу, потраченную ей на выращивание урожан. Чтобы усилить это действие, «бороду» украшали (перевязывали) лентой, свивали в венок, пригибали его к земле и слегка присыпали землей, прикапывали: под эти стебли клали хлеб с солью, низко кланялись и скрепляли сделанное словами:

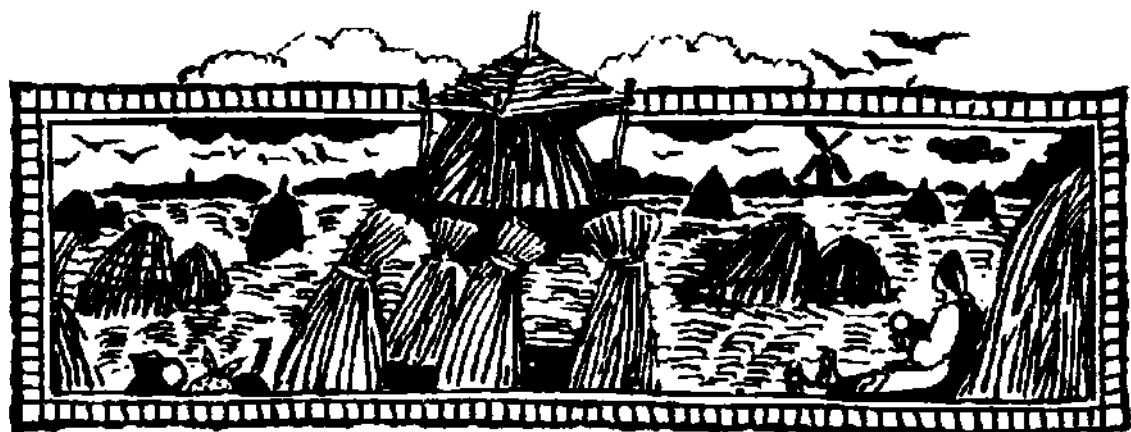
— Вот тебе, Илья, борода, на лето уроди нам ржи да овса!

— Батюшка Илья-борода! Уроди ржи, овса, ячменя и пшеницы!

Егорий, приходи,
Коня приводи,
И наших коней корми,
И овечку корми,
И коровку корми!

Нивка, нивка,
Отдай мою силку!
Ну я тебя жала,
И силку потеряла!

Жнивка, жнивка,
Отдай мою силку
На яровинку,
На овес, на гречиху,
На конопельки!
Чтоб мне постараться,
Конопелек набраться!

Последний сноп молча жали. Девушки жали сноп-молчанушку: если заговорят, жених будет слепой (*Костромская губ.*)

Последний сноп связывается специально сделанным свиточком, хозяйка присаживается на сноп и приговаривает: «Ржица-матушка, народи на лето лучшее этой, а если такой, то не надо никакой».

Последний сжатый сноп — «именинник», он пользуется особым почетом: его наряжают в сарафан или обвивают ситцевыми платками и с песнями несут на пир честной, называемый «складчинами» или «братчинами», так как устраивается он на собранные со всего мира деревенские деньги.

Последний сноп ставят на тязло, под иконы. Затем делают из яиц пожинальницу (яичницу). Последний сноп овсяной жнивы на Покров скармливают скотине или дают курам, овцам, свиньям, коровам и лошадям — всем по горсточке (*Костромская губ.*).

Во многих местах последний сноп сохраняется до Нового года.

Наиболее рельефно товарищеское начало проявляется в так называемых «выжанках», во взаимопомощи при окончании жатвы. Единственным вознаграждением лиц, явившихся на «выжанку», служит угощение... Заранее оповещается, что у такого-то тогда-то будет «выжанка»... Женщины охотно идут на «выжанку», имея в виду несколько повеселиться в разгар полевых работ, обеспечить себе подобную же помощь.. Работают с песнями и шутками, один другого подбадривая. Успех работы при этом бывает настолько велик, что иные оставляют к «выжанке» добрую половину всей своей жатвы (*Архангельская губ.*).

Когда возвращались с поля, входя в дом, говорили:

Жали-пожали,
Три пряди нажали,
Первая прядь — на еду,
Вторая прядь — на семена,
Третья прядь — про запас.
(*Пинежье.*)

Жнеи передавали хозяину с хозяйкой венок, сплетенный из колосьев. Венок этот хранился в переднем углу избы.

Петрушечка господырёк!
Отгреби-тко свой роёк!
Отсыти ты нам сыты,
Жней за стол усади.
Жней за стол усади,
Пива-меду поднеси!
Ты напой меня, жнею,—
Я те песенку спою.

В конце застолья благодарили хозяина с хозяйкой за угощение:

Ай, спасибо хозяину
За мягкие пирожки!

Ай, спасибо тому,
Кто хозяин в дому!

Ой лели, ой что лели,
За мягкие пирожки!

Ой лели, ой что лели,
Ой что лелюшки мои!

Выше-выше ясный месяц
За всех облаков,
Лучше-лучше наш хозяин
За всех мужиков!

Он умеет, он умеет
Поле полевать,
Он умеет, он умеет
Жнеек чествовать.

(Смоленищина.)

В конце дня, прощаясь, исполняли последнюю песню:

Дожа́ли, дожи́ли,
Оспожинки встретили,
Коровая по́чали,
Толокна́ процве́дали,
Гостей угости́ли,
Богу помоли́лись!

Хлебушко, расти!
Времечко, лети, лети!
До новой весны,
До нового лета,
До нового хлеба!

Третий Спас, ореховый.

29 августа. Третий Спас. ореховый.

К этому дню поспевают орехи.

ЗАГАДКИ ПРО ОРЕХ

Вишу высоко, падаю низко, снаружи горько,
а внутри сладко.

Не гни меня, не ломай меня, а нагни меня
или влезь на меня и нахрустайся.

Есть на мне, есть во мне, нагни меня, ломи меня,
сломишь — гладко, расколешь — сладко.

Росло-повыросло, из куста повылезло,
по рукам покатилося, на зубах очутилося.

Горшочек маленький, опарочка сладенька,
горшочка не разбить — и опарушки не добыть.

Нет ни окон, ни дверей, посредине — архирей.

Маленький мужичок — костяная шубка.

*Ласточки отлетают в три раза, в три Спаса.
Если журавль отлетит к третьему Спасу,
то на Покров будет морозно.
Первый Спас — на воде стоят;
второй Спас — яблоки едят;
третий Спас — на зеленых горах холсты продают
(Нижегородская губ.).*

В селе Зеленые Горы Нижегородского уезда начиналась ярмарка, на которую привозили холсты. Третий Спас вообще часто называют «Спасом на полотне», «Спасом на холстах», «холицовым Спасом», во-первых, оттого, что в этот день церковь праздновала перенесение Нерукотворного образа Спасителя, то есть того куса ткани, на котором, по библейскому преданию, отпечатался нерукотворно лик Иисуса Христа; во-вторых, в деревенском быту данный праздник отмечался торгом полотнами, холстами.

Третий Спас — «хлебный»: пекут пироги из нового хлеба.
Третий Спас хлеба припас.
На Севере варят толокно,
говорят о прошедшем и будущем урожае.

Флор (Фрол) и Лавр (Лавёр)-лошадники. Конский праздник.

Флор и Лавёр — кончай посев ржи. Дожинки, досевки.
После этого дня посев ржи считается запоздалым.
Коли до Флора не отсеешься — фролки и родятся (цветочки).
Флоры — голы.
Смотрели у полыни корни: если побеги корня толсты —
следующий год будет урожайным.
Огурцы солят.
Фрол-Лавёр — конский праздник.

*Лошадей по общему и неизменному правилу кормят
в полную сыть*

*и ни в коем случае на них не работают,
даже на скачках седлать лошадей не принято.*

В день мучеников Флора и Лавра не выжигают тавра.

На Фрола и Лавра на лошадях не работают.

а то падеж будет.

Умолил Фрола и Лавра, жди лошадям добра.

Фрол и Лавёр до рабочей лошади добёр.

Лошадей купали, завивали лентами их хвост и гривы.

*В этот же день пекли особое печенье с изображением
конского копыта и отдавали его священнику.*

На Флора и Лавра лошадей кропят святой водой.

С Флора и Лавра начинаются осенние утренники.

*С Фролова дня засиживают (т. е. работают при огне)
ретивые, а с Семена (14 сентября) — ленивые.*

Крестьяне Варнавинского уезда Костромской губернии обыкновенно завивать бороду Илье и Николаю-угоднику приурочивали к дню Флора и Лавра. «В конце жатвы, на последнем месте жнивы, последний «мирский сноп» всей семьей жнут молча... (молчать не будут — скотина зимой будет реветь)». Затем все садятся и закусывают, после чего «большуха завивает несжатые волотки, но не голой рукой, а с прихваткой завивает (или с полой), то есть спускает рукав рубахи и, прихватив его, завивает волотки по солнышку». Оставленному кустику — «бороде» кланяются, потом, перекрестившись, кувыркаются через голову со словами:

— Оржаная жнивка, подай мою силу на овсяную жниву!

Или, если дело происходит на овсяной жниве:

— Овсяная жнива, подай мою силу на молоченье!

Иногда, «завив бороду и положив хлеба под бороду, делают из горсти ржаной соломы или из ржаной жнивы «шапку Илье» — снопик, которым, раздвинув его посередине, накрывают «бороду» со словами:

— Вот тебе, Илья, соломенная борода, а на будущий год уроди нам хлеба грода (много)!

Или:

— Вот тебе, Илья, борода, а мне овсяная копна!»

ВЕСНА КРАСНА ЦВЕТАМИ,
А ОСЕНЬ СНОПАМИ. ВЕСНА
КРАСНА, ДА ГОЛОДНА, ОСЕНЬ
ДОЖДАЛИВА, ДА СЫТНА.
ОСЕНЬ ГОВОРИТ: «ГНИЛО», А ВЕСНА:
«МНОГО, ЛИШЬ ВЫ БЫЛО». ОСЕНЬ ГО-
ВОРИТ: «УКЛОЧУ!», ВЕСНА ГОВОРИТ:
«КАК Я ЗАХОЧУ.» ОСЕНЬЮ КИСЕЛЬ
ДА БЛАННЫ, А ВЕСНОЙ СНАД ДА ГЛЯД.
ОСЕНЬЮ И У ВОРОВЬЯ ПИР. В ОСЕНЬ И
У ВОРОНЫ КОПНА, НЕ ТОЛЬКО У ТЕ-
ТЕРЕВА. ОСЕНЬЮ И У КОШКИ ПИРЫ.

ОСЕНЬ — ПЕРЕМЕН ВОСЕМЬ •

Осень идёт и дождь за собою ве-
дёт. Весной дождь парит,
осенью мочит. Весенний
дождь из тучки, осенний —
из ясени. Весенний дождь
растит, осенний гноит.
Осенний дождь мелко
сеется, да долго
тянется.

Осенний вьюсенец обмочившее до-
ждя. Весной что рекой, прольёт —

капли не видать,
осень ситцем
просеет, а воду
хоть ведром черпай.

Осень велика, зима долга.

Не будь в осень торопай,
будешь к весне богат. Осенняя
ночь на двенадцати подводах
едет.

Осень всех наградила,
всё загубила.

Теплая осень — к долгой зиме.
Осенью серенько утро, так жди красного денька.
Если с дерева лист не чисто спадет —
будет холодная зима.
Если листопад пройдет скоро, надо ожидать крутой зимы.
Поздний листопад — к суровой и продолжительной зиме.
Лист хоть и пожелтел, но отпадает слабо —
морозы наступят не скоро.
Если осенью листья березы начнут желтеть с верхушки,
то будущая весна будет ранняя,
а если снизу — то поздняя.
Появились опенки — лето кончилось.
Хлебород — перед строгой зимой.
Высоко птицы перелетные летят осенью,
так снегу много будет, а низко — так малы снега будут.
Строгой зиме быть, коли птица дружно в отлет пошла.
Осенью птицы летят низко — к холодной,
высоко — к теплой зиме.
Если луга опутаны тенетником, гуси гуляют стадами,
скворцы долго не отлетают, а зайцы долго не белеют,
то осень будет протяжная и ведреная.
Куры начинают линять рано осенью — к теплой зиме.
Пчелы осенью плотнее леток воском залепляют —
на холодную зиму, оставляют его открытым — к теплой зиме.
Появление комаров поздней осенью — к мягкой зиме.
Большие муравьиные кучи к осени — на суровую зиму.
Если в зайцах много жиру, то зима будет суровая.
Если мыши во льну гнездо совяют,
то в зиму большие снега будут.
Если мыши отрывают норы на теплую сторону —
зима суровая.
Кроты и мыши делают большие запасы —
к суровой и снежной зиме.
Если кроты с осени натаскивают в свои норы много жнивья
или соломы — зима предстоит холодная.

СЕНТЯБРЬ

Хмурень, ревун, зоревник.

Холоден сентябрь, да сыт.
Холоденек батюшка-сентябрь, да кормить горазд.
Сиверко, да сытно.
Что июль с августом не сварят,
того не зажарит и сентябрь.
В сентябре синица просит осень в гости.
Батюшка-сентябрь не любит баловать.
Понеслись ветерки с полуночи, ай да сентябрь!
В сентябре держись крепче за кафтан.
В сентябре шуба за кафтаном тянется.
Считай, баба, осень с сентября по шапкам да по лаптям.
Зажигай огонь с сентября в избе и на поле.
В сентябре и лист на дереве не держится.
В сентябре одна ягода, да и та горькая рябина.
У мужика в сентябре только те и праздники,
что новые новины.

Гром в сентябре предвещает теплую осень.
Пока лист с вишен не опал, сколько бы снегу ни выпало,
оттепель его сгонит.
Если журавли летят высоко, не спеша и «разговаривают» —
будет стоять хорошая осень.
Сентябрь — ревун, от рева осенних ветров и зверей,
особенно оленей.
Много тенетника на бабье лето — к ясной осени
и холодной зиме.
Паутина стелется по растениям — к теплу.
Осенний тенетник — на ясную погоду, на ведро.
Много желудей в сентябре на дубу — к лютой зиме.
Если в этом месяце на дубах будет много желудей,
то ожидай и много снегу перед рождеством.

Частые и сильные туманы, бывающие в сентябре,
особенно без ветра,
причиняют различные болезни людям слабого здоровья.
В этом месяце погода начинает смотреть «сентябрем».

Андрей Стратилат — Тепляк.

Бабье лето.

В степных местах наблюдают в этот день
течение ветра; если дует с юга,
тогда говорят: «Пошли овсы на спех».
Батюшка юг пустил ветер на овес.
Ветер, дующий в этот день с юга,
обещает хороший урожай овса.
Стратилатов день приспел — овес поспел.

Самунл.

Самойлин день — бога о мужике молит.

Фаддей.

*Если этот день будет ясный, то надобно ожидать,
что еще четыре недели будет хорошая погода.*

Агафон — огуменник.

Полагают, что этого числа в ночь леший выходит из лесу
и бежит по селам и деревням, дурит и раскидывает снопы по
гумнам.

Мужики выходят стеречь гумна в тулупе наизнанку, с ко-
чергой. В эту ночь и рассказывают про проделки лешего.

«В Кангиле была свадьба. Вот мать готовит к свадьбе-то, а ребятишки, известно, под руки лезут: того дай, другого... Вот она сторяча-то и взревела на девочку:

— Да чтоб тебя леший унес в неворотимую сторону!

Да, видно, не в час и сказала. А леший-то как тут и был.

Девочка выбежала из-за стола и побежала, а сама ревет:

— Дяденька, дождидай! Дяденька, дождидай!

Теперича баба-то учухала (опомнилась), да и побежала за ней... И народ-то смотрит: что же это девчонка бежит. Ну как вихрем несет! Не могут догнать. И на конях, и всяко. Кое-как догнали. Теперь, как догнали ее, смотрят: у нее полный подол ернишных шишек.

— Это,— говорит,— мне дедушка набросал, шишки-то».

(Сибирь.)

«Это я вам про своего свекра расскажу. Тогда я еще молодая была. Он, мой свекор, ездил в город горшки продавать. Поехал один раз, все не продал. Едет домой... Кум ему на встречу попадает и говорит:

— Заезжай ко мне.

Он поехал. Приехал вроде. Коня выпряг. Тепло так, а на улице зима. Он взял бутылочку, взболтал и говорит:

— Господи, благослови!

Как сказал это, смотрит: сидит он в яме, снег кругом, ветер кружит, а горшки побиты и по яме разбросаны. Он — на коня и быстрее до дому, сразу и хмель весь вышел».

(Сибирь.)

Видом своим леший напоминает человека, может принять облик знакомого, родственника. Но если внимательно приглядеться, можно узнать его: на нем почти всегда красный кушак, «левая пола кафтана запахнута за правую, а не наоборот, как все обычно носят; обувь перепутана — правый лапоть надет на левую ногу, левый — на правую. Глаза у лешего зеленые и горят, как угли» (Ярославское Пошехонье).

Новгородцы уверяли, что леший большею частью является «стариком в белой одежде и белой большой шляпе, никогда не подпоясанным; всегда, когда садится, закидывает левую ногу на правую. Орловский леший — <...> пучеглазый, с густыми бровями, длинной зеленой бородой, волосы на голове ниже плеч и длиннее, чем у попов». Бровей и ресниц у лешего нет и только одно ухо — левое. «Носится леший по своим лесам как угорелый, быстро, едва соследимо и всегда без шапки», часто — с огромной дубиной в руках.

«От проказ лесного можно легко отчураться — конечно, прежде всего молитвой и крестным знаменiem, а затем известными приемами, которым учат с малолетства по заповедям отцов и прадедов. Заблудившему стоит только присесть на первой колоде, снять с себя и выверотить носильное платье наизнанку и таким надеть на себя. Обязательно при этом также левый лапоть надеть на правую ногу, переменить рукавицы».

«Вот старики рассказывают, что в лесу на тропе ложиться ночевать нельзя: будто кричит кто-то, свистит и колокольчики звенят. Доро́гой едешь, ночевать на тропе будешь ладиться — хозяин выгонит. Станешь на дороге ночевать — как кто идет, свистит! А то побежит, головешки в костре, всё разобьет, разбросат. Убегай лучше» (*Читинская обл.*).

Леший не только проказит, пугает, водит людей по лесу, он нередко помогает человеку, особенно если тот его чем-то уважил.

«Далеко от всякого жилья, в лесу, была у одного мужика земля, на ней усадьба поставлена, и жил он совсем один. Раз заходит к нему прохожий и просится ночевать. Мужик пустил его, накормил и спать уложил, а на утро, когда тот стал ему за ночлег денег давать, не взял, отказался. Вот и говорит ему прохожий:

— Жаловался ты, что со скотиной тяжело, что крутом лес, что скотина бывает заблудится, бывает зверье обидит. За хлеб-соль поставлю я тебе пастуха: утром ты из ворот выгони, ввечеру придут к воротам сами, только во двор загони. Но не ходи ты смотреть стада, когда оно выгнано.

И вправду стало так: ходит скотина целый день — к вечеру домой вернется сытая, молока много. Ходило стадо так три года, только и пришло в ум мужику: «Какой же я хозяин, что не знаю, кто у меня скотину пасет!» Сказал он и пошел в лес стадо искать. Нашел скоро: видит, пасется оно, а с краю полянки стоит высокая-высокая старуха, опершись ничком на палочку; дряхлая такая старушка, и всё качается, будто дремлет. Мужик-от подошел к ней, потянул ее за руку да и говорит: «Бабушка, ляг, отдохни!» А она ему: «Спасибо,

кормилец, спасибо, спасибо... Закачалась, стала меньше, меньше — и вовсе сгинула. Подивился мужик, пошел домой, а с тех пор перестал скот один в лес ходить, надо было мужику пастуха нанимать» (Петербургская губ.).

Луппа-брусничник.

Святого Луппа — мороз овсы лупит.
Луппы льны или овес лупят.

Начинаются утренники, вредные для овса и льна, и поэтому спешат убрать тот и другой.

Лен две недели цветет, четыре недели сплет,
а на седьмую семя летит.

Как Калина (11 августа) закалится,
так и Луппа залупит — утренник будет.

На Луппа брусника поспела, и овес отбронел (дошел).

Если доспевает брусника,
то и со жнитвом овса надо торопиться.
Если на Луппу журавли на юг потянули —
зима наступит ранняя.

Если журавли летят низко, то зима теплая,
если высоко — то холодная.

Журавли летят низко, быстро,
молчком — жди скорого ненастья.

По поднебесью веревка протянулась. (Журавли летят.)

Тит и Варфоломей.

Пришел Варфоломей — жито на золу сей.
Святой Тит последний гриб растит.

Гриб да огурец в животе не жилец.
 Ешь пирог с грибами, держи язык за зубами.
 Как пирог с грибами, так все с руками,
 а как плетъ с узлом, так и прочь с кузлом.
 Мы люди простые, не гордые: нету хлеба — подавай пироги.
 Назвавшись груздем, полезай в кузов!
 На окошке грибы не растут.
 Не смейся, горох, не лучше грибов,
 грибы поджарим, тебя отставим.
 Кто пораньше встает — тот грибов наберет,
 а сонливый да ленивый идут после за крапивой.
 Большой урожай грибов в течение лета предвещает
 продолжительную зиму.
 Грибы грибами, а молотъба за плечами.
 Пошла бы кума в лес за грибами,
 да навстречу ей медведь с зубами.
 Бояться волков — быть без грибков.
 Не всякий гриб в лукошко кладут.
 Говорила тебе я: «Ты не ешь грибов, Илья»,
 не послушал и покушал, теперь сам вини себя.
 Недороги обабки, дороги прикладки.
 С маслом да со сметаной грибы есть хорошо.
 При царе Косаре, когда грибы воевали.

«Вздумал гриб, разгадал боровик; под дубочком сидючи, на все грибы глядючи, стал приказывать: «Приходите вы, белянки, ко мне на войну». Отказались белянки: «Мы грибовые дворянки, не идем на войну». — «Приходите, рыжики, ко мне на войну». Отказались рыжики: «Мы богатые мужики, непонинны на войну идти». — «Приходите вы, волнушки, ко мне на войну». Отказались волнушки: «Мы господские стряпуши, не идем на войну». — «Приходите вы, опенки, ко мне на войну». Отказались опенки: «У нас ноги очень тонки, мы нейдем на войну». — «Приходите, грузди, ко мне на войну». — «Мы, грузди, — ребятушки дружны, пойдем на войну!»
 Это было, как царь-горох воевал с грибами».

Питалья-овсяница.

В этот день в одних местах закашивают овес,
 в других оканчивается уборка овса.
 Холодный утренник предвещает раннюю и холодную зиму.
 Варят овсяный кисель да пекут блины.
 Не вырастет овес — наглотаешься слез.
 Не кони везут, овес везет.

Не погоняй кнутом, погоняй мешком!
 Овесец и чистит и гладит.
 У сытого коня восемь ног.

На кургане-варгане стоит курочка с серьгами. (Овес.)
 В поле сережки на тоненькой ножке. (Овес.)

В поле жала и вязала
 Я овес зелененький.
 Три разка поцеловала,
 Мил пошел веселенький.

Я любила дожинать
 Овес — широки полосы.
 Я любила завлекать
 Кудрявы русы волосы.

Я люблю овес косить,
 Когда овес зелененький.
 Я люблю с дружкой сидеть,
 Когда дружок веселенький.

Жала, жала я овес,
 Перешла на гречу.
 Если милого увижу —
 Я к нему навстречу.

«В старину проводил простой люд очень весело овсяницу; косари, собравшиеся в этот день для косьбы овса, носили к хозяину в виде чучела овсяный сноп и получали от него подарки и угощения».

Вы зазвоньте, звоны,
 Во всем чистом поле!

Взвеселите господиню —
 Мы обжали ей ниву.

Уж мы жали, жали,
 Уж мы ей радели,

А обжавши ниву,
 Горелочки захотели.

Видит наше око,
 Что край недалеко.

Как до краю дождемся,
 Так горелочки напьемся,

Пирогов наедемся,
 Песен напоемся.

(Смоленская губ.)

Анна и Савва скирдники.

Спешат убрать хлеб в скирды.
 Хлеб складывают в одонья, клади, скирды.

ЗАГАДКИ ПРО СКИРДЫ И ОДОНЬЯ

Туты на туты, на тутовой горе,
все туты избиты, головы обриты,
ножи в головах.

Сито вито, соломой крыто,
а посередке-то золото.

Шли плотнички без топоров,
срубили избу без углов.

Стоит горница-безугольница.
Стоит в поле караул о двенадцати ног,
шапкой покрылся, копьём подперся.
(Скирда, стог с подпоркой.)

Завтра праздник — Иванов день,
Послезавтра — Олександров день,
Мой-от миленькой гулять пойдёт,
Меня, девушку, с собой возьмет,
При народе сестрицей назовет,
Без народа — сударушкой,
Задушевной люблюшкой.

У Ивана на головушке
Завиты были кудерушки
Во серебряно колечушко.—
Иссушил мое сердечушко
Суше этого колечушка,
Посушее позолоченного,
Сверху медью околоченного.
(Новгородская обл.)

Иван-постный, ПОЛЕТНИЙ, ПОЛЕТОВЩИК.

Иван постный пришел, лето красное увел.

Иван постный — осени отец крестный.

С постного Ивана не выходит мужик без кафтана.

Иван Предтеча гонит птицу за море далече.

На Ивана Крестителя журавли пошли на юг — к ранней зиме.

С Ивана постного убирали рспу.

«Репный» праздник отмечался без песен, но обильной едой и угощением нищих, бедных странников.

*Иван постный — последний срок стлать лен
на стлищах (Воронежская губ.).*

*Если на Ивана Купалу
собирают преимущественно травы,
то на Ивана постного — корни.*

Иван «постный», «полетный» — это народные, несколько фамильярные названия церковного праздника Усекновения главы Иоанна Крестителя. С библейской легендой, лежащей в основе этого праздника, связаны запреты на еду всего круглого, на пение и пляски.

Соблюдался строгий пост, нельзя было употреблять в пищу яблоки, картофеля, капусту, арбузы, лук, то есть то, что напоминает голову; считалось грехом брать в руки нож и резать что бы то ни было. Не поют песен и не пляшут, потому что Иродова дочь плясанием и песнями выпросила отрубить голову Иоанна Крестителя.

Куприян.

На Куприяна начинают дергать корнеплоды (кроме репы), копают картофель.

Как известно, картофель в России вошел в употребление только в XVIII веке, но довольно быстро стал одной из важнейших сельскохозяйственных культур.

*Картофель хлебу подспорье.
Картошка хлебу присошка.*

ЗАГАДКИ ПРО КАРТОФЕЛЬ

*Между гор, между ям
сидит птица холуян,
несет яйца — божий дар.*

*Курочка пустодом
свила гнездо за двором,
яйца несет,
в землю кладет.*

СИМЕОН СТОЛПНИК. СЕМЁН-ЛЕТОПРОВОДЕЦ, СЕМЁН-ДЕНЬ. Марфа.

Если на Семен-день теплая погода,
то вся зима будет тепла.

Если Марфа грязна вышла,
то осень должна быть дождливой (Пинежье).
На Семен-день ветер дует из южного края—
будет зима гнилая или теплая.

Если на Семен-день ветер из-под солнца,
зимой ветры будут с севера (Воронежская губ.).

Сухая осень, коли на Семен-день сухо.
На Семеновы осенины много тенетника—
осень долгая да ясная.

На Семена ясно — осень ведреная (Тульская губ.).

Если много тенетника, дикие утки садятся,
а скворцы не отлетают — осень протяжная и сухая.

Если гуси улетают на Семен-день,
жди ранней зимы (Подмосковье).

После Семена журавли отлетают в теплый край.
На Семена Столпника ласточки ложатся вереницами
в озера и колодцы.

На Семен-день ужи выходят на берег,
ходят по лугам на три версты.

В этот день черт меряет воробьев меркою:
сколько взять себе, а сколько выпустить;
для этого воробьи все собираются к нему,
и потому в Семен-день их нигде нельзя увидеть.

Время с Семена-дня по 21 сентября называется бабьим летом.

*Если первый день бабьего лета будет ясный и теплый,
то и вся осень будет теплая и ведреная,
и наоборот.*

*Бабье лето ненастно — осень сухая.
Семен лето провожает, бабье лето наводит.*

*На Семен-день ясно — бабье лето теплое.
С бабьего лета — бабий праздник и бабьи работы.*

Поскольку с середины XIV века до 1700 г. начало года на Руси отсчитывали с 1 сентября, а день Симеона Столпника по старому стилю приходился на 1 сентября, с ним связано большое количество начинаний или завершений разного рода работ, сроков и т. п.

С Семена начинались засидки, то есть работа в избах при огне. Под Семен-день вечером гасят старый огонь, а утром вытирают новый из дерева. Яровое обязательно убирается к Симеону Столпнику.

Коли на Семен-день не убрали колосовые, считай, пропал урожай: зерно выпало наземь.

На Семен-день последний посев ржи.

Семен-день — семена долой, то есть семена сами выпадают из колосьев (Воронежская губ.).

Семен-день — семена долой: грех хлеб сеять.

В Семенов день севалка с плеч.

При этом во многих местах озимый посев указан на Семенов день.

*В Семен-день до обеда паши,
а после обеда пахаря с поля гони.*

Присловье это понимали по-разному: либо как намек на то, что с наступлением сентябрьских дней ясная утренняя погода к полудню часто сменяется холодом и ненастьем, либо как напоминание о завершении работ с землей.

До обеда паши, а после обеда руками маши.

*В Семен-день с головней на постать ходи:
начинаются холода.*

С Семена начинают мочить коноплю, сушить и мять лен.

Мни лен доле, волокна будет боле.

*Лен стели к бабьему лету,
а подымай к Казанской (4 ноября) (Нижегородская губ.).*

Там, где имеются бахчи, в этот день снимают с гряд дыни, арбузы, а также начинают копать картофель.

В половине сентября страда обыкновенно кончается, отворяют ворота в поле и пускают скот. До уборки хлеба ворота заперты, и скот ходит в поскотине (Тюменский край).

На Симеона Столпника солят огурцы.

В старину на Летопроводца в сельском быту оканчивались все торговые и хозяйственные договоры и сделки.

«Это срочный день для взноса оброков, пошлин и пода-тей, и с этого же дня обыкновенно начинаются и прекраща-

ются все условия и договоры, заключаемые поселянами между собой и с торговыми людьми (отдача в наем земли, рыбных ловель и других угодий)».

В Древней Руси Семен-день имел значение юридическое. Этот день был сроком для взноса государственных податей и для явки к суду по делам тяжёлым и к судебному свидетельству.

«На Симеона Летопроводца государи русские давали свой личный суд всем имеющим на кого-либо жалобы... Из грамот царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича видно, что монастырским людям и крестьянам назначалось три срока в году ставиться на суд царский: Семен-день, Троицын день и Рождество Христово».

В течение долгих веков сохранялся обычай на день Симеона сажать на коня мальчика «при переходе от младенчества (по четвертому году)».

*На Семена дитя постригай и на коня сажай
и на ловлю в поле выезжай.*

*Первый праздник псарных охотников,
выезд в отъезжее поле.*

Охотники на Семен-день притравливали зайцев.

В Тюменском крае охотники, пока земля не промерзла, начинали ставить очеп, чтобы зимой по снегу зайцев ловить. «Предварительно отыскивается в лесу заячья дорожка или тропа. Где-нибудь в тесном месте около этой тропы ставится в землю кол приблизительно трех аршин высотой с виллообразною верхушкой. На этот кол кладется очеп, который представляет из себя нетолстый ствол березы или осины. В землю около самой тропы вбивается маленький колышек, на который надевается сделанный из мочала подпетельник. Пока этим и ограничивается устройство очепа.

Впоследствии, когда выпадет снег, зайцы обыкновенно не бросают летней тропы, а продолжают по ней бегать. Тогда к очепу привязывают петлю и настораживают на тропу. По общепринятому мнению, зайцев ловить может не всякий, а только тот, кто знает «словинку», то есть особый наговор. А словинку знают немногие, поэтому и зайцев ловят лишь некоторые крестьяне».

В 1910 г. на Северной Двине, в одной из деревень Шенкурского уезда, был записан такой заговор «на охоту»:

«Стану благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, изо двора воротами, в чисто поле заворыма, в чистое поле, в восточную сторону, на синее море, на синем море есть

остров, на том острове есть церква, в той церкви есть престол, на престоле сам Исус Христос и пресвятая Мати Божья Богородица. По праву сторону железной тын, по леву сторону огненна река. Помолюсе и покорюсе, пресвятая Мати Божья Богородица, забивай и гони в мои ловушки. По праву сторону скочить — тут железной тын, по леву сторону скочить — тут огненна река; тут убьешьсе, а тут сгоришь, иди безотпаточно и безотворотно. От веку по веку, отныне до веку. Дай, господи, пришли, господи, надели, господи мне, рабу божьему белого звиря, зайца чёрноухого, долгоухого».

«Русаки — большие охотники до хлебной пищи, — писал, основываясь на своих наблюдениях, С. Т. Аксаков, — и потому ближайшие от деревень постоянно посещают хлебные гумна, даже ложатся в них на день и так бывают смелы, что, несмотря на ежедневные крестьянские работы и на гам народа и стук цепов, остаются спокойно на своих логовах. Таких русаков называют гуменниками; они сытее и резвее других. Я много раз сам нахаживал русаков на гумнах и бивал их. Один раз при мне поймали у самой риги русака в огромной куче длинных дров, куда он залезал на день: крестьянин, сшивший ригу, заметил на заре, что заяц влез в дрова, и заставил лазею плахой. Около Москвы, где хлеб обмолачивается с осени, русаки ходят есть сено в сенные сараи. Иногда делают то же и беляки».

ЗАГАДКИ ПРО ЗАЙЦА

Косой бес поскакал в лес.

На гору бегом, а с горы кувырком.

Комочек пуха,
длинное ухо,
прыгает ловко,
любит морковку.

С Семена-дня до Гурия (28 ноября) — свадебные недели.

Для парня посвататься — все равно,
что дровней попросить:

не дадут в одном месте, дадут в другом.

Сватались к девушке тридцать с одним,
а быть ей за одним.

Девка на поре, женихи на дворе.

Переходы в Семен-день на новоселье — счастье и веселье.

На Семена хоронят мух и тараканов (чтобы пропали).

В Семен-день зарывают в землю блох,
тараканов и прочих домашних насекомых,
чтоб не водились в доме (Тамбовская губ.).

Убьешь муху до Семена-дня — народится семь мух;
убьешь после Семена-дня — умрет семь мух.

«Потешный» обычай хоронить мух и тараканов (таким он казался этнографам, собирателям, образованным людям прошлого века) сводился к следующему:

«Похороны устраивают девушки, для чего вырезают из репы, брюквы или моркови маленькие гробики. В эти гробики сажают горсть пойманных мух, закрывают их и с шутиливой торжественностью (а иногда с плачем и причитаниями) выносят из избы, чтобы предать земле. При этом во время выноса кто-нибудь должен гнать мух из избы «рукатерником» (полотенцем) и приговаривать: «Муха по мухе, летите мух хоронить»; или: «Мухи вы мухи, комаровы подруги, пора умирать. Муха муху ешь, а последняя сама себя съешь».

Обряд этот сопровождался специальными песнями, например:

Таракан дрова рубил,
Комар водушку носил,
В грязи ножки увязил.
Вошка парилася
Да ударилася
Ненароком—
Правым боком:
Ребро вывихнула.
Клопы подымали,
Живот надорвали.
(Тверская губ.)

Два братца, два Кондратца
Нову баенку строили;
Две сестрички, две лисички
Нову баенку топили.
Повела вошка блошку
В нову баенку.
Муха пару подавала,
Вошка парилася;
С перепару вошь упала—
Ножку выломала.
Ты сходи-ко к воеводе,
Попроси-ко воеводу...
<...>
Два дни лечилася—
На третий в могилу.
...А попы были клопы,
А дьячки были сверчки.
Тараканы погребали,
Мыши голос подавали:
«Помяни нашу рабу,
Серу вошь во гробу».
(Калужская губ.)

Стукнуло, грянуло в лесе:
 Комар с дуба свалился,
 Упал он на коренище,
 Сбил он себе плечище.
 Слетались мухи-горюхи,
 Славные наши громотуки.
 Стали они возглашати,
 Что о комаре вспоминати:
 «Ах ты наш светик, комар!
 Жаль нам тебя немалу.
 Как будешь ты умирати,
 Где нам тебя погребати?» —
 «Схороните меня во поле,
 Во зеленой во дуброве, —
 Там-то ребята бывают,
 Зелено вино распивают,
 Туды-сюды зазирают,
 Про комара вспоминают:
 — Тут-то лежит комарище,
 Удалой парень, ребятаще!»
 (Самарская губ.)

Уже в конце прошлого столетия песни эти в большинстве своем стали восприниматься и исполняться или как детские потешки, или как шутки-небылицы, а сам обряд превратился действительно в забаву, веселую игру.

Мамонт-овчарник; Федот и Руфина.

Федот и Руфина — не выгоняй со двора поутру скотину:
 выгонишь — беду нагонишь.

Мамонт — покровитель овец и коз. Причиной такой «специализации» этого святого явился «Пролог», в котором сказано, «что когда святой Мамонт жил в пустыне, то ему особенную услугу оказывали дикие овцы. Они сами приходили к нему, и он доил их и приготовлял сыры, которыми не только сам питался, но и торговал ими, раздавая вырученные деньги бедным и немощным».

После окончания всех полевых работ полная свобода дается парням, на долю которых выпало идти в рекруты. До самого набора (обычно в ноябре) они освобождались от работ, гуляли в нарядной, праздничной одежде, поочередно ходили друг к другу в гости.

Вы прощайте, девки, бабы,
Нам теперя не до вас.
Нам теперя не до вас,
Нам подходит горький час.
Нам подходит горький час—
Нам в солдатушки сейчас.
Меня в солдатушки сдадут,
Милашку замуж отдадут.

Неужели это будет
Переменушка в году:
Шапку с номером наденут
На головушку мою?

Меня маменька стегала
От березки прутиком.
Мне родима говорила:
«Не гуляй с рекрутиком».

Белая березонька
К земле приклонилася,
Несчастливая девчоночка
В рекрутика влюбилася.

Меня в солдаты, молодца,
Милашку замуж за вдовца.
Меня в солдаты на пять лет,
Милашку замуж на весь век.

Как у ласточки у касаточки
На лету крылья примахалися,
Как у душечки красной девицы
На ходу ноги подломилися;
У дородного добра молодца
В три ряда кудри завивалися,
Во четвертый ряд по плечам лежат,
Ой, во пятый ряд с плеч валилися.
Ой, почуяли черны кудри
Что невзгодушку великую,
Что служить службу государеву.
Повели тут добра молодца
В канцелярию государеву,
Записали добра молодца
Во драгуны государевы.
Ой, не жаль-то мне черных кудрей,
Только жаль мне своей стороны,

На сторонушке три зазнобушки;
Ой, как первая зазнобушка—
Расставался я с отцом, с матерью,
С отцом, с матерью, с сиротами ребятками,
С молодой женой, с моими малыми детками.

Ночесь-ночесь, молодцу, мне мало спалось,
Мало мне спалось — много во сне виделось.
Привиделся молодцу нехороший сон:
Будто меня, молодца, добрый конь разнес,
Добрый конь вороненький под браным ковром,
Под браным коверышком, в черкасском седле,
В черкасском седле, в тесмяной узде.
Свалилась у молодца шапка с головы,
Не простая шапочка — с кисточкой картуз:
Знать-то, мне-ка, молодцу, во несчастье быть,
Во таком несчастье — в солдатах служить,
Моей родной маменьке — век свой слезу лить,
Моей молодой жене — век солдаткой быть,
Моим малым деточкам — век сиротовать.

Погуляйте-ка, ребята,
Погуляйте, молодцы.
Пока не сданы в солдаты—
Дали волю вам отцы.

Пеки, мама, пироги—
Последний год побереги,
Хоть немножко приуважь—
Сверху маслицем помажь.

Поиграй, моя гармонья,
Пока не разбитая,
Погуляй, моя головка,
Пока не забритая.

Дай-ка, тятя, разгуляться,
Нам недолго вместе жить:
Тебе дома оставаться,
Мне в солдатушках служить.

Погуляемте, ребята,
По своим деревенькам,
Скоро, скоро нас разгонят
По чужим губеренькам.

Листья вянут на дубах,
Я гуляю в рекрутах.
Листья с дуба упадут —
Меня в солдаты отдадут.

За лесом солнце осветило, и черный ворон прокричал.
Слеза моя на грудь скатилась, последний раз я вам сказал.
У нас в семье было три брата, семья в согласии жила,
А тут пришла такая участь — в солдаты требуют с отца.
Пришел отец из волостных и детям жалобно сказал:
— Ох, вы дети, мои дети, которому из вас служить? —
У старшего жена и дети, его на службу не возьмут.
А младший сын годами молод, его на службу жаль отдать. —
Тут средний сын горько заплакал, в слезах товарищам сказал:
— Последний нонешний денечек гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сестры, заплачет мать и мой отец,
Еще заплачет дорогая, с которой три года гулял.
Коляска быстро подкатилась около дома моего,
С коляски старшие кричали: готовь — готовьте сына своего.
Крестьянский сын давно готовый, семья вся замертво лежит.

Ах ты, сударушка моя,
Моли-ка богу за меня,
Моли-ка богу за меня,
Чтоб от солдат остался я.
Уж от солдат останусь я,
Ты будешь жёночка моя.

Женят, женят нас, молодчиков,
Во нонешнем году
И дадут нам по винтовке,
По казенному ружью.

«Уж ты сад, ты мой сад, сад зелененький,
Почему ж ты, мой сад, да не рясно цветешь,
Да не рясно цветешь, осыпаешься?
Ты куда, мой милой, собираешься?
Чи у ход, чи в поход, чи в дороженьку?» —
«Я не в ход, не в поход, не в дороженьку,
Собираюсь я у солдатушки!» —
«Заночуй у меня хоша ноченьку!» —
«Уж я рад ночевать всю неделюшку,
Да боюсь же я начальника!» —
«Ты не бойся, милой: я рано встаю,
Я рано встаю и тебя узбужу!..
Уставай, мой милой! Кочеты кричат,
Кочеты кричат, барабаны бьют,
Барабаны бьют, солдаты идут!»

Василиса, Домна.

*Василиса — со льнами торопится.
На Домну бабы собирают в дом всякую рухлядь,
чтобы приобрести благополучие на осень.*

Во многих местах особенно уважают старые, изношенные лапти, которые считаются верным средством от сглаза.

Так, в Вятской губ. изношенные лапти в большом количестве «привешивают под клюками у крыш скотных дворов на лицевую сторону, для того чтобы скотина всякая велась», «ее никто тогда не «изурочит» или не сглазит».

В селах Тамбовской губернии «во многих дворах при входе в ворота бросается в глаза связка (от 50 до 100 штук) «асметков», т. е. изношенных лаптей, привешенная или к столбу, поддерживающему навес над воротами, или около крыльца: «это от лихого глаза. Когда лихой человек взглянет на них и подивится, тогда уж он ничего у меня на дворе не сможет сглазить».

Смоленский крестьянин, у которого вокруг огорода на каждом почти колу висит по старому лаптю, объяснил: «Ты вот пришел к огороду да и дивишься лаптям, считаешь, сколько их, а на огород мой и не смотришь. Коли бы не эти лапти, у меня бы такой капусты не было: ...либо червь бы съел ее, либо какая мошка навалилась бы, и кочаньев-то не было бы, а то видишь, какие кочанья!»

Богородица Неопалимая Купина. Луков день.

Неопалимая Купина считается охранительницей от пожара и молнии. Она может уберечь от пожара, но может и наслать гром, молнии, огонь и камни с неба, как Илья-пророк.

Крестьяне молились Неопалимой Купине о защите дома и скота от огня.

*На Неопалимую Купину начинают
выкапывать лук из гряд.*

Михаил.

*Михайловские утренники.
День укоротился уже на 5 часов.
На Михайлу нельзя работать — бог накажет.*

Созонг.

*Начинается уборка лука повсеместно.
Идет торг репчатым луком.
Лук добро и в бою и во щах.
Лук от семи недуг.
Лук да баня все правят.
Много одежды на луковицах — быть зиме холодной.*

ЗАГАДКИ ПРО ЛУК

Стоит поп на грядках, весь в заплатках,
кто ни взглянет, всяк заплачет.

Сидит Марфутка в четырех шубках,
кто поцелует, тот и сморщится.

Все меня любят,
а как раздевать —
слезы проливать.

*В старинных русских лечебниках-травниках писалось:
«Во время морового поветрия или иных прилипчивых болезней нужно развешать в комнатах связки луковиц, отчего не проникает в них зараза, да и воздух в покоях очистится»;
«Во время скотского падежа нанизывают на нитку поболее луковиц и чесночных головок и привязывают на шею коровам, лошадям и другим домашним животным, чтобы не заразились».*

Рождество Богородицы. Осеннины. Оспожинки.

Как и в день весеннего равноденствия, в этот день обновлялся в избах огонь — старый гасили, а новый возжигали.

Вторая встреча осени.

Луков день (Ярославская, Вологодская губ.) — собирают лук с гряд.

Пасиков день (Пензенская, Саратовская губ.) — убирают пчел с пасек или пчельников.

С рождества Богородицы — луковая неделя, женщины убирают лук.

В этот день ужи сушатся на дорогах, и потому ходить опасно.

Женщины встречают осень у воды.

К новобрачным идет в гости родня.

Оспожинки — это, по существу, праздник урожая: «оспожинки справляются иногда в течение целой недели: чем урожайнее было лето, тем продолжительнее праздник», отмечаемый хождением в гости, широким хлебосольством. Обязательным считалось приглашение молодых к родителям (тестю и теще) вместе со свекром и свекровью для установления и скрепления добрых, мирных отношений между семьями сватов и между невесткой и родителями мужа.

Внуки нередко остаются у бабушки с дедушкой на несколько дней после праздника.

21 сентября на торжество (рождество) Богородицы исполнялась игровая песня.

Вейся ты, хмель,	Мужики богаты!
перевейся,	Что мужики-то богаты,
На нашу сторонку.	Каменны палаты!
Как на нашей на сторонке	Что каменны палаты,
Приволье большое!	Двери золотые,
А приволье-то большое,	Что маковки литые!

(Костромская губ.)

Ой, сегодняшний денек
Забрал девушку хмелек.

Калинка моя, малинка моя!
А забрал хмелек —
Полюбил паренек.

Калинка моя, малинка моя!
Забрал хмелек —
Полюбил паренек.

Калинка моя, малинка моя!
Макар-молодец
Александрович холостой.

Калинка моя, малинка моя!
Полюбил баской детина
С низу-низовой купец.

Калинка моя, малинка моя!
С низу-низовой купец
Да Макар-молодец.

Калинка моя, малинка моя!
Макар-молодец
Олександрыч холостой.

Калинка моя, малинка моя!
(Новгородская губ.)

Никогда девку хмелинка
Не размышвала.
Разняла девку хмелинка,
Полюбил баской детинка,
Иванушка-сиротинка,
С низу-низовой купец,
Разудалый молодец.
Стал ко мне в гости ходить
Да гостинчики носить.

Он гостинчики носил,
С собой девку пригласил,
В Нижний город завозил,
На рыночке становил.
«Посмотрите-ка, ребята,
Что за девица краса —
А что девица краса,
Да из дальна города!»

(Вологодская губ.)

От чего хмелек завелся —
От соломенки гнилой.
Ой, люли, ой, люли,
Да от соломенки гнилой¹.

От соломенки гнилой,
Да от земельки от сырой.

Кто с хмельком повóдится,
Да тот нагой находится.

Во кабаk идет детина,
Точно алый мак цветет,

Из кабака идет детина —
Точно липочка гола.

Точно липочка гола,
Как матушка родила.

Как матушка родила.
Да жена мужа бранила:

«Все ты пропил, прогулял,
Да все приданое мое.

Все придано, богодано,
Мой зеленый сарафан.

Мой зеленый сарафан
Да свой коричневый кафтан.

Я обиды не стерплю —
Поварешкой отвожу.

Буду голодом морить —
Позабудешь водку пить!»

(Пермская губ.)

Пётр-Павел-рябинники.

«Срывали ягоды рябины и кистями вешали под крышу.
Часть рябины предусмотрительно оставляли на кусту —
дроздам-рябинникам, снегирам-краснозобам
и всякой другой птице».

Если рябины в лесу много — осень дождливая,
если же мало — сухая.

¹ Припев исполняется после каждого двустишия с повтором второй строки.

Как рябины много уродилось, то сыра осень будет;
а как нет горазно, то суха осень живет (Пинкже).
«Много ягод на рябине предвещает строгую зиму..
посему и заготавливают тогда рябинный квас,
слабительный и прохладительный,
предсказывая на зиму воспалительные болезни,
неразлучные со строгою зимою».

Я рябинушку ломала,
Со рябины пала кись,
Правой рученькой махала:
Приходи рябину ись!

Пойду в сад поотломаю
Красную рябинушку.
Завлеку — гулять не буду,
Пусть походит зимушку.

Пусть воробушки летают,
Пусть рябинушку клюют.
Отбивают паренька,
Но едва ли отобьют.

Не от солнышка рябина
Кисти принавесила.
Не от радости девчонка
Голову спровесила.

Я рябинушку ломала,
Только ветку сорвала.
Много с милым не гуляла,
Только славу нажила.

Я пойду да помолюся
У рябинушки густой:
Ты спаси, меня, рябинушка,
От славушки пустой.

Ты рябинушка,
Раскудрявая!
Ты когда взошла,
Когда выросла?
Я весной взошла,
Летом выросла,
По зорям цвела,
Солнцем вызрела.
Под тобою ли,

Под рябиною
Там не цвет цветет,
Не огонь горит,—
Там горит сердце
Молодецкое,
Молодецкое,
Атаманское
Об одной душе,
Душе-девице...

С вечера мою рябину дождичком мочило,
Со полуночи рябину ветром обдувает.
Ветер дует, солнце греет, рябина алеет;
Что рябинушка алеет, мой милой далеет.
Во долину отъезжает, не со мной гуляет,
Не со мною, со младою, с девкой младою.
Уж я в пятницу не буду, в субботу не ждите,
В воскресенье непременно к вечеру прибуду,
К вечеру прибуду, кольцом подарую.
Я колечком подарую, три раза поцелую.

Федора — обдѣра, замочи хвосты.

В Федору лето кончается, осень начинается.
Третья встреча осени.

Не каждое лето до Федоры дотянет.
Если пчелы заводят в другой раз летку,
то будет продолжительная
и теплая осень (Воронежская губ.).

Становится слякотно, все чаще идут дожди:
Федора — замочи хвосты.

Осенние Федоры подол подтыкают,
а зимние Федоры (12 января) платком рыло закрывают.
Федоры-обдеры: обивается оставшийся на корню хлеб.

В этот день осень ездит на гнедой кобыле.
Преподобная Феодора — всякому делу аминь.
Ходят смотреть озимые всходы.
Не хвали сусло, а хвали пиво; не хвали озимей,
а хвали жниво.

Озимь в сусек не кладут.

Артамон.

На Артамона змеи уходят в леса и прячутся.

Корнилий.

*С Корнилья корень в земле не растёт, а зябнет.
Убирают все корневые овощи — картофель, брюкву,
морковь, хрен и т. д., кроме репы.*

Воздвижение.

В Здвижение сивер, так лето тёпло будет.

Все приметы, характеристики и рекомендации этого дня так или иначе связаны со словом «двигаться» («двинуться»), от которого, вероятно, крестьяне производили и само название церковного праздника, давшее наименование дню 14 (27) сентября.

*Здвижение — хлеб с поля на гумно движется.
Воздвижение — последняя копна с поля двинулась.
Воздвижение осень зиме навстречу двигает.
На Воздвижение зазимки — мужику не беда.
Воздвиженские зазимки не беда,
что-то скажет Покров-батюшка.
Пришло Здвижение — кафтан с шубой сдвинулся,
и шапка надвинулась.
Воздвижение кафтан с плеч сдвинет, тулуп надвинет.
Воздвижение задвинет зипун, подвинет шубу.*

*На Воздвижение птица в отлет двинулась.
В этот день медведь залегает в берлогу.
Высоко летят гуси в Воздвижение — к высокому половодью,
низко — к малому.*

По народному замечанию, на праздник Воздвиженья гады и другие пресмыкающиеся животные уходят в какие-то неведомые теплые страны, которые называют ирьем или вырием. Туда же улетают и ласточки.

*На Воздвижение ни змеи и никакой гад
по земле не движется.*

*Змеи, сбившись клубками, под трухлявые пни попрятались,
в спячку впадают.*

*Змея и гад не движется (обмирает или лезет по деревьям
в вырай, в теплый край,*

а которая укусила человека — остается на земле).

*На Воздвижение, если змея ужалит кого-либо,
то ей не уползти, так как в наказание она остается
мерзнуть в холодные дни.*

*Первой улетает в обетованную страну
и последнюю возвращается оттуда — кукушка,
которая поэтому и зовется ключницей Вирай.*

*На Воздвижение в лес ходить нельзя,
так как тогда ужи в вирий идут.*

По мнению орловцев, тамбовцев и владимирцев, «в день Воздвиженья все змеи, ужи и вообще все пресмыкающиеся «сдвигаются», т. е. сползаются в одно место, под землю, к своей матери, где и проводят всю зиму, вплоть до первого весеннего грома, который служит как бы сигналом, разрешающим гадине выползать из чрева матери-земли и жить на воле. Вот почему на праздник Воздвиженья <...> мужики на весь день тщательно запирают ворота, двери и калитки из боязни, чтобы гады, ползущие к своей матери под землю, не заползли по ошибке на мужичий двор и не спрятались там под навозом или в соломе и нарах».

«Лешие вместе с оборотнями и прочей нежитью считают день Воздвиженья каким-то срочным для себя днем. Лешие, например, стоняют в этот день в одно место все подвластное им зверье, как бы делая ему смотр перед наступающей зимой». В лес, и по этой причине, на Здвижение ходить нельзя.

«Крестьяне повсюду верят, что день Воздвиженья принадлежит к числу тех, в которые не следует начинать никакого важного и значительного дела, так как все, начатое в этот день, или кончится полной неудачей, или будет безуспешно и бесполезно».

По другим сведениям, в день Воздвиженья крестьяне воздвигали часовни, кресты; соблюдали пост.

С Воздвиженья начинали рубить капусту.

*На Воздвиженье первая барыня — капуста.
Смекая, баба, про капусту на Воздвиженьев день
У доброго мужика на Воздвиженьев день
и пирог с капустой.*

На Здвиженье у доброго молодца капуста у крыльца.

На Воздвиженье начало капустникам, капустницам, капустенским вечерам, кои длятся две недели.

Молодежь затевала вечеринку — капустник, начиная посиделки.

Вейся ли, вейся, капуста,
Вейся ли, вейся, белая!
Во саду ли во зеленом
Гуляй, душечка родная.
Как вечер на капусту,
Как вечер на белую
Частый дождик поливал.
В кругу молодец гуляет,

Себе пару выбирает:
Лизавету — по совету,
А Настасью — по согласью.
Я Аленушку люблю,
Шелковой платок куплю, —
Сто рублей заплачу.
Сто рублей нам нипочем —
Гуляй девка с молодцом!

(Смоленщина.)

Пикета-гусепролёт, гусарь, гусятник, репорез.

«Столько прозваний этому святому дано потому, — объясняли «Тамбовские губернские ведомости» в 1864 году, — что с этого дня начинают срезывать репу, бить домашних гусей; дикие же гуси поднимаются из наших стран восвояси на зимовье. С этого же дня начинают стричь овец».

Гуси летят в отлет.

Гуси летят — зимушку на хвосте тащат:

Праздник гусятников — охотников на диких гусей. «К концу сентября, то есть ко времени своего отлета, гуси делаются очень жирны, особенно старые, но, по замечанию и выражению охотников, тогда только получают отличный вкус, когда «хватят ледку», что, впрочем, в исходе сентября у нас не редкость, ибо от утренних морозов замерзают лужи и делаются закраины по мелководью около берегов на прудах и заливах. От ледку или от чего другого, только чем позднее осень, тем вкуснее становится гусь».

В этот день били домашних гусей.

На Никиту «задабривают водяного, бросая ему гуся без головы, которую относят домой, для счета домового».

На «гусаря» Никиту стригли овец. До больших холодов они успевали обрасти новой шерстью, а снятая шла на валенки, шерстяные онучи.

Видно мужика на репе, знать, подошли репорезы.

Не дремли, баба, на репорезов день.

Дергают репу, обрезают ботву и корень.

Поел бы репки, да зубы редки.

Репа брюху не укрепа.

Репу ели свежую, пареную, вяленую. Пекли пироги с репой, делали репной квас, варили кашу.

Проще пареной репы ничего нету.

ЗАГАДКИ ПРО РЕПУ

В землю — крошки, из земли — лепешки.

Кину кидком, вырастет клубом,
под зеленым под садком с хвостиком.

Кругла, да не деньга,
красна, да не девка,
с хвостом, да немышь.

Круглое, как месяц,
листья, как ель,
а хвост, как у мыши.

Сверху зелено,
посередке толсто,
к концу остро.

**Софья, Вера,
Надежда, Любовь.**

Всесветные бабы именины

ОКТЯБРЬ

ПОЗНАМНИК, ЛИСТОПАД, ГРЯЗНИК, СВАДЕВНИК.

Знать осень в октябре по грязи.
Октябрь-грязник ни колеса, ни полоза не любит.
В октябре ни на колесах, ни на санях.
В осеннее ненастье семь погод на дворе: сеет, веет,
крутит, мутит, ревет, сверху льет и снизу метет.
Плачет октябрь холодными слезами.
Октябрь — месяц близкой пороши.
В октябре на одном часу и дождь и снег.
Сентябрь пахнет яблоком, октябрь — капустой.
Апрель обилен водою, а октябрь пивом.
Ох ты, батюшка-октябрь, только и добра в тебе,
что пивом взял!
В октябре только и ягод, что рябина.
В октябре та бабам и работа, что льны приспевают.
Всем бы октябрь взял, да мужику ходу нет.
В октябре и изба с дровами и мужик с лаптями,
а спорины все нет.
В октябре мужик живет с оглядкой.

Октябрьский гром — зима бесснежная.
Осенний иней — к сухой и солнечной погоде,
к вёдру, к теплу.
С какого числа в октябре пойдёт година,
с того числа весна откроется в апреле.
В октябре луна в кругу — лето сухое будет.
К октябрю березы оголяются.
Если лист с дуба и березы упал чисто — легкий год,
не чисто — к строгой, суровой зиме.

Если лист ложится на землю вверх изнанкой — к урожаю.
 Добрая отава — к озими.
 Ива рано инеем покрылась — к долгой зиме.
 Если много орехов,
 а грибов нет — зима будет снежная и суровая.
 Если кроты носят много соломы в свои норы —
 зима идет холодная.

Арина-журавлиный лёт.

Если на Арину журавли полетят,
 то на Покров надо ждать первого мороза;
 а если их не видно в этот день — раньше Артемьева дня
 (2 ноября) не ударить ни одному морозу.
 «Колесом дорога!» — кричат журавлям,
 чтобы их воротить.
 Арина-шиповница: собирают плоды шиповника,
 сушат их.
 Арина — истопница овинная.
 Если бурьяны выросли очень высокие —
 будет много снега.

Зосима-заступник пчёл, лакомый стол.

Трофим.

Ставят ульи в омшаник, готовят их к зиме.
 Собирают мед.
 Со 2 по 10 октября — пчелиная девятина.
 При теплой осени и в более южных районах
 ульи убирают на Савватия (10 октября).
 Улья в погреб ставь, праздник меда правь.

Молодежь устраивает Трофимовские вечерки — выбирают женихов.

И шла Маша по дорожке,
 Потеряла две сережки,
 Два серебряных кольца,
 Выбирай-ка молодца.

Посмотрите-ка на нас,
Какая пара создалась,
Парочка прелестная,
Выбирай любезную (или любезного).

В царском доме на балконе
Сидит молодец в уборе.
Он в гитарушку играл,
Себе девицу выбирал.

Ты журавель длинноногий,
Не ходи ты по дороге,
А ходи по полосам,
Где боронят боронам.
Бороны железные,
Выбирай любезную.

Уж чья эта прекрасна,
В косе ленточка атласна,
Сарафан с белой каймой,
Вы пожалуйста со мной.

Я сидела на угоре
На такой на высоте.
Дай ты, боже, помоложе,
По моей по красоте.

Какой сюртук, какие брюки
У милого моего.
Он возьмет гармошку в руки,
Все смотрела б на него.

Не люби, парень, мещанку,
Люби девушку-крестьянку,
Ведь крестьянка жнет и косит,
А мещанка чаю просит.

Лежит камушек гранатый,
Мой забава небогатый.
Колосится в поле рожь —
Небогатый, да хорош.

Ты гуляй, гуляй, онуча,
Гуляй, лаптева сестра,
Ты гуляй, онуча с лаптем,
Хоть до самого утра.

Заплетала русу косу,
Шел миленочек с покосу.
«Погляди-ка, батюшка,
Хорош ли будет зятюшка?»

Говорят, семья большая
У милого моего.
Семья большая, да согласная,
Любить буду его.

Мне не нужен дом кирпичный —
Был бы милый симпатичный.
Был бы милый по душе —
Проживем и в шалаше.

Я не знаю, как сказать,
Чтоб судьбу с твоей связать,
Чтобы путать — не распутать,
Чтобы рвать — не разорвать.

Сидела Катюшенька
В новой горенке одна,
Шила моя Катенька
Тонки белы рукава,
Вышивши рукавчики,
В терем к батюшке пошла:
«Родимый мой батюшка,
Ты подумай обо мне!» —
«Думаю, подумаю:
В монастырь, Катя, поди!» —
«Родимый мой батюшка,
В монастырь я не гожусь,
На старой игуменье
Всю рясу изорву,
Молоду священнику
Ему в щеку запалю,
Молодых монашенёк —
А я всех их оскверню.
Уж я всех оскверню».

Сватался к Катеньке
Из Сан-Питера купец,
Хвалил он, похваливал
Он свое житье-бытье:
«У меня, у молодца,
Полтораста кораблей!» —
«Думаю, подумаю:
Я за этого нейду».

Сватался к Катеньке
Из Москвы генерал.
Хвалил-похваливал
Он свое житье-бытье:
«У меня, у молодца,
Полтораста душ крестьян». —
«Думаю, подумаю:
Я за этого нейду».

Сватался к Катеньке
Из трактира музыкант.
Хвалил-похваливал
Он свое житье-бытье:
«У меня, у молодца,
Только скрипка да гудок». —
«Думаю, подумаю:
Я за этого пойду.
Сыта ли, не сыта,
Всегда буду весела.
Выйду я на улочку,
Будет честь мне, похвала,
Честь мне будет, похвала —
Музыкантова жена!»

(Вятская губ.)

В той же Вятской губернии пользовалась большой популярностью игра в выборы жениха и невесты с изображением счастливой семейной пары:

Играющие разделяются на две партии. Первая «становится к дверям избы, а другая на противоположную сторону. Первая половина идет к другой и поет:

1-я: Бояра! мы к вам идем,
Молодые! к вам идем!

2-я: Княжины! зачем вы к нам,
Молодые! зачем вы к нам?

1-я: Бояра! мы невест смотреть,
Молодые! молодых смотреть.

2-я: Княжины! у нас нету невест,
Молодые! все недоросточки.

1-я: Бояра! у вас выросли,
Молодые! все доросточки.

2-я: Княжины! у вас кто женат?
Молодые! у вас кто холост?

1-я: Бояра! у нас Яков не женат,
Молодые! что Михеич холостой.

2-я: Княжины! изволь выбирать,
Молодые! изволь из любых.

<...> поется столько раз, сколько на игрище всех парней... И когда пропоют «бояр» для всех девок и парней, то начинают женить бояр, т. е. считать хлопнутую парнем по плечу девушку его невестой»

После этого играют в «ворота»:

«Остров зеленый!
Как за городом,
Как за новеньким,
Стояли трои ворота,
Трои точеные,
Да золоченые.

При последних словах становятся три пары молодухек, из которых одна пара, схватываясь руками, поднимают их кверху, образуя тем как бы ворота. Песня продолжается:

Остров зеленый!
В первы ворота
Проезжали сватовья.

(В первые ворота проходят две пары.)

Остров зеленый!
В други ворота
Провозили сундуки.

(Во вторые ворота провозят сундук.)

Остров зеленый!
В третьи ворота
Проезжали женихи.

Проходят в третьи ворота парень с девкой, называвшейся его невестой и обязанной вместе с ним плясать.

Остров зеленый!
Кто сына женит,
У кого дочь берет?
Микола сына женит,
У Ивана дочь берет.
Микитушка женится,
Натальюшку берет.
Он берет-таки, берет,
Она идет-таки, идет.

Потом девки спрашивают жениха, как он любит свою невесту. Он отвечает: «Она мне дороже всего моего богатства». Затем молодая чета опять начинает плясать, припевая вместе с другими девками и молодухками:

Плавала чарочка на сладком на меду;
Некому чарочку переняти...
Переймет — не переймет
Микита господин.
Поднесет — не поднесет
Наталье госпоже:
— Кушай ты, Натальюшка, выпей всю!

Что же ты, Натальюшка, упрямишься?
 Что ж тебе, Ивановна, не нравится?
 Ведь я тебя не силой брал,
 Ведь я к вам свата посылал.
 Сват-от кланялся твоему отцу,
 Всей твоей семье и твоей родне.

Эта песня поется трижды, после чего молодушка, сидевшая во время пенья посреди избы на стуле, ловит парня и спрашивает:

— Как ты любишь, Иванушка, свою жену?

Жених отвечает:

— Я ее люблю больше своей жизни».

Астафий.

Астафьевские, Астафьевы ветры.

Ветряк дует всяк.

Дуют ветры-листобои.

На Астафья примечай ветер: северный — к стуже,

южный — к теплу, западный — к мокроте,

восточный — к вёдру.

Если в этот день будет ветер с юга,

значит, будет хороший урожай озимого хлеба

на будущий год (Тамбовская губ.).

У степных поселян ветры, дующие с юга, называются «сладимыми» и обещают плодородие.

Начинают сплавлять хлеб водным путем (ветер дует в паруса), стараясь сделать это до ледостава.

Заработали ветряные мельницы.

ЗАГАДКИ ПРО МЕЛЬНИЦУ

Без ног прытко, без жил сильно, без разума хитро.

Сидит баба на току,
сама брюзжит, руками разводит,
что волость подвозит — все жрет.

Стоит баба на юру,
руками машет,
а что съест, тем и люди сыты.

Скоро ест, мелко жует,
сама не глотает. другой сыт бывает.

Живу я от ветра,
сама не ем,
а тебе еду готовлю.

Крыльями машет, а улететь не может.

Стоит дуб-вертедуб,
в этом дубе-вертедубе
стоит птица-ветреница,
как ее зовут?

Кондрат, Игнат.

*Погода этого дня продержится без изменений
четыре недели.*

Кондрат с Игнатом помогают богатым богатым.

Фока, Иона.

Если с березы лист не опал, снег ляжет поздно.

На Иону нельзя есть рыбу — вспоминают о пребывании пророка Ионы в брюхе кита.

Фёкла-заревница, запрядальня.

Фекла-заревница — зарева от осенних огней.

Замолотки — начинают по утрам молотить с огнем.

В натопленных овинах молотят хлеб.

Из-за неосторожности на Феклу спалили не один овин, оттого-то она и «заревница».

Первый овин называют именинником.

Для именинного овина варят молотильщикам кашу.

«На заревницу хозяину хлеба ворошок,
а молотильщикам каши горшок».

В день Феклы «с особенным старанием угощают молотильщиков. В старину почти весь этот день употребляем был на песни и забавы, и только с полуночи зажигали огонь и при нем начинали молотьбу в овине. От этих-то огней или зарев святая Фекла и получила имя заревницы».

Сложь руки снопа не обмолотишь.

Цеп в руках, так и хлеб в зубах, а цеп из рук,
так и хлеб из зуб.

В осеннюю погоду овина без огня не высушить, но развести огонь в овине было непросто, требовался определенный и опыт и искусство, поэтому поручалось такое ответственное дело опытным мужикам или старикам. И все же в крестьянской России горели «овины сплошь и рядом, везде и каждую осень». Фантазия народная обвиняла в этом овинника (гуменника), духа — хозяина овина.

«Вот он сидит в нижней части строений, где разводят теплыны и днем пекут деревенские ребята картошку, — сидит в самом углу подлаза днем и ночью. ...Глаза горят калеными угольями, как у котов, и сам похож на огромного кота, вели-

чиной с дворовую собаку, весь черный и лохматый. Умеет брехать по-собачьи и, когда удастся ему напаскостить мужикам, хлопает в ладоши и хохочет не хуже лешего. Сидеть под «садилом» (в ямине, отчего чаще зовут его «подовинником») указано ему для того, чтобы смотреть за порядками кладки снопов, наблюдать за временем и сроками, когда и как затоплять овин, не позволять делать этого под большие праздники, особенно в Воздвиженьев день и на Покров... Топить овины в заветные дни гуменник не позволяет: и на добрый случай попехнет у костра в бок так, что едва соберешь дыхание; на худой конец разгневается так, что закинет уголь между колосниками и даст всему овину заняться и сгореть. Не позволяет также сушить хлеба во время сильных ветров и безжалостно больно за это наказывает».

ЗАГАДКИ ПРО ОВИН СО СНОПАМИ

Стоит в поле Орина,
рот разиня,
три поля съела,
еще голодна.

Стоит волчище —
выхвачен бочище,
не дышет, а пышет.

Стоит Петруха —
соломенно брюхо.

«Из дыры да на плешь» — говорят, когда высаживают снопы из овина на ток, где их обмолачивают.

ЗАГАДКИ ПРО МОЛОТЬБУ

Над головой крутится,
в руках вертится,
стучит и гремит,
ничего не говорит.

Летят гусьтки, дубовые носы:
«Тот к тому, тот к тому,
все пойдем к одному».

Лежат головы побиты, брюха вспороты.

На поле на Арском,
на порубеже татарском,
лежат все побиты,
бороды побриты,
а брюхи распороты.

Бились попы, колотились попы —
Пошли в клеть, перевешались.

На Феклу ночи темны, день убывает лошадиными шагами.

В день святой Феклы «обыкновенно стараются хоть немного попрясть, чтобы впоследствии иметь охоту к этому делу. Согласно с сим и святая называется в народе Феклой за-прядальной».

Фекла — дергай свеклу.

ЗАГАДКИ ПРО СВЕКЛУ

Красный пан в яму впал.

Красные квыкли в землю ввыкли.

Лошадь в ограде, хвост на горе.

Сергий Радонежский.

На Сергия начинается, а с Матрены зимней (22 ноября) устанавливается зима (Северн.).

С Сергия земля засерит (от снега, который уже частенько начинает с этого дня перепадать) (Тамбовская губ.).

Если первый снег на Сергия, то зима установится на Михайлов день (21 ноября).

Зимний путь устанавливается в четыре семини (седмицы) от Сергия.

Первый снег выпадает за сорок дней до зимы. —

Первый сухой снег обещает хорошее лето.

Если снег падает на ущербе да на мокрую землю, зима скоро ляжет (Воронежская губ.).

Если первый снег упадет, когда на вишне нет листа, зима ляжет.

Сергий Радонежский — хранитель кур.

На Сергия капусту рубят.

Иоанн Богослов.

Если на Богослова снег, то зима ляжет на Михайлов день.

Иоанн Богослов — наставник живописного, иконного дела, так как по преданию он из простого пастуха гусей чудом сделал искусного иконописца.

САВВАТИЙ-ПЧЕЛЬНИК.

Конец «пчелиной девятины» (с Зосимы — 2 октября).

Пчел убирают в омшаники на зимовье.

В этот день в большинстве губерний центральной России укутываются на зиму ульи.

Пчеловоды заставляют молиться Савватию детей, «так как пчелиный промысел считается одним из тех, которые требуют нравственной чистоты и праведной жизни перед богом», а дети до 12 лет считаются безгрешными.

В этот день работать по всей Кокшеньге считается большим грехом, и, по мнению населения, все сработанное в эти дни на пользу не пойдет (Архангельская губ.).

Яблоньку за яблочки любят; пчелку — за мед.

Бортник горек, да мед его сладок.

Масло сласно, а мед лучше.

С медом и долото проглотить.

С медом и ошметок съешь.

Наша невестка все трескает: мед и тот жрет.

Медок сладок в меру.

Сладок мед, да не по две ложки в рот.

Григорий.

Если снег упадет, зима не скоро настанет.

На Григория жгут старую солому из постелей, набивают новую.

Купают детей из решета на пороге, от призору.

«Для излечения порчи у детей нужно на заре (утренней или вечерней — безразлично) сходить на реку к тому месту, где две реки встречаются, или же на три реки; в случае крайности — на три озера или на три ключа. Идти на реку молча, не кланяясь, не отвечая на приветствия и не оглядываясь. Придя к реке, почерпнуть, трижды выливая, воды и тем же порядком вернуться домой. Дома вода со всех трех источников собирается в одно место и затем ею умывают трижды ребенка, читая заговор:

«Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Встану, не благословясь; пойду, не перекрестясь; из избы не дверями, со двора не калиткой, не в чистое поле, не под светлый месяц,

не под часты мелки звезды, не на утренней заре, не на вечерней. Пойду я, раб божий (имя рек), с озера на озеро, с реки на реку, с ключа на ключ. В тех озерах и в реках и на ключах вода живая, текучая и палючая. Той водой обливаю и окропляю я, раб божий (имя рек), пеня и колоды, сухие кочки и белые камни; смываю и снимаю всякую нечистоту и щерботу. Еще же умою и окропляю и помазую сего раба божия, младенца (имя рек), от худой худобы, от хворой хвороты, от лихой лихости, от матерней думы, от отцовских мыслей, от всякого сглазу и призору, и озепу и обая, от всякого лихого человека, от девки простоволоски, от бабы полоротки и от всякого сустричного-поперечного. Будьте вы, мои слова, крепки, в ключи и в замки, и во веки веков. Аминь.

Покров.

Покров — первое зазимье.

На Покров до обеда осень, а после обеда — зимушка-зима.

*С какого краю на Покров ветер подует,
оттуда будет дуть всю зиму (Воронежская губ.).*

*Откуда ветер на Покров,
оттуда начнутся морозы (Воронежская губ.).*

*Если на Покров ветер подует с востока,
то зима будет холодна.*

*Если в Покров ветер дует с юга, то к теплой зиме,
если с севера — к холодной.*

*Если лист с дуба и березы на Покров упадет чисто —
к легкому году, а не чисто — к строгой зиме.*

Покров землю покроет где листом, где снежком.

*На Покров земля снегом покрывается,
морозом одевается.*

*Если в Покров выпал снег,
то и в Дмитриев день (8 ноября)
будет непременно то же.*

Покров наголе, то и Екатерина наголе (7 декабря.)
От первого снега до санного пути шесть недель (Пинежье).
Отлет журавлей до Покрова — на раннюю,
холодную зиму.

Старики в Покров замечали погоду: нехорошо, сказывают, если журавли успели улететь до Покрова — зима будет ранняя и студеная.

Коли белка до Покрова чисто вылиняла,
то зима будет хорошая.
Коли белка в Покров чиста,
то осень будет хороша (Пермская губ.).

С Покрова крестьяне начинают конопатить свои избы.
Чини избу до Покрова — не то не будет тепла.

«Некоторые хозяева в этот день затыкают кое-где пазы стен мохом и приговаривают: «Батюшка Покров, покрой нашу избу теплом, а хозяина добром!» (Сев. Двина.)

В Тамбовской губ. в этот день в первый раз топят в жилых горницах печи. Пекут блинцы, и это называется «запекать углы».

Если на Покров истопят печь яблонью,
то в доме всю зиму будет тепло. (Тамбовская губ.).

Покров, натопи избу без дров!

Не ухитишь (избу) до Покрова — не будет такова.

Захвати тепла до Покрова (вычини избу).

Между Покровом и родительской субботой (8 ноября)
зима не становится.

Спереди Покров, сзади Рождество.

От Покрова до Покрова кашлянул однава, да и говорит,
что кашель (что чахотка).

Последний сбор груздей и рыжиков.

ЗАГАДКИ ПРО ГРИБЫ

Зашел мужик в сосняк,
нашел слизняк,
бросить жалко, съесть сыро. (Груздь.)

Стоит лепешка на одной ножке,
кто мимо ни пройдет, всяк поклонится.

У кого одна нога, да и та без башмака?

Стоит дурак, на нем колпак;
не шит, не бран, не вязан,
а весь поярчатый.

На Покров закармливают скотину пожильным (последним) снопом и с этого дня ее держат дома.

«Покров, Покров, покрой нашу избушку теплом, а хозяйина животом», — говорили в Каргопольском уезде Архангельской губ., когда скармливали скоту сжатый последним снопом овса.

На Покров в Костромском крае скотине скармливали последний сноп овсяной жнивы, давая всем по горсти: курам, овцам, свиньям, коровам и лошадям.

От Покрова нанимались на работу. Срок устанавливали: от Покрова до Евдокеи, от Покрова до Егорья, от Покрова до Крещения.

После уборки хлеба у парней работы было мало, и они охотно уходили в отходники.

Имею ремесло — и на камне хлеб достану.

По ремеслу и промысел.

Ты пройди, пройди, мой милый,
Вдоль да по улупке!
Посмотри-ко, мой милый,
На мое на окошечко.
На моем ли на окошечке
Не беда ли там лежит?
Не беда ли там лежит,
Лежит сухота большая,
Что ссушила, сокрушила
Меня молодешеньку,
Девушку глупешеньку:
Выезжает мой милой
На чужую сторонушку,
На чужой сторонушке
Житье невеселое,
Житье невеселое,
Гулянье нерадостно.
Со тоски ли я помру,
Со большой со досадушки.
(Псковская губ.)

Гуляла я, девушка, по бережку,
Наколола ноженьку на былинку.
Болят моя ноженька; да не больно,
Любил меня миленький, да не долго,
Недолгое времечко — два годочка.
Как уехал миленький в городочек,
Как уехал миленький в городочек,
Со всем в красным девушкам распростился,
Со всем с красным девушкам распростился,
А со мной со младою постыдился.
Болят моя ноженька, да не больно.
Любил меня миленький, да не долго.
(Петербургская губ.)

Некоторые виды работ заканчивались к Покрову, и отходники возвращались назад.

Мне не жаль-то платка, платка алого —
Только жаль-то дружка, дружка милого!
Покрывала платок аленький, покрывала,
Потеряла не зная где, не зная где.
Мне не жаль-то платка, платка алого,
Только жаль-то дружка, дружка милого:
Хорош миленький уродился,
Во бурлачушки подрядился —
Во всё лето-летичко до Покрова праздничка:
Ой ли Покров праздничек к нам приходит.
Ой ли все бурлачушки с Волги идут,
А моего-то дружка долго нету.
Ой ли пойду-то я сразу во светлицу,
Уж и погляжу-то я, погляжу из окошка, в окошко:
Не плывет ли лодочка с Волги?
Уж сверху лодочка завиднелась,
Черна шляпа зачернелась!

(Саратовская губ.)

С 14 октября во многих местах начинались Покровские ярмарки.

Приспевай, товарищ, к Покрову,
сдам на Покровской ярмарке.
Подожди до Покрова,
весь долг выплачу.

С Покрова пряжи по ночам засиживаются.
Покров — время начала посиделок.
Покров — покровитель свадеб.
Придет Покров, девке голову покроет.
Если на Покров ветрено — будет большой спрос
на невест.
Если на Покров выпадет снег,
то это предвещает много свадеб.

Девушки, веря в силу Покрова содействовать брачному союзу, «спозаранку бежали в церковь и ставили свечу празднику. Существовало поверье: кто раньше поставит свечу, тот раньше и замуж выйдет».

Бел снег землю покрывает, не меня ли, молодую,
замуж снаряжает.
Мать-Покров! Покрой землю снежком,
меня, молодую, платком.

Покров пресвятая Богородица! Покрой мою победную головку жемчужным кокошником, золотым подзатыльничком! Покров-батюшка, покрой землю снежком, а меня жениш-ком!

*Пришел Покрѡва, заревет девка, как корова.
Зазимье пришло — засидки привело.*

Покров — конец хороводам, начало посиделкам.

Скоро, девушки, Покров,	Кабы не было погоды,
Скоро нам гуляночка,	Не крутил бы белый снег.
Скоро-скоро заиграет	Кабы не было милова,
Милого тальяночка.	Не пошла в беседу ввек.

*Весело Покров проведешь — дружка найдешь.
Не покрыв Покров, не покроет и Рождество.*

На посиделки, вечерки, беседы молодежь собиралась либо по-очередно в тех домах, где имелись молодые парни и девушки, либо на весь «беседный период» нанимали специальную избу.

«Прясть собирались все девки вместе по понедельникам, средам и пятницам. Девки собираются и прядут при лучинах до полночи, и кавалеры тут же, и родители уже не следят, потому как они работают». Парни нередко тоже приходили с работой — лапти плели, вили веревки, «а кто просто сидел рядом с девушкой и крутил ногой самопяху».

Девушки вы, девушки,
Где берете денежки?
— Летом ягодки берем,
Зимой куделечку прядем.

Что ты, милочка, не робишь,
На кого надеешься?
Придет зимонька холодна,
Ты во что оденешься?

«Которая девушка веретено нарядит, ей делать нечего. Тогда она прялкой прикроется и с кавалером любезничает. А которая не успевает, та схитрит — из дома полное веретено принесет и поставит. Парни любили тех, что попроворнее».

Моя прялка не прядёт,
Колесо не вертится,
Не дожидаться, когда сядя,
Он, наверно, сердится.

Не стой, миленький, в порожке —
Не большая тебе честь!
Иди, сядь ко мне на лавку —
Для тебя местечко есть!

Люблю Васеньку я летом,
Когда бегают с конфетам.
А Ванюшеньку зимой —
Садится к прялочке моёй.

Не стой, милый, у порога,
Проходи на лавочку!
Не спесився, отодвинь
Мою точену прялочку.

Полотенце вышивала
Петухами, утками.
Я миленка поджидала
Часами, минутками.

Киприан и Устинья.

Киприан и Устинья спасают от нечистой силы, чар, наваждений, от злых духов.

Девушки продолжают ходить на вечерки, но в будни не играют, не веселятся. Сидят с прялкой или шитьем, за работой часто поют проговорные песни.

Ах вы мысли мои, мысли, печальные мысли!
Скажите вы, мои мысли, про мое несчастье:
Как же мне, молодчику, жить в такой напасти?
Печальное мое сердце беспрестанно тужит,
Тоскует оно, горюет все по прежней воле.
Имел бы я крылушки, еще златые перья —
Взвился бы я высоко, полетел бы далеко,
Где бы мне понравилось, там бы опустился,
Ко своей сударушке сел бы я на окошко,
Сел бы я на косящето, стал бы я ворковати,
Свою разлюбезную стал бы я спотешати.

Денис.

Денис — лихого глаза берегись.

Чтоб избавиться от сглаза, архангельцы прибегали к такому заговору:

Берут немного соли, кладут ее в смолу и говорят: «Стаёт раб божий в сегодняшней денёк, как смоливой пенёк. Круг

раба божья каменна ограда и железный тын. Черному, черемному соль в глаз, завидушному, загребушному смолы в глаз. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь».

Ерофей.

С Ерофея холода сильнее.
 С Ерофея зима шубу надевает.
 На Ерофеев день один ерофеич кровь греет.
 На Ерофея — буйствуют лешие.
 Они «дурят в лесах»: бродят,
 кричат, хохочут, хлопают в ладоши, ломают деревья,
 гоняют зверей и проваливаются.
 На Ерофея лешие пропадают.
 Крестьяне в этот день в лес не ходят.
 Всю ночь на Ерофея мученика и весь день
 лешие безобразничают, а к утру,
 после пения первых петухов,
 проваливаются сквозь землю
 и появляются на ней вновь, когда она оттает весной.

Харитины-первые холстины.

Солнце скатывается вниз.
 Отстал от ночи день — запнулся валенком за пень.
 Бабы сели за ткацкие станы,
 затыкают первые кросна, ткут первый холст.
 Харитина — вечная ткаячиха.

ЗАГАДКИ

Ногой топну, животом нажму,
 рукой шмыгну, два раза колону
 и опять начну. (Тканье.)

Пришел паук на деревянных ногах,
 всю избу загородил. (Ткацкий стан.)

Раскинуты тенетки,
 прилетели лебедки,
 трут, мнут, разинут, воткнут. (Тканье.)

Пришло чудо, село в угол,
без девки, без жонки и вон нейдет. (Ткацкий стан.)

Приступают к катанию валенок.
Нынче катанки-то белы, спотыкчивы, не смелы.

ДЕНИС-ПОЗЫМНИЙ. Фома.

Фома — ломит закрома, все бери задарма.

Фома — большая крома.

На безлюдье и Фома дворянин.

Говорят про Ерему, а он про Фому.

Били Фому за Еремину вину.

Шуточная песня про Фому и Ерему была известна по всей России, ее пели, рассказывали как стихотворение (говорком), она оказалась запечатленной на многочисленных лубочных картинках, попала в рукописные сборники.

Ерема да Фома
Двое братеньки
Прокуратеньки.
У них борода, как бороны,
Усы — как кнуты.
Собирались наши борода
В торг торговать.
Ерема взял полтину,
А Фома полтора,
Ерема купил лошадь,
А Фома жеребца.
Еремина не едет,
Фомина не везет <...>
Лучше станем мы, Ерема,
С тобой клети ломать!
Вот Ерема залез в клеть,
А Фома в амбар,
Ерема схватил шубу,
А Фома кафтан.
Ерему ухватили,
А Фому огребли.
Ерема убежал,
Фома вырвался.

Вот Ерема-то бежит —
Не оглянется,
А Фома за ним спешит —
Не расстанется.
— Неудача нам, Ерема,
С тобой клети ломать.
Лучше станем мы, Ерема,
С тобой бога молить!
Вот Ерема идет в церковь,
А Фома в алтарь,
Ерема схватил ризы,
А Фома стихарь,
Ерема взял кадило,
А Фома свечу.
Ерема-то кадит,
Фома кланяется.
Как натялся на них
Да лихой пономарь.
Вот Ерему-то в рылу,
А Фому по ноздрям.
Ерема бежал,
Фома вырвался.
— Неудача нам, Ерема,

С тобой бога молить.
 Лучше станем мы, Ерема,
 С тобой рыбу ловить!
 Вот Ерема купил невод,
 А Фома бредник.
 Вот Ерема-то за щуку,
 А Фома за сома.

Вот Ерема утонул
 И Фому потянул.
 Вот Ерема сел на дно,
 И Фома с ним заодно.
 Вот Ерему схоронили,
 А Фому погребли —
 Уж не выйдут из земли.

Сергий.

*С Сергия зима начинается.
 Заиндеви дубравы, обели травы.
 Если Сергий снежком покроется,
 то с ноябрьской Матрены зима встанет на ноги.
 Дневной снег не лежит,
 а первый надежный снег выпадает ночью.
 Первый прочный снег падает с ночи.*

Трифон и Пелагея.

*С Трифона-Палагеи все холоднее.
 Трифон шубу чинит, Пелагея рукавицы шьет.
 Стужа да нужда — нет их хуже.*

Яков.

Яков, брат божий, крупицу (град, крупу) пошлет.

Как на талую землю
 Выпала пороша,
 Как по этой по пороше
 Шел мальчик хороший,
 Не путем шел, не дорогой —
 Чужим переулком.

Он чужим шел переулком,
Чужою межою,
Набирает, нажимает
Ком белого снегу.
Он кидает, он бросает
Девушке в колени.
«Не шути, бел кудреватый!
Мне теперь не время,
Мне теперь не время,
Очень не свободно:
У батюшки гостят гости,
У матушки гости,
У мила братца компанья,
У меня подружки.
Я с тобою застоялась,
Подруг растеряла,
Я подружек растеряла,
Тебя целовала.
(Вологодская губ.)

*Позже всех до сего дня растут сыроежки.
Яков — древопилец.
Заготавливает дрова для русской печи.*

ЗАГАДКИ ПРО ПЕЧЬ И ДРОВА

Шкаф большой, дверцы маленькие,
кладут белое, вынимают черное.

У нас в печурочке
золотые чурочки.

Кривы-корявы залегли как павы,
а как стали горячи, облизали кирпичи.

Дедушка старый весь белый,
лето придет — не глядят на него,
зима настанет — обнимают его.

Зимой нет теплей,
летом нет холодней.
Стоит Матрена,
здорова, ядрена,
пасть открывает,
что дают — глотает.

Кто хлебы пек, на того бы и лег.

Мать толста, дочь красна, сын кудреват, отец горбоват. (*Печь, огонь, дым, кочерга.*)

Мать толста, дочь красна, сын воробей под небеса улетел. (*Печь, огонь, дым.*)

Стоит терем,
в тереме — ящик,
в ящике — мучка,
в мучке — жучка. (*Печь, зола, угли.*)

Стоит баба в углу, а рот в боку. (*Печь и чело.*)

Шуба в избе, рукав на улице. (*Печь и труба.*)

Евламгий и Евлампия (Лампья).

На Евлампия рога месяца кажут на ту сторону,
откуда быть ветрам.

Если на Лампсю рога месяца на полночь —
быть скорой зиме,
снег ляжет посуху;

если на полдень — скорой зимы не жди,
будет грязь да слякоть,
до самой Казанской (4 ноября)
осень снегом не умоется,
в белый кафтан не нарядится.

Пров.

На мученика Прова наблюдают звезды и гадают по ним
о погоде и урожае.

Яркие звезды — к морозу, тусклые — к оттепели.
Сильное мерцание звезд преимущественно синими
оттенками — к снегу.

Много ярких звезд — к урожаю гороха.

Параскева— грязниха, льняница, порошнха. Параскева Пятница.

На грязнуху не бывает сухо.

На грязнику большая грязь — четыре седмицы до зимы. Если грязь велика, лошадиное копыто заливается водой, то выпавший снег сразу устанавливает зимний путь.

На Парасковию-льняницу начинают мять и трепать лен.

Параскева Пятница — бабья святая, «так как повсюду наши крестьянки считают ее своей заступницей».

Параскева считается покровительницей женской зимней работы, в первую очередь, пряжи.

Мни и толки льны с грязники.

Мни лен доле и волокно будет доле.

Коли мять лен, так уж доминать.

Параскева Пятница представляется в виде высокой, худой женщины с длинными распущенными волосами. Высоких и худощавых женщин еще и сейчас иногда называют «долговязая пятница».

В пятницу нельзя пряхть, а шить можно.

В пятницу не только нельзя пряхть, но даже иметь в доме конопель (Воронежская губ.).

Кто прядет в пятницу, у того на том свете слепы будут отец с матерью (кострицей забьет глаза).

Кто в пятницу много смеется, тот в старости много будет плакать.

За нарушение запретов, связанных с пятницей и с пряжей, Параскева Пятница сурово наказывает. Об этом рассказ, записанный со слов крестьянки Ярославской губ.:

«В одной деревне жила женщина. Женщина эта была хорошая работница, только совсем она не почитала пятницы, прядла и ткала в пятницу, и белье мыла, и всякую работу в пятницу делала. Вот раз осталась она в избе одна-одинешенька, а дело было в пятницу вечером. Сидит баба да прядет. Только вдруг слышит она, по сеням кто-то идет. А двери с улицы в сени были закрыты. Спужалась баба не на шутку — сидит ни жива ни мертва. Вдруг тихонько начала отворяться из сеней дверь в избу, и вошла женщина, страшная

и безобразная. На ней были все лохмотья да дыры; голова вся платками рванными укутана, из-под них клочья волос повылезали растрепками; ноги у ней были все в грязи, руки тоже в грязи, и вся она, с головы до ног, была осыпана всякой нечистью и мусором. Вошла эта страшная женщина, начала молиться на образа и плакать. Потом подошла к хозяйке и говорит:

— Вот ты, женщина негодная, как ты меня обрядила. Прежде я в светлых ризах ходила, да в цветах, да в золотом одеянии, а твое непочтение вот до какой одежды меня довело.
<...>

Тут баба догадалась, что в избу к ней вышла сама Пятница, и стала было прощение просить. А Пятница: «Нет, — говорит, — тебе моего прощения». Да взяла железную спицу, которой кудель льну к копылу привязывают, и стала тыкать ей бабу. Тыкала, тыкала, пока до полусмерти не истыкала. Утром нашли бабу всю в крови и насилиу в чувство привели. Да только с тех пор баба по пятницам уж работать — ни-ни: стала почитать праздничный-то день».

Широко распространен рассказ о том, как обиженная Пятница превратила бабу-«непочетницу» в лягушку. С тех пор будто бы и лягушки на земле пошли.

*Пятница, святая мученица Парасковья,
пошли мне женишка-то поскорее! (Архангельская губ.)*

Хоть за старца, лишь бы в девках не остаться.

На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко.

*С мужем — нужда, без мужа и того хуже;
а вдовой да сиротой — хоть волком вой.*

Повсеместно существует поверье, что святая Пятница ходит по земле в виде молодой женщины и примечает, кто как живет, как соблюдает обычаи, запреты и т. п. Иных она наказывает, других милует и даже награждает.

«Попался ей раз навстречу по дороге работник, который отошел от хозяина. Сел этот прохожий закусить, а к нему и напрашивается неведомая красавица, чтобы разделить с нею хлеб-соль. Поели они. «Вот тебе за то награда: иди в это село, найди там богатую девушку-сиротку, бери ее за себя замуж. А я даю тебе сто лет веку». Он так и сделал. Жил он ровно сто лет, и пришла к нему Пятница с тем сказом, что пора-де умирать. Умирать не хочется: «Прибавь еще одну сотню!» Прибавила. Когда исполнился последний день второй сотни лет, она опять пришла. «Еще прибавь сотню!» Прибавила.

Жил-жил человек, и самому даже надоело, и такой он стал старый, что по всему телу мох вырос. Приходит святая Пятница и смерть с собой привела: «Ну, теперь пойдем.

И вот тебе хорошее местечко здесь остаться». Место очень понравилось, но она повела на другое, которое ветхому старику еще больше полюбилось. Когда привела его на третье, то отворила дверь и пихнула его прямо в ад и промолвила: «Когда бы ты помер на первой сотне лет своих, то жил бы в первом месте, на второй — на втором месте, а то в триста-то лет ты столько согрешил, что где же тебе и жить, как не у чертей в когтях?»

Лонгин Сотник.

Лонгин Сотник — целитель глазных болезней.

Осий.

*На пророка Осию колесо прощается с осью.
По скрипу тележных колес на день Осия гадают об урожае.*

ЗАГАДКИ

Барыня подкрашена, поперек подпоясана, а спина намазана
(Колесо.)

Четыре братца уговорились гоняться: как ни бегут, друг друга не догонят. (Колеса.)

Два брата младших впереди.

Два брата старших позади.

Бегут, друг друга не догонят. (Колеса.)

Один идет, четверых за собой ведет. А пятый сидит, в оба глаза глядит. (Лошадь, телега, мужик.)

Возле леса идет, хохочет, а в лес идти не хочет. (Телега.)

Лука.

Истари евангелист Лука почитается наставником икононой живописи.

Всякое умение трудом дается.

Золотые руки у того, кто обучился хорошо.

К чему душа лежит, к тому и руки приложатся.

*Не то дорого, что красна золота, а то,
что доброго мастерства. Каждому по делам его.*

На образ взглянешь, свят не станешь.

Богов не сеют, не орут — их люди малюют.

Воля иконника Пятницу на коне, а Егорья пешим писать.

«Одна глупая баба приехала на ярмарку купить образ Временной Пятницы. Приходит в балаган к разносчику: «Дядюшка, покажи-ка мне образ Временной Пятницы!» Вместо того показывает он ей Егория Храброго. «Дядюшка! Да чего же она, матушка, на коне?» — «Экая ты, баба, дура! Оттого она и называется Временною, что иной раз пешком ходит, а временем на коне ездит. Вишь конь-то так копытища и задирает!»»

НОЯБРЬ

ЛИСТОГНОЙ, ПОЛУЗЫМНИК, ГРУДЕНЬ.

Ноябрь — ворота зимы.

*Ноябрь — сентябрев внук, октябрев сын,
зиме родной батюшка. Ноябрь — сумерки года.*

В ноябре зима с осенью борются.

*Холоденек октябрь-батюшка, а ноябрь и его перехолодил
Ноябрьскими заморозками декабрьский мороз тароват.
В ноябре мужик с телегой прощается, в сани забирается.*

Ноябрьские ночи до снега темны.

В ноябре рассвет с сумерками среди дня встречаются.

В ноябре снегу надует — хлеба прибудет.

*Если снег ляжет на сырую землю и не растает,
то весной рано и дружно зацветут подснежники.*

*Если выпадет снег на мерзлую землю, тогда наверное
можно ожидать в будущем году хорошего урожая хлеба.*

Мокрый снег на озимь — тот же назем.

Без воды зима не станет.

*В старину ноябрь назывался груднем или грудным —
от груд замерзшей земли.*

Коли лед на реке становится горами — будут хлеба груды.

Садо́к, Артеми́й.

Садо́ка молят об избавлении от напрасной смерти.

К Артемию обращаются за помощью при «грыжной бешени».

Зима (осенняя) Казанская.

Важная дата в крестьянском календаре.

Зима на пороге.

*В день Казанской богоматери всегда идет дождь.
Дождь пойдет, все луночки зальет, а снег пойдет,
все дороги заметет.*

*Бывает, что на Казанскую с утра дождь дождит,
а ввечеру сугробами снег лежит.*

*Выезжаешь о Казанской на колесах,
а полозья в телегу клади.*

*Коли на Казанскую небо заплачет,
то следом за дождем и зима придет.*

До Казанской не зима, с Казанской — не осень.

*Матушка Казанская необлыжную зиму ведет,
морозцам дорожку кажет.*

С Казанской тепло морозу не указ.

Ранняя зима — о Казанской на санях.

Казанская — бабья заступница.

Кто на Казанскую женится, счастлив будет.

*Кабы всякому по нраву невесту,
так бы и царства небесного не надо.*

*Выбирай корову по рогам,
а девуку по родам (по родителям).*

Жениться скорее — в дому прибыльнее.

Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи.

*Ты топись-ко, топись, баенка,
Да разгорися, нова каменка,
Да разгоритесь, сыры дрова,
Да что сыры дрова березовые!
Мы носили серы камешки,*

Что со трёх полёв со чистых.

Мы носили студену воду,

Что со трех ключей кипучиих.

Мы ломали шелков веничек,

Что со трех берез кудрявых,

Чтоб обмыть-то красну красоту,

Что девичью вольну волюшку.

(Поется в день девичника.)

У ключа было, да у ключика,

У ключа да у студеного,

У ключа да у студеного

Да тут Ольга воду черпала¹,

Да свет ведь Кузьмовна — студеную.

Да тут ведь Петр коней поил, —

Да тут она с ним повидалася

Да золотым перстням сменялася,

Да золотым перстням немецким.

(Песня девичника.)

Расплакалася грушица,

Расшаталася зеленая

Не от ветра, не от вихорю,

Без осення часта дождичка.

Порасплакалась Прасковьюшка,

Порасплакалась Ивановна,

Перед батюшкой стоючи,

Перед матушкой плакучи.

Унимал ее батюшка,

Уговаривала матушка:

— Ты не плачь, не плачь, умница,

Ты не плачь, не плачь, разумница.

Мы тебя не в полон даем,

Мы тебя не полонить хотим, —

Мы даем тебя за умного,

Мы даем тебя за разумного,

За Ивана Ивановича!

(Песня девичника.)

Да по широкой улице

Сыты кони понаставлены,

Им шёлком ноги спутаны,

Серебром занузданы.

Там ходил-похаживал

Коля — добрый молодец.

¹ Каждая строка повторяется по два раза.

Он гладил-поглаживал
 Своих вороных коней:
 — Не потейте, конюшки,
 Не потейте, вороны:
 Недалече ехати —
 До моей до суженой,
 До моей до ряженой, —
 До Марии Ивановны!

*(Поется в день свадьбы
 до отправления к венцу.)*

Из-за лесу, лесу темного,
 Из-за лесу, лесу темного,
 Из-за садика зеленого¹
 Вылетало стадо гусей,
 А второе лебединое.
 Отставала лебедушка
 Прочь от стада лебедино.
 Приставала лебедушка
 Что ко стаду ко серым гусям.
 Ее стали гуси щипати,
 А лебедка стала кликати:
 — Не щиплите, гуси серые,
 Не сама я к вам залётала —
 Занесло меня погодою,
 Что погодою-невзгодою.
 Завезли меня добры кони,
 Что добры кони Васильевы,
 Что Василья-то Петровича.

*(Исполняется в момент
 отправления к венцу.)*

Гуси летят,
 Гуси летят, —
 Попогатывают.
 Одна гусынька,
 Одна гусынька
 Приунывши сидит.
 Слышит она,
 Слышит она
 Холодную зимушку,
 Чужого батюшку
 И чужую матушку.

*(После венца, при встрече
 молодых у околицы.)*

На заре было, на зорюшке,
 Да на заре было на утренней,
 На травы было на муравой.

¹ Каждый стих повторяется, образуя зачин новой строфы.

Да тут Лексей-то князь коня кормил,
 Он, кормивши коня, плетъ плетет,
 Да плеточку шелковую.
 Он плетучи плетъ, женой хвалится:
 — Что у меня есть молодая жена,
 Да молода жена, да Марья-душа.
 Что без белил она белёшенька,
 Да без румян она румянёшенька.
(Величанье за свадебным столом.)

На горе стоит проталина,
 На горе зеленой талина,
 На протале — виноградный куст,
 На протале — винограду куст,
 Винограду-то алеётцы,
 Виноград-то алеётцы,—
 Вкруг девицы — молодцы выютцы,
 Вкруг девицы — молодцы выютцы,
 Они выются и сватаются,
 Они выются и сватаются,—
 Вот кому она достанётся,
 Вот кому она достанётся?
 Доставалась Ольга-душа,
 Доставалась Сергеевна,
 Расхорошему молодцу,
 Что Ивану Антоновичу.
 Что Ивану Антоновичу!

Зимняя Казанская — еще один традиционный срок расчетов.
 «К этому времени заканчиваются все строительные работы; землекопы, плотники, каменщики, штукатуры <...> получают расчет» и возвращаются домой, в свои деревни.

Потерпи, батрак, и у тебя на дворе Казанская будет.
И рад бы хозяин поприжать батрака,
да Казанская на дворе: она, матушка, всей ряде голова!
На Казанскую и у воробья пиво (время расчетов).

Не фугует мой фуганок,
 Не пилит моя пила.
 Рассчитай меня, хозяин,
 Мне работа не мила.

Пришел на осень домой,
 Не пускает отец мой:
 «Где ты лето пропадал,
 Зачем на зиму придрал?»
 А я тятю на ответ:
 «Там работы теперь нет».

Приведенные свадебные песни — новгородские.

Не судите, бабы, нас,
Мы лето жили не у вас,
Мы лето жили в Питере
И много горя видели.

Я во Питер собирался —
Думал в барины попасть.
Только в бары не попал,
В лапотках домой придрал.

Я во Питере живал,
Москву-город видывал —
Деревенскому житью
Завсегда завидовал.

Меня женить дома хотят,
В деревню жить идти велят.
Холостым остануся,
С Москвою не расстануся!

Не люби, подружка, с Волги,
Я люблю да каюся:
От весны до осени
С милым не встречаюся.

Ну и хитрые хозяева:
Сперва нас берегут,
На последних неделях
Нам покою не дают.

На чужой сторонушке
Поклонишься воронушке:
«Здравствуйте, воро́нушка,
Не с нашей ли сторонушки?»

Наши дома работают,
Мы во Питере живем.
Наши денег дожидают —
Мы в опорочках идем.

*Ехал наживать, а пришлось и свое проживать.
Москва — кому мать, кому мачеха.*

Яков.

*Не всякому по Якову. И всякому, да не как Якову.
Затвердила сорока Якова одно про всякого.
Отец Яков в молитве не одинаков: за ину берет полтину,
а иной (богомолке) сам рубль дает.*

Дмитрий Солунский. Дмитриев день. Дмитровская неделя — родительская, дедова.

Дмитриев день — зима уж лезет на плетень.
До Дмитровской субботы зима не становится.
Коли 8 ноября холод и снег, весна поздняя и холодная,
а если оттепель — зима и весна теплые.

Коли Дмитриев день по снегу,
то и Святая (Пасха) по снегу, а Дмитриев по голу,
и Святая по тому. На Митрия реки замерзают (Сибирь).

В Дмитриев день повсеместно на Руси справляли поминки по усопшим. Дмитровская неделя называлась родительской, дедовой. Особенно почиталась Дмитровская суббота.

«По церковно-русскому месяцеслову в субботу пред днем св. Дмитрия <...> совершается поминовение о всех усопших. Установление этого поминовения принадлежит великому князю Дмитрию Донскому, который, одержав знаменитую победу в 1380 г. над Мамаем (Куликовская битва), положил, чтобы пред этим днем совершалась вселенская панихида о всех погибших на поле битвы».

Покойнички на Русь Дмитриев день ведут; покойнички ведут, живых блюдут.

Коли отдохнут на дедовой неделе родители (случится оттепель), то и всей зимушке-зиме быть с мокрыми теплинами.

Дмитровскую субботу всегда проводили торжественно: ходили на могилы своих покойников и служили здесь панихиды, устраивали богатые угощения — тризны.

Женщины причитали на могилах родителей и наиболее близких родных.

ПЛАЧ СИРОТЫ НА КЛАДБИЩЕ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Как иду я, горька сирота,
Как иду я, горемычная,
Как в оградушку во мирскую,
Как к вам, мои родители,
Как к тебе, родима матушка!
Припаду я ко матушке сырой земле:
Не простонет ли мать сыра земля,

Не промолвит ли родитель мамонька
 Что со мной, да горькой сиротой?
 Подымитесь вы, ветры буйные,
 Разнесите вы все желты пески,
 Подымите родиму мамоньку
 Что из этой из сырой земли!
 Расскажу я, горька сирота,
 Про свое да горе-кручинушку!
 Исполать ты, родная мамонька,
 Не могу я тебя докликаться —
 Ты уснула да крепко-накрепко,
 Так не слышишь меня, горьки сироты,
 Ты меня да горемычные!
 Ты спроси, родная мамонька,
 Про мое житье ты горькое,
 Как живу я, да горька сирота,
 Как не вижу я веселых дён,
 Как живу я во рабах во работницах!
 Мне не надо бы от чужих людей
 Золотой казны,
 Лучше бы мне, мамонька родима,
 Со тобою во сырой земле!
 Ты прижала бы меня, горькую,
 К своему-то ретиву сердцу,
 Ко своей-то ко белой груди!
 Ты раздайко-ся, мать сыра земля,
 Ты раскройся, гробова доска,
 Ты откинсья, да полотенечко,
 Поднимись, родная мамонька,
 Ты промолви со мной словечушко,
 Ты прижми да к ретиву сердцу
 Своего дитя несчастного,
 На свету чтобы мне не маяться!
 Что не гораздо, родима мамонька,
 Не прижимаешь к ретиву сердцу
 Своего ты дитю милого?
 Как живет он да мотается —
 У нас дело всё не приделано
 И работушка не приработана,
 Не берет нас управушка
 Без тебя, родима мамонька!

митриева суббота — кутейникам работа. Пословица
 утверждает веру в то, «что чем щедрее приношения (для свя-
 щенников, отправляющих панихиды) и обильнее угощение,
 тем вернее доставляется загробной душе на том свете покой
 и отрада».

Не всегда поповым ребятам Дмитриева суббота.

*В Дмитриев день и воробей
 под кустом пиво варит. (Ярославская губ.)*

До Дмитра́ девка хитра,
а после Дмитра еще хитрее (вышед замуж) (южн.).
На Дмитри́я девки хитрые — собираются выйти замуж,
так как после этого дня уже редко бывают в деревнях
свадьбы до зимнего мясоеда.

НЕНИЛА-ЛЫНЯНИЦА. ПРАСКОВЕЯ.

На Ненилу и Парасковью полагаются особые мольбы на хороших женихов:

Матушка Парасковей! пошли женишка поскорее!
Пятница Парасковей, покажи мне жениха поскорее!
Матушка Парасковей! отдай замуж поскорее!

Без поры, безо времени солнце не взойдет,
молодец к красной девице не подойдет.
Девка на поре, женихи на дворе.
Коли нет паренька, не отдашь за пенька.
Невеста не лошадка, не выведешь на площадку.
Суженого калачом не заманишь,
да его же и конем не объедешь.
Скрасит девку венец да молодец.

Не бывав, девке замуж хочется.
Бабы каются, а девки ладятся (замуж собираются).

Не спешите, девки, замуж,
Замужем вы будете,
Своего девчества
Вовек не забудете.

Не ходите, девки, замуж,
Замужем невесело.
Моя мама замуж вышла,
Голову повесила.

Не ходите, девки, замуж,
Бабья жизнь проклятая —
В поле каждая травиночка
Слезамі окапана.

Замужем-то худо,
Недородно, недобро:
Не дадут другого дrolеньки —
Гляди на одного.

В этот день не прядут.

В день Ненилы и Параскевы не зоят белья (т. е. не моют с золой или щелоком), а то на том свете будет Пятница гоняться.

Парасковии и Ненилы — льняницы: мнут лен и приносят первинки для приклада в церковь.

Женщины выносили на улицу вытрепанный лен.

На Параскеву женщины устраивали «льняные смотрины»: вытрепанный лен-первак показывали друг другу, хвалились своим рукоделием. Девушки стремились показать свое льняное искусство парням и будущим свекровям.

А патоку с имбирем
Варил дядя Симеон,
Тетушка Ненила
Кушала-хвалила,
А дедушка Елизар
Все пальчики облизал.

Пришел Елизар,
Блюда облизал.
Пришел Влас,
Выпучил глаз.
Пришла Ненила
И блюда обмыла!

Такие потешки напевали детям, а ребята постарше и сами их вспоминали в Ненилин день.

Анастасия — овчарница, Настасья — стригальница. Аврамий — овчар.

Начало стрижки овец.

В южных степных районах — последняя стрижка овец. На Настей-овчарницы кормили пастухов по домам за то, что овец сберегли.

ЗАГАДКИ

По горам, по долам
ходит шуба да кафтан.

Шуба наша в поле паслася,
Вышло из травки сладкое мясо.

Не прядет, не ткет, а людей одевает.
(Овца, баран.)

Руном с овцы одевались и отцы.
Овчинка выделки не стоит.

Зиновий-синичник.

Синичкин праздник: прилетают птицы-зимники — синицы, щеглы, снегири, сойки, чечетки, свиристели и др. Не велика птичка-синичка, и та свой праздник помнит. Немного зинька ест-пьет, а весело живет.

За морем синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала:
Солоду купила, хмелю займы взяла,
Черный дрозд пивоваром был,
Сизой орел винокуром слыл.
Дай же нам, боже, пиво сварить,
Пиво сварить и вина накурить:
Созовем гостей, — мелких пташечек!
Совушка-вдовушка незваная пришла,
Снегирь по сеничкам похаживает,
Совушке головушку поглаживает.
Стали все птички меж собой говорить:
«Что ж ты, снегирюшка, не женишься?» —
«Рад бы я жениться, да некого взять:
Взял бы я пернатку — то matka моя,
Взял бы я чечетку — то тетка моя,
Взял бы я синичку — сестричка моя,
Взял бы я сороку — щепетливая,
Взял бы я ворону — долгоносяя!
Есть за морем перепелочка,
Та мне ни тетушка, ни матушка,
Ту я люблю и за себя возьму.

*Невелика синица, голосок востер.
Хвалилась синица хвостом море зажечь.
Наделала синица славы, а моря не зажгла.
Синичка — воробью сестричка.*

Кто у нас на море хозяин,
 И кто у нас на море наездник,
 На всяку он птицу наезжает,
 Грудю своей белой побивает?
 Орел-то у нас-да вот хозяин,
 Сокол-то у нас-да ведь наездник,
 На всяку он птицу наезжает,
 Грудью своей побивает.
 Ворон-то у нас — игумен,
 И всё он живет возле гумен;
 Зимой ворона по дорогам,
 А летом ворона на зародах;
 Дятел-то у нас плотник,
 Во всякое дерево колотит,
 И хочет он дом сработать;
 И сова у нас толстоголова,
 Некрасивы у ей-то ведь зоры,
 Некрасивы у ей-то разговоры;
 А голубь у нас-то — красавец,
 И то-то хорошие зоры,
 И то-то красивы разговоры;
 Журав-то у нас долгоглотый,
 И то-то ведь долгая глотка,
 И одето французское платье.
 Сорока у нас — щеголиха,
 Без калача есть не садится,
 А без мила дружка спать не ложится.
 А я-то бедна мала птица, птица-синица,
 И сена я косить не умею,
 Стадом ходить силы нету,
 С голоду я бедна помираю
 И всех червяков собираю.

(Заонежье.)

праздник Пртышских рыбаков, Юрская.

Не накормит земля, накормит вода.
 Воды — не нива, не орешь их, не сеешь, а сыт бываешь.
 Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть.
 Рыбак рыбака видит издалека.
 Рыбу ловить — при смерти ходить.
 Ловцы рыбные — люди гиблые.
 Хороший рыбак должен по клеву знать,
 что рыбу сазаном звать.

ЗАГАДКИ

Клеть дыровата, а выхода нет. (Сеть.)
 Пришли воры, хозяев украли,
 а дом в окошки ушел. (Ловля неводом.)

В этот день отмечают праздник не только рыбаки, но и охотники.

*Коли на Юровую волки стаями ходят — будет голод,
 мор, либо война.*

Охотничий праздник — убить хоть зайца.

*Кто кусочек мяса заячьего съест,
 будет красавцем (Воронежская губ.).*

Заяц поперек дороги перебежал — неудача.

На ловца и зверь бежит.

Коня положили, да зайца уходили.

Не дорог конь — дорог заяц.

За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь.

Двух зайцев гонять, ни одного не поймать.

По лесу жаркое в шубе бежит. (Заяц.)

В Тюменском крае принимались за отлов зайцев с помощью очена — особого вида капкана.

«К ловле зайцев приступают как к какому-нибудь священнодействию. Перед отправлением в поле все петли окуриваются. Для этой цели служит растение багульник. При выходе из дома читают молитву или словинку и стараются из деревни выйти незамеченными. Даже разглашение о том, что сегодня у нас отец ушел петли ставить, подвергалось строгому запрещению. Отец со своей стороны принимал все меры к тому, чтобы добычу из петель таскать незамеченной. Для этого он, когда «добывал» зайцев, складывал их где-нибудь в лесу и привозил потом на лошади, незаметно для посторонних. Сохрани бог, если зайца из петли украдут — после этого хоть ловлю бросай: и попадать зайцы не будут, и вороны будут клевать попавших и пр. и пр.»

Кузьма-Демьян- ремесленники, курятники. Кузьминки.

Кузьминки — об осени одни поминки.

Кузьминки — встреча зимы.

Снежный день обещает будущей весной большой разлив.
Если на Козмодемьяна лист остается на дереве,
то на другой год будет мороз.

Обычны в эту пору умеренные морозы:
Демьянов путь — не путь, а только перепутье.
Кузьма и Демьян слынут в народе кузнецами.
Кузьма-Демьян — кузнец кует лед на земле и на водах.
Закует Кузьма-Демьян, до весны красной не расковать.
Не заковать реку зиме без Козмодемьяна.
Козьма-Демьян с гвоздем, Никола с мостом.
Козьма закует, а Михайло раскует
(часто 21 ноября бывает оттепель).

Кузьма и Демьян — ремесленники, покровители ремесел, главным образом, кузнечного искусства и женского рукоделия. С Кузьмы-Демьяна женщины вплотную принимают за зимнюю пряжу и, обращаясь к святым, просят помочь не отстать в работе от тех, кто начал ее раньше:

— Батюшка Кузьма-Демьян! Сравняй меня позднюю с ранними.

Кузьма и Демьян — праздник кузнецов. В народе рассказывают, что святые эти были кузнецами и за работу денег не брали ни с кого, отчего и зовут их бессребрениками.

В Тотемском уезде Вологодчины полагали, что Кузьма и Демьян были простыми работниками, которые охотнее всего нанимались молотить, но при этом никогда не требовали платы; просили только, чтобы хозяева вволю кормили их кашей, поэтому и именуют их иногда «кашниками».

В день, когда празднуется память этих святых, в деревнях носят в церковь кур и варят кашу, «отведать которую приглашают и святых угодников:

— Кузьма-Демьян, — говорят крестьяне, усаживаясь за трапезу, — приходите к нам кашу хлебать!»

В Курской губернии «наряду с кашей крестьяне считают необходимым бить 14 ноября трех куренков и есть их утром, в обед и вечером, «чтобы птица водилась»... Трапеза в здешних местах сопровождается всегда специальной молитвой:

«Кузьма-Демьян-сребреница! Зароди, господи, чтобы писклятки водились». Наблюдают также, чтобы за трапезой отнюдь не ломались кости, а то цыплята будут уродливые».

На Кузьму и Демьяна — куриная смерть (режут кур).

На Козмодемьяна курицу на стол (Тамбовская губ.).

Курицу на стол, цыпленка попу.

С этого дня бьют кур на продажу.

Воронежские крестьяне 14 ноября обязательно жарили кочета и курицу, служили молебны в курятниках и кропили их святой водой.

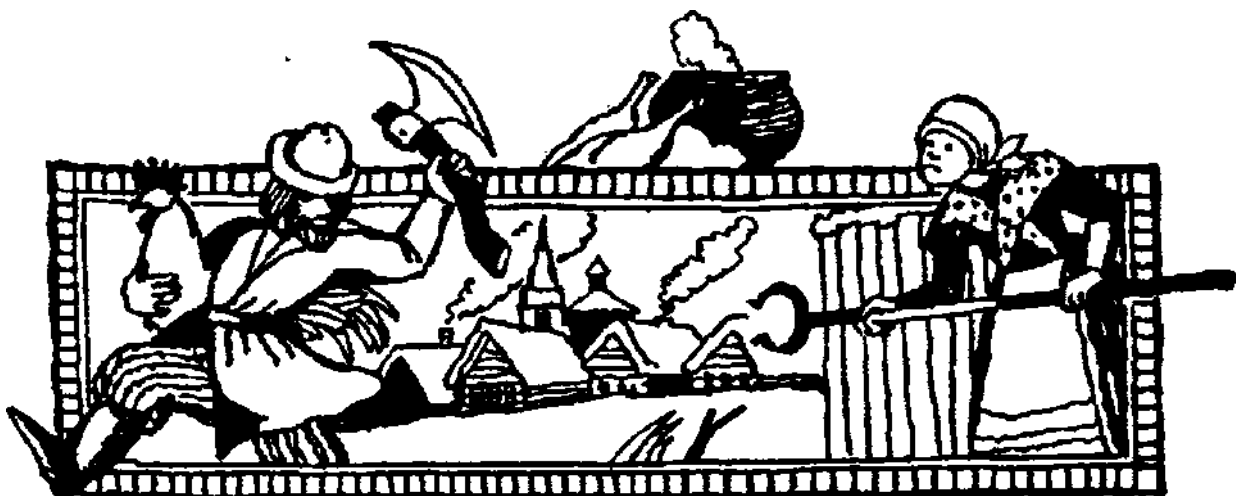
Кузьминки повсюду слыли девичьим праздником.

«В некоторых местах существует даже обычай, в силу которого девушка-невеста считается в день Кузьмы и Демьяна как бы хозяйкой дома, она prepares для семьи кушанья и угощает всех, причем в качестве почетного угощения подается куриная лапша».

На три дня Кузьминок девушки снимали помещение (если еще не начались регулярные посиделки), устраивали ссыпчину и принимали парней. Полагалось каждой девушке принести из дома что-либо съестное в сыром виде, нередко они обходили дома и выпрашивали припасы для Кузьминок. Собрав продукты, девушки все вместе готовили пиршество, обязательным блюдом которого была каша.

«Полно девкам чужое пиво варить, пора свое затевать», — говорили, имея в виду девушек на выданье.

Кузьминки продолжались «до света», причем парни, расправившись с приготовленным угощением, отправлялись воровать соседских кур. «К покражам такого рода крестьяне относятся довольно снисходительно, и если бранятся, то только для порядка».

При этом парень подымается со стула и пляшет. Песня продолжается:

Моя милая идет,
Графин водочки несет,
Графин водки несет,
Распростится да уйдет.

Парень целует одну из девушек; она садится вместо него на стул, и песня начинается снова. Девушка сменяется опять парнем и так далее, пока все играющие не пересидят в келleyке».

(Пермская губ.)

3. «ПРЯЛИЦА»

«Играющие стоят кругом и поют:

Прялица кокорица моя,
С горя выброшу на улицу тебя,
Стану прясть и попрядывать,
На беседушку поглядывать.
Во беседы нет весельица,
Моя милая не осердится.
Моя мила по дорожке шла,
Черноброва барабан нашла,
Она била, барабанила,
Из-за лесу парня манила,
Из-за лесу, лесу темненька,
Из-за садику зелененька.

Во время песни в кругу парень с девушкой быстро вертятся в одну и в другую сторону», потом целуются и уступают место другой паре.

(Печора, Усть-Цыльма.)

4. «ПОДУШЕЧКА»

Играющие составляют круг. Кто-либо один входит в круг и во время песни выбирает из круга девушку, «пляшет с ней, оставляет в середине, а сам уходит в хоровод. Потом девушка выбирает парня».

Подушечка, подушечка,
Да ты пуховая.
Молодушка, молодушка,
Да ты молодая.
Кого люблю, кого люблю,
Того поцелую,
Пуховую подушечку
Тому подарую.

(Омская губ.)

Акундин.

Акундин разжигает овин, а Пигасий солнце гасит.

С Акундина по деревням постоянно слышались перестуки мялиц и цепов. Обминали коноплю и лен, продолжали обмолачивать хлеб.

Разводя огонь в овине, невольно вспоминали про овинника, гуменника, рижника.

В деревне Будогоща Тихвинского уезда Новгородской губ. рассказывали: «Невзлюбил рижный одного мужика и сжег у него ригу; построился мужик заново, а рижный опять сжег. И в третий раз построился мужик, и вот что случилось. В прежнее время водили медведей. Вот пришел в деревню ночевать мужик с медведем. Куда его положить? Неловко такого зверя в избу пускать. Вот ему и велели в риге той ночевать, что недавно построена была. Стопили ригу; мужик с медведем забрались туда и забились на печку: теплее там ночевать. В полночь приходит рижный хозяин и приносит множество рыбы. Начал он её печь на углях; печет и роет на краешок, а медведь из-за печки подбирает лапкой да подьедает. Рижной хозяин остатнюю рыбку спек. на печку кинул. Хватился, стал искать — нет ни одной! Бросился за печку; как его сгреб — и не зная, кто — да начал его тискать! «Ну, ты,пусти!» — кричит рижной. Насилу вырвался, ушел весь оцарапанный. И через несколько времени идет одна женщина рано поутру за водой, а он ей навстречу и спрашивает: «Жива ли у мужика, чья эта рига, кошка?» — «Жива, да еще таких же семерых родила!» — «Эко горе-то, — говорит рижной, — скажи ты, пожалуйста, мужику, что ригу ту я у него сжег, больше не буду, полно. Пусть он деньги мои оберет: их под углом риги пивоваренной котел зарыт. Хотел я ему опять ригу сжечь, да боле не буду». И вправду, обрал мужик деньги: большой котел, полный серебра, и стал богато жить».

Дети устраивали свои «овинные» игры:

«Один из играющих становится на гумне к овину, другие подходят и кричат: «Орина из овина, погоняй нас!» Орина кидается и хватает кого-нибудь. Кого схватит, тот становится Ориной, но не имеет права переступить за гумно («на берег»).

Галактион.

Девы молятся о женихах.

Павел и Варлаам.

*Если день богат снегом, то зима будет снежная.
Если лед на реке к этому дню становится грудями,
то и хлеба будут груды, а гладко — так и хлеба будет гладко.*

Федот-ледостаб.

*Если дорога бугром, то и хлеб должен быть бугром,
т. е. хорошим, набористым (Воронежская губ.).
Мученик Федот лед ведет.*

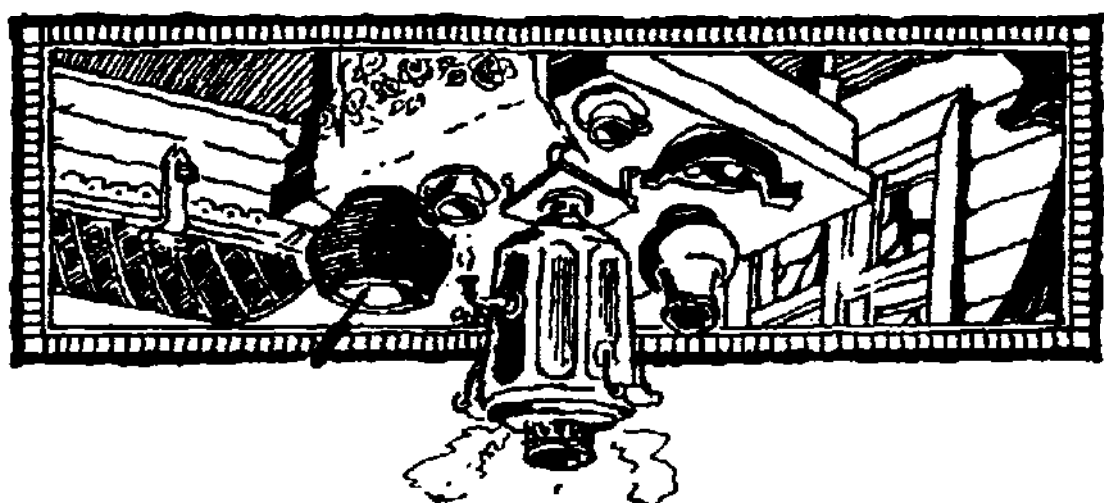
ЗАГАДКИ ПРО ЛЕД

Текло, текло и легло под стекло.
Кадка стара, крышка нова.
В огне не горит, в воде не тонет.
Я вода да по воде же и плаваю.
Меня рождает мать, которую я рождаю.

Михаил. Михайлов день.

*С Михаила зима не стоит, не мерзнет.
Михайловские оттепели; михайловские грязи.
Михайла с полумостом.
Со дня Михаила Архангела зима морозы куёт.
Михайло приехал на белом коне (говорится,
если к этому дню выпадет снег).
Во что Михаила, в то и Никола.
Говорят: «Михайла с мостом»,
если с этого времени становится зимний путь.
Если Михайло Демьянов путь порушит —
не жди его до зимнего Николы.*

С зимней Матрены зима встает на ноги, налетают морозы.
Зима встает, которая была убита Михайловскими
отцами.

Матрена Зимняя.

То не мудро, что пиво сварено,
а мудро, что не выпито.

Коли на Михайлов день да иней — оживай больших счетов,
а коли день зачнется туманом — ростепели быть.
Серое суко тянется в окно. (Туман.)
С Архистратига Михаила скот загоняют на зимний корм.
Михайлов день — веселый и сытный праздник, поскольку
хлеба пока много, выручен денег за конюлю и овец, да и ра-
боты основные закончены.
«Вот и праздник, и по деревням пирь, и в избах везде
гости.
— Ну, старуха, сажай! — говорит хозяин, рассаживая го-
стей за столом и наблюдая при этом степень родства и требо-
вания почта.
— Присядьте, присядьте, гости дорогие! — отвечает хо-
зяин, ставя на стол чашку со студнем и раскладывая каждо-
му по пирогу и по ложке. — Минюсти просим! Радый привет-
ствовать, чем бог послал.
— С праздником, будьте здоровы! — говорит первый, вы-
пивший первую чарку.
— Просим прислупить, — говорит хозяин, и по его слову
в торжественном молчании совершается уничтожение студ-
ня. Подается каша, за кашей следует свинина или говядина,
затем лапша, наконец, чай с баранками или пирогами.
Встав из-за стола, все идет в гости к другому хозяину, за-
тем к третьему — и так до вечера или пока хватит сил.

Облачная, снежная погода предсказывает ненастный май,
 иней — урожай овса, дождь — пшеницы (Смоленщина).
 Иней на деревьях — к морозам, туман — к оттепелям.
 Каков иней на деревьях, таков и цвет на хлебе.

ЗАГАДКИ ПРО МЕТЕЛЬ, ВЬЮГУ

Гуляет в поле, да не конь,
 летает на воле, да не птица.

Вдоль села бежит кобыла весела,
 под конец хвоста
 висит полон кошель овса.
 Бежит да потряхивает.

А метелица, метелица метет,
 По проулочкам снежочек моросит.
 Ай ли, ей ли-ли, э люли да
 По проулочкам снежочек моросит!

По проулочкам снежочек моросит,
 По снежочку тропинушка лежит.

По тропинке сударь милой идет,
 За собой он ворона коня ведет.

Побежал конь мимо тещина двора,
 Мимо тещина высока терема.

А у тещина высока терема
 Стоит девица, душа моя мила.

Уж ты девица, душа моя, душа,
 Сбереги ты ворона мово коня.
 Ай ли-ли, эй ли-ли, люли, да
 Сбереги ты ворона мово коня!

(Астраханская обл.)

В чистом полюшке погодушка,
 Великая метель!
 То ли се ли, милый, думаешь,
 Меня не канитель!

Ераст, Роднон.

С Ераста жди ледяного наста. Ераст — крепкий наст.
 Ераст на все горазд (на стужу, на метель,
 на холод, на голод).

¹ Припев после каждого двуступня с повторением второй строки.

Пришел Родивон — возьмет мужика в полон.
 Если после Михайловского мороза появится на деревьях
 иней, то крестьяне ожидали больших снегов.
 Если день начинается большим туманом, то ждут оттепели.

Фёдор-студит.

С Федора студеного начинает студить и морозить.
 С Федора-студита зима сердита.
 Со Студита станет холодно и сердито.
 Федор Студит землю студит.
 Федоровы ветры голодным волком воют.
 Со Студита стужа, что ни день, то хуже.
 Федор — не Фёдора: знобит без разбора.
 Если день Федора-студита бывает тепел,
 то зима будет тепла, если же холоден,
 то вся зима холодна.

Иван Милостивый.

На Ивана снега.
 Если на Ивана Милостивого дождь или снег —
 быть оттепелям до Введения (4 декабря).

ЗАГАДКИ ПРО СНЕГ

Скатерть бела весь свет одела
 Бело покрывало на земле лежало,
 лето пришло, оно все сошло.

Белый Тихон
 с неба спихан,
 где пробегает —
 ковром устилает.

Филипп.

*Иней на Филиппа — урожай на овес.
Воронье черное каркает — к оттепели.*

Филиппово заговенье — начало рождественского «холодного» поста.

*Конец свадебным неделям.
Куделица — первая неделя прядения в Филиппов пост.*

Женщины по вечерам и ночью при лучине чесали, дергали, сучили, наматывали пряжу.

*Прялка не бог, а рубаху дает.
Не напрядешь зимою, нечего будет ткать летом.
Не напрядешь под дымком, не выткнешь под тынком.
Не ленись прясть, хорошо оденешься.
Кривое веретено не оденст.
У ленивой пряхи и про себя нет рубахи.*

ЗАГАДКИ

*С локоть мохнато, с локоть голо,
с локоть под себя ушло. (Прялка.)*

*Пять, пять овечек зарод подъедают,
пять, пять овечек прочь отбегают. (Прядение.)*

Чем больше я верчусь, тем больше толстею. (Веретено.)

Опрошка скакала да и брюшко наскакала. (Веретено.)

*Соха кормит, веретено одевает.
Веретено знай крутится, а на веретено нитка ложится.*

Из пасмы в пасму перейду, так и конец найду.

Прядись, куделя, на этой неделе.

На новой будет недосуг: может, замуж позовут.

Куделя — не медведь, на нее можно и завтра поглядеть.

Привязала куделю уже девята неделя.

Рано встала, да мало напярала.

Тонко прясть — долго ждать.

В Ярославской губернии особым образом отмечался Филиппов день, конец Филипповского поста. Женщины вспоминали: «Когда филипповка кончается, делали чучело из соломы, руки расшиперят, вешали его на отвод, несли в поле и жгли, как Масленицу. Провожали Филиппа».

- Бабушка Арина, куда ты ходила?
- В новую деревню.
- Что в новой деревне?
- Утка в юбке, селезень в кафтане, корова в рогоже — нет ее дороже.

Это присказка, сказка будет впереди. Кудель, кудель, куда ты летела, на кусточек села, на кусточке села — соловьем запела? У нас не так, как у вас: и кудель поет соловьем!

Свет мои орешки щелканцы!
Вы рано цвели, а поздно выросли.
А я молода догадлива была:
Пялилки взяла, в посиделки пошла.
Мне не шьется, не прядется,
В посиделках не сидится,
Веретено из рук валится,
Донце ездит подо мной.
— Молодая ты молодушка,
Молодая ты, хорошая,
Белая, румяная, чернобровая!
Как тебе не скучиться,
За старым мужем живучи,
На старого мужа глядячи?
— Пойду, млада, в темный лес,
Нарву я, млада, хмелю ярого,
Наварю пива пьяного,
Напою мужа пьяного,
Положу мужа спать в холоде,
В холоде, что на погребце,
Зажгу огнем-полымем,
Закричу громким голосом:
— Соседи, соседушки недалёкие, ближние,
Моего мужа гром убил,
Старого молоньёй сожгло,
А меня бог помиловал:
С кровати свалилася,
Рукавом защитилася.

(Курская губ.)

Все прядут волокна,
Я — одну кудельку.
Не видала милого
Целую недельку.

Уж я пряла не из гребня волокно,
От работы руки-ноги сволокло.

Уж ты, прялица-кокорица моя,
Да с горя выкину на улицу тебя.
Сама сяду прясть-попрядывати,

На мила дружка поглядывати.
Нитки рвутся, не вяжу,
Все на милого гляжу.

Дайте лён, дайте лён,
Сорок девять веретён —
Стану прясть-попрядывать,
На дружка поглядывать.

На Филиппово заговенье принято было выносить на двор закуску домовому, чтобы водился скот.

«На заговины, перед тем как садиться за стол ужинать, хозяин с хозяйкой идут на двор, становятся у ворот и говорят:
— Царь домовый, царица домовая, с малыми детками, милости просим с нами заговлять.

При этом, не крестясь, кланяются до земли на все четыре стороны и возвращаются в хату ужинать. Поужинав, оставляют на столе кушанье и посуду, покрывают все это скатертью для того, чтобы домовому с домовихой было чем заговеть»
(Смоленицина)

Гурий.

Гурий на пегой кобыле (грязь, снег).

Воронежские крестьяне думают, что с этого дня все нечистые убегают с земли, боясь морозов и зимы. Зима приезжает на пегой кобыле и разгоняет всех нечистых».

Конец свадебным неделям (от Семена до Гурия).

Гурий, Симон и Авив слынут в народе зубными целителями.

Матвей.

На святого Матвея зима потест.

На Матвея земля прест.

Худ Матвей, коли не употчевал гостей.

Если в день апостола Матвея веют буйные ветры, то быть вьюгам и метелям на Святой Руси до самого Николы зимнего.

СХЕМА ПОДВИЖНЫХ ПРАЗДНИКОВ ПО ПАСХЕ

ИЗЫСКОУ СЯТЫМ

СЯТЫМ

ПОНЕДЕЛЬНИК **МАСЛЕНИЦА** ВСТРЕЧА
 ВТОРНИК **сырная** ЗАПРЫШ
 СРЕДА **широкий** ЛАКОМКА
 ЧЕТВЕРГ **ПЕЩИННЫ ВЕЧЕРА**
 ПЯТНИЦА **ПОСЯДЕЛКИ**
 СУББОТА **ПРОЩЁНОЕ, ЗАГОВЕНЬЕ НА ВЕЛИКИЙ ПОСТ**
 ВОСКРЕСЕНЬЕ

СРЕДА ЧЕТВЕРГ-СЕРЕДИНА, ПЕРЕЛОМ ПОСТА
 5-я **ПОХВАЛЬНАЯ**
 СРЕДА-АНДРЕЕВО СТОЯНИЕ, ПОКЛОНЫ
 6-я **ВЕРБНАЯ (ЦВЕТНАЯ)**
 СУББОТА ВЕРБНАЯ, ЛАЗАРЕВА
 ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЕРБНОЕ

ИЗЫСКОУ СЯТЫМ

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ НЕДЕЛИ

ВЕЛИКИЙ ПОСТ
7-я СТРАСТНАЯ
СРЕДА (БЕЛАЯ, ЧИСТАЯ)
ЧЕТВЕРГ
ПЯТНИЦА
СУББОТА
СВЕТАЛОЕ
1-я ПАСХА
ВОСКРЕСЕНЬЕ
2-я ФОМИНА
ПОНЕДЕЛЬНИК-НАВНИЙ ДЕНЬ, ХРИСТОВСКИЙ
3-я ЖЕН МИРОПОСНЦ
4-я-25-я ДЕНЬ СРЕДА ПРЕПОЛОВЕНИЕ
5-я 6-я 40-я ДЕНЬ ЧЕТВЕРГ ВОЗНЕСЕНИЕ
7-я СЕМИКОВА
СУББОТА
РОДИТЕЛЬСКАЯ ДЕДЫ,
ПОМИНКИ
8-я ПОНЕДЕЛЬНИК
ВОСКРЕСЕНЬЕ
9-я ПОНЕДЕЛЬНИК
ПЕТРОВ ПОСТ

ВЕЛИКИЙ ПОСТ
7-я СТРАСТНАЯ
СРЕДА (БЕЛАЯ, ЧИСТАЯ)
ЧЕТВЕРГ
ПЯТНИЦА
СУББОТА
СВЕТАЛОЕ
1-я ПАСХА
ВОСКРЕСЕНЬЕ
2-я ФОМИНА
ПОНЕДЕЛЬНИК-НАВНИЙ ДЕНЬ, ХРИСТОВСКИЙ
3-я ЖЕН МИРОПОСНЦ
4-я-25-я ДЕНЬ СРЕДА ПРЕПОЛОВЕНИЕ
5-я 6-я 40-я ДЕНЬ ЧЕТВЕРГ ВОЗНЕСЕНИЕ
7-я СЕМИКОВА
СУББОТА
РОДИТЕЛЬСКАЯ ДЕДЫ,
ПОМИНКИ
8-я ПОНЕДЕЛЬНИК
ВОСКРЕСЕНЬЕ
9-я ПОНЕДЕЛЬНИК
ПЕТРОВ ПОСТ

7-я СТРАСТНАЯ
СРЕДА (БЕЛАЯ, ЧИСТАЯ)
ЧЕТВЕРГ
ПЯТНИЦА
СУББОТА
СВЕТАЛОЕ
1-я ПАСХА
ВОСКРЕСЕНЬЕ
Красная горка
2-я ФОМИНА
(проводная)
ПОНЕДЕЛЬНИК-НАВНИЙ ДЕНЬ, ХРИСТОВСКИЙ
3-я ЖЕН МИРОПОСНЦ
4-я-25-я ДЕНЬ СРЕДА ПРЕПОЛОВЕНИЕ
5-я 6-я 40-я ДЕНЬ ЧЕТВЕРГ ВОЗНЕСЕНИЕ
7-я СЕМИКОВА
СУББОТА
РОДИТЕЛЬСКАЯ ДЕДЫ,
ПОМИНКИ
8-я ПОНЕДЕЛЬНИК
ВОСКРЕСЕНЬЕ
9-я ПОНЕДЕЛЬНИК
ПЕТРОВ ПОСТ

СВЯТКИ.

СВЯТЫЕ ВЕЧЕРА, СТРАШНЫЕ ВЕЧЕРА.

Святки: дня прибыло на куриную ступню.

В ночь с 24 на 25 декабря — рождественский сочельник, который подводил черту под прожитый год, завершал рождественский пост и открывал двухнедельные новогодние празднества — святки.

В рождественский сочельник не едят до первой звезды. Торжественный ужин не отличается большим разнообразием блюд. Главное и необходимое кушанье на этом столе — кутья. «Для вечерней трапезы готовится доселе из круп каша, а из пшена и ячменя — кутья сочельницкая», — писал еще в начале прошлого века И. Сахаров. Обязательной принадлежностью рождественского стола были и фигурки из теста: «В каждом доме приготавливали к празднику рождества Христова из пшеничного теста фигуры, изображающие маленьких коров, быков, овец и других животных и пастухов. Такие фигурки ставились на окна и столы, посылались в подарок родным». Это сведения по Архангельской губернии, но практически то же самое с незначительными местными вариациями зафиксировано и в других русских губерниях. В Подмоскovie, к примеру, «в первый день Рождества печется ряд мелких коров, одна большая фигура коровы и две большие фигуры овец. Эти фигуры хозяйка хранит до Крещения, в Крещение же после водосвятия размачивает в святой воде фигурки и дает скоту».

После серьезной части за домашним столом — начиналось святочное веселье. «Пришли колядки — блины да ладки (оладьи)», то есть наступила пора взаимных угощений, веселья и радости.

Зима — за морозы, а мужик — за праздники.

Святки праздновались всеми, но в основе своей это был праздник молодежи: ее игры, песни, обходы домов, посиделки, гадания создавали неповторимую атмосферу святочного веселья.

По всей территории России был распространен обычай новогоднего обхода домов молодежью или детьми. «В Рязанской губернии ходят толпами под окна просить пирогов. Впереди всех идет девица, называемая мехоноскою; она-то несет кошель для пирожного сбора; она-то предводит толпу и распоряжается дележом сбора».

Подобные обходы в течение святок проводились трижды: в рождественский сочельник, под Новый год и накануне крещения. Каждая семья ожидала колядовщиков, приготавливала для них угощение и с неподдельным удовольствием выслушивала колядки:

Коляда, коляда!
А бывает коляда
Накануне рождества.
Коляда пришла,
Рождество принесла.
(Оренбургская губ.)

Коляда-моляда!
Ты пришла на двор
Накануне Рождества
По снежному полю,
Гулять на просторе!
Забегала во двор
К Иван Иванычу,
К тетушке Прасковье.
Иванов-то двор
Виноградьем оброс,
У Ивана-сударя
Высок терем,
У Прасковьюшки на дворе
Полным-полно.

Гуси-лебеди летели!
Мы малёшеньки,
Колядовщички,
Мы пришли
прославлять,
Хозяев величать!
Иван Иванычу
Житья сто лет!
Прасковьюшке
Всегда здравьице!
Всем детушкам,
Зятям, снохам,
Сыновьям, дочерям —
Боярышням!
(Владимирская губ.)

...А дай бог тому,
Кто в этом дому!
Ему рожь густа,
Рожь ужиниста!
Ему с колосу осьмина,

Из зерна ему коврига,
Из полужерна — пирог.
Наделил бы вас господь
И житьем, и бытьем,
И богатством...

(Тверская губ.)

В Пинежском районе Архангельской области ребята-ики, когда колядовали, пели:

Дай тебе, господи,
На поле природ,
На гумне примолот,
Квашни гущина,
На столе спорина,
Сметаны ти толсты,
Коровы ти дойны!

Под Москвой, благодаря хозяев за подаренное печенье — «коровку, мазану головку», колядовщики сулили дому полное благополучие и счастье (существовало поверье, что в доме, где ласточка совет гнездо, не будет несчастий и неприятностей):

Дайте коровку,
Мазану головку!
Уж ты ласточка,
Ты касаточка,
Ты не вей гнезда
Во чистом поле,
Ты завей гнездо
У Петра на дворе!

Дак дай ему бог
Полтора ста коров,
Девяносто быков.
Они на реку идут,
Все помыкивают,
А с реки-то идут,
Все поитрывают.

По традиции, колядовщики требовали платы, угощения, подчас очень настойчиво:

...Нам же,
славцам,
Не рубль-полтина,—
Единая гривна,
Пива братыня,
Яиц коробица,

Скляница вина,
Бочка квасу,
Морда рыбы,
Блюдо шанег,
Ставец оладий
И масла крыница!

Если хозяйка выносила угощение, благодарили:

У доброго мужика
Родись рожь хороша:
Колоском густа,
Соломкой пуста!

Если же ничего не подавали, могли пропеть и такое:

У^у скупого мужика
 Е^я дись рожь хороша:
 К^к олоском пуста,
 С^с ломкой густа!
 и^и и:
 Е^о двор чертей; на огород червей!

Коляда, Моляд!	Кто не даст лепешки —
Уродилась Кол ^я да!	Завалим окошки,
Кто подаст пир ^г га —	Кто не даст пирога —
Тому двор жив ^ь та,	Сведем корову за рога,
Еще мелкой ск ^т тинки	Кто не даст хлеба —
Числа бы вам р ^з нать!	Уведем деда,
А кто не даст ш ^и копейки —	Кто не даст ветчины —
Завалим лазейк ^х ,	Тем расколем чугуны!

Угрозы в адрес к^упных хозяев могли быть и страшнее:

На Новый год
 Осиновый гроб,
 Кол да могилу,
 Ободрану кобылу!

До выкрикивани^я таких угроз, как правило, не доходило. Общее праздничное настро^еие и желание, чтобы в наступающем году жи-лось хорошо, делали лю^дей щедрыми, терпимыми, гостеприимными.

После шумного, с^еглого обхода домов молодежь собиралась в поси-делочной избе и уст^ривала общую пирушку — съедали все, чем их одарили односельчан^е.

До сих пор у^дачас представление о святках связывается с посиделками. Пос^иделки, вечерки, бесёды устраивались еще с Николина дня и^и Покрова, но приобретали праздничный характер с Рожде^нства.

В Забайкалье, к^ак примеру, на рождественские посиделки «девушки и парни^и приходили из разных деревень, разодетые в лучшие платья, и^иногда приносили их с собой в узелках и несколько раз н^оредевались. У русских в Забайкалье на святках проводилс^я в восемь праздничных игрищ, и к каждо-му из них менял^и сарафан и атлас (платок). Девушки, не имевшие большог^о числа сарафанов и шуб, занимали их у бо-лее богатых люде^й, а потом за это отрабатывали хозяевам, дававшим одежду^ю на время святочных игрищ».

Лето — д^ля старания, а зима — для гуляния.

Молодежь, «р^азодетая в новые рубахи, чтоб избежать не-урожая, собравши^я в избе, пляшет под дуду, слушает сказки, перекидывается за^иадками, а главное — рядится, или «окручи-вается», и гадает (своей судьбе».

Загадывание загадок, видимо, когда-то носило магический характер, исконный смысл такого действия постепенно забылся, но традиция сохранила и сам тип вопросно-ответных песен и древнейшую форму исполнения их: двумя группами девушек в виде своеобразного диалога.

«Вопросы поются одной стороной, а другая только отвечает (отвечает):

Загануть ли,	Да семь мудреных,
Загануть ли,	Да хитрых мудрых,
Да красна девка,	Да все замужеских
Да краснопевка,	Да королецких
Да семь загадок,	Да молодецких?

Это вопрос, который поется одной стороной. Другая же отвечает:

Да загони-ко,
Загони-ко,
Да красна девка,
Да краснопевка,
Да семь загадок,
Да семь мудреных, — и т. д.

Когда вторая сторона пропоеет свой ответ, первая предлагает вопрос-загадку:

Еще гриет,
Еще гриет,
Да во всю землю,
Да во всю руську,
Да во всю святоруську?

Вторая отвечает:

Солнце гриет,
Солнце гриет,
Да во всю землю,
Да во всю руську,
Да святоруську» и т. п.

Нет посиделок без хороводов. Например, девушки образуют круг (весь хоровод — это «царевна»), по-за кругу ходит одна девушка — «царевень» (царевич):

Царевень:	Ты пусти во город, Ты пусти во красен.
Царевна:	Те по ще во город, Те по ще во красен?
Царевень:	Мне девиц смотреть, Красавиц выбирать.
Царевна:	Тебе коя любя, Коя прихороша, Коя лучше всех?

Царевень: Мне-ка эта любя,
Эта прихороша,
Эта лучше всех.

С этими словами «царевень» выводит из круга выбранную им девушку и, взявши своей левой рукой ее правую руку, с пением быстро ведет по-за кругу. Когда песня кончится, ее начинают сызнова и поют до тех пор, пока «царевень» не выберет из круга всех девиц, затем вереница девушек делает несколько спиралевидных поворотов, хороводных зигзагов, и на том игра кончается.

В Псковской губернии на второй день святок принято было петь под тальянку припевки:

Если б не было погоды —
Не пошел бы снег.
Если б не было миленка —
Не пошла бы сюда ввек.

С горы камушек свалился
В быстру реченьку попал.
Мой миленочек женился,
Не богаче меня взял.

Сшей-ка, батюшка, сапожки —
Вдоль деревни мне ходить:
Накладу часты следочки —
Пускай миленький глядит.

Звучали веселые, озорные песни про старого мужа, про свекра со свекровью, с которыми (в песне!) молодая невестка не считается, не церемонится:

Нынче святки — все святые вечера!
Все мои подруги на игрища пошли,
Мене, молоду, свекор не пустил.
Заставил мене свекор овин сушить.
И я-то со зла овин сожгла,
Овин сожгла и туды ж пошла.
Нынче святки, все святые вечера!
Все мои подружки на игрища пошли,
Мене, молоду, свекры не пустила,
Заставила свекры кросен наткать.
Я со зла кросна изорвала, берды выломала,
Берды выломала да и туды ж пошла.

(Тульская губ.)

Э-э, прялочку взяла да во поседочки пошла,
Прясть-то не напярала, только время провела,
Прялочку — под лавочку, сама гулять пошла.
Кочеты запели — я не думала домой.
Други запели — я умом-то не веду,
Третьи-то запели — я в головку не беру,

Четверты запели, д'заря бела занялась,
 Пяты ти запели — я домой собралась,
 Пяты ти запели, д я домой собралась,
 Шесты запели — я домой пришла.
 Сёдмые запели, д я за старого легла,
 Сёдмые запели — я за старого легла.
 «Ну-ка, старый шут, да поворачивайся,
 Седа борода, да пошевеливайся».
 «Женушка-жена, да сейчас ли ты пришла?»
 «Что ты, старый шут, да ты не бредишь ли?»
 Седа борода, да не во сне ли говоришь?
 Я давно пришла, да давно выпалася,
 Я хочу вставать да избушку топить,
 Избушку топить да щи да кашу варить,
 Щи-кашу варить да шута старого кормить».
 (Нижегородская зуб.)

Та же ситуация «старый муж и молодая жена» обыгрывалась и в святочных играх. Об одной из них вспоминал С. Т. Аксаков, не раз видевший ее в своем имении Аксаково Казанской губернии еще в начале XIX века:

«Посреди избы, на скамье или чурбане, сидит старик (разумеется, кто-нибудь переряженный), молодая его жена в кокошнике и фате, ходя вокруг и приплясывая, поет жалобу на дряхлость мужа, хор ей подтягивает. Пропев куплет, кажется, из восьми стихов, из которых я помню две начальные во всех куплетах:

Ох ты горе мое, гореванье,
 Ты тяжелое мое вздыханье... —

жена подходит к мужу и посылает его пахать яровую пашню. Старик кашляет, стонет и дребезжащим голосом отвечает: «Моченьки нет». Зрители хохочут. Молодая женщина опять поет вместе с хором новый куплет, ходя и приплясывая вокруг старика. Таким образом перебираются все полевые работы, и на все приглашения сеять, пахать, косить, жать и проч. старик отвечает словами «Моченьки нет», разнообразя отказ прибаутками и оханьем. Наконец, жена поет последний куплет, в котором говорится, что все добрые люди убрались с полей и принялись варить пиво, потом подходит к мужу и зовет его к соседу «бракки испить». Старик проворно вскакивает, бодро отвечает: «Пойдем, матушка, пойдем», — и бежит стариковской рысью, утаскивая за руку молодую жену. Громкий веселый хохот зрителей заключает эту игру».

Со всем азартом молодости собравшиеся на посиделке играли «в молчанку». «По команде «раз, два, три» все парни и девушки должны хранить самое серьезное молчание... Не выдержавшие молчания подвергаются какой-нибудь условленной каре, например, съесть пригорошню угля, поцеловать какую-нибудь старуху, позволить облить себя водой с ног до

головы, бросить в рот горсть пепла, сходить на гумно и принести сноп соломы (последнее наказание считается одним из тягчайших, так как ночью на гумно не ходят из опасения попасть в лапы «огуменника»...). Исполнение штрафов за нарушенное молчание производится по всей строгости уговора».

Песни, танцы, разговоры обыкновенно прерывались приходом ряженных.

Любимыми масками ряженных на Псковщине были «медведь, ломающийся, показывающий, как бабы ходят по воду, как девушки глядятся в зеркало, как ребятишки воруют чужой горох; и «журав», т. е. представляющий из себя подобие журавля... Чтобы изобразить журавля, парень набрасывает на себя вывороченную шерстью вверх шубу, в один из рукавов которой продевает палку с крючком на конце. Палка изображает клюв журавля, и этим клювом ряженный бьет присутствующих на вечеринке девушек, а те, чтобы откупиться от назойливой птицы, бросают на землю орехи, конфеты, пряники, которые журавль и подбирает».

Иной раз на посиделки врывалась целая ватага «нечисти» — парни любили наряжаться в белые длинные рубахи с рукавами до пола, вывернутые тулупы, надевать изготовленные загодя страшные маски и в таком виде с шумом и гиком заскакивать в избу и пугать девушек. Когда первый испуг проходил, девушки, конечно же, знавшие о возможности прихода подобных «гостей», начинали обороняться и выгонять нечистую силу. Поскольку игра носила не только веселый и развлекательный характер, но имела и магический смысл (выгнав из дома нечисть, пусть ряженую, были уверены, что обезопасили наступающий год, расчистили дорогу приближающемуся Новому году), ряженные не очень долго сопротивлялись и под радостные крики победителей отступали в сени или тут же разоблачались, как в случае с кикиморой, которую изображал парень, одетый по-старушечьи, в лохмотья, с горшком на голове вместо кокошника: горшок разбивали, и «кикимора» тут же превращалась в обычного парня.

Святочные забавы, ряжение продолжались и днем. Так, в Ярославской губернии «все девицы и молодые мужчины, холостые и женатые, наряжаются цыганами и цыганками, ходят в селе по всем домам ворожить на ладони и собирать яйца; или наряжаются в красные мужские рубахи, возьмут косы и грабли и отправляются с песнями по соседним деревням, как будто во время сенокоса».

Костромская молодежь рядилась «стариками со страшными горбами, коновалами, шерстобитами, Петрушкой, разными пугалами в виде стариков, чертом — навязывая на голову кудели, чтобы быть хохлатым, косматым, и вычернив рожу» сажей.

Новгородцев на святках из года в год потешала излюбленная комическая пара — старик и старуха:

«Войдя в избу, дед обращается к бабе со словами:

— Полно, Афимья, артачиться-то, пойдем! Аль не знаешь, что хозяева добрых людей пуцают? Эй, развернись, хозяйошкам в пояс поклонись — любите и жалуйте, добрые люди!

Один из присутствующих: Что это она у тебя сегодня больно примахрилась? Аль поминки по бабушке Акулинке справляет?

Старик: Глупый ты человек! Аль не смекаешь? По-нравиться, вишь, вам, молодцам, хочет; оно и знать, что женихов выбирать пришла.

Один из присутствующих: А сколько ей годков? Коли больно молода, так я не возьму; чай, деда моего махоньким помнит?

Старик: Что ты еще, братец! Баба, вишь, молодая, здоровенная, да вот, нишкни — посмотри! (Смотрит ей зубы, как лошади, желая узнать ее возраст.)

Один из присутствующих: И впрямь, братцыган!

Бабе, оказывается, «два ста без десятка» — плясать еще может. Старик заставляет бабу плясать. Танцуя, она то падает, то встает, чем вызывает одобрителный смех присутствующих. Наконец падает и умирает.

Старик (припадает к ней и причитает): Ой, баба моя работящая была, уважительная, а вишь, и померла! Желанная моя, касатка моя, раскрасавица ты эфтакая!

Но вот приходит музыкант, и под звуки гармонии старуха оживает и вновь пускается в пляс.

Некоторые представления, вроде знаменитой народной драмы «Царь Максимилиан» или «Лодка», разыгрывались в специально отведенном для этих целей амбаре. Здесь же разыгрывались и небольшие сценки с участием зрителей и доморощенных актеров-импровизаторов. Одна из популярнейших святочных игр, которую с таким же успехом можно назвать и представлением, — «В кузнеца»:

«В избу, нанятую для осед, вваливается толпа парниси с вымазанными сажей лицами и с подвешенными седыми бородами. Впереди всех выступает главный герой — кузнец. Из одежды на нем только портки, а верхняя голая часть туловища разукрашена симметрично расположенными кружками, изображающими собой пуговицы. В руках у кузнеца большой деревянный молот. За кузнецом вносят высокую скамейку, покрытую широким, спускающимся до земли пологом, под которым спрятано человек пять-шесть ребятишек. Кузнец расхаживает по избе, хвастает, что может сделать все что угодно: замки, ножи, топоры, ухваты и, сверх того, умеет «старых на молодых переделывать». — «Не хочешь ли, я тебя на молодую переделаю?» — обращается он к какой-нибудь де-

вице не первой молодости. Та, разумеется, конфузится и не соглашается. Тогда кузнец приказывает одному из ряженных стариков: «Ну-ка ты, старый черт, полезай под наковальню, я тебя перекую!» Старик прячется под пологом, а кузнец бьет молотом по скамейке, и из-под полога выскакивает подросток. Интерес игры состоит в том, что при каждом ударе у кузнеца сваливаются портки, и он остается совершенно обнаженным. Когда всех стариков перекуют на молодых, кузнец обращается к девушкам, спрашивая у каждой: «Тебе, красавица, что сковать? Тебе, умница, что сковать?» И каждая девица должна что-нибудь заказать, а затем, выкупая приготовленный заказ, поцеловать кузнеца, который старается при этом как можно больше вымазать ее физиономию».

В Ватильев вечер, накануне Нового года, почти во всей центральной России молодежь устраивала еще одно колядование, теперь исполнялись по большей части «овсени» (этаусени).

Ай во боре, боре
Стояла там сосна
Зелена, кудрева.

Ой овсень, ой овсень!
Ехали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили.

Ой овсень, ой овсень!

Мосточек мостили,
Сукном устилали,
Гвоздями убивали.

Ой овсень, ой овсень!
Кому ж, кому ехать
По тому мосточку?
Ехать там Овсеню

Да Новому году

Ой овсень, ой овсень!

В Рязанской губернии записана такая колядка:

Ой авсень,
Ой коляда!
— Дома ли хозяин?
— Его дома нету!
Он уехал в поле

Пашеницу сеять.
Сейся, сейся, пашеница,
Колос колосистый!
Колос колосистый,
Зерно зернисто!

Владимирские девушки пели под окнами «таусень»:

Как у нашего хозяина
Дорогие ворота,
Золотая борода,
Золотой усок,
По рублю волосок!
Таусень, таусень!

На Тамбовщине, переходя от избы к избе, «славили авсень»:

Авсень, авсень,
Шелковая борода,
Золотая голова,
Поддай пирога
Или курочку с хохолком,
Петушка с гребешком;
Поддай денежку с орлом
И копеечку с копьем!

В Уфимской губернии специальный таусень исполнялся дочери хозяина, если она была в возрасте невесты:

Уж ты ягодка красна́,	Отчего она умна?
Земляниченька красна́!	Что у батюшки росла,
Таусень!	Таусень!
Отчего она красна?	У сударыни матушки
Во сыром бору росла.	Нежилая,
Таусень!	Таусень!
Уж ты Катенька умна,	Что и нежилая
Свет Ивановна умна!	Да лелеялася.
Таусень!	Таусень!

В некоторых местах под Новый год колядовать ходили девушки-невесты в праздничных нарядах или в масках. Они исполняли колядные величания только в тех домах, где есть женихи:

У Ивана на дворе
Стоят сорок коней
Таусень, таусень!
Ему в Москву ехать,
Ему солод закупать.
Таусень, таусень!
Ему пиво варить,
Ему сына женить.
Таусень, таусень!
Ему сына женить,
Ивана Иваныча!
Таусень, таусень!

Ему брать ли не брать
Настасью Лукиничну.
Таусень, таусень!

В ответ каждый жених или его мать одаривали девушек лепешками, пирогами, конфетами.

На Севере России распространен был особый тип колядок — «виноградья», отличающиеся эпическим размером, развернутым сюжетом, пространными поэтическими сравнениями и образами.

Да виноградиё да красно-зеленоё!
Да уж мы ходим не ходим спо Нову-городу,
Уж мы ищем не ищем господинов двор.
Господинов двор да высоко на горе.
Да высоко на горе да далеко в стороне,
На семидесят верстах да на восьмидесят столбах.
Да на каждом ли столбе по маковке,
Да на каждой на маковке по замчужке (жемчужине),
Да на каждой на замчужке по ленточке,
Да на каждой на ленточке по кисточке,
Да на каждой на кисточке по свечке горит,
Да этот чей стоит дом, да чей высок новой терем?
Да этот дом стоит Филиппа Ивановича,
Да это горницы Ирины Ивановны.
Да ты позволь, сударь хозяин, ко двору прийти,
Да ко двору прийти да на круто крыльцо взойти,
Да на круто крыльцо взойти да за витое кольцо взять,
Да за витое кольцо взять да спо новым сеням пройти,
Да спо новым сеням пройти да в нову горницу взойти,
Да в нову горницу взойти да против грядочки встать,
Да нам еще того повыше — на лавочку сесть.
Да нам на лавочку сесть да виноградиё спеть,
Да виноградиё спеть, в дому хозяина опеть,
В дому хозяина опеть, в дому хозяйку припеть...
Да виноградиё да красно-зеленоё!

Это «виноградиё» (мы привели лишь отрывок, самое начало его) исполнялось на Печоре семейным хозяевам, припев повторялся после каждой строки. Существовали специальные «виноградья» и для молодых, недавно поженившихся пар, и для семей, где было много детей, и для невест, женихов и т. п.

Повсюду свои колядки прокрикивали ребятишки, ходившие ватагами от дома к дому. Детей-колядовщиков угощали печеньем, орехами, сладостями. Детские колядки коротенькие и часто носят шутливый характер:

Уж ты сивая свинья,
Таусень!
На дубу гнездо свила,
Таусень!

Поросят вывела.
 Поросята полосаты
 По сучкам пошли,
 А один упал,
 Ко мне в кузов попал,
 Веретена перломал.
 Веретена неточёны —
 У них пятки золочёны.

Таусень!

(Пензенская губ.)

Ой, баусень!
 Наш хозяин богатый,
 Гребет денежки лопатой,
 Сидит на скамейке,
 Считает копейки,
 Сидит на лавке,
 Считает булавки.
 Ой, баусень!

(Тульская губ.)

Святок не бывает без гаданий. Для девушек в этом главный смысл и цель святочных вечеров. В одной из песен Пермской губ. поется:

К нам наехали святые вечера,
 На конях, на соболях,
 На лисицах, горностах!
 Уж вы, кумушки, подруженьки мои,
 Вы придите, посидите у меня,
 Пособите думу думати,
 Пособите мне отгадывати,
 Отгадаете — не сказывайте.

О том же и песня, записанная в Помехонье Ярославской губ.:

Гадай, гадай, девица,
 В коей руке былица,
 Былица достанется,
 Жизнь пойдет, покатится,
 Попригожей срядится,
 Молодцу достанешься,
 Выживешь, состаришься...

Гадали во все дни святок, но наиболее важными и значимыми считались гадания накануне Рождества, Нового года и в особенности Крещения. Сохранилось воспоминание писательницы К. Авдеевой о том, как гадали в начале прошлого века в Сибири: «Собирали кольца, запонки, сережки, клали их в блюдо и накрывали салфеткою; нарезывали маленькие кусочки хлеба и клали сверх салфетки. Сначала пели песню хлебу и соли и брали кусочки; ложась спать, клали их под го-

ловы, загадывая что приснится. Потом пели песни; по окончании каждой из них трясли блюдо, и один ловил, что попадалось, по одной вещице». Владелец вещи по песне определял, какая судьба ему нагадалась.

Спустя четверть века в другом конце России — Ржевском уезде Тверской губернии, гадали совершенно так же: в вечер под Новый год все, «даже пожилые, собравшись, только гадают о своей участи на следующий год. Для этого берут шапку, и каждый кладет в нее кольцо, серьгу или что-либо такое; после шапку встряхивают и поют подблюдные песни-стишки», под которые вынимают вещицы.

Гадания под подблюдные песни начинались, как нам уже подсказала Авдеева, с обязательной песни хлеба и соли:

Хлебу да соли
Долог век,
 Слава!
Барышне нашей
Боле того,
 Слава!
Кому мы спели,
Тому добро,
 Слава!
Кому вынется,
Скоро сбудется,
 Слава!
Скоро сбудется,
Не минуется,
 Слава!

После этой ничего не предвещающей песни исполнялись остальные, каждая из которых имела свой смысл, предсказывала разные повороты судьбы. Наибольшее количество песен было, конечно же, о благополучии во всех его проявлениях:

Катилось, валилось	Тому добро.
Одонье ржи,	Кому вынется,
Погодя маленько —	Тому сбудется,
Скирд овса.	Не минуется,
Кому мы спели,	Слава!

Ползет ежик
По завалинке,
Тащит казну
На мочалинке.
Диво улі ляду!
Кому спели,
Тому добро!
(К богатству.)

Летел соловей
 Через житенку,
 Несет соловей
 Жита горсточку.
 Ладо, ладу!
 Кому мы поем,
 Тому честь воздаем.
(К богатству и счастью.)

Мышь пищит,
 Сто рублей тащит.
 Диво ули ляду!
 Кому спели, тому добро!
(К деньгам, богатству.)

На печи дежа	Тому добро.
Высоко взопла.	Кому вынется,
Кому мы же спели.	Тому сбудется!

*(Предвещает благополучие,
 счастье, богатство.)*

Рылся кочеток
 На завалинке,
 Вырыл кочеток
 Жемчужинку.
 Кому спели,
 Тому добро!
(К счастью и богатству.)

Медведь-пыхтун
 Слава!
 По реке плывет.
 Слава!
 Кому пыхнет во двор,
 Слава!
 Тому зять в терем,
 Слава!
 Кому мы спели,
 Тому добро,
 Слава!
 Кому вынется,
 Тому сбудется.
 Слава!
 Скоро сбудется,
 Не минуется.
 Слава!
(Предвещает замужество.)

Рылась курочка
На завалинке,
Вырыла курочка
Золот перстень.
Мне тем перстом
Обручатися.

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется,
Слава!

Идет кузнец
Из кузницы.

Слава!

Несет кузнец
Три молота.

Слава!

«Кузнец, кузнец!
Ты скуй мне венец!

Слава!

Ты скуй мне венец
И золот, и нов.

Слава!

Из остаточков
Золот перстень.

Слава!

Из обрезочков
Булавочку.

Слава!

Мне в том венце
Венчатися.

Слава!

Мне тем перстнем
Обручатися.

Слава!

Мне тою булавкой
Убрус притыкать.

Слава!

Да кому мы спели,
Тому добро!

Слава!

Вился клен с березою —
Не развился.

Ладу, ладу!

Кому выйдется,
Правда сбудется,
Тому добро!

(К свадьбе.)

На дубчике
Два голубчика
Целуются,
Милуются.
То диво, то слава!
Кому выльется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

(К свадьбе.)

Существовало немало песен, означающих печаль, разлуку, неприятности, бедность:

Стоят санки у лисенки,
Хотят санки уехать.
Ладу, ладу,
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.

*(Песня предвещает
дорогу, разлуку.)*

Ходит старушка
Посереде,
На ней сарафан
Весь истрескался,
Изверескался.
Илею, илею!
Кому песню поем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется. Илею, илею!

(К бедности.)

Заинька-ковыляинька,
Слава те!
Ковылять тебе на чужу сторону!
Слава те!
Кому кольцо вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.

*(Дорога мужчине, женщине —
далекое замужество.)*

На загнетке сижу,
Долги нитки вожу,
Еще посижу,
Еще повожу.

(Обещает девичество.)

Были среди подблюдных песен и такие, которые предвещали смерть, вдовство, какое-то иное непоправимое горе. От подобных песен становилось по-настоящему страшно, и нередко бывали случаи, когда девушки, услышав для себя такие слова, серьезно и надолго заболели. Вот примеры страшных подблюдных:

Сидела я
У окошечка,
Ждала себе
Милого,
Не могла
Дождатися.
Спать ложила.
Утром встала —
Спихватилася,
Гляжу на себя —
Вдова.
Кому мы поем,
Тому добро будет,
Тому сбудется
И не минуется.

Идет смерть по улице,
Несет блин на блюде.
Кому кольцо вынется,
Тому сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.

(Блин — поминальная еда.)

Стоит корыто
Другим накрыто.
Диво ули ляду!
Кому спели,
Тому добро!

(Песня предвещает смерть, т. к. корыто в фольклоре означает гроб.)

Надо сказать, что в действительности песни пелись в свободной последовательности, страшные и доброжелательные чередовались, а заканчивали гадание всегда на светлой, радостной ноте. Исчерпав весь репертуар подблюдных песен, выходили из избы во двор «примечать звезды», просить их об ускорении свадеб:

Ай звезды, звезды,
Звездочки!
Все вы, звезды,
Одной матушки!

Белорумяны вы
И дородливы!
Засылайте сватей
По миру крещеному,
Состряпайте свадебку
Для мира крещеного,
Для пира гостиного,
Для красной девицы,
Свет родимой
Анны Ивановны!

На Святках (обычно во второй половине их, в «страшные вечера» между Новым годом и Крещением) девушки гадали особенно много и по-разному, ночи напролет, меняя способы и формы испытания судьбы.

Ходили «слушать» за деревню на перекресток дорог: в какой стороне залает собака — туда и замуж идти. Подслушивали под окнами: если ругаются — в плохой дом выйдешь, смеются — в хороший. Сняв крест и не благословясь, девушка одна или с подругой шла к конюшне, становилась спиной к дверям и ударяла три раза по ним левой пяткой, приговаривая: «Если выйду замуж, то оцепайте лошадей» (то есть надевайте узду). Если лошади забренчат уздами, то гадающая в этом году выйдет замуж.

Отправлялись и к амбару, тоже предварительно сняв крест. Сказав: «Суженый-ряженный, приходи рожь мерить!», прислушивались к звукам внутри амбара: если послышится, что там пересыпают зерно, то девушка выйдет замуж за богатого, если же почудится, что метут пол веником — быть ей за бедным.

Повсеместно девушки на святках выходили «снег полоть». «Снег собираешь в полу пальто и говоришь: «Полю, полю снежок на собачий следок!» Потом снег из полы пальто перекинешь через левое плечо и скажешь: «Наша клята, ваша свята. Миленький, ау!». Приговаривали и так: «Полю, полю белый снег, полю, приговариваю: взлай, взлай, собачка, на чужой стороне, у свекра на дворе, у свекрови на печном столбе, у ладушки на кроватишке».

Очень распространено было гадание с помощью петуха. Гадальщицы раскладывали на полу (на столе) шепотку крупы, кусок хлеба, ножницы, золу, уголь, монетки, ставили зеркало и миску с водой. Затем вносили петуха и смотрели, что он начнет клевать в первую очередь: крупу — к богатству, хлеб — к урожаю, ножницы — суженый будет портной, золу — табачник, уголь — к вечному девичеству, монетки — к деньгам, если петух клюнет зеркало — муж будет щеголем, если начнет пить воду — быть мужу пьянице и т. д.

На ночь девицы подвешивали в сарае гребень: жених ночью чешется, и его узнают по масти оставшихся волос.

«Богатый, бедный, вдовец, холостец» — перечисляет девушка, считая колья в тыну.

Выдергивали из стога колосок: если попадется с зерном, замужем быть за богатым.

На святки тверские девушки «веник» привязывали, чтоб разметало жениху дорогу к сватам ехать.

Костромские девки «сковородник маме под подушку клали — блинами жениха кормить. Сковородку под матрац, сковородник вдоль кровати».

Из рассказа пожилой женщины: «Научили меня, когда спать ложиться — бросить пояс на трубу или на брус и сказать: «Пояс, пояс, покажи мне поезд с суженым-ряженым, не с которым повидаться, а с которым повенчаться». Вот я так сделала, и приснился мне сон: иду я и вижу пруд, на нем гуся, утки плавают и парень загоняет их белобрый, а жених у меня в этой деревне был черный волосом. А замуж вышла в другую деревню. Смотрю — пруд под окном и мужик мой белобрый. Серафимом звали».

Страшным, но «самым верным» считалось гадание ночью в пустой бане с помощью зеркала и свечей. Решалась на такое высматривание суженого далеко не каждая девушка.

В «страшные вечера», по представлениям крестьян, нечистая сила становилась очень активной. Как бы в подражание разыгравшейся нечисти, парни от Нового года до кануна Крещения вовсю чудили: опрокидывали поленицы дров, закладывали чем попало ворота, так что хозяевам было не выйти на улицу; забирались на крыши и закрывали досками тру-

бы — при топке печи избы наполнялись дымом. Об этих праздничных проказах знали и относились к ним снисходительно, тем более что сразу после Крещения они прекращались.

По деревенке пройдем,
Что-нибудь да сделаем:
Дров поленицу рассыплем
Или двери закладём.

Нечистая сила настолько нагнала, что являлась даже на посиделки. От поколения к поколению передавался с разными подробностями и деталями рассказ о том, как черти чуть не завладели девками. В Сибири такой рассказ был записан сравнительно недавно:

«...Вечерку делали черти. На Крещение было это. Сделали вечерку, и черти омрачили девок. Девки с имя пляшут. А девчоночка за печкой сидела. Ее не омрачили, не увидали ее. Она взревела:

— Няня, няня! Иди сюды!

Та подошла. Она:

— У них же конски копыты, а в роте огонь! У парней-то! Девки-то выскочили, побежали. До бани добежали. Забежали и сидят, за скобу держатся. Перекрестили баню с нижнего бревна до верхнего. Ну, и потом петухи запели. Когда петухи запели, то оказалось: где была вечерка, там стало озеро...

Говорят, что правда было все это».

Чтобы избавиться от нечисти, в богоявленскую ночь накануне Крещения «толпа молодых парней верхом на лошадях носится по всем дворам, бьет метлами и кнутах по всем темным углам и закоулкам с заклинанием, криком и визгом». Вдобавок к этому на окнах, дверях, ставнях рисуют мелом кресты.

Заканчиваются святки с их весельем, гаданиями, ряжением, праздничным беспутством и озорством Иорданью — водосвятием на Крещение.

«Грешные и смелые люди считают своею святою, непременно обязанностию окунуться в прорубь возле Иордани и смыть с себя тяжкие грехи святочных игр, ряжения и масок».

Несколько недель, отделяющие Крещение от масленицы, назывались «мясоедом» и считались свадебными. В народном календаре выделяется неделя «всесядная», или «сплошная», названная так в силу того, что церковь разрешает употребление скоромной пищи в течение всей этой недели, даже в среду и пятницу — традиционные постные дни.

Иногда погоду масленицы определяли по «пестрой» неделе.

Какова пестрая, такова и масляна.

По церковному уставу в среду и пятницу на «пестрой» неделе полагается пост, т. е. вводится пестрота — «мясоястие перемежается с постом».

Название недели, придуманное народом, было обусловлено церковными правилами, но, закрепившись, оно (название) «потянуло» за собой комплекс значений, которыми наделено слово «пестрый» в русском языке, — ненадежный, неоднородный. Это привело к некоторым запретам, оценкам действий, совершаемых на данной неделе:

«Пестрая» неделя считается не вполне счастливым временем, особенно для тех, кто вступает в брак, поэтому в эти дни старались не свататься, не венчаться.

На «пестрой» жениться — с бедой породниться.

На «пестрой» жениться — голь да беда.

Оттого и баба пестра, что на «пестрой» замуж шла.

МАСЛЕНИЦА.

ЧЕСТНАЯ, ШИРОКАЯ, ВЕСЁЛАЯ,

СЕМНКОВА ПЛЕМЯНИЦА

ОВЪЕДУХА, СЫРНАЯ НЕДЕЛЯ.

Масленица (сырная неделя) справляется за семь недель до Пасхи и приходится на период с конца февраля до начала марта.

Масленицу повсюду ожидали с большим нетерпением. Это самый веселый, самый разгульный и поистине всеобщий праздник.

В некоторых местах о подобающей встрече и должном проведении всей масленицы заботились еще с субботы предшествующей недели. В Калужской губернии, начиная печь заранее блины, хозяйка посылала мальчика лет 8—10 «встречать масленицу»: давала ему блин, с которым он скакал верхом на ухвате или кочерге по огороду и кричал:

Прощай, зима сопливая!

Приходи, лето красное!

Соху, борону —

И пахать пойду!

С субботы же начинали праздновать «малую Масленку» и кое-где на Владимирщине. Ребятишки группами бегали по деревне и собирали лапти, потом встречали возвращающихся с покупками из города или с базара вопросом «Везешь ли Масленицу?» Кто отвечал: «Нет», того били лаптями. В этот же день ребята здесь с особым азартом катались с гор: существовала примета — кто дальше прокатится, у того в семье лен уродится длиннее.

Последнее воскресенье перед масленицей носило название «мясного воскресенья». В вологодских деревнях принято было наносить визиты родственникам, друзьям, соседям и приглашать в гости на масленицу. В «мясное» воскресенье тесть ездил звать зятя «доедать барана».

«Заговляюсь на сыр да на масло», — говорит вечер перед масляной.

*Ненастье в воскресенье перед масляной —
к урожаю грибов.*

*Какой день масляны красный,
в такой сей пшеницу. (Ярославская губ.)*

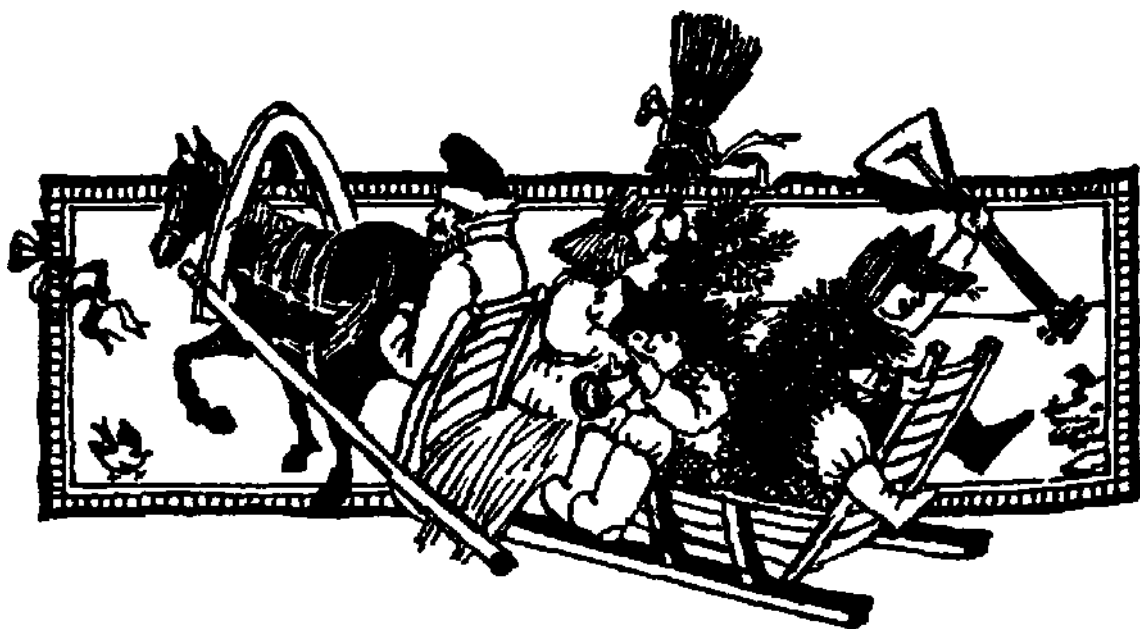
*Если на масленицу идет снег,
будет урожай гречихи.*

Масленица — объедаха, деньгам приберуха.

Не житье, а масленица.

*Ищет, где сорок лет масленица и по три года
мелкие праздники.*

Масленичная неделя была буквально переполнена праздничными делами; обрядовые и необрядовые действия, традиционные игры и затеи, обязанности и поступки до отказа заполняли все дни. Сил, энергии, задора хватало на все, поскольку царила атмосфера предельной раскрепощенности, всеобщей радости и веселья.

Каждый день масленицы имел свое название, за каждым закреплены были определенные действия, правила поведения и пр.:

Понедельник — «встреча»,
вторник — «заигрыш»,
среда — «лакомка», «разгул», «перелом»,
четверг — «разгуляй-четверток», «широкий»,
пятница — «тещины вечера», «тещины вечерки»,
суббота — «золовкины посиделки», «проводы»,
воскресенье — «прощеный день».

Вся же неделя именовалась «честная, широкая, веселая; боярыня-масленица, госпожа масленица».

По материалам прошлого столетия, масленицу нередко открывали ребятишки, которые сооружали снежные горы и скороговоркой произносили такое приветствие масленице: «Звал-позывал честной Семик широкую Масленицу к себе в гости во двор. Душа ль ты моя, Масленица, перепельные косточки, бумажное твое тельце, сахарные твои уста, сладкая твоя речь! Приезжай ко мне в гости на широк двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться. Уж ты ль, моя Масленица, красная краса, русая коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трехматерина дочка, кеточка-ясочка, ты ж моя перепелочка! Приезжай ко мне в тесовый дом душою потешиться, умом повеселиться, речью насладиться. Как навстречу Масленицы выезжал честной Семик в салазочках, в одних портяночках, без лапоток. Приезжала честная Масленица, широкая боярыня, к Семику во двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться. Ей-то Семик бьет челом на салазочках, в одних портяночках, без лапоток. Как и тут ли честная Масленица на горах поката-лась, в блинах повалялась, сердцем потешалась. Ей-то Семик бьет челом, кланяется, зовет во тесовый терем, за дубо-вый стол, к зеленой вину. Входила честная Масленица, широ-кая боярыня, к Семику во тесовый терем, садилась за дубо-вый стол, к зеленой вину. Как и она ль, честная Масленица, душой потешалась, умом повеселилась, речью наслажда-лась».

После этой встречи ребятишки сбегают с гор и кричат: «Приехала Масленица! Приехала Масленица!»

В Дмитровском районе под Москвой «в понедельник в семьях, где есть молодежь, делают из тряпок женскую фигуру с длинной косой, одетую в девичий наряд. Фигура изображает девушку; в руки этой фигуры дается помазок и блин» — главные символы Масленицы.

Без блинов не масленица, без пирогов — не именины.

Во многих семьях блины начинают печь с понедельника. «Накануне вечером, когда появятся звезды, старшая в семье женщина выходит на реку, озеро или к колодцу потихоньку

от прочих и призывает месяц выглянуть в окно и подуть на опару:

Месяц ты месяц,
Золотые твои рожки!
Выглянь в окошко,
Подуй на опару!»

Каждая хозяйка имела свой рецепт приготовления блинов и держала его в секрете от соседей. Обычно блины пеклись из гречневой или пшеничной муки, большие — во всю сковородку, или с чайное блюдо, тонкие и легкие. К ним подавались разные приправы: сметана, яйца, икра, сметки и пр.

На масленице — первый блин за упокой.

Действительно, первый блин, выпекаемый на масленой неделе, кладут на слуховое окошко «для душ родительских» со словами:

— Честные родители наши, вот для вашей душки блинок!

Кое-где первый блин отдается нищим, чтобы они помнили всех усопших.

Русская масленица всегда славилась блинами, их качеством и количеством.

Блин добро не один.
Блины брюха не портят.
Блин не клин, брюха не расколет.

Руководствуясь такими поговорками, поедали огромное количество блинов, так что многие потом расплачивались за подобное обжорство плохим самочувствием, болезнями.

Как на масленой неделе
Из трубы блины летели!
Уж вы блины мои,
Уж блиночки мои! —

припевали хозяйки и гости и продолжали масленичное блинное чревоугодие.

Пришла маслена неделя,	Семерым их не поестъ.
Была у кума на блинах.	А сели четверо за стол,
У кума была сестрица,	Дали душеньке простор,
Печь блины-то мастерица.	Друг на друга поглядели
Напекла их кучек шесть,	И... блины-то все поели!

Так шутили и посмеивались сами над собой.

ЗАГАДКИ О БЛИНАХ

Ток железный, посад яровой. (Блин на сковороде.)

На плешь капнешь, вставишь, попаришь, вынешь, поправишь.
(Пекутся блины.)

Берега железны, рыба без костей, вода дорога. (*Сковорода, блин и масло.*)

Сидит царь-птица на золотых яичках. (*Сковорода на углях.*)

В первый день праздника дети обходили избы деревни, поздравляли с наступлением масленицы и выпрашивали блины.

Тин-тинка,
Подай блинка,
Оладышка-прибавышка,
Масляный кусок!
Тетушка, не скупися,
Масляным кусочком поделися!

Ах ты Домнушка,
Красно солнышко!
Вставай с печи,
Гляди в печь,
Не пора ли блины печь! —

пропев под окнами такую песенку, владимирские ребятишки входили в дом и просили: «Подайте широкой Масленице!» Е ли хозяйка подавала мало, ребята убегали со словами:

Паршивые блины
По аршину длины!

После обеда дети собирались на горе и, скатываясь, выкрикивали:

Широкорожая Масленица,
Мы тобою хвалимся,
На горах катаемся,
Блинами объедаемся!

Не отставали от ребят и взрослые. В один из первых дней они тоже ходили от дома к дому и собирали «на Масленицу», припевая:

Масленица-кривошейка,
Состречаем тебя хорошенько!
С блинцами,
С каравайцами,
С вареничками!

(*Курская губ.*)

Ой да Масленица на двор въезжает,
Широкая на двор въезжает!
А мы, девушки, ее встречаем,
А мы, красные, ее встречаем!
Ой да Масленица, погостюй недельку,
Широкая, погостюй другую!
Масленица: «Я поста боюсь!»

Широкая: «Я поста боюся!»
«Ой да Масленица, пост еще далече,
Широкая, пост еще далече!»
(Калужская губ.)

Прошли дворы,
Наполнили сумы.
Ах, Масленица, обманщица!
С конями пошли,
Со двора свели,
Ах, Масленица, обманщица!¹
Надели зипуны,
По гостям пошли,

Кати домой,
Шевели ногой,

Шевели ногой,
Вовсю рысцой!
(Владимирская губ.)

О, мы Масленицу устречали,
Устречали, лёли, устречали,

Мы сыр с масельцем починали,
Починали, лёли, починали,

Мы блинками гору устилали,
Устилали, лёли, устилали,

Сверху масельцем поливали,
Поливали, душа, поливали.

Как от сыра гора крута,
Гора крута, лёли, гора крута,

А от масла гора ясна,
Гора ясна, лёли, гора ясна.

А на горوشке снеги сыплют,
Снеги сыплют, лёли, снеги сыплют,

А нас мамочки домой кличут,
Домой кличут, лёли, домой кличут.

А нам домой не хотится,
Не хотится, лёли, не хотится,

Нам хочется прокатиться,
Прокатиться, лёли, прокатиться,

¹ Припев после каждых двух строк.

С горúшки да до елушки!
До елушки, лёли, до елушки!

Наша горушка всё катлива,
Всё катлива, лёли, всё катлива,

Наши бабушки воркотливы,
Воркотливы, лёли, воркотливы.

Они день и ночь всё воркочут,
Всё воркочут, лёли, всё воркочут.

Они на печке лежат, всё про нас говорят,
Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!

«Не пришел бы к нам кто, не принес бы чего,
Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!

Или сыра кусок, или мыла брусок».
Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!

(Торопецкий уезд Тверской губ.)

Дети катались с гор во все дни масленицы, взрослые же присоединялись к ним позже, примерно со среды — четверга. Съезжали с гор на санных, на салазках, на обледенелых рогожах.

Катанию с гор придавался особый смысл. В старину, например, существовал обычай «лучшим пряхам в семье кататься с гор на донцах, причем у той, которая дальше прокатится, думали, будет самый лучший лен».

В Архангельской губернии долго сохранялась традиция на масленицу скатываться с горы парам, которые поженились в этом году.

Сани с молодоженами подъезжали к горе в то время, когда там собиралось много мужиков и холостых парней. Как только молодой поднимался на гору, мужики кричали: «Молоду такого-то на горку!» «Она, услышав приглашение, выходит из саней и, поклонившись на ту и другую сторону в поле, идет к ожидающему ее мужу, непрерывно кланяясь, а зашедши на горку и еще отмерив в одну сторону три низких поклона и севши к супругу на колени, целует его два или три

раза; но стоящие тут зеваки, не довольствуясь такою малою любезностью новобрачных, держат санки, говоря: «Еще, еще раз подмажь, ходче пойдет!» — и заставляют ее таким образом целовать 10 раз и более и тогда только спускают их катиться. Скотившись, молодая опять целует мужа один раз». Все поженившиеся пары деревни должны скатиться по одному разу.

Катание с гор молодоженов сопровождалось песнями, которые пели в основном девушки, собравшиеся на горе и ожидающие своей очереди покататься.

Вот не с гор на гору снега сыплют,
Снеги сыплют, люли, снега сыплют.

На меня, молоду, свекор смотрит,
Свекор смотрит, люли, свекор смотрит.

«Хороша была у девицах,
У девицах, люли, у девицах,

Теперь хуже того в молодичах,
В молодичах, люли, в молодичах!»

Вот не с гор на гору снега сыплют,
Снеги сыплют, люли, снега сыплют.

На меня, младу, свекровь смотрит,
Свекровь смотрит, люли, свекровь смотрит.

«Плоха была у девицах,
У девицах, люли, у девицах,

Хуже того в молодичах,
В молодичах, люли, в молодичах!»

Вот не с гор на гору снега сыплют,
Снеги сыплют, люли, снега сыплют.

На меня, младу, мужик смотрит,
Мужик смотрит, люли, мужик смотрит.

«Хороша была у девицах,
У девицах, люли, у девицах,

Лучше того в молодичах,
В молодичах, люли, в молодичах».

(Торопецкий уезд.)

Как правило, со среды к катанию с гор и на лошадях активно подключается и неженатая молодежь. Вообще катание на тройках наперегонки, под песни и гармонь, с шутками, поцелуями и объятьями — типично русское масленичное увеселение, в котором не принимали участие только младенцы да старики, уже не выходявшие из дому.

Запрягу я коня вороного,
Посажу я кума молодого.
Масленица счастливая,
Протянися подольше!

Девки, масленка идет,
Кто нас покатает?
У Петруни за двором
Сивка пропадает.

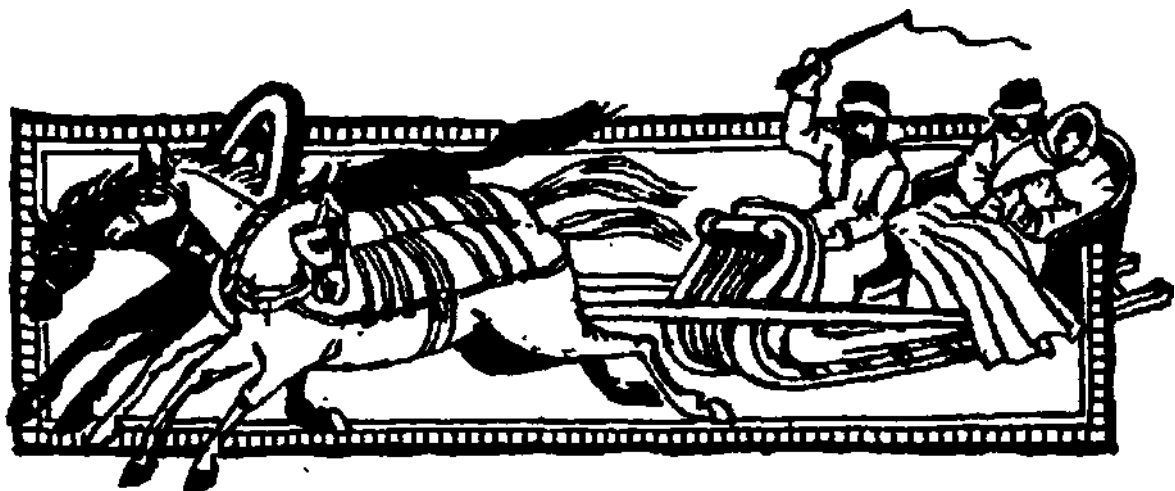
Я о масленке катался,
Трое саней изломал,
Ворона коня замучил,
А милашку покатал.

Не целуй меня на улице —
Целуй меня в сенях!
Не целуй меня в сенях —
Целуй на маслену в санях!

Целый ряд масленичных обычаев был направлен на то, чтобы ускорить свадьбы, содействовать холостой молодежи найти себе пару.

Например, костромичи «выборанивали девок» — таскали борону вдоль домов, чтобы девкам легче было выйти замуж. В Острогожском уезде Воронежской губ. женщины привязывали неженатым парням колоды — это шуточное наказание за то, что не женился в прошедший мясоед. От колоды и от довольно откровенных насмешек приходилось откупаться вином, блинами, конфетами.

Больше всего внимания и почестей оказывается на масленицу молодоженам. Традиция требует, чтобы они, нарядные, выезжали «на люди» в расписных санях, наносили визиты всем, кто гулял у них на свадьбе; чтобы торжественно, под песни скатывались с ледяной горы. Молодые супруги

должны были принять участие и в обычае, который известен под названием «Столбы». «Состоит этот обычай в том, что молодые, нарядившись в свои лучшие костюмы (обыкновенно в те самые, в которых венчались), встают рядами («столбами») по обеим сторонам деревенской улицы и всенародно показывают, как они любят друг друга; при этом кричат: «Порох на губах!» — и предлагают целоваться. «Покажите, как вы любите!» <...> Иной подкутивший гуляка отпустит столь полновесную шутку, что молодая зардеется, как маков цвет <...> «Столбы» продолжаются час, потом едут кататься».

В Тверской губ. «к молодухе, вышедшей замуж в течение прошедшего года, приводят борону и сани. Молодая должна была выкупить шелыгу. Если молодуха выкупит шелыгу, выставит угощение, то поедет на гулянье на сани, а если попытается, то поедет на бороне».

У владимирцев был свой обычай: утром вытаскивали на улицу молодого мужа и закидывали его снегом, а то и прямо зарывали в снег (говорили: «Молодых зятьев зарывать пойдем!»). Жена должна была выкупить своего мужа, поднести «зарывальщикам» угощение и столько раз целоваться с мужем, сколько просили.

Традиционный вятский «целовник» имел место в масленичную субботу, когда «подгулявшая деревенская молодежь ездит целовать молодухек, которые живут замужем первую масленицу... Молодая подносит каждому из гостей ковш пива, а тот, выпив, трижды целуется с ней».

*Однако самым главным событием, связанным с молодоже-
нами и справляемым по всей Руси, было посещение тещи зя-
тями, для которых она пекла блины и устраивала насто-
ящий пир (если зять был по душе, разумеется). Этому обы-
чаю посвящено огромное количество пословиц, поговорок, песен
(в основном шуточных), анекдотов и пр. В некоторых местах
«тещины блины» происходили на «лакомки», т. е. в среду на
масленой неделе, но могли приурочиваться к пятнице.*

*Зять на двор — пирог на стол.
У тещи про зятя и ступа доит.
Придет зять, где сметанки взять?*

Было у тещи
Семь зятьев:
Хомка зять,
И Пахомка зять,
И Гришка зять,
И Гаврюшка зять,
И Макарка зять,
И Захарка зять,
Зятюшка Ванюшка —
Милей всех зятьев!

И стала теща
Зятьев в гости звать.
Хомка идет,
И Пахомка идет,
И Гришка идет,
И Гаврюшка идет,
И Макарка идет,
И Захарка идет.
«Зятюшка Ванюшка,
Иди поскорей!»

И стала теща	Стала теща с зятьев
Зятьев за стол сажать.	Деньги обирать:
Хомка сел,	С Хомки — рубь,
И Пахомка сел,	И с Пахомки — рубь,
И Гришка сел,	И с Гришки — рубь,
И Гаврюшка сел,	И с Гаврюшки — рубь,
И Макарка сел,	И с Макарки — рубь,
И Захарка сел,	И с Захарки — рубь,
«Зятюшка Ванюшка,	С зятюшки Ванюшки —
Поди вот тут сядь!»	Пара серебра!

Стала теща зятьев	Стала теща
Вином потчевать:	Зятьев провожать:
Хомке рюмка,	И Хомке — в шею,
И Пахомке рюмка,	И Пахомке — в шею,
И Гришке рюмка,	И Гришке — в шею,
И Гаврюшке рюмка,	И Гаврюшке — в шею,
И Макарке рюмка,	И Макарку — в шею,
И Захарке рюмка,	И Захарку — в шею,
Зятюшке Ванюшке —	А зятюшку Ванюшку —
Рюмочка с винцом!	За святые волоса!

Ой, куры вы, куры,
 Кочеты молодые,
 Гребни вы золотые!
 Что не пойте вы рано,
 Не будите мово зятя.
 Зять у тещи гуляет,
 Теща у зятя пытает:
 «Что зять ты, зятчек,
 Дорогой сын гостечек,
 Скажи мне всю правду,
 Что на свете милее:
 Али тесть, али теща,
 Али жена молодая,
 Али матушка родная?»
 «Теща милая — для привета,
 Жена молодая — для совета,
 А маменька родная
 Милей всего свету».

Был у тещи, да рад утекши.
 У тещи зять — первый гость,
 а принят в дом — первый разбойник.
 Нет черта в доме — прими зятя.
 Зять в дом — и иконы вон.

Теща про зятя пирог пекла.
 Соли да муки — на четыре рубли,
 Сахару-изюму — на восемь рублей,
 Встал этот пирог — в двенадцать рублей.
 Думала теща про всех про гостей —
 Зятюшка сел — да в присест пирог съел.
 Теща по горенке похаживает,
 На мила на зятюшку поглядывает:
 «Как тебя, зятюшка, не рóзорвало?
 Как тебя, родимого, горой не навело?» —
 «Рóзорви, рóзорви тещу мою,
 Тещу мою да свояченицу.
 Пойдем-ка, тещенька, оттащивать ко мне.
 Есть у меня про тещу много пива и вина,
 Есть еще про теиденьку три дубины:
 Первая дубинушка — березовая,
 Вторая дубинушка — еловая,
 Третья дубинушка — осиновая».

(Нижегородская губ.)

Если в среду зятя гостили у своих тещ, то в пятницу зятя устраивали «тещины вечера» — приглашали на блины. «Являлся и бывший дружка, который играл ту же роль, как и на свадьбе, и получал за свои хлопоты подарок». Званная теща (существовал и такой обычай) «обязана была прислать с вечера все необходимое для печения блинов»: таган, сковороды, половник, кадушку для опары, а тесть присылал мешок гречневой крупы и коровье масло. «Неуважение зятя к этому обычаю считалось бесчестьем и обидой и было поводом к вечной вражде между ним и тещей».

С четверга, недаром называвшегося «широким», масленичный разгул разворачивался во всю ширь. Всем миром, в качестве участников или активных, заинтересованных зрителей, выходили на кулачные бои, возведение и взятие снежного городка, на конские бега.

Масленица-пышка на улицу вышла,
 На гору катиться, с ребятами драться!
 Ребята — дураки, нажимали кулаки,
 Нажимали кулаки все на Масленицы на боки!

(Ярославская губ.)

Центральной фигурой все же оказывалась сама Масленица — кукла из соломы, которую наряжали в кафтан, шапку, опоясывали кушаком, ноги обували в лапти, усаживали на сани и везли в гору с песнями: встречали Масленицу.

Дорога́ наша гостя Масленица,
 Авдотьюшка Изотьевна,
 Дуня белая, Дуня румяная,

Коса длинная, триаршинная,
Лента алая, двуполтинная,
Платок беленький, новомодненький,
Брови черные, наведенные,
Шуба синяя, ластики красные,
Лапти частые, головастые,
Портянки белые, набеленные!
(Подмосковье.)

Наша Масленица годовая,
Наша Масленица годовая!

Наша Масленица годовая,
Она гостика дорогая,

Она гостика дорогая,
Она пешею к нам не ходит,

Она пешею к нам не ходит,
Всё на комонях разъезжает,

Всё на комонях разъезжает!
Чтобы коники были вороные,

Чтобы коники были вороные,
Чтобы слуги были молодые!

Здравствуй, Масленица!
(Псковская губ.)

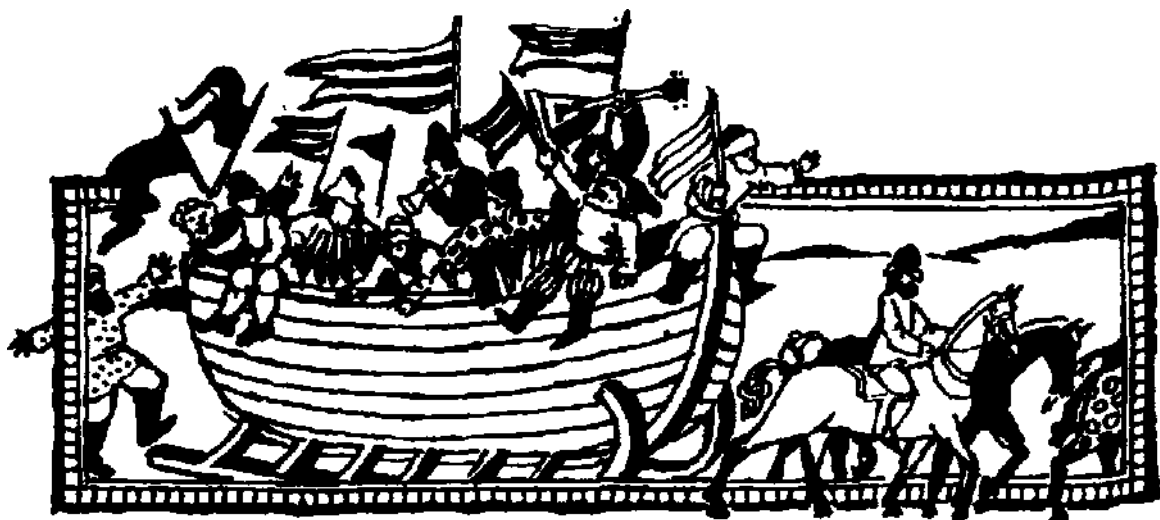
Сопровождает Масленицу ряженая молодежь. Чаще всего рядятся цыганами. Иногда рядом с Масленицей-чучелом садилась в сани женщина, изображающая Масленицу, которая за прядильным станком крутит масло.

В пошехонском селе Давшино (Ярославской губ.) масленичный поезд выглядел следующим образом: «запрягают десять лошадей и более в нарочно для того приготовленную большую повозку своего рукоделья: лошади впрягаются гусем одна за другою; на каждую из них сажают вершника в рубище, разодранном с ног до головы, всего выпачканного сажеею; один вершник держит большой кнут своего изделия, другой — метлу; везде, и даже на свои шеи навешивают коровьи колокольчики и всякие погремушки; рогожную кибитку, всю испачканную, увешивают вениками, как будто унижают жемчугом, и сажают в нее пьяного человека, тоже испачканного сажеею и в разодранном рубище, облитом пивом; подле него стоит бочонок с пивом, против него — раскрытый сундук со съестными припасами — пирогами, рыбою, яйцами, оладьями и пряженцами». Поезд под смех и шутки односельчан проезжал по всей деревне и затем отправлялся в соседнее село.

В Сибири масленичный поезд создавали на свой манер: «Робята», заготовив соломенное чучело с мужскими атрибутами и принарядив его в «мужичье» платье, усаживали в специальный экипаж, составленный из связанных в ряд двух-трех саней; в них впрягалось по одной лошади; в передок саней ставилась пустая бочка, рядом — стол с закуской, пустыми бутылками и винными стаканчиками; посредине водружалась жердь (в 9—10 аршин высоты), на нее надевалось на некотором возвышении колесо, а на нем привязывалось чучело в сидячем положении, с привязанными к нему куском коровьего масла и бутылкой со стаканами; на тот же экипаж клалось еще корыто».

Ой, Масленица-кривошейка,
Сострачаем тебя хорошенько!
Хорошенько!
Сыром, маслом, калачом
И печеным яйцом!

Сударыня наша Масленица!
Протянися до Велика дня,
От Велика дня
До Петрова дня!

В воскресенье — «прощеный день» устраивали проводы Масленицы. С утра ребяташки собирали дрова для костра жечь Масленицу:

Ельник, березник
На чистый понедельник!
Уж то ли не дрова —
Осиновы дрова,
Березовы дрова!
Подавайте их сюда
На Масленицу,
На горельщицу!

В подмосковных селах в воскресенье молодежь в санях с чучелом Масленицы ездил по деревне до темноты, с песнями и шумом. А поздно вечером выезжала на озимь и здесь на приготовленном костре чучело сжигала.

Калужские девки и бабы разыгрывают целое представление — похороны Масленицы: «Делают из соломы куклу с руками, надевают на нее бабью рубашку и сарафан, а на голову навязывают платок. В таком виде кукла эта изображает собою Масленицу. Затем одну бабу наряжают попом, наденут на нее рогожу namесто ризы и в руки дадут ей навязанный на веревке осметок — на место кадила. Двое из участвующих в обряде берут Масленицу под руки и в сопровождении толпы, под предводительством «попа» пускаются в путь из одного конца деревни в другой, при пении различных песен. Когда же процессия выступает в обратный путь, то Масленицу сажают на палки вместо носилок, накрывши ее пеленкой. Дошедши до конца деревни, процессия останавливается. Тут куклу-Масленицу раздевают, разорвут и растреплют всю. Во время шествия с Масленицей «поп», размахивая кадилом, кри-

чит «аллилуя!», а за ним кричит, шумит вся толпа — кто во что горазд: кто плачет, кто вост, кто хохочет и т. д. А когда Масленицу хоронят, то поют песни».

Прощай, Масленица-вертушка,
Настает великий пост.
На деревне всё приели,
Подают селедки хвост!
Как на масляной неделе
В потолок блины летели!
И-их!
Уж ты Масленица, ты обманщица,
Говорила семь недель, а остался один день!
(Калининская обл.)

Прощай, Масленица,
Прощай, красная!
Наступает великий пост,
Дадут нам редьки хвост.
А мы редьку не берем,
Кота за уши дерем!

Масленица-ерзовка,
Обманула нас, плутовка!
Оставила нас
На кислый квас,
На постные щи,
На голодные харчи.

Ай, Масленица,
Обманщица!
До поста довела —
Сама удрала!
Масленица, воротись!
В новый год покажись!
(Владимирская губ.)

Масленица, Масленица,
Семенова племянница,
Обманула-провела,
Нагуляться не дала.
Через семь недель
Будет светлый день,
Будем пасху святить,
Будем яйца красить,
Ура!

(Ярославская губ.)

А масляна, масляна полизуха!
Полизала блинцы да стопцы,—
На тарельцы.
А мы свою масляну провожали,
Тяжко-важно да по ней воздыхали.
«А масляна, масляна, воротися,
До самого Велика дня протянися!»
(Курская губ.)

Маслена неделя	Оладышек съела,
В Ростов полетела,	Другой закусила,
На пенечек села,	Домой потрусила.

Масленица загорела,
Всему миру надоела,
Обманула, провела,
Годика не дожидла,
До поста довела.
Шла сторонкою к нам,
По заулочкам, закоулочкам,
Несла блинов чугуны,
Надорвала животы!
Блинов напекла,
Сама все пожрала,
А нам редьки хвост
Дала на пост!
Весело гуляла,
Песни играла,
Протянула до поста,—
Гори, сатана!
(Владимирская губ.)

У масленичного костра собиралось всегда много народу, было весело, звучало много песен. С Масленицей прощались и в шутку и всерьез. Подбрасывая солому в огонь, дети усердно повторяли:

Масленица, прощай!
А на тот год опять приезжай!

Молодежь вела себя более бурно и выкрикивала:
— Убирайся вон, рваная старуха, грязная! Убирайся вон, пока цела!

Кидали в костер блины — «Гори, блины, гори, Масленица!»; парни, перемазанные сажей, старались и других выпачкать, в первую очередь, конечно же, девушек, а с ними и тещ — «Теща, люли, поджаривай блины!».

Не все коту масленица, будет и великий пост.

И в преддверии великого поста, стремясь очиститься от всего греховного, люди просили друг у друга прощения. С той же целью в прощенное воскресенье ходили на кладбище, оставляли на могилах блины и поклонялись праху родных.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ.

Сразу за семью днями разгульного масленичного веселья начинался семинедельный период строгости, святости, воздержания — великий пост.

Пили о масляной, а с похмелья ломало на Радуницу.

Великий пост всем прижмет хвост.

В великий пост и поп-от прост.

Пришла редька да хрен, да книга Ефрем.

Заговляемся на хрен, на редьку да на белую капусту.

Через семь недель будет светлый день (Пасха).

Первая неделя великого поста — «сборная», о ней говорят: «Неделя сбор — течет вода с гор», поскольку великий пост обычно приходится на март, даже если начало его выпадает на конец февраля.

Великий пост обмочит хвост (ожидают оттепелей).

Понедельник «сборной» недели называется «чистым». В «чистый» понедельник крестьяне совершают по масленице «тужилки, которые сопровождаются... полосканием зубов, кулачными боями для вытряхивания блинов, мытьем в банях и т. п.».

Утром «чистого» понедельника ребята в некоторых местностях окончательно прощались с Масленицей. Они собирались толпами у каждого дома, «вооруженные» ухватами, кочергами, помелами, сковородами, и кричали: «Мы Масленицу прокатали, святы вечера проиграли, мы рождествен пост пропряли. «Свет наш Масленица дорогая! Где ты ночь ночевала?» — «Под кустом на дорожке». Ехали скоморошки, вырезали по пруточку, сделали по гудочку, и вы, гудушки, не гудите, и вы Масленицу не будите!»

В «чистый» понедельник рот полощут. У кого в зубах «скором» навязнет, тот во сне чертей будет видеть.

«Сборное» воскресенье (на сборной неделе) особым образом отмечалось только в Москве. Здесь устраивался знаменитый торг певчими птицами и собаками, а также выставка говорящих скворцов и умных собак.

Средокрестие .

Из сорока девяти дней великого поста в русском земледельческом календаре оказались выделенными не более десяти. Одной из самых значительных вех была ночь со среды на четверг в середине великого поста, когда «пост ломается пополам». Предки наши верили, что перелом этот происходит так осязательно, что можно его услышать ровно в полночь.

Четвертая — срединная — неделя поста называлась «средокрестной», или «крестопоклонной». В среду на этой неделе во всех крестьянских домах пекли специальное печенье в виде креста, а также «наподобие разных земледельческих орудий, например, в виде сохи, косы, бороны». В кресты, которые пеклись по числу членов семьи, хозяйка закладывала куриное перышко, «чтобы куры велись», или ржаное зерно, «чтобы хлеб уродился», или даже человеческий волос, «чтобы голове легче было». Кому попадался крест с каким-либо из этих предметов, считался счастливым.

Средокрестное печенье хранили до первого весеннего выезда в поле, с ними начинали засеивать свои поля и огороды.

Кое-где кресты использовали для гадания, тогда в них запекали кусочек угля, монетку и пр. и по доставшемуся печеню (по его «начинке») судили о предстоящих событиях, изменениях в жизни, об урожае и т. д. Так, уголек сулил печаль, зерно — хороший урожай, лучина — гроб, чайнка — нечаянную жизнь, кусочек кирпича — плохое житье, овсяное зернышко — благополучие, монетка — богатство.

В среду ребяташки ходили по деревне поздравлять всех с окончанием первой половины поста, пели (выкрикивали) специальные песни и получали за это угощение — те же «кресты», пироги.

Кресты-пророки,
Побежали по дороге,
Увидали Христа,
Заиграли в три листа!
Хрен да редька обломились,
Под гору покатались!
Хозяин с хозяйкой выходите,
По крестику выносите!
(Костромская губ.)

Половина говенья переломилась,
А другая под овраг покатила.
Подавайте «крест», подавайте другой,
Обмывайте водой!

Тетушка-лебедушка,
Повесть-то упала,
Коров-то задавила,
Кадка молока опрокинулась,
Христов-от день пододвинулся!
Подавайте крест,
Поливайте хвост!
(Нижегородская губ.)

Тетушка Анна,
садись на окошко,
В осиново лукошко,
Чем хошь поливай,
Только крест подавай!
Кто не даст креста —
Упадет изба!
(Нижегородская губ.)

Известен и такой оригинальный обычай: ребятишек-поздравителей сажают, «как цыплят, под большую корзину, откуда они тоненькими голосами поют: «Здравствуй, хозяин — красное солнышко, здравствуй, хозяйюшка — светлый месяц, здравствуйте, дети — яркие звездочки!.. Половина говенья переломилась, а другая наклонилась!».

Пятая неделя великого поста называется «похвальной» (от «Похвалы», которая в субботу читается в церкви).

На Похвалу сорбка яйцом похваляется (то есть начинает в этот день класть яйца или успевает уже снести первое яйцо).

В среду на «похвальной» неделе в церкви совершается всенощное бдение с каноном Андрея Критского, в народе

именуемое «Андреевым стоянием» или просто «поклонами». Девушки считают обязательным выстоять эту службу в церкви, причем полагают, что Андрей Критский за такое рвение поможет им заполучить хороших женихов, о чем они ему усердно молятся.

ВЕРБНАЯ НЕДЕЛЯ; ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Вербная неделя, «вербница» — предпасхальная неделя, шестая неделя великого поста.

Если хорошо цветет верба — папня будет удачной.

*На вербной мороз — яровые хлеба
хороши будут (Новгородская губ.).*

*Если вербная неделя ведреная, утренники морозные,
то яровые будут хорошими (Ярославская губ.).*

Без вербы — не весна.

Верба распутицу ведет, гонит с реки последний лед.

Где вода, там верба, а где верба, там и вода.

*Плотва трется в первый раз на вербной,
в другой — когда распустится береза,
в третий — на Вознесенье (Южн.).*

«Лазарева суббота» — канун вербного воскресенья.

Святой Лазарь за вербой лазил.

На Лазареву субботу сеют горох.

Когда воскресенье бывает в субботу? (Шуточный вопрос обусловлен тем обстоятельством, что церковный праздник «воскресение святого Лазаря» приходится на субботу вербной недели.)

В воронежских деревнях в день «Лазарева воскресенья» пекут хлебцы в количестве, соответствующем членам семьи, в один из хлебцев запекают грош; у кого этот хлебец окажется, тот считается счастливым или будет счастлив в будущем году, для девушки это предвещает выгодное и счастливое замужество.

Основные обряды, поступки, действия, связанные с вербной неделей, совершались в воскресный день.

Вербное воскресенье проходит под знаком освященной вербы. Растение это, особенно сержки, распустившиеся почки, повсеместно считалось целебным, наделенным особой силой.

В Вербное воскресенье бабушки запекали в хлебцы шишечки вербы и обязательно скармливали его скотине (Ярославская губ.).

В костромских селениях пекли «барашки» — печенье в форме вербных почек.

По верованию крестьян, если съесть девять вербных сережек, то это предохранит от лихорадки.

Почки освященной вербы советовали есть бесплодным женщинам.

Ветками принесенной из церкви вербы хлестали друг друга, и в первую очередь детей, приговаривая:

Верба, верба,	Верба красна
Верба хлест,	Бьет напрасно,
Верба хлест	Верба бела
Бьет до слез.	Бьет за дело,
Верба синя	Верба хлест —
Бьет несильно,	Бьет до слез!

Не я бью — верба бьет! Верба хлест бьет до слез!

Повсюду принято было выгонять в первый раз скотину в поле вербой с вербного воскресенья.

«Ветки вербы, принесенные из церкви, обыкновенно прячутся и в случае летней грозы, а в особенности града, их выбрасывают на двор в уверенности, что от этого гроза прекращается и град перестает идти».

Придя от заутрени, хозяин бросает веточки вербы в пищу домашней скотине в надежде на то, что это предохранит скот от падежа. Несколько веток втыкают под крышу дома или хлева, чтобы скотина не только сохранилась в целости, но и домой возвращалась исправно, не терялась бы в лесу.

«Наряду с этими общепринятыми обычаями, связанными с освященной вербой, в некоторых местах, например, в Козловском уезде Тамбовской губ., существует мнение, что освященная верба, брошенная против ветра, прогоняет бурю и, брошенная в пламя, останавливает действие огня, а воткнутая в поле — сберегает посевы.

В том же Козловском уезде распространено верование, что всякий трус, желающий избавиться от своего недостатка, должен в Вербное воскресенье по приходе от заутрени вбить в стену своего дома колышек освященной вербы — средство это, если не превратит труса в героя, то, во всяком случае, прогонит природную робость».

Страстная неделя.

Последняя неделя великого поста.

Страстная среда — обливают скотину снеговой водой.

Четверг на страстной неделе — «великий четверг» — сосредоточил вокруг себя огромное число поверий, примет, действий.

представлений. Великий четверг называют также «чистым четвергом».

Какова погода в чистый четверток, такова и в Вознесенье. В великий четверг мороз, так и под кустом овес.

В четверг перед Пасхой варили кисель (обычно овсяный), выносили его в миске на улицу и кричали: «Мороз, мороз! Иди кисель есть! Не бей наш овес, нашу рожь, а бей былльник да крапивник!» или: «Мороз, мороз, не морозь наш овес! Киселя поешь, нас потешь!»

В этот день хозяин перед восходом солнца выходил на улицу и потряхивал соху, чтобы хлеб лучше родился. В иных деревнях выходили взрослые мужчины и женщины и изображали пахоту, молотьбу, косьбу, даже разыгрывали сцены полевых работ в доме, полагая, что это скажется лучшим образом на самих работах и на урожае. Тверские мужики в великий четверг садились верхом на кочергу и трижды объезжали вокруг избы, огорода и поля, произнося при этом: «Крот, крот, не ходи в мой огород, в день чистого четверга тебе в ... кочерга». Хозяйки, заботясь о курах, четверговую золу выносили в курятник.

По отношению к домашнему скоту тоже продельвается целый комплекс действий. Мальчики с восходом солнца бегали с колокольчиками на шее вокруг деревни, «чтобы скотина прямо с пастбища ходила домой, а не плутала». У лошадей и коров подрезали хвосты. Клочок обрезанной шерсти затыкали за матицу, чтобы скотина знала дорогу домой. Чесали лошадей, чтобы «чище и здоровее были». На Пинежье в великий четверг хозяйка открывала трубу и кричала: «Пар божья скотинка, коровушка Пеструнюшка, в чистом поле — обед, дома — ночлег. Не ночуй на бору, ходи ко двору!» Костромичи с той же целью разыгрывали сценку-диалог: один из домохозяев забирался на печь, другой на чердак к трубе. «С печи кричат в трубу: «Дома ли телятки?» С чердака отвечают: «Дома, дома!» — «Дома ли лошадушки?» — «Дома, дома!»

И так перебирается вся скотина».

Еще в конце прошлого века в Вятской губернии происходило следующее: «в великий четверг до восхода солнца хозяйка дома, нагая, бежит со старым горшком в руке на огород и опрокидывает горшок на кол; горшок остается опрокинутым на колу в течение всего лета — он предохраняет кур от хищной птицы».

Чрезвычайно архаический обряд защиты дома и скотины совершали на рубеже XIX—XX столетий в глухих костромских деревнях.

Здесь девушка «до солнца садилась на помело, распускала волосы и в одной рубашке, без пояса, объезжала дом с постройками. Подъехав к окну, обращалась к матери: «Тетка Анна, скотина дома?» — «Дома!» Благословляла. И так три раза».

На Тавде (Западная Сибирь) в великий четверг хозяин отправлялся в лес, «вырубал в пне небольшое углубление и собирал туда муравьев, говоря при этом: «Как эти муравьи плодятся, так бы у меня, раба божия (имя), плодились овечки: беленькие, черненькие и пегенькие. Ключ и замок словам моим. Аминь!»»

Множество обрядов великого четверга было связано с желанием очистить дом, огород, двор «от грязи, накопившейся за зиму, от нечисти, затаившейся в углах, предупредить болезни и другие напасти». В самых разных местах принято было собирать можжевельник и окуривать им внутренние помещения, огород, вымя коровам и козам, бочки для огурцов и капусты. Иногда через дымящийся верес (можжевельник) прогоняли скотину и перешагивали сами — это считалось очень действенным средством против болезней и нечисти. Скотину еще и стегали вересом, чтобы не лягалась.

Ярославцы «в великоденный четверг умывались с серебра. Кто первый умоется — лицо белое будет». В Вологодской губернии воду для четвергового умывания брали из речки или колодца до рассвета. Затем девушки шли на хмельник, где произносили: «Как хмель любят добрые люди, так бы и меня любили!» По многочисленным свидетельствам, в великий четверг, невзирая ни на какую погоду, «люди ходили на реку и окунались в ее воды, даже если на реке был еще лед. Соприкосновение с водой должно было принести здоровье и силу на всю сельскую работу».

В этот же день самым тщательным образом вымывают и украшают избу: расстилают чистые, праздничные половики, развешивают красивые полотенца и занавески, кое-где пол в горнице посыпают белым песком.

Обязательным было и купание в бане. «Моются в бане до восхождения солнца, говоря, что и ворон перед этим днем купает детей своих... Входя на полók, приговаривают: «Хрещенный на полók, нехрещенный с полка». Выходя из бани, оставляют на полке ведро воды и веник для «хозяина» (байника) и, перекрестившись, произносят: «Тебе, баня, на столынье, а нам на здоровье!»» (*Смоленская губ.*).

В великий четверг девушки ходят утром под яблони чесать волосы — чтобы хорошо росла коса (*Новгородская губ.*).

Сугубо великочетверговым делом было приготовление «четверговой соли»: обычную крупную соль завертывали в тряпочку и перепекали в печи, иногда с квасной гущей. Крестьяне объясняли, что такая соль оказывалась очищена от скверны, т. е. от прикосновения руки Иуды-предателя, поэтому она обладала целебными свойствами и хранилась в течение года как лечебное средство для людей и для скота.

Пятница на страстной неделе.

*Если на страстную пятницу пасмурно,
то хлеб будет с бурьяном.*

Если под страстную пятницу заряно,
пшеница будет зернистая.

Суббота на страстной неделе — великая, красильная.
В страстную субботу красят яйца.

ПАСХА. Велик день, Светлый день.

По старому стилю Пасха приходилась на период от 22 марта по 25 апреля.

У крестьян существовало поверье, что на Пасху «солнце играет». И многие старались подкараулить это мгновение. В средней полосе России дети даже обращались к солнцу, с песенкой:

Солнышко, ведрышко,
Выгляни в окошечко!
Солнышко, покатись,
Красное, нарядись!

Мороз или гром на первый день Пасхи
предвещают хороший урожай льна (Тамбовская губ.).

Как дождь или погоды в первый день Пасхи,
так весна дождлива будет (Пинежье).

Кто на первый день Пасхи что-либо разобьет —
умрет в тот год.

Масса примет, суеверий, обычаев приурочена народом к пасхальной ночи и торжественной заутрени, когда в церквах провозглашают воскресение Иисуса Христа.

«По мнению крестьян, в пасхальную ночь все черти бывают необычайно злы, так что с заходом солнца мужики и бабы боятся выходить на двор и на улицу: в каждой кошке, в каждой собаке и свинье они видят оборотня, черта, прикинувшегося животным», — писал С. В. Максимов на основе многочисленных наблюдений и сведений.

В то же время находятся смелые люди и озорники, которым все нипочем. Они утверждали, например, что если поцеловать замок у церкви на Пасху, обязательно увидишь ведьму; а если выйти с пасхальным яйцом на перекресток дорог и «покатить яйцо вдоль по дороге — тогда черти непременно должны будут выскочить и проплясать трепака»; в пасхальное воскресенье можно даже узнать, кто в деревне является ведь-

мой и сколько их: для этого взять заговоренный творог, встать с ним «у церковных дверей и держаться за дверную створку — ведьмы будут проходить, и по хвостам их можно считать всех до единой».

На Пасху «старики расчесывают волосы с пожеланиями, чтобы у них было столько внуков, сколько волос на голове; старухи умываются с золота, серебра и красного яичка в надежде разбогатеть, а молодые взбираются на крыши», чтобы встретить солнце.

Во время пасхальной службы девушки тихонько шепчут: «Воскресение Христово! Пошли мне жениха холостого, в чулочках да в порчонках!»; «Дай бог жениха хорошего, в сапогах да с калошами, не на корове, а на лошади!» Все девичьи пасхальные приметы об одном: если девица ушибет пальчик, значит, ее вспомнил милый; если во щи упадет тарелка или муха — к свиданию, губа чешется — к поцелуям; бровь станет чесаться — кланяться с милым. Девушки умывались с красного яйца, чтобы быть румяной, становились на топчуг, чтобы сделаться крепкой, и т. п.

У каждого своя корысть, и поскольку Пасха — величайший христианский праздник, когда высшие силы на радостях готовы исполнить любое желание православного человека, желания произносятся прямо на заутрени. О просьбах девушек мы уже сказали. Исполняют этот момент и охотники, которые специально являлись в церковь с ружьями, и как только в первый раз запоют «Христос Воскресе», они стреляют в воздух в полной уверенности, что этим выстрелом убьют черта и обеспечат себе удачную охоту в течение года.

Воры «употребляют все усилия, чтобы во время пасхальной заутрени украсть какую-нибудь вещь у молящихся в церкви, и при этом украсть так, чтобы никому и в голову не пришло подозревать их. Тогда смело воруй целый год, и никто тебя не поймает».

Свои правила поведения и способы получения выгоды от пасхальной службы выработали картежники. Когда в первый раз запоют «Христос Воскресе», надо иметь в руках винное (пикового) туза и вместо «воистину воскрес» сказать пошу «винный туз есть» — «тогда с этим тузом можно сделаться состоящим невидимкой и все доставать», — рассказывали в Туманском крае. Неплохо также, отправляясь в церковь слышать пасхальную заутреню, взять с собой колоду карт и, как только священник произнесет: «Христос Воскресе», сказать: «Карты здесь». На второе провозглашение «Христос Воскресе» картежник должен ответить: «Хлюст здесь», а в третий раз — «Тузы здесь». «Это святотатство, по убеждению игроков, может принести несметные выигрыши, но только до тех пор, пока святотатец не покается».

Существует и такая примета: если собака во время пасхальной утрени будет лаять на восток — к пожару, на запад — к несчастью.

Как всякий большой праздник, к тому же длящийся неделю, Пасха заполнена различными играми, развлечениями, хождением в гости. На Пасху принято поздравлять друг друга с воскресением Христовым, христосоваться и обмениваться крашеными яйцами. На Пасху повсюду разрешается всем (мужчинам, парням) звонить в колокола, поэтому звучит непрерывный колокольный звон, поддерживая радостное, праздничное настроение.

Исключительно пасхальным развлечением было катание яиц, для чего готовились заранее специальные желобки и выбирались опытными игроками яйца особой формы — чтобы легко разбивало другие яйца, а само оставалось цело.

Пасхи не бывало без качелей. Едва ли не в каждом дворе устраивали качели для детей, а в традиционном месте (на деревенской площади, ближайшем выгоне и т. п.) загодя скапывались столбы, навешивались веревки, прикреплялись доски — возводились общественные качели. Из разных местностей собиратели конца XIX — начала XX в. сообщали о чрезвычайной популярности качелей на Пасху.

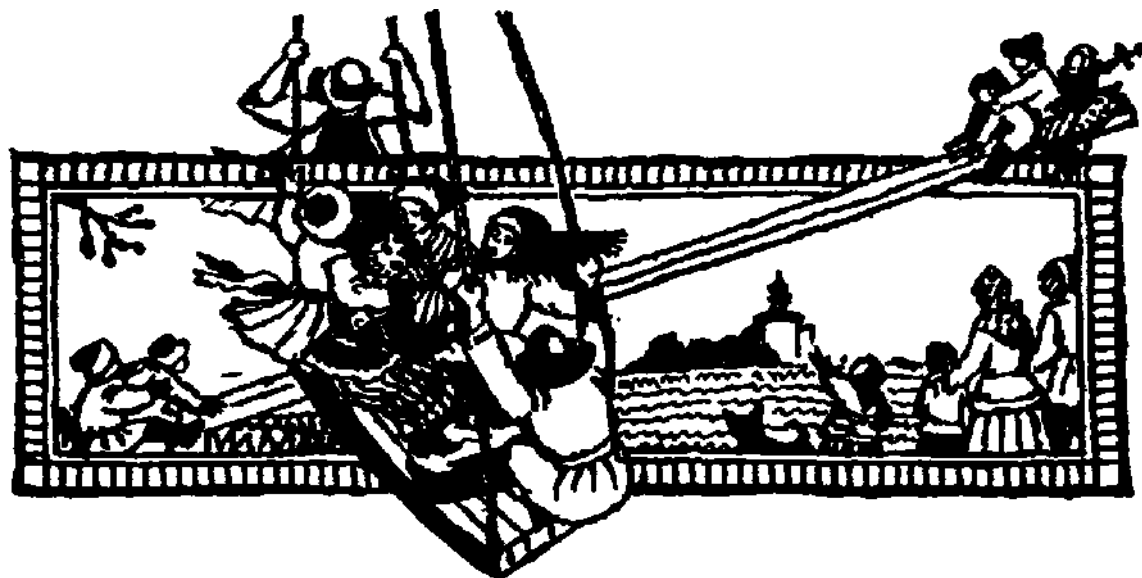
«...на качелях катаются решительно все», возле них «образуется нечто вроде деревенского клуба: девушки с подсолнухами, бабы с ребятишками, мужики и парни с гармониками и «тальянками» толпятся здесь с утра до ночи; одни только глядят да любуются на чужое веселье, другие веселятся сами. Первенствующую роль занимают здесь, разумеется, девушки, которые без усталости катаются с парнями».

На святой неделюшке
Повесили качелюшки.
Сначала покачаешься,
Потом и повенчаешься.

На горе стоят качели,
Пойду покачаюсь.

Нынче лето отгуляю,
Зимой повенчаюсь.

Скоро Пасха придет,
Кто нас покачает?
Как у нынешних ребят
Веревки не бывает!

С Пасхи гуляния молодежи переносятся на открытый воздух: пляшут, водят хороводы, затевают игры на лужайках за околицей, на лесных полянах, в конце деревенской улицы.

На середину лужка «выходит молодец — запевало и с помощью других начинает песню:

При компании мало стало,	Ты, Феденька, поди к нам,
Веселиться не с кем стало!	Ехремыч, приступись!
Ой, братцы, мало нас,	Ой, братцы, мало нас,
Ой, дружки, немножко!	Ой, дружки, немножко!

и т. д. до тех пор, пока не пригласит всех присутствующих молодцев. Затем таким же образом вызывают девиц. После этого, взявшись за руки, образуют круг, который движется то в ту, то в другую сторону и поет:

У Казани у реки озеро воды.
 Молодец коня поил, коня воронова.
 Коль водицу конь не пьет,
 Молодца горе берет.
 В карман ручки он сует,
 С рублик денег достает.
 С рублик денег достает,
 Красным девкам подает.
 Одна девушка смела
 К молодчику подошла,
 С парня рубличек взяла,
 В караван гулять пошла.
 В караване на лужке
 Целоваться всем в кружке.

После этих слов играющие целуются (Алтайский край).

В русских западных губерниях на Пасху совершался еще один обход дворов, напоминающий святочное колядование (нередко он и назывался «зеленые святки»). Там, где этот обряд жил активной жизнью, исполнялся он группой мужчин — волочевников:

Ну-те, братцы-товарищи!
 Собирайтесь до кучечки!
 Пройдемте в тѣ село,
 Поздравим их с праздником,
 Их с праздником, с Христовым днем,
 С Христовым днем, красным яйцом!

В том селе лежит брусья,
 Лежит брусья тесовая,
 Тесовая, дубовая.
 На том брусьи сидят мужи,
 Сидят мужи, мужи честные,

Радят раду, раду добрую:
 «Ну-те, братцы-товарищи!
 Дожидаемся мы двух праздников,

Двух праздников веселеньких:
Первый праздник — свет Егорий,
Другой праздник — свет Никола,
Свет Егорий с шелковой травой,
Свет Никола с засебочком,
С засебочком с овсяненьким».

«Ну-те, братцы-товарищи!
Собирайтесь до кучечки!
Будем радить раду добрую:
Кому у нас, братцы, запахивать,
Запахивать и засевать?»
— «Запахивать пану Ивану,
Засевать его брату!»

И не шум шумит, и не гром гремит,—
Христос воскрес на весь свет!¹
Идут-бредут волочебнички,
Это не волочебнички — разбойнички.
«Хозяинушка ты наш батюшка!
Ай спишь ты лежишь, али так лежишь?
Подари ты нас, волочебников!
Наши дары не велики, малы —
Пару яиц да и рюмку вина,
Рюмку вина да кусок пирога!
Не хочешь дарить — пойдем ты с нам,
Кий волочить, людей смешить!
Хозяинушка наш батюшка!
Что у твоём дворе случилось?
Зажги огонь, сходи ты на двор.
На твоём дворе три радости:
Перва радость — коровка телилася,
Друга радость — овечка ягнилася,
Третья радость — кобыла жеребилася.
Корова телила телочку,
Овечка ягнила ярочку,
Все ярочки по парочке,
Твоим дочкам на приданочки.
Кобыла жеребила коника,
Коника всё вороника!
Сходи в гумно, там три праздника:
Первый праздник — Христов день,
Второй праздник — Егоров день,
А третий праздник — Илья-пророк.
Он межи сжинал, стоги ставил».
Христос воскрес на весь свет!

¹ Припев повторяется после каждой строки.

Волочесникам выносят яиц, сала, денег, пирогов, молока и пр. В адрес скупого хозяина могли прозвучать очень неприятные слова, которых боялись:

Кто не даст нам яйца — околеет овца,
Не даст сала кусок — околеет телок,
Нам не дали сала — коровушка пала.

На Пасху нередко посещали кладбища — ходили христосоваться с покойниками. На могилах оставляли крашеные яйца, немного хлеба и пива.

Радунница.

К этому дню относится пословица: «На Радунницу утром пахнут, днем плачут, а вечером скачут», означающая, что после Пасхи вплотную приступают к сельскохозяйственным работам в поле, что Радунница — это день, когда обязательно ходили на могилы (один из главных родительских дней), а к вечеру веселились.

Блинцами от родительской кормят овец, чтоб ягнились.
Вывози навоз в родительску, хлеб уродится.

«Радунница была праздником всенародным. Вся деревня выходила на кладбище к могилам своих близких. Женщины на могилах причитали... На могилы приносили еду и питье: кутя, пироги, калачи, блины, сырники, крашеные яйца, вино, пиво, канун (род браги) и т. д. Едой делились с покойниками: яйца, блины и прочие угощения крошили на могилах и оставляли их там. На могилы лили масло, вино, пиво; все это делалось «мертвым на еду». По могиле катали яйца.

Красная горка.

Первое воскресенье после Пасхи, последний день пасхальной недели.

В ряде мест к Красной горке старались подогнать свадьбы, день этот считался счастливым для вступающих в брак.

В Калужской губернии в старые времена это воскресенье было отведено для встречи весны. «Соломенное чучело, укрепленное на длинном шесту, ставится на горке; кругом его собираются женщины и мужчины. После песен садятся вокруг горки, угощают друг друга яичницами. Вечером сжигают чучело с песнями и плясками».

«Красная горка считается девичьим праздником, и так как в этот день происходят свадьбы и идет усиленное сватовство, то на игры являются обыкновенно все девушки до единой (конечно, в лучших нарядах, потому что в этот день происходит выбор женихами невест). Считается даже дурной приметой, если какой-нибудь парень или девушка просидят на Красную горку дома: такой парень или совсем не найдет себе невесты, или возьмет рябую уродину; а девушка или совсем не выйдет замуж, или выйдет за какого-нибудь последнего мужичонку-замухрышку».

Начинались хороводы, пляски с «наборных» песен:

Как на улице дождик накрапывает,
Хоровод красных девок прибывает.
Ох вы, девушки, поиграйте!
Уж как вы, холостые, не глядите:
Вам гляденьцем девушек не взять,
Уж как взять ли, не взять ли по любви,
Что по батюшкину повеленью,
Что по матушкину благословсню.

По саду, по садику	И девок выбирают:
Два мальчика ходят,	«Распожалуйте, девчата,
Они ходят-гуляют	С нами погулять!»

Не шелковая травинка	Миленький дружочек?
Окол пенья вьется,	Встретила, заметила
Красавица девушка	Своего любезного:
Дружка не дождется.	«Ты пожалуй, молодец,
Я ждала два месяца,	В нашу круговую,
Подожду денечек:	Выбирай-ка, удалой,
Не воротится ль назад	Девицу любую».

До позднего вечера звучали песни и водились хороводы.

«Сведи, маменька, в хоровод гулять,
В хоровод гулять, невест выбирать».
«Выбирай-кося, добрый молодец,
Самолучшую дочь дворяночку».
Дочь дворяночка выходила к нам,
Выходила к нам, говорила нам:
«Добрый молодец, не жена тебе,
Твоему дому не хозяйюшка,
Белым рученькам не заменушка».
«Сведи, маменька, в хоровод гулять,
В хоровод гулять, невест выбирать».
«Выбирай-кося, добрый молодец,
Самолучшую дочь мещаночку».

Дочь мещаночка выходила к нам,
Выходила к нам, говорила нам:
«Добрый молодец, не жена тебе,
Твоему дому не хозяйюшка,
Белым рученькам не заменушка».
«Сведи, маменька, в хоровод гулять,
В хоровод гулять, невест выбирать».
«Выбирай-кося, добрый молодец,
Самолучшую дочь крестьяночку».
Дочь крестьяночка выходила к нам,
Выходила к нам, говорила нам:
«Добрый молодец, я жена тебе,
Твоему дому я хозяйюшка,
Белым рученькам заменушка».
«Родна маменька, я женат хожу,
Я женат хожу, с женой гуляю,
Где ни сойдемся, там обнимемся,
Где ни встретимся — поцелуемся».

У ворот трава притолочена,
Я у батюшки запоручена,
Запоручена я за крестьянина.
Уж как мне бы, молодой, не хотелось,
Моему сердцу не раделось:
Ведь крестьянин-то он орать станет,
А мне, молодой, да боронить велит.

У ворот трава притолочена,
Я у батюшки запоручена,
Запоручена я за поповича.
Уж как мне, молодой, не хотелось,
Моему сердцу не раделось:
Попович-то да он писать станет,
А мне, молодой, огонь светить.

У ворот трава притолочена,
Я у батюшки запоручена,
Запоручена я за гудочника.
Уж как мне, молодой, захотелось,
Моему сердцу зараделось:
Как гудочник-то станет в гудок играть,
А как я, млада, буду песни петь.

Красная горка в Северном Поволжье называлась «кликунным воскресеньем», так как в этот день односельчане ходили к домам молодоженов — «кликали молодых», которые за пение выносили по яйцу и по стопочке.

Позволь нам, хозяин,
 Позволь, господин,
 Нам вдоль улицы пройти,
 Дом хозяина найти,
 Позволь на ступенечку ступить,
 На другую переступить,
 За колечко побренчать,
 Молодых повеличать!
 Уж вы дайте знать,
 Молодых-то как назвать?
 Выходи-ка, молодая,
 На парадное крыльцо,
 Выноси-ка, молодая,
 Нам по пряничку,
 По стаканчику пивца,
 На закуску пирога.
 (Костромская губ.)

Вьюница-молodiца!
 Выходи на крыльцо,
 Выноси красное яйцо!
 А не вынесешь яйцо,
 Разломаем все крыльцо!
 (Ярославская губ.)

Нижегородские окликальщики исполняли вьюнишные песни молодоженам накануне Красной горки, в пасхальную субботу. Их вьюнишники отличались большими размерами (до 150—180 строк), особым колоритом, яркой поэтической символикой и отчетливым ритуальным смыслом. Не приводя самых длинных вьюнишных окликаний, дадим в качестве примера два текста, где содержатся в сжатом виде основные мотивы вьюнишников:

На горе было горе,
 У Ивана на дворе.
 Вьюнец-молодец,
 Вьюница, эй, молодая!¹
 Вырастало деревце
 Да кипарисовое.
 Как во этом деревце
 Да три угодица:
 По вершине деревца
 Да соловей песни поет,
 Посередь-то деревца
 Да пчелы яры гнезда вьют.

По корень-то деревца
 Да тут беседушка стоит,
 Во беседушке сидит
 Да удалой-от молодец,
 Молодой-от молодец
 Да Иванушка господин.
 Иванушка господин
 Да с молодой своей женой,
 С молодой своей женой
 Да с Прасковьей молодой.

¹ Припев повторяется после каждого двустипия.

У Василья во дворе
 Вырастало деревцо,
 Выюница молодая!¹
 Вырастало деревцо
 Кипаристо-высоко,
 Кипаристо-высоко,
 Оно листьем широко,
 Оно листьем широко,
 Златоверховато.
 Что во этом деревце
 Три угодыя хороши:
 Во комли-то деревца
 Кровать нѡва тесовá,
 Кровать нова тесовá,
 Перинушка пуховá,
 Перинушка пуховá,
 Подушечка парчевá.
 На перине пуховой,
 На подушке парчевой,
 На подушке парчевой
 Спит выюнец-молодец.
 Спит выюнец-молодец
 Со выюницей со своей,
 Со выюницей со своей
 Со Прасковьей госпожой.
 Ты поди-тка буди
 Свою мѡлоду жену,
 Прасковью госпожу,
 Дочь Ивановну!
 «Отвыкай, отвыкай
 Своеѣ стороны
 Своеѣ стороны
 Свово батюшки,
 Свово батюшки,
 Своей матушки!
 Привыкай, привыкай
 Ко моей стороне,

Ко моей стороне,
 К моему батюшке,
 К моему батюшке,
 К моей матушке!»
 «Я ко свекру привыкала,
 Я рубашечки шивала,
 Я к свекрови привыкала,
 Я кросѣнца дотыкала,
 А к девѣрьям привыкала,
 Воды на руки давала,
 Я к золовкам привыкала,
 Русы косы плела,
 Я ткала, я пряла,
 Я шелком шила,
 Я шелком шила
 И по золѡту ходила!»
 Отпирай, отпирай
 Все окованы концы!
 Вынимай, вынимай
 Все парчовы кошели,
 Все парчовы кошели,
 Все кошелочки,
 Все кошелочки,
 Все мошоночки!
 Оделяй, оделяй
 Нас певцов-молодцов!
 Нас певцов-молодцов
 Хоть по денежке,
 Хоть по денежке,
 По копеечке,
 Либо по склянице вина,
 Либо пива ендѡвá!
 Покатися, яйцо.
 С высокого терему!
 С высокого терему,
 Не сшибися с шолому!

Фомина неделя.

Первая неделя после Пасхи.

В понедельник или вторник на Фоминой неделе церковью установлено поминовение умерших. Служат панихиды и ходят на кладбище.

¹ Припев повторяется после каждого двустишия.

Фомино воскресенье часто называется сроком найма «казачих» — женщин, девушек для оказания всяческих услуг по дому, особенно в страдное весенне-летнее время.

«Казачиха лето прожила да и жениха себе купила», — говорят в Архангельской губернии о девушке, нанимавшейся в казачихи и заработавшей себе на приданое.

В казачихах-то — не дома,
Спать-то не повалишься.
На часок повалишься,
На весь век закаешься.

Дролечка, женись, женись,
Не бери девок ничьих.
Меня выкупи из горюшка,
Из бедных казачих.

В казачихах будешь жить,
Надо каждому служить:
Старому и малому,
Среднему, последнему,
Ласково словечико
Хозяйке из сердечика.

Я в чужих людях живу,
По востру ножiku хожу.
Ножик гнется во дугу,
Ничем потрафить не могу.

ПРЕПОЛОВЕНИЕ.

Середина срока между Пасхой и Троицей, т. е. 25-й день после Пасхи.

Уже в прошлом веке этнографы отмечали, что «праздник Преполовления принадлежит к числу тех, истинное значение которых почти совершенно непонятно для народа». Крестьянин, надо полагать, и не особенно страдал от этого. Он по-своему интерпретировал церковные положения и символы, приурочил к празднику те действия, которые, с его точки зрения, должны были способствовать росту трав и хлебов, здоровью людей и скота.

Православная церковь в день Преполовления молится «о напоении всех жаждущих спасения водами благочестия», в крестьянской России совершается обряд освящения воды на реках, озерах, в колодцах — и вода эта считается целительной, жители деревень в сопровождении священника отправляются на поля, засеянные хлебом, и священник окропляет нивы святою водой, а крестьяне молятся всевышнему о ниспослании обильного урожая.

Нельзя сказать, чтобы народ совсем равнодушно относился к непонятым терминам, названиям. Всегда находились люди, которые пытались докопаться до подлинного смысла слова, и тогда возникали легенды, предания. Так случилось и с праздником Преполовления, объяснение которому дает следующая легенда.

«Один раз гнались за Богородицей разбойники, а она была с младенцем на руках. Бежала, бежала Богородица, глядь — река. Она и бросилась в воду, рассчитывая переплыть на другую сторону и спастись от погони. Но с младенцем на руках плыть было бы трудно, потому что грести приходилось только одной рукой. Вот и взмолилась Богородица своему младенцу: «Сын мой милый, дай ты мне третью руку, а то плыть мне не вмоготу». Младенец услышал молитву матери, и появилась у нее третья рука. Тогда уж плыть было легко, и Богородица благополучно достигла противоположного берега». Благодаря этой легенде (а может быть, она сама явилась результатом осмысления слова) русские крестьяне называют праздник Преполовления «Преплавлением» (от слова «переплыть»).

ВОЗНЕСЕНИЕ.

На сороковой день после Пасхи церковь праздновала «вознесение» Христа на небо.

Вознесение с дождем, Илья с грозой.

В народном календаре и этот праздник наполнялся аграрным смыслом. Вознесение понималось совершенно конкретно, как «рост», «подъем», «восхождение», с таким толкованием связаны и обряды вознесеньего дня.

Повсеместно на Вознесенье пекли из теста «лесенки». В Ярославской губернии «лесенки» делались обязательно с семью ступеньками, по числу семи небес Апокалипсиса. Когда-то эти лесенки «освящались в церкви, относились на колокольню и бросались вниз на землю. При этом, конечно,

гадали о том, на какое из семи небес суждено попасть гадающему. Когда все семь ступенек оставались целы, это указывало гадалщику прямой путь на небо, и наоборот: если лесенка разбивалась в мелкие куски, то тем самым обнаруживала страшного грешника, который ни на одно из небес не годится».

Однако такое употребление хлебных лесенок было редким. Обыкновенно «после обеда мужики, бабы и девки идут все на свои ржи в поле. Там всякий у своей нивы, помолясь на все четыре стороны, бросает лесенку вверх, приговаривая: «Чтобы рожь моя выросла так же высоко». После этого лесенки съедались».

В Кадниковском уезде Вологодской губ. «к рогулькам из теста (которые также называются «лесенками») прибавляют еще особое печенье — сочни с овсяной крупой, называемые «христовыми окутками» — всегдашней принадлежностью всякой крестьянской обуви, неизбежной при хождениях и восхождениях».

В ярославских селениях «молодежь выносит и ставит украшенные березки на межах полей, где они стоят до конца жатвы. Около них веселятся, кидают вареные яйца, катаются и говорят:

— Уродись, рожь, чиста и высока!»

Девушки и девочки-подростки Тарусского уезда Калужской губ. на Вознесение гурьбой отправляются в поле со съестными припасами «и там во ржи изготавливают себе яичницу, и, когда ее едят, бросают вверх ложки, приговаривая: «Как высоко ложка летает, так бы высоко рожь была».

Под Москвой молодежь «с яйцами и блинами отправляется в поле; каждый отыскивает свою полосу, подбрасывает раза три яйцо кверху, потом разбивает его, откусывает от яйца и от блина по куску, а остальное зарывает в полосу, при этом говорят:

Христос, полетишь на небеси,
Потяни нашу рожку за колоски».

К Вознесению в ряде мест приурочивались некоторые приметы, обряды, связанные с кукушкой.

Как правило, около Вознесения начинает колоситься жито и замолкает кукушка, отчего в народе говорят: «Кукушка подавилась житным колоском»; «И рада бы весна на Руси вековать вековушкой, а придет Вознесеньев день, прокукует кукушкой, соловьем залется, к лету за пазуху уберется».

На Вознесенье совершался обряд «крещения и похорон кукушки», который продолжался от одного до трех дней. Это был сугубо женский, точнее, девичий обряд, совершавшийся тайно, никто посторонний (мужчины, парни, взрос-

лые, дети) не должен был знать места «крещения» и захоронения кукушки. Изготавливали кукушку из пучка травы «кукушкины слезки», придавая ей человекообразный вид, иногда в этой роли выступали просто ветка, букет, венок, иной раз шили тряпичную куклу. «Кукушка»-кукла из тряпок или из травы наряжалась в девичий наряд (сарафан, рубаха, платок), украшалась лентами, цветными лоскутками, бусами.

«Крещение» кукушки происходило под березой, куклу сажали на ветку или ставили под деревом, покрывали платком и три раза перекрещивали. Последнее было далеко не обязательно, собственно под «крещением кукушки» понималось кумление девушек: девушки целовались, менялись крестами, бусами, платками, затем ели яйца, а скорлупки в Тульской губ. развешивали на ветках деревьев и кустов. Кумление сопровождалось специальными «кумитными» песнями:

Кума с кумой,	Побранимся —
Покумимся!	Грешны будем,
Чтобы нам весь год	Кукушечке
Не браниться.	Тошно станет!

(Калужская губ.)

Ты кукушка ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кукушка,
Покумимся, голубушка,
Чтоб нам с тобой не браниться!

Кума, не драться!	Подушимся, душа!
Кума, не бороться!	Не браниться нам, кума,
Кума, помириться!	До Троицына дня!
Покумимся, кума,	

(Владимирская губ.)

«Кукушечка,	Иде девки красны шли,
Кукушечка,	Там и рожь густа,
Птичка серая	И ужиниста,
Рябушечка,	И умолотиста!
Кому ты кума,	Иде бабы прошли,
Кому кумушка?»	Там и рожь пуста,
«Красным девушкам	И неужиниста,
И молодушкам!»	И неумолотиста!

Хоронили кукушку или в тот же день после кумления, или на следующий, а то и через день. Если кукушку из травки зарывали в землю, то делали это одна-две выбранные девушки в тайном месте; если же кукушку оставляли на дереве, то здесь же все участницы обряда устраивали совместную еду, пели веселые песни, после чего расходились по домам.

СЕМИК И ТРОИЦА.

Один из самых главных, ответственных периодов народного земледельческого календаря падает на седьмую неделю после Пасхи. Неделя эта носит название «семиковой», «русальной», «зеленой», «грязной», особо отмечены три ее дня: Семик, приходящийся на четверг; родительская суббота; Троица — воскресенье, 50-й день после Пасхи.

Семик — седьмой четверг после Пасхи считался очень большим праздником, он открывал сложный комплекс обрядов, знаменующих прощание с весной и встречу лета, прославляющих зеленеющую землю с центральным персонажем — березкой.

Селения на этот небольшой отрезок времени буквально преобразались: дома и улицы украшались срезанными березками, ветками, цветами. На Троицу прихожане являлись на обедню в церковь с букетами полевых цветов, а пол в храме устилался свежей травой.

Те, кто придерживался старинных обычаев, утром посещали кладбища, где и встречали семик. Веселье начиналось после обеда. Молодежные гулянья, игры, хороводы происходили или в лесу, вокруг березки, или в деревне, куда с песнями вносили срубленное и украшенное дерево.

По традиции в Смоленской губернии в семик шли с березкой под песню:

Ой, где девки шли, там и рожь густа,
Ой, где вдовы шли, там трава росла,
Что трава росла высока, зелена;
Где молодушки шли, там цветы цветут,
Ну цветут цветы по всей улице,
По всей улице да по бережку,
Что по бережку под кусточками.

Во владимирских деревнях «накануне семика девушки рубят березку, украшают ее лентами, а в самый семик они вместе с парнями, которые несут березку, ходят с нею по полю, распевают песни и потом бросают ее в рожь».

Береза моя, березонька!	Близ тебя, березонька
Береза моя белая,	Красны девушки,
Береза моя кудрявая!	Красны девушки
Стоишь ты, березонька,	Семик поют,
Осередь долинушки.	Под тобою, березонька,
На тебе, березонька,	Красны девушки,
Трава шелковая.	Красны девушки
	Венок плетут.

«В Саратовской губ. для празднования семика избирался особый дом, куда приносили разных припасов для пира, не забывая солода и хмеля; варится брага, затираемая, заквашиваемая и сливаемая при пении веселых песен. В самый же семик, в полдень, начинается торжество. Посреди двора воткнуто срубленное с ветвями и листьями дерево, под которым стоит горшок с водою. Девицы ходят по двору или сидят, а мальчуганы держат в руках заготовленные кушанья, другие — ведро с пивом на палке. Более веселая, бойкая девушка подходит к дереву, опрокидывает горшок с водою, выдергивает дерево из земли и затягивает песню. С пением:

Ио, ио, семик-тройца,
 Туча с громом сговаривалась:
 Пойдем, гром, погуляем с тобой,
 Во ту слободу, в Радышевчину¹,
 Ио, ио, семик-тройца! —

идут в лес, где происходит пир».

На обширной русской территории троичный обряд с молодым деревом справлялся, разумеется, неодинаково, каждая губерния и даже деревня имела свой набор и последовательность действий, свой обязательный песенный репертуар, при том, что основные элементы обряда сохранялись. К числу таких элементов относятся: выбор и украшение дерева, совместная трапеза под ним, завивание венков, кумление, срубание дерева с последующим уничтожением его, хороводные песни и игры под ним, гадание на венках, брошенных в воду.

Как это происходило на самом деле, в конкретных условиях русской деревни прошлого века, покажут приводимые ниже примеры.

В большинстве деревень Дмитровского уезда Московской губернии «в среду перед троницей девушки отправляются выбирать — «заламывать» березки, а на другой день, в семицкий

¹ Название деревни

четверг, или же в субботу, с яичницей и пивом идут завивать выбранные березки. Каждая приносила с собой глазок яичницы. После того как все березки завиты, яичницы размещались вокруг одной березки, а девушки, взявшись за руки, водили хоровод под следующую песню:

Березка, березка,
Завивайся, кудрявая,
К тебе девки пришли,
Пироги принесли
Со яичницею».

Березынька кудрявая,
Кудрявая, моложавая,
Под тобою, березынька,
Все не мак цветет,
Под тобою, березынька,
Не огонь горит,

Не мак цветет —
Красные девушки
В хороводе стоят,
Про тебя, березынька,
Все песни поют.

На поляне, на лугу
Гнулася березонька.
Завивали девушки,
Лентой украшали,

Березку прославляли:
«Белая березонька,
Ходи с нами гулять,
Пойдем песни играть!»

(Владимирская губ.)

Береза девушкам
Приказывала,
Ой лялѣ-лялѣ,
Всѣ приказывала:
«Придите вы, девушки,
Придите вы, красные!
Ой лялѣ-лялѣ,
Придите, красные!
Сама я, березынька,
Сама я оденуся,
Ой лялѣ-лялѣ,
Сама оденуся,
Надену платъико,
Все зеленое,
Ой лялѣ-лялѣ,
Всѣ зеленое,
Усѣ зеленое,
Всѣ шелковое,
Ой лялѣ-лялѣ,
Всѣ шелковое!
Ветрик повеет —
Всѣ шуметь буду,
Ой лялѣ-лялѣ,
Всѣ шуметь буду,

Дождичек пройдет —
Лопотать буду,
Ой лялѣ-лялѣ,
Всѣ лопотать буду,
Солнце выблеснет —
Зеленеть буду,
Ой лялѣ-лялѣ,
Всѣ зеленеть буду».
Не радуйся
Ни кленье-дубье,
Ой лялѣ-лялѣ,
Ни кленье-дубье,
Только радуйся
Да белая береза,
Ой лялѣ-лялѣ,
Белая береза,
Белая береза,
Горькая осина,
Ой лялѣ-лялѣ,
Горькая осина!
Идут к тебе
Девки красные,
Ой лялѣ-лялѣ,
Девки красные,

Девки красные,
Косы русые,
Ой лялѣ-лялѣ,
Косы русые,
Несут тебе
Горелку горькую,
Ой лялѣ-лялѣ,
Горелку горькую,

Горелку горькую,
Скрипку звонкую,
Ой лялѣ-лялѣ,
Скрипку звонкую,
Скрипку звонкую,
Яишню смачную,
Ой лялѣ-лялѣ,
Яишню смачную!

(Смоленская губ.)

Мы завьем венки
Мы на все святки,
Мы на все святки,
На все празднички,

На все празднички
На Духовые,
На Духовые,
На венковые.

(Смоленская губ.)

Кто не идет
Венков завивать,
Положь того
Колодою дубовою,
Детей его

Курчижкой сосновою!
Кто венков не вьет,
Того matka умрет!
А кто вить будет,
Того жить будет!

(Смоленская губ.)

В некоторых селах и деревнях начала прошлого столетия пекли «для девиц козули, род круглых лепешек с яйцами в виде венка. С козулями они идут в лес, где с песнями завивают ленточки, бумажки и нитки на березе, на коей завязывают еще ветки венками».

Пойдем, девóчки,
Завивать венóчки!
Завьем всночки,
Завьем зеленые.

Стой, мой веночек,
Всю недельку зелен,
А я, молодешенька,
Увесь год веселешенька!

Святой духа Троица!
Позволь нам гуляти,
Венки завивати!
Завью я веночек
На круглый годочек,
Кругло наше поле,
Кругло невеличко,
На нем ягод много,
Зрелых и спелых,

Ну я, млада, брала
Ох, в фартушок клáла,
Зрелки на тарелку,
Зеленушки в фартушки.
Зрелки родному батьке,
Зеленушки все свекру,
Чтоб он подавился,
Со мной не бранился.

(Тверская губ.)

В Сибири вершины березок пригибали к траве и делали «косы», связывая эти вершины с травой.

Не радуйтесь, дубы,
 Не радуйтесь, зеленые,
 Не к вам девушки идут,
 Не к вам красные,
 Не вам пироги несут,
 Лепешки, яичницы,
 Ио, ио, семик да троица!

Радуйтесь, березы,
 Радуйтесь, зеленые,
 К вам девушки идут,
 К вам пироги несут,
 Лепешки, яичницы,
 Ио, ио, семик да троица!

Ты не радуйся, осина,
 А ты радуйся, береза:
 К тебе девки идут,
 К тебе красные идут
 Со куличками, со яичками!

Завивайся ты, березка,
 Завивайся ты, кудрявая!
 Мы к тебе пришли

Со яичками, со куличками.
 Яички-те красные,
 Кулички-те сдобные.

«Семик, Семик, Троица,
 Пресвятая мать Купальница,
 Ты на чем приехала?»
 «На овсяном зёрночке,
 На оржаном колосе!»

(Владимирская губ.)

В Семик нижегородская молодежь «рядит в «девицу» березу, а девуку или парня — в шутовской наряд барабанщика», все вместе отправляются на луг, впереди идут ряженые — человек и дерево. На лугу становятся в круг и поют плясовую песню про притоптанную травушку.

«Травина ли моя,
 Травинушка шелковая!
 Еще кто же траву притоптал?»
 «Притоптали меня,
 Травинушку шелковую,

Да все девушки,
 Да все красные,
 В зеленом саду гуляючи,
 Золотым мячом играючи,
 Все себя же утешаючи».

Еще в записях XVIII века говорится о том, что «поселянки, собравшись в рощи, нагибают молодые плакучие березки, свивают из них венки и попарно подходят сквозь их целоваться, приговаривая:

Покумимся, кума, локумимся,
 Нам с тобою не браниться,
 Вечно дружитья».

«Обряд кумления совершался девушками в лесу после завивания березок... Ветки березок загибаются в круг, так что образуются венки, или венки из березок или трав и цветов навешиваются на березки. К этим венкам девушки подвязы-

вали свои крестики, затем сквозь венки целовались, менялись крестами и пели песни, содержанием которых является призыв к кумлению. Покумившиеся девушки считаются подругами на всю жизнь или до следующего кумления через год с другой девушкой, или на срок праздника. Кумятся все девушки, присутствующие при обряде».

Кумушка, голубушка,	Я тебе голубушка!
Серая кукушечка!	Кумушка, голубушка,
Давай с тобой, девица,	Горюшко размыкаем!
Давай покумимся!	Будешь мне помощница,
Ты мне кумушка,	Рукам моим пособница!

Во время кумления «девушек-подростков приветствуют обыкновенно так: «Еще тебе подрасти да побольше расцвести», а девице заневестившейся говорят: «До налетья (следующего года) косу тебе расплести надвое, чтобы свахи и сваты не выходили из хаты, чтобы не сидеть тебе по подлавочью (т. е. в девушках)», а бабам пожелания высказываются несколько иного характера: «На лето тебе сына родить, на тот год сам-третьей тебе быть». Девушки свои пожелания шепчут друг другу на ухо».

Что ты, белая береза,
В чистом поле не шумишь?
Что ты, белая хороша,
Со мной дела не решишь?

(Тюменская губ.)

В семик в Саратовской губ. устраивают в лесу пир. «По завивании венков, после кумовства, выбирают подбрасыванием вверх платков старшую куму, которая и носит это название в продолжение целого дня. Потом возвращаются веселым хороводом в село с тем, чтобы в Троицын день снова прийти в тот же лес развить свои венки. Каждая пара рассматривает, завял или еще свеж ее венок; по нем судят о своем счастье или несчастье. Кроме того, свивают еще венки и для своих родных, испытывая и их судьбу».

Пойдем, девки,	На мне венок
В зеленую рощу,	Не сохнет, не вянет
Пойдем, девки!	На мне венок!
Совьем, девки,	По мне дружок
Себе по веночку,	Не тужит, не плачет
Совьем, девки!	По мне дружок!

(Смоленская губ.)

Вью, вью колечко	Третье колечко
На батюшка,	Сама на себя,
Другое колечко	Четвертое колечко
На матушку,	На своего старика.

(Костромская губ.)

«В Троицын день девушки спрашивают у кукушки, когда она кукует, долго ли еще быть им в доме отца. Сколько раз прокукует кукушка, столько лет и ждать им замужества».

Местами в Валдайском уезде Новгородской губ. «в день Троицы вяжут небольшие веники, и с ними ходят в села к обедне. После одной отправляются на могилы своих родных, чтобы, как говорят, «попарить родителей».

Посещение на Троицу могил — обычай очень древний. Знаменитый Стоглавый собор 1551 года, осуждая этот языческий праздник, отмечал: «В троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробом с великим причитаньем. И егда начнут играти скоморохи, и гудцы и перегудники, они же, от плача переставше, начнут скакати и плясати и в долони бити и песни сатанинские пети...»

Итак, троицкая суббота, как правило, посвящалась умершим. Воскресенье же вновь проводили в лесу, вокруг березки. «После обедни девушки меняют свой наряд на лучшие платья, на голову надевают свежие березовые венки, переплетенные цветами и в таком уборе идут в лес развивать березку. Пришедши туда, они становятся в кружок около завитой березки, и кто-нибудь из них срубает ее и устанавливает посреди кружка. Тут все девушки подходят к березке и начинают ее украшать лентами и цветами. Далее открывается триумфальное шествие девушек попарно, а впереди всех одна из них несет березку, и таким образом обносят ее кругом всей деревни. Пришедши в которую-нибудь из улиц, они втыкают березку в землю и начинают водить вокруг нее хороводы, тут присоединяются к ним парни, и все хором поют». К вечеру снимают с дерева ленты и отламывают по пруту, вырывают его из земли и «тащат уже к речке, как преступника, топить, несут по улице целой толпой, кто за какой сучок ухватится и, пришедши на берег, бросают ее в воду с криком: «Тони, семик, топи сердитых мужей!», и несчастная березка <...> плывет туда, куда понесет ее течение воды» (Владимирская губ.).

Уж ты радуйся,	Развивати, —
Дубник-кленник,	Со куличиками
Не радуйся,	Со сдобными,
Белая береза!	Со яиченкой
Мы идем тебя	Со жареной.

(Владимирская губ.)

Да уж вы милые девушки мои,
 Да вы подруженьки мои!
 Да вы зачем меня да раздеваете?
 Да чем же, чем же вам да разглянулася?
 Да я кудрявая, да я нарядная была,
 А теперь, березынька, да оголенная стою.
 Все наряды мои да подаренные,
 Все листочки мои, да все свернулись!
 Вы подруженьки мои, да отнесите вы меня.
 Киньте-бросьте вы меня да в речку быструю,
 И поплачьте надо мной да над березынькой!
 (Пермская губ.)

Своеобразным ответом на вопросы этой песни-причитания служит смоленская троицная песня:

Мы у поле были,	А святой Илья
Венки развили,	По межам ходит,
Венки развили,	По межам ходит
И жито глядели.	Да житушко родит,—
«Зароди, боже,	Тое житушко
Жито густое,	На пивушко,
Жито густое,	Дочек отдавать,
Колосистое,	Сынов женить,
Колосистое,	Сынов женить
Ядринистое!»	И пиво варить!

Наряженная, опетая, накормленная, прославляемая в течение нескольких дней, березка должна была отдать всю свою силу начинающему зеленеть полю, способствовать урожаю и соответственно — благополучию людей.

В Московской губ. ветки от троицкой березки не выбрасываются, «а втыкаются над воротами во дворе для охраны скота или кладутся в сусек для охраны от мышей. Для этого же они впоследствии кладутся под снопы хлеба, под сено и в картофельные ямы».

Не менее важное и увлекательное действо семиковой, троицкой недели — гадание по венкам.

В воронежских селах в тр. и цын день «вьют венки с известными песнями и потом эти венки бросают в воду. Чей венок пристанет к берегу, та останется в девках, чей уплывет, та выйдет замуж, чей потонет, та умрет».

Одно и то же «поведение» венков в разных местах понималось по-разному. Так, потонувший венок мог означать смерть, измену или конец любви, а также противоположное — свидетельствовать о том, что милый помнит и тоскует.

Пойду на Дунай на реку,	Венок мой на воде?
Стану на крутом берегу,	Мой веночек потонул,
Брошу венок на воду,	Меня милый вспомню:
Отойду подале, погляжу:	«О свет, моя ласковая!
Тонет ли, не тонет ли	О свет, моя приветливая!»

Кумушки, голубушки!
 Пойдете вы в венки,
 Возьмите й меня!
 Сорвете вы по цветику,
 Сорвите и мне.
 Совьете вы по веночку,
 Совейте и мне.
 Пойдете вы на Дунай-речку,
 Возьмите й меня.
 Шокидайте на Дунай веночки,
 Киньте и мой.
 Все венки поверх воды,
 А мой потонул.
 Усе дружки с Москвы пришли,
 А мойго й нет.

(Смоленская губ.)

ДУХОВ ДЕНЬ.

Пятьдесят первый день после Пасхи, или первый понедельник после Троицы.

Духов день в народном календаре очень трудно отделить от предшествующей седмицкой недели. Именно к Духову дню приурочивалось в некоторых местах развивание венков, в Сибири в Духов день «вечером, сняв убранство, березку топили в Ангаре». С Духовым днем связаны поверья и обряды вокруг русалок, а весь период с понедельника на троицкой неделе до понедельника следующей недели назывался «русальной неделей», «грязной» и считался временем, когда русалки выходят из воды, играют, качаются на деревьях и заманивают прохожих, чтобы их защекотать.

Русалки — это души утопленниц или детей, умерших некрещеными.

На смоленской земле полагали, что русалки «до Духова дня живут в водах; на Духов день русалки выходят из своих жилищ и плещутся на поверхности воды. Иногда русалки могут заходить и далеко от места своего обитания, в леса и рощи. Цепляясь волосами за сучья и стволы, если эти деревья согнуты бурей, они качаются как на качелях, с криком

«рели-рели!» или «гутыньки, гутеньки!» <...> Остерегаются купаться на Духов и Троицын день»; уверены, что на грязной неделе «опасно одному ехать чрез засеянное рожью поле: русалки могут напасть и замучить». Есть и средство избавиться от русалок во время нападения: «нужно начертить на земле крест, который обвести кругом чертою; в этом кругу и стать. Русалки тогда не подступятся; походят, походят около черты, а потом и спрячутся».

В той же Смоленской губернии крестьяне были убеждены, что русалку можно поймать и привести домой. Вот одна быличка, записанная на рубеже XIX—XX веков:

«Мой прадед, — рассказывал крестьянин, — пошел однажды на русальной неделе в лес лыжи драть; на него там напали русалки, а он быстро начертал крест и стал на этот крест. После этого все русалки отступили от него, только одна все еще приставала. Прадед мой схватил русалку за руку и втащил в круг, поскорее набросив на нее крест, висевший у него на шее. Тогда русалка покорилась ему; после этого он привел ее домой. Жила русалка у прадеда моего целый год, охотно исполняла все женские работы; а как пришла следующая русальная неделя, то русалка снова убежала в лес. Пойманные русалки, говорят, едят мало — больше питаются паром и скоро бесследно исчезают».

В представлении крестьян других губерний, русалки «ночью при луне, которая для них ярче обычного светит, качаются на ветвях, аукаются между собой и водят веселые хороводы с песнями, играми и плясками. Где они бегали и резвились, там трава растет гуще и зеленее, там и хлеб родится обильнее».

Любопытную историю про встречу с русалкой услышал один из собирателей в Читинской области уже в наше время:

«Две бабки с гостей шли. Одна тетя Шура наша была. До мостика дошли, смех слышали. Интересно им стало, решили, что девки с парнями балуются. Подошли поближе, видят: девка в воде стоит, волосами трясет и хохочет. А смех-то такой, что страх наводит. Испугались они, и бежать. В чужой дом заскочили и — к окну. А девка волосы свои чешет и смеется. Тетка Шура как матюгнется! Девка в воду плюхнулась и замолчала, а гребень на берегу оставила.

А утром тетя Шура за водой пошла и его домой притащила. И каждую ночь ей та девка-волосатиха спать не давала: стучит то в окно, то в двери. Тетка Шура старичку одному рассказала. А он ей: «Снеси гребень-то, девка, а то русалка житья не даст». Утащила бабка гребень, и та девка к ней ходить перестала».

В середине прошлого века в селе Ульяновка Лукояновского уезда Нижегородской губ. молодежь отмечала «проводы

русалки», которые одновременно понимались и как проводы весны. Участники собираются на площади в центре села, «тут кого-нибудь наряжают лошадю, подвешивают под шею колокольчик, сажают верхом мальчика и двое мужчин ведут под уздцы в поле, а позади весь хоровод с громкими прощальными песнями провожает и, придя в поле, разоряет наряженную лошадь с разными играми».

Более подробное описание этого же обряда сделано в Пензенской губернии. Здесь, «хотя ряженных бывает немного, но, — как пишет исследователь, — все умеют быть веселыми и стараются быть забавными. Один наряжается козлом, другой надевает на руки и на ноги валяные женские сапоги и изображает собой свинью (самая трудная роль), третий шагает на высоких ходулях, четвертый наряжается лошадю» или просто насаживает на длинную палку лошадиный череп, а саму палку окручивает тканью и веревкой, один конец которой остается свободным. «За этот повод уздечки берется ловкий молодец, изображающий вожака и руководящий скачками и пляской упрямой, норовистой лошади. Она брыкается, разгоняя хохочущую толпу девчонок и мальчишек, а тут же, рядом с ней, бодается козел, постукивая деревянными челюстями и позванивая подвязанным колокольчиком... Все имеющиеся налицо музыкальные инструменты принесены сюда: заливаются гармошки, трывают балалайки, пищит скрипка, и, для полного восторга провожающих весну, раздаются громкие и звонкие звуки от ударов в печные заслонки и сковороды... Самая процессия проводов весны совершается так: впереди идут с лошадю русальщики, за ними бегут вприпрыжку перепачканные ребятки (это «помелешники» или «кочерыжники»), которые подгоняют кнутами передних. В поле, за деревней, делают несколько холостых выстрелов из ружей, а в честь русалок выделяется бойкая девушка, которая с палками в руках скачет взад и вперед. Затем лошадиную голову бросают в яму до будущего года — это и есть проводы русалки и прощание с весной».

В селах Саратовской губернии проводы русалок устраивали «на заговенье перед Петровым постом», т. е. через неделю

после Троицы. Здесь в обряде участвовали главным образом старухи; «они берут ржаной сноп, придельывают руки, обряжают по-бабы, кладут на носилки, вопят и несут чучело-русалку в ржаное поле, где оставляют на меже. Во время шествия с чучелом-русалкой несколько раз поют песню:

Уж ты свет моя Кострома,
Государыня Костромушка была,
Не Костромушка, хумушка моя!
Не покинула при нужди ты меня,
При нужди, при старости».

От известной воронежской сказительницы А. К. Барышиковой (Куприянхи) был записан рассказ об обряде похорон русалки, который держался очень долго в селе Б. Верейка, и последний раз его совершали в 1936 году. Делали куклу, наряжали ее в белое, «клали на носилки. Одна из девушек изображала попа, у которого в руках было кадило — стоптанный, старый лапот, свечи — стебли тростника. Процессия приходила на ржаное поле, и здесь куклу раздевали. Фигуру «русалки» и палки от носилок бросали в лог у ржаного поля. Делалось это для того, по словам сказочницы, чтобы лучше рос хлеб».

Последний пример — из Зарайского уезда Московской губернии. Девушка, изображающая русалку, «в одной рубашке, с распущенными волосами, верхом на кочерге, держа в руках полено через плечо... едет впереди, а за ней идут девки и бабы, бьют в заслон. Ребятишки бегают вперед и то и дело заигрывают с русалкой, хватая ее кто за руку, кто за рубаху, кто и к кочерге прицепится, приговаривая: «Русалка, русалка, пощекочи меня!» Вся эта толпа с русалкой впереди направляется ко ржам...» Во ржи русалка старается кого-нибудь схватить и пощекотать, другие защищают преследуемую. «Тут пойдет свалка, пока ей не удастся вырваться и схорониться во ржах. Теперь кричат все: «Мы русалку проводили, можно будет везде смело ходить!», и разбредутся по домам. Русалка же, посидев немного, прокрадется задками домой. Народ же до самой зари гуляет по улице».

За русалкиным заговеньем начинался Петровский пост, затем шли сами Петровки — сенокос с его работой и молодежными гуляньями и, наконец, Иван Купала — большой праздник, завершающий весенне-летние обряды, знаменующий день летнего солнцестояния и подготовку к самой важной страде — уборке урожая.

«То тыла,
то сказала,
на нитку
нанула».

СЛОВАРЬ устаревших и диалектных слов

Алтын — монета в три копейки.

Арапчик — голландский червонец.

Аршин — русская мера длины, равная 0,71 м; линейка, планка такой длины для измерения.

Баской — красивый, нарядный.

Баять — говорить, сказывать.

Бердо — принадлежность ткацкого стана.

Бортник — тот, кто занимается бортничеством, т. е. лесным пчеловодством, добычей меда диких пчел.

Бочаг — глубокая лужа, колдобина, ямина, залитая водой.

Браный — узорчатый (о ткани).

Братыня — братина, сосуд для пива.

Брашно — еда, яство, кушанье, съестное.

Бредень, бредник — небольшой невод, которым ловят рыбу вдвоем, идя бродом.

Бува, буево — кладбище, могила.

Былиця — былинка, стебель травы.

Быличка — рассказ о нечистой силе, в достоверности которого не сомневаются.

Важко — тяжело, таяко.

Варган (на кургане, на варгане) — может быть, от «ворга» — поляна, заросшая высокой травой; покосное, открытое место в лесу.

Верес — можжевельник.

Веря (веретья, верейка, верейшка) — столб, на который навешиваются ворота; косяк у дверей, ворот.

Веретье — грубая ткань из конопли.

Вертеп — пещера; притон; большой ящик с марионетками, управляемыми снизу сквозь прорезы в полу ящика, в котором разыгрывались представления на тему Рождества Христова.

Вершник — верховой; едущий впереди верхом.

Вечор — вчера.

Виклиня — ботва.

Вица — хворостина, прут, длинная ветка.

Волотки — стебли, соломинки, былинки; верхняя часть снопа с колосьями.

Воронец — брус в избе, служащий полкой.

Вырай (вирий, ирий) — дивная, обетованная, теплая сторона, где-то далеко у моря, доступная только птицам и змеям.

Вьялица — выюга.

Гай — дубрава, роща, небольшой лиственный лес.

Галиться — дивиться, любоваться, засматриваться; глазеть, пялить глаза; насмехаться, изгаляться.

Година — хорошая ясная погода, ведро.

Голж — веник без листьев.

Голландчик — червонец, битые на Санкт-Петербургском Монетном дворе.

Голицы — кожаные рукавицы без шерстяной подкладки.

Гостика — гостя.

Гривна — гривенник; в Древней Руси денжная единица — серебряный или золотой слиток весом около фунта.

Грядка — полка, идущая от печи к стене.

Губа — залив, затон.

Гудок — трехструнная скрипка без выемок по бокам корпуса.

Гумно — помещение, сарай для сжатого хлеба; площадка для молотбы.

Деверь — брат мужа.

Десятина — срок в десять дней.

Дежа — опара для теста, квашня; калка, в которой месят тесто для хлеба.

Долонь — ладонь.

Досюльный — давний, прежний.

Доха — шуба с мехом внутрь и наружу.

Дроля — милый, дорогой, любимый.

Ендова — широкая медная чаша с носиком.

Ернишний — от «ерник»: мелкий, малорослый лес, мелкий березовый кустарник.

Ерофемч — горькое вино; водка, настоянная травами.

Ества — еда, кушанье.

Жальник — кладбище, могилы, погост.

Живот — жизнь, имущество; душа; скот.

Жито — всякий хлеб в зерне или на корню; ячмень (северн.), рожь немолотая (южн.), всякий яровой хлеб (вост.).

Жупан — старинный полукафтан.

Забедовать — жаловаться, плакаться.

Загнета (загнетка) — зольник русской печи.

Заговенье — последний день перед постом, в который разрешается есть скоромное.

Залом — скрученный пучок колосьев; обычно делается колдуном или ведьмой на порчу или на пагубу нивы, а также хозяина нивы.

Зановитый — запачканное или загрязненное что-то новое, чистое; облегчивший сердце (от «зановить»: отвести душу, облегчить сердце).

Зарадаться — обрадоваться.

Зарод — большой стог сена, хлеба, не круглой кладки, а продолговатой.

Засек — сусек, закром; перегородка закрома.

Зень — земля.

Зинуть — взглянуть.

Зипун — крестьянский кафтан из грубого толстого сукна, в старину без ворота.

Зрелки — зрелые ягоды.

Исполать — хвала, слава, спасибо.

Казак, казачиха — работник (работница), батрак, наемный работник.

Камка — старинная плотная шелковая узорчатая китайская ткань.

Канун — праздничное пиво, брага.

Каравайцы — пшеничные блины.

Катанки — валенки.

Кий, киек — палка, посох, батог.

Киса — мешок.

Китина — ствол травы, стебель гороха.

Кичка — старинный русский праздничный головной убор замужней женщины.

Кишка — домашняя колбаса.

Клеть — комната или кладовая в доме; амбар; пристройка к избе, чулан.

Клюка — крюк, палка с загيبом для поддержки желоба под стрехою крестьянской тесовой кровли или для пригнета соломенной.

Кокурка — булочка с яйцом.

Комель — утолщенная нижняя часть прялки; прилегающая к корню часть дерева, волоса, рта.

Комонь — конь, лошадь.

Коноватный — из азиатской шелковой ткани, шедшей на покрывало, фату.

Копань — яма, вырытая для сбора дождевой воды; неглубокий колодец без сруба.

Копыл — короткий брусок в полозьях саж, служащий опорой для кузова.

Косарь — большой нож с толстым и широким лезвием.

Кострица (костра) — жесткая кора льна и конопли, остающаяся после их трепания, чесания.

Косящатое (косивчатое) окно — окно из ячей-косяков или переплетенных вкось металлических прутьев, типичное для Руси до XVIII в.

Коты — род теплой обуви.

Красный угол — угол в избе, где висели иконы.

Красота — венец невесты из лент и цветов, символ девичества и девичьей воли.

Крома — сума, мешок нищего; «Фома — большая крома» (19 октября) — обилие хлеба и запасов, так зовут и богатого, зажиточного человека.

Кросна (кросно) — ручной ткацкий станок; нитяная основа при тканье на ручном станке; полотно, вытканное на кроснях.

Кросенца — домотканые рубашки.

Крыница — родник, ключ, мелкий колодец; крынка, молочный горшок, узковатый и высокий.

Кудель — вычесанный и перевязанный пучок льна или пеньки, изготавливаемый для пряжи.

Кужель (кужаль) — кудель, вычесанный лен; льняная пряжа высшего качества.

Кузло — кузнечная работа,ковка; вообще пахотные снаряды.

Кукомоя — неряха, неопрятный человек.

Куна — кунница.

Курень — место выжета в лесу углей, угольная яма и изба для рабочих.

Куржесина — иней.

Курить — вытворять.

Курчижка — сук, обрубок.

Кут — угол, особенно в избе под образами или около печи; «гнилой кут» — северо-западный ветер.

Кутя — разваренные и подслащенные пшеничные зерна.

Ладка — маленькая пышка.

Ладом — хорошо, как следует.

Ластки — цветные четырехугольные вставки под мышками в рукавах рубашки.

Ледень — ледяная глыба.

Лённый — льняной.

Луда — мель, камни в озере, выступающие из воды.

Майна — полынья.

Матка, матица — средняя потолочная балка в избе.

Межепный (межонный) — длинный, долгий, летний.

Межень — средний уровень воды, какой устанавливается после половодья (в июне — до жары и засухи).

Мерёжа — рыболовная сеть, натянутая на обруч.

Мирской — сделанный, приготовленный сообща, «всем миром».

Молодик — молодой месяц.

Морда — плетенка из лозы.

Морок (морока) — облако, туча.

Мост — пол, сени.

Мостина — половица.

Мотушка — моток пряжи, катушка с намотанной пряжей.

Моченец — вымоченная в воде конопля.

Муравленный — покрытый глазурью.

Мялица — мялка, снаряд, которым мнут лен и коноплю, очищая волокна от кострицы.

Назём — навоз.

Назола — тоска, грусть, досада, огорчение.

Нать — надо (сокращенное от «надоть» — надобно).

Натяться — наткнуться, напасть.

Необлыжный — настоящий, неложный.

Неудольный — неодолимый; обделенный, несчастный.

Новина — крестьянский сотканный холст; суровая небеленая холстина; зерно нового урожая.

Ночесь — прошлой ночью.

Обабок — гриб, подберезовик.

Обасть (обаить) — оговорить, сглазить.

Облоухий — долгоухий, ушастый, длинноухий.

Окрутить — одеть; нарядить (молодую после венца в женскую одежду); одевать.

Омшаних — уконопаченный мохом сруб для зимовки пчел.

Онучи — обмотки для ноги под сапог или лапоть, портянки.

Опока — иней.

Опорки — обувь, сделанная из старых сапог, у которых отрезаны голенища; остатки стоптанной и изодранной обуви.

Орать — пахать.

Отава — трава, выросшая после укуса; свежая трава, выросшая в тот же год на месте скошенной.

Очеп — шест, прикрепляемый к потолку в избе, на котором подвешивалась колыбель.

Пажить — пастбище, место выгона скота.

Пасма — часть мотка ниток, пряжи.

Пельчатый — с бахромой.

Перелог — запущенное пахотное место.

Поветь, поветка — сарай, хлев; навес, крыша над двором; крытый двор.

Погост — кладбище, сельский приход.

Подреза — «сани с подрезами» — с окованным санным полозом.

Покуть — передний угол; почетное место за столом и на пиру.

Полдень — юг.

Полушка — старинная мелкая медная монетка в четверть копейки.

Попелуйник (попелуйница) — от «попел»: попел, зола.

Порный — сильный, здоровый; взрослый.

Пороша — падающий ровно снег; слой только что выпавшего снега.

Поскотина — выгон, пастбище.

Пóстать — полоса, поле; делянка, участок поля, занимаемый жнищами.

Поярчатый — из шерсти первой стрижки ягненка.

Проголосная (песня) — протяжная, заунывная.

Пролетье — начало лета, июнь, пора до петровок.

Пряженец — лепешка, оладья на масле; блин из черной муки, с маслом.

Пряженица — яичница на сковородке.

Прясло — часть изгороди от столба до столба; приспособление из продольных жердей на столбах для сушки сена.

Путина — время, в течение которого производится лов рыбы.

Пялочки — пальцы.

Радеть — стараться, заботиться, оказывать содействие.

Разболокаться — раздеваться.

Раменье — большой дремучий лес, окружающий поле; опушка леса.

Расшиперить — растопырить, раскорячить, расколоть, оскалить зубы.

Ретиво́е — сердце.

Ретивый, ретливый — о сердце: горячее, сердитое.

Рига — сарай для сушки снопов и молотбы.

Росстань — перекресток, пересечение дорог, где прощаются, разлучаются, расстаются.

Рубель — деревянный брусок с ручкой и поперечными желобками для прокатывания (глажения) белья.

Рукава — верхняя, обычно украшенная часть рубахи.

Рыть — бросать, кидать.

Ряда (рада) — условия, договор, подряд, сделка при покупке, найме, поставках и пр.

Рясный — обильный.

Садовина — все, что растет в саду: ягоды, фрукты.

Сало — мелкие пластинки, кусочки льда на поверхности воды перед ледоставом.

Свитка — верхняя длинная одежда (обычно у украинцев).

Свояченица — сестра жены.

Севня — лукошко с зерном, которое сеятель носит через плечо.

Седмица — семь дней, неделя.

Семеюшка — муж, жена (в похоронных причитаниях).

Сйвер, сйверко — север, северный ветер.

Скородить — бороновать; волочить что-либо по земле; гнуть, сводить, сгибать.

Скучиться — собраться в кучу, в одно место.

Смашной — вкусный.

Смычина — суковатая, крепкая палка, идущая на борону.

Спорина — рост, изобилие, прибыль.

Спорядный — сосед, односельчанин (от «ряд» — улица).

Ставец — большая чашка, миска.

Стайка — стойло, скотный двор, загон, отторженное место для скота.
 Стамовик, становик — изгородь из мелкого леса.
 Станица неудольная — дети покойного.
 Стихарь — одежда священнослужителя, прямая, длинная, с широкими рукавами.
 Стреха — нижний, свисающий край крыши деревянного дома, избы.
 Стяжыё — жерди, слегы, толстые палки для укрепления стога или воза с сеном.
 Суколено — коленце в стебле.
 Сумёт — сутроб.
 Супостатка — соперница.
 Сусек — отсек или ларь в амбаре, где хранится зерно.
 Сухоросо — без росы, засушливо.
 Сытá — медовый взвар; вода, подслащенная медом.

Талáн — счастье, удача, судьба.
 Тáлина — талая земля, проталина.
 Танок — хоровод.
 Тенетник — паутина.
 Тесмянный — сделанный из тесмы.
 Тоня — рыбная ловля; одна закидка невода; место, где ловят рыбу.
 Торок — порыв ветра, шквал.
 Торока (тороки) — ремни позади седла для привязывания к нему груза, дорожного мешка.
 Тороком — битой, торной дорогой.
 Трензель — металлическая цепочка для удержания мундштука во рту лошади, использовался как своеобразный музыкальный инструмент.
 Тюлелей — тюлевая оборка.
 Тябло — кивот, полка для икон.

Убрус — нарядный головной убор, свадебная фата.
 Ужинистый хлеб — добрый, обильный ужинóм, соломой, числом снопов.
 Умежениться (о воде) — прийти в межень, в обычное, среднее состояние, количество.
 Ухитить — уконопатить мохом, приготовить к зиме.

Чало — чаялость, казалось.
 Чело — передняя часть русской печи.
 Черемный — красный, рыжий.
 Чернец, черница — монах, монашенка.
 Черница — черника.
 Черногуз — ласточка.
 Четверик — старая русская мера или предмет, содержащие 4 какие-нибудь единицы (напр., куль в 4 пуда).
 Чуйка — длинный суконный кафтан.

Шалыга (шелыга) — плетеный мяч; деревянный шар; плеть, кнут, погонялка.
 Шаньга — ватрушка, сочень, простая лепешка.
 Шеломчатый — с выпуклой шляпкой.
 Шерстобит — тот, кто бьет, треплет, пушит шерсть.
 Шерсти́и — шершни.
 Шесток — площадка перед устьем русской печи.
 Ширинка — полотенце; полотнище, кусок ткани во всю ширину.
 Шолом — крыша; навес, крыша на столбах.

Щербота — ущербность.

Ялая, яловая — бесплодная (о скоте).
 Яровчаты — из явора, постоянный эпитет для гуслей.
 Яр, ярица — яровой хлеб.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842.
- Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника. // Собр. соч. в 4-х т. М., 1956. Т. 4.
- Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.
- Аристов Н. Я. Предания о кладах. // Записки Русского географического общества (РГО) по отдел. этнографии. СПб., 1867. Т. 1. С. 707—739.
- Архангельский А. Село Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда. // Этнографический Сборник, издаваемый РГО. СПб., 1854. Вып. 2.
- Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1859.
- Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Т. 1—3. М., 1957.
- Бахтин В. С. Песни Ленинградской области. Записи 1947—1977 гг. Л., 1978.
- Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. Л., 1988.
- Бобров А. С., Финченко А. Е. Рукописный Отпуск в пастушеской обрядности Русского Севера (конец XVIII—начало XX в.). // Русский Север. Л., 1986. С. 135—164.
- Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX—начало XX в.). Новосибирск, 1978.
- Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии. // Живая Старина, 1890. Вып. 1. С. 115—121.
- Бурцев А. Е. Народный календарь примет, обычаев и поверий на святой Руси. СПб., 1911.
- Былины Севера. В двух томах. Подготовка текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье.
- Виноградов Н. Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр. СПб., 1908.
- Виноградов Г. С. Материалы для народного календаря русского старожиланого населения Сибири. Иркутск, 1918.
- Герасимов М. К. Некоторые обычаи, обряды, приметы и поговорки крестьян Череповецкого уезда Новгородской губернии. // Этнографическое Обозрение, 1894, кн. XX, № 1.
- Городцов П. А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда. // Ежегодник Тобольского губ. музея. 1915, Вып. 26.
- Гринкова Н. П. Обряд «вождения русалки» в селе Б. Веретейка Воронежской области. // Советская этнография, 1947, № 1.
- Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- Гуляева Л. П. Пастушеская обрядность на р. Паше. // Русский Север. Л., 1986. С. 172—180.
- Даль Вл. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.; М., 1880.
- Даль Вл. Пословицы русского народа.
- Демич В. Ф. О змее в русской народной медицине. (Культурно-этнографический очерк). // Живая Старина, 1912. Вып. 1. С. 39—60.
- Дилакторский П. А. Праздник Покрова у крестьян Двиницкой волости. // Этнографическое Обозрение, 1903, № 4.
- Добровольский В. Н. Данные для народного календаря Смоленской губернии в связи с народными верованиями. // Живая Старина, 1898. Вып. 3—4. С. 357—380.
- Добровольский В. Н. «Егорьев день» в Смоленской губернии. // Живая Старина, 1908. Вып. 2. С. 150—154.
- Добровольский В. Н. Некоторые поверья, песни и обряды Орловской и Калужской губерний. // Живая Старина, 1902. Вып. 2.
- Доброзраков М. Село Ульяновка Нижегородской губ. Лукояновского уезда. // Этнографический Сборник, СПб., 1853. Вып. 1.

- Ермолов А. С. Всенародный месяцеслов. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1901. Т. I
- Завойко Г. К. В костромских лесах по Ветлуге-реке. // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1917. Вып. 7.
- Загадки. Издание подготовила В. В. Митрофанова. Л., 1968.
- Зеленин Д. К. Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии. // Живая Старина, 1905. Вып. 1—2. С. 1—56.
- Зеленин Д. К. Русские народные обряды со старой обувью. // Живая старина, 1913. Вып. 1—2. С. 1—16.
- Зернова А. В. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском уезде. // Советская Этнография, 1932, № 3.
- Зобнин Ф. Из года в год. (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа). // Живая Старина, 1894. Вып. 1. С. 37—64.
- Иваненко Н. П. Сватанье. Деревня Веретькина Орловской губ. // Живая Старина, 1905. Вып. 1—2. С. 107—140.
- Иваненко Н. П. Этнографические материалы из Орловской губернии. // Живая Старина, 1910. Вып. 4. С. 325—338.
- Иванецкий Н. Д. Материалы по этнографии Вологодской губернии. // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2. М., 1890.
- Игры народов СССР. М.; Л., 1933.
- Илюстров И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. СПб., 1910.
- Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников. Новосибирск, 1981.
- Калинин И. М. Обязательства по обычаям крестьян Онежского уезда Архангельской губ. // Живая Старина, 1913. Вып. 3—4. С. 227—304.
- Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. // Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1877. Т. 7. С. 265—480.
- Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. // Этнографическое Обозрение, 1912, № 1—2.
- Колпакова Н. П. А мы просо сеяли...: Очерки об устной поэзии крестьян-земледельцев. Л., 1984.
- Копаневич И. К. Рождественские святки и сопровождающие их народные игры и развлечения в Псковской губернии. Псков, 1896.
- Коринфский А. А. Народная Русь. М., 1901.
- Кудрявцев В. Ф. Детские игры и песенки Нижегородской губернии. // Нижегородский сборник. Нижний Новгород, 1871. Т. 4.
- Махаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. // Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1913. Т. 36.
- Машина Т. С. Ильин день и Илья-пророк в народных представлениях и фольклоре восточных славян. // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 83—101.
- Машина Т. С. Фольклор и обряды русского населения Латвии. М., 1979.
- Максимов С. В. Крестная сила. // Собр. соч. В 20-ти томах. СПб., 1912. Т. 17. С. 3—238.
- Максимов С. В. Крылатые слова. // Собр. соч. В 20-ти томах. СПб., 1909. Т. 15.
- Максимов С. В. Нечистая сила. Неведомая сила. // Собр. соч. В 20-ти томах. СПб., 1912. Т. 18.
- Мансикка В. Заговоры Шенкурского уезда. // Живая Старина, 1912. Вып. 1. С. 125—136.

- Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984.
- Машкин А. С. Быт крестьян Курской губ. Обоянского уезда. // Этнографический Сборник. СПб., 1862. Вып. 5.
- Минх А. Н. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. СПб., 1890.
- Миропов В. 12 месяцев года. // Уральский следопыт. 1987, №№ 1—12.
- Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Сост. В. П. Зинovieв. Новосибирск, 1987.
- Народное творчество Северной Двины. Архангельск, 1966.
- Народные песни Брянщины. Сост. Т. П. Лукьянова. Брянск, 1972.
- Науменко Г. М. Жаворонушки. Русские песни, прибаутки, скороговорки, считалки, сказки, игры. М., 1986. Вып. 4.
- Науменко Г. М. Радуга-дуга. М., 1976.
- Науменко Г. М. Солнышко, покажись! Красное, снарядишь! М., 1977.
- Новгородские губернские ведомости. 1853, № 7; 1859, № 9, 45; 1854, № 7, 36; 1855, № 14; 1858, № 5; 1860, № 3, 8, 33, 39.
- Обрядовая поэзия Пинежья. Под ред. Н. И. Савушкиной. М., 1980.
- Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1—3. М.; Л., 1949. Т. 1.
- Памятники русской народной речи и словесности. // Записки РГО. 1867, № 1. С. 653—670.
- Перетц В. Н. Деревня Будагоща и ее предания. // Живая Старина, 1894. Вып. 1. Отд. 1. С. 2—18.
- Песни и романсы русских поэтов. Вступ. статья, подготовка текста и примечания В. Е. Гусева. М.; Л., 1963.
- Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Вступ. статья, редакция и примечания А. Н. Лозановой. Л.; М., 1935.
- Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937.
- Песни и сказки Пушкинских мест: Фольклор Горьковской области. Л., 1979.
- Песни и сказки Ярославской области. Ярославль, 1958.
- Песни Печоры. М.; Л., 1963.
- Песни, собранные писателями: Материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968.
- Познанский Н. Ф. Заговоры. Пг., 1917.
- Полочанин Нестор. Времена года в народных пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1911.
- Померанцева Э. В. Русские рассказы о домовом. // Славянский фольклор. М., 1972. С. 242—257.
- Поморские сказки. Петрозаводск, 1987.
- Пословицы, поговорки, загадки. Сост. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М., 1986.
- Поэзия крестьянских праздников. Вступ. статья, составление, подгот. текстов и примечания И. И. Земцовского. Л., 1970.
- Причитания. Вступ. статья и примечания К. В. Чистова. Л., 1960.
- Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
- Резанова Е. И. Материалы по этнографии Курской губернии. // Труды Курской Ученой архивной комиссии. Курск, 1911. Вып. 1.
- Русская народная драма XVII—XX веков. Редакция, вступ. статья и комментарии П. Н. Беркова. М., 1953.
- Русская народная поэзия. Лирическая поэзия. Составление, подгот. текста и комментарии А. А. Горелова. Л., 1984.
- Русские народные песни. Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания А. Н. Розова. Л., 1988.
- Русские народные сказки. Составление, вступ. статья и комментарии О. Б. Алексеевой. М., 1988. Т. 1, 2.

- Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М., 1961.
- Самаренко В. П., Этингер М. А. Русские народные песни Астраханской области. М., 1978.
- Сахаров И. П. Сказания русского народа. Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885.
- Северные предания. (Беломорско-Обонежский регион). Издание подготовила Н. А. Криничная. Л., 1978.
- Селиванов В. В. Год русского земледельца. Владимир, 1902.
- Симина Г. Я. Народные приметы и поверья Линежья. // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 21. С. 99—114.
- Сказки Терского берега Белого моря. Издание подготовил Д. М. Балашов. Л., 1970.
- Скороговорки. Пермь, 1973.
- Смирнов В. Народные гадания в Костромском крае. // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1927. Вып. 41.
- Смирнов М. И. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде (Владимирской губернии) по этнографическим наблюдениям. // Труды Переславль-Залесского историко-художественного музея. Переславль-Залесский, 1927. Вып. 1.
- Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837—1839. Вып. 1—4.
- Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
- Соколова В. К. Заклинания и приговоры в календарных обрядах. // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 11—25.
- Степанов Н. П. Народные праздники на святой Руси. СПб., 1899.
- Стрижев А. Календарь русской природы. М., 1973.
- Сумцов Н. Ф. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885.
- Тамбовские губернские Ведомости. 1860, № 25; 1864, № 15, 16, 17; 1886, № 2, 127; 1883, № 23, 25, 26, 28, 37, 40, 54, 55, 67, 102; 1882, № 1, 14, 29, 38; 1889, № 81, 86, 134; 1892, № 40, 47, 51, 129.
- Терещенко А. Быт русского народа. М., 1848.
- Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Сост. Г. Г. Шаповаловой и Л. С. Лаврентьевой. Л., 1985.
- Традиционный фольклор Владимирской деревни. Под ред. Э. В. Померанцевой. М., 1972.
- Традиционный фольклор Новгородской области. Песни, причитания. Л., 1979.
- Частушки. Составление, подготовка текста, предисловие и комментарии Л. А. Астафьевой. М., 1987.
- Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.
- Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. Очерки по истории народных верований. М., 1957.
- Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1, 2.
- Шереметева М. Е. Земледельческий обряд «заклинания весны» в Калужском крае. // Сборник Калужского гос. музея. Калуга. Вып. 1. 1930. С. 33—60.
- Щеглов С. Город Петровск. Отрывки из воспоминаний. // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1909. Вып. 25.
- Яковлев Г. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах Острожского уезда (Воронесской губ.). // Живая Старина, 1905. Вып. 1—2. С. 141—180; 1906. Вып. 3. С. 131—142. Вып. 4. С. 165—184.

А. Ф. Некрылова. Русский земледельческий календарь 5

КРУТЫЙ ГОД.

ЗИМА.

Декабрь

22

Январь

52

Февраль

91

ВЕСНА.

Март

118

Апрель

141

Мая

162

ЛЕТО.

Июнь

211

Июль

236

Август

284

ОСЕНЬ.

Сентябрь 325

Октябрь 356

Ноябрь 385

Приложение 412

Словарь устаревших и диалектных слов 485

Использованная литература 490

К 84 Круглый год. Русский земледельческий календарь/Сост., вступ. ст. и прим. А. Ф. Некрыловой; Ил. Е. М. Белоусовой.— М.: Правда, 1989.— 496 с., ил.

Русский земледельческий календарь представляет собой очень интересный, полезный, опытом выстраданный и окрашенный поэзией свод наблюдений, связанных с разными днями года. В наш сборник вошли народные приметы, пословицы, поговорки, описания сельскохозяйственных работ, игр, гаданий, обрядовых действий, связанных со всеми временами года.

**К 4702000000—1855
080(02)—89**

1855—89

84Р1

Литературно-художественное издание

КРУГЛЫЙ ГОД

Русский земледельческий календарь

Составитель Некрылова Анна Федоровна

Редактор Е. М. Кострова

Художественный редактор Н. Н. Каминская

Технический редактор В. С. Пашкова

ИБ 1855

Сдано в набор 28.12.88. Подписано к печати 26.06.89.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,44 Уч.-изд. л. 24,61.

Тираж 500 000 экз. (3-й завод: 350001—500000).

Заказ № 153. Цена 2 р. 20 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии изд-ва «Волгоградская правда»
Волгоградского обкома КПСС
400066, Волгоград. Привокзальная площадь. Дом печати.

2 р. 20 к.

